

Энциклопедия тайн и сенсаций

Энциклопедия
тайн и сенсаций

ЗАГОВОРЫ И
ПОКУШЕНИЯ

ЗАГОВОРЫ И ПОКУШЕНИЯ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ТАЙН И СЕНСАЦИЙ

**ЗАГОВОРЫ
И
ПОКУШЕНИЯ**

Подготовка текста:

Глобус Н. В.

© ЛИТЕРАТУРА
МИНСК, 1996

ББК 67.91
3-14
УДК 343.3

Серия основана в 1996 году

Подготовка текста *Н. В. Глобус*

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части, а также реализация тиража запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

3-14 **Заговоры и покушения / Подгот. текста Н. В. Глобус.— Мн.: Литература, 1996.— 640 с.— (Энциклопедия тайн и сенсаций).**

ISBN 985-437-101-8.

Новый том серии «Энциклопедия тайн и сенсаций» посвящен заговорам, покушениям и политическим убийствам. В книге собраны факты от древнейших времен до наших дней о самых загадочных и тайных покушениях, переворотах и заговорах, а также о том, куда тянутся их нити и кто их плетет.

3 3430300000

ББК 67.91

ISBN 985-437-101-8

© Литература, 1996

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1. БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ:	
ЗАГОВОРЫ И ПЕРЕВОРОТЫ	8
ПРЕДИСЛОВИЕ	8
ТЕМНЫЕ ДЕЛА ПТОЛЕМЕЯ	15
КЛЕОПАТРА В ИЗГНАНИИ	19
МАРТОВСКИЕ ИДЫ	22
ИРОД И КЛЕОПАТРА	25
ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ	29
РАСКОЛ В СРЕДЕ МАКЕДОНСКИХ ГЕНЕРАЛОВ	33
ЗАГОВОР ЦАРСКИХ ЮНОШЕЙ	41
БОРЬБА ЗА ПАПСКИЙ ПРЕСТОЛ	46
АВИНЬОНСКОЕ ПЛЕНЕНИЕ	50
ФЛОРЕНТИЙЦЫ НЕ МОГЛИ ПЕРЕНЕСТИ, ЧТОБЫ ИМ ЗАТЫКАЛИ РТЫ.	54
ОБЩЕЕ ЖЕЛАНИЕ: УСТАНОВИТЬ НОВЫЙ ПОРЯДОК	65
ИНТРИГА ПРОТИВ ДОМА МЕДИЧИ	79
ЭПОХА, ПОСЛУЖИВШАЯ ПРИМЕРОМ ГРЯДУЩИМ ВРЕМЕНАМ	92
ОДИНОЧЕСТВО МАРИИ АНТУАНЕТТЫ.	105
КТО УБИЛ ГЕРЦОГА ЭНГИЕНСКОГО?	113
«БЕЗ ВНЕШНЕГО БЛЕСКА, НО ПРИЛИЧНО»	127
«ВАШ ОТЕЦ НЕ ХОЧЕТ БЫТЬ БОЛЬШЕ ВЕРХОВНЫМ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ»	133
МЕХАНИЗМ ПОТЕРИ ВЛАСТИ	148
«ЖИЗНЬ НЕИСТОЩИМА НА ЗЛЫЕ ВЫДУМКИ»	153
ШАХТИНСКОЕ ДЕЛО	162
ШАГРЕНЕВЫЕ ПЕРЕПЛЕТЫ	163

ПРОТЕСТ ПО ДЕЛУ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА	171
ДЕЛО ВОЕННЫХ	173
ИСПАНСКАЯ ФАЛАНГА	179
МЯТЕЖ В МАДРИДЕ	182
«НАЦИОНАЛЬНЫМ ШЕФОМ» ФРАНКО	
НАЗНАЧИЛ СЕБЯ	184
ВЕРНЫЙ В. М.	191
«НАДУЛ ГИТЛЕРА!»	199
ДВОЙНАЯ ИГРА	203
ТАЙНА ОПЕРАЦИИ «СНЕГ»	214
МИССИЯ ГЕССА	228
«ЭВРИКА» В «КАИРЕ-ТРИ»	239
КОМИТЕТ «СОВИНФОРМБЮРО»	258
ГОЛУБОЙ ФЛАГ ДАГА ХАММАРШЕЛЬДА	261
ЗАГОВОРЩИКИ, СВЕРГШИЕ НКРУМУ	
В ГАНЕ	268
ФРЭНК КАРЛУЧЧИ	273
СТАРЧЕСКАЯ АЛЧНОСТЬ ИМПЕРАТОРА	278
ПОЛИЦЕЙСКИЙ БЛИЦКРИГ	
В АЗЕРБАЙДЖАНЕ	290
НОЧЬ НАД ЧИЛИ	301
МИСАК ДОКАЗАЛ АМИНУ	
СВОЮ ПРЕДАННОСТЬ	306
ИЗ «УГЛА» В КАМЕРУ	309
КАК ВЛИПЛИ В ИСТОРИЮ	314
УЛЬТИМАТУМ	321
МОСКВА, 19 АВГУСТА 1991 ГОДА	326
ПОСЛЕ ТРАГЕДИИ У ТЕЛЕБАШНИ	333
ШТАБ ОБОРОНЫ «БЕЛОГО ДОМА» —	
ОСЕНЬ 1993	340
РЕЗКИЙ ФУХИМОРИ	344
БЕСПОРЯДКИ В АРМЕНИИ	347

ЧАСТЬ 2. ПОКУШЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ

УБИЙСТВА	351
ПРЕДИСЛОВИЕ	351
«ТОТ, КТО ВХОДИТ В ДОМ ТИРАНА, СТАНОВИТСЯ РАБОМ»	357
УБЕЙ ТОГО, КТО СОВЕРШИЛ ВЕЛИЧАЙШЕЕ! . .	361
РАЗВЕ МОЖНО УБИТЬ ДЕТЕЙ?	371
«Я БЫЛ ЗАХВАЧЕН ВИХРЕМ ВЗРЫВА»	378
ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ 1911 ГОДА (ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОЧЕВИДЦА УБИЙСТВА П. А. СТОЛЫПИНА) . .	385
ПОД ВОДОЙ РАСПУТИН НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ ПРОДОЛЖАЛ ЖИТЬ	396
55 ЧЕЛОВЕКА РАНЕНЫ И 12 УБИТЫ	415
РЫЦАРИ ЧЕРНОГО ЗНАМЕНИ	418
СОБОЛЕВ НАМЕРЕВАЛСЯ ВЗОРВАТЬ КРЕМЛЬ ДИНАМИТОМ	429
ПОСЛЕ ВЫСТРЕЛА	432
ПАРТИЙНОЕ ПОРУЧЕНИЕ: ЗАРЕЗАТЬ НАРКОМА	441
ПАЦИЕНТ В ЖЕЛЕЗНОЙ МАСКЕ	451
ОФИЦИАЛЬНОЙ ПРИЧИНОЙ СМЕРТИ ОБЪЯВИЛИ ПАРАЛИЧ СЕРДЦА	457
ТЕЛО РЕЙССА НАШЛИ В КЮВЕТЕ	463
ПУЛЯ ПРОБИЛА МАТРАЦ И РАНИЛА ВНУКА . .	470
ЗЕНИТНАЯ БАТАРЕЯ ОБСТРЕЛЯЛА САМОЛЕТ РИББЕНТРОПА	474
ОРУДИЕМ УБИЙСТВА ТРОЦКОГО БЫЛ «ПИОЛЕТ»	476
КОНЕЦ ГЕЙДРИХА	484
МАСТИЧНАЯ ВЗРЫВЧАТКА ДЛЯ ГИТЛЕРА	492
УБИТЬ ЧЕРЧИЛЛЯ!	495
ФЮРЕР ОКАЗАЛСЯ В МЕРТВОМ ПРОСТРАНСТВЕ	500

«ЗНАЕМ МЫ И ТАКИЕ УБИЙСТВА —	
СНАЧАЛА ПУЛЯ, А ПОТОМ ПОД КОЛЕСА» . . .	510
ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ ГЕНЕРАЛЬНОГО	
СЕКРЕТАРЯ ООН	518
ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКИ.	527
В КЕННЕДИ ЦЕЛИЛИСЬ ИЗ МИНСКА?	533
ГАВАНА УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО В КЕННЕДИ	
СТРЕЛЯЛИ КУБИНЦЫ	552
ЛЮБОВЬ К ФИДЕЛЮ КАСТРО ПОМЕШАЛА	
МАРИТЕ ЛОРЕНЦ УБИТЬ ЕГО	555
ПОДРЫВНОЕ УСТРОЙСТВО, СПРЯТАННОЕ	
В КНИГЕ.	562
ИЗ ПУЛЕМЕТА ПО ВЕРТОЛЕТУ	566
«...МЕНЯ ХОТЕЛИ УБИТЬ»	568
МЕНЕ, ТАКЕЛ, ФАРЕС...	571
ВЫСТРЕЛЫ НА ПЛОЩАДИ СВЯТОГО ПЕТРА . . .	575
ДВАДЦАТЬ ТРИ ДНЯ ПРЕЗИДЕНТ ЖМАЙЕЛЯ . .	578
ДЕСАНТНИК, ТАНКИСТ, МИНИСТР	587
«ЧТО ДАЕШЬ ЛЮДЯМ, ТЕМ ОНИ ТЕБЕ	
И ОТВЕЧАЮТ»	590
ВЗРЫВ В ТЕГЕРАНЕ.	593
ТУРЕЦКИЕ ЛЕВАКИ ПРИСТУПИЛИ	
К ОТСТРЕЛУ КРУПНЫХ	
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ	596
РУКИ ЧЕ ГЕВАРЫ — КОНТРАБАНДНЫЙ ГРУЗ	
ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ	599
«ВИНА» ПИСАТЕЛЯ.	602
ПАБЛО ЭСКОБАР БЫЛ УБИТ В ДЕНЬ	
СВОЕГО РОЖДЕНИЯ.	604
САМОЛЕТЫ ВЗРЫВАЛИ ПО ПРИКАЗУ	
ИЗ ТРИПОЛИ	607
СЛЕДСТВИЕ ПО ДЕЛУ ПРИОСТАНОВЛЕНО.	610
СМЕРТЬ СЛЕДСТВЕННОГО СУДЬИ	617

БОМБА, УПАВШАЯ С НЕБА БЛИЗ СИНАГОГИ . . 626
ПОЛЬЗОВАЛСЯ ЛИ ЖАК ШИРАК ЩЕДРОТАМИ
УБИТОГО «ИМПЕРАТОРА ИГОРНЫХ ДЕЛ»? . . 631
КУРС НА УГОЛОВНО-БЫТОВОЙ ХАРАКТЕР
ПРЕСТУПЛЕНИЯ 633

ЧАСТЬ 1.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ: ЗАГОВОРЫ И ПЕРЕВОРОТЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Заговор — тайное планирование соответствующих действий, направленных на достижение целей, осуществление которых законным путем невозможно.

Заговоры — теневая сторона политики.

Заговорщикам редко доводится пожинать плоды своих заговоров. Почему? По разным причинам. А самая главная причина заключается в том, что заговорщики не могут предусмотреть все последствия своих собственных действий. Говорят: это рок.

Никколо Маккиавелли (1469 — 1527) в трактате «Государь» советовал политикам «уподобиться» животным — Льву и Лисе.

«Надо знать, что с врагами можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй — зверю; но так как первое часто недостаточно, то приходится прибегать ко второму.

Отсюда следует, что Государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя.

Не это ли иносказательно внушают нам античные авторы, повествуя о том, как Ахилла и прочих героев древности отдавали на воспитание кентавру, дабы они приобщились к его мудрости? Какой иной

смысл имеет выбор в наставники получеловека-полузверя, как не тот, что Государь должен совмещать в себе эти природы, ибо одна без другой не имеет достаточной силы.

Итак, из всех зверей Государь пусть уподобиться двум: Льву и Лисе. Лев боится капканов, а Лиса — Волков. Следовательно, надо быть подобным Лисе, чтобы уметь обойти капканы, и Льву, чтобы отпугнуть Волков. Тот, кто всегда подобен Льву, может не заметить капкана. Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание».

Маккиавелли очень рано познакомился с теневой стороной политики: девяти лет он видел повешенных по указке Медичи в окне Палаццо Веккьо заговорщиков Пацци, среди которых был даже епископ; двадцати трех лет наблюдал изгнание Медичи из Флоренции; двадцати девяти казнь Савонаролы. Трижды он был свидетелем того, как Флоренция находилась на краю гибели.

В 1502 году Маккиавелли встречается с тем, кто послужил ему прообразом «Государя», Цезаря Борджиа, — герцогом Валентино, который произвел на него сильное впечатление как человек очень жестокий и хитрый, не считающийся с нормами морали, решительный и проницательный правитель.

Борьбу за власть в Кремле можно воспринимать и описывать по-разному.

Роман Гуль, главный редактор «Нового журнала» (с 1966 до кончины писателя в 1986 году), описывал кремлевские интриги образно, так, что пе-

ред глазами читателя появлялась яркая картина.

«Над Москвой — светло-голубые облака. Горят купола полузаброшенных церквей. Вздываются остовы недостроенных конструктивных домов. На древней Красной площади, где двести лет назад Петр Великий собственноручно порубил головы мятежникам стрельцам, наркомвоен Клим Ворошилов принимает парад красных войск.

На замкнутой караулами громадной площади в каре сведена молодцеватая пехота в стрелецких шишаках. Волнуется кавалерия. Приготовились оркестры. Но вот подана команда. Замерли войска. И глаза площади, не отрываясь, глядят на ворота Кремля.

Из этих ворот выезжала колымага Ивана Грозного, выезжал верховой, с боярами, Борис Годунов, выезжала карета разорванного каляевской бомбой Великого Князя Сергея. Древние ворота Кремля растворяются медленно, совершенно один выезжает наркомвоен Ворошилов.

И вдруг, как бешеные, со всех сторон загрели серебряные фанфары. С фанфарами, тушами оркестров смешались крики.

Кряжистый, со скуластым лицом, крепко сидит на играющем коне бывший слесарь Клим Ворошилов. Под музыку навстречу ему едут Красные командиры с рапортом. Красная Армия бурно приветствует своего вождя.

А девять лет назад на эту же площадь выезжал Троцкий. Выезжал на автомобиле.

Троцкисты любят анекдот: «Когда из кремлевских ворот показывался Троцкий, все говорили: «Глядите, глядите, Троцкий, Троцкий!» Теперь, ког-

да из ворот выезжает Ворошилов, все говорят: «Глядите, глядите, какая лошадь, нет, какая лошадь!»

Но Троцкий в Турции, и Ворошилова едва ли выбьешь из седла анекдотом.

После Троцкого выезжал и другой маршал революции, наркомвоен Михаил Фрунзе. Но в 1925 году под ножом кремлевского хирурга он умер от наркоза. На хирургический стол недомогающего Фрунзе уговорило лечь Политбюро. И после этой кремлевской операции поползли жуткие слухи, напоминающие времена Борджиа. Говорили, что Фрунзе замыслил переворот, что больное сердце не могло выдержать наркоза. И, как бы в подтверждение слухов, жена Фрунзе покончила самоубийством».

Марксисты заблуждались. Личности с их индивидуальными качествами имеют значение в истории.

Личности формируют историю. Не подлежит сомнению, что они сформировали и советскую историю.

Система обладает собственной мощной инерцией, собственными закономерностями и динамикой. Лидеры приходят и уходят, но Леонид Брежнев — не Никита Хрущев, а Хрущев — не Иосиф Сталин. Немыслимо даже представить, чтобы Брежнев был в состоянии провести безжалостные чистки 30-х годов, даже если бы обладал для этого необходимой властью и возможностями.

Представим другую ситуацию: допустим, Хрущеву удалось бы предотвратить октябрьский переворот 1964 года и сохранить свою власть до конца своих дней. Как бы он реагировал на войну во Вьетна-

ме, чехословацкий кризис и «остполитик» («восточную политику» Западной Германии)? Так же, как Брежнев? Пошел бы Хрущев на вторжение в Чехословакию накануне встречи с Линдоном Джонсоном? Или, предположим, что Брежнев не оправился бы после болезни в 1975 году... Одолеет ли Андрей Кириленко своих соперников?

При советской системе абсолютная власть Генсека была обеспечена сталинской политикой «партийных чисток» и непрерывных репрессий. Партийные функционеры разного уровня смотрели на Генсека бездумно, как смотрят крысы на вожака стаи, — готовые в любой момент принять позу «подчинения». Именно беспрекословное подчинение позволило Горбачеву осуществить перестройку — партийные соратники «припали к земле» и подхватили «новые идеи», не успев подумать о том, что готовят собственную гибель. Они были послушны, а научил их послушанию Сталин.

Потом номенклатура сообразила, чем пахнет перестройка, но было поздно — «процесс пошел».

Оказавшись единоличным хозяином Советской империи, Горбачев проявил себя в этой должности достаточно активно. Он достиг вершины. А что дальше? Есть партия, есть партийный аппарат, подчиненный воле Генсека, есть Советская империя... Что к этому всему можно добавить? Ничего! Все это можно просто уничтожить и войти в историю в качестве последнего Генсека, похоронившего партию.

А теперь о концепции итальянского социолога Вильфредо Парето (1848—1923), который создал «Трактат всеобщей социологии». Парето научно обосновал деление общества на правящее меньшин-

ство (политическую элиту) и управляемое большинство (не элиту).

Парето доказывал, что движущей силой всех человеческих обществ является круговорот, циркуляция элит — их зарождение, расцвет, деградация и смена на новую элиту. Циркуляция элит лежит в основе всех великих исторических событий.

Согласно этой концепции, индивиды, от рождения предрасположенные к манипулированию массами при помощи хитрости и обмана (Лисы) или применения насилия (Львы), создают два различных типа правления. Львы — это убежденные, преданные идее лидеры. Придя к власти, Львы утомляются, стареют, силы покидают их в борьбе с молодыми, полными амбициями Лисами. Лисы — коварные, беспринципные, циничные.

Эти типы правления приходят на смену друг другу в результате деградации элиты, приводящей ее к упадку.

Принадлежность к элите необязательно наследственная: дети чаще всего не обладают всеми выдающимися качествами своих родителей.

Главное заключается в том, что в среде элиты не может быть длительного соответствия между дарованиями индивидов и занимаемыми ими социальными позициями.

Законы наследственности гласят: нельзя рассчитывать, что дети тех, кто умел повелевать, наделены теми же способностями. «Если бы элиты среди людей напоминали отборные породы животных, в течение долгого времени воспроизводящих примерно одинаковые признаки, история рода человеческого полностью отличалась бы от той, какую мы зна-

ем». Поэтому постоянно происходит замещение старых элит новыми. Парето пишет: «Феномен новых элит, которые в силу непрерывной циркуляции поднимаются из низших слоев общества в высшие слои, всесторонне раскрываются, затем приходят в упадок, исчезают, рассеиваются».

По мнению Парето, в любом обществе идет бесконечный круговорот политических элит. Представим себе, что одна элита (Лисы) хитростью заставила признать себя и вобрала в себя наиболее хитрые элементы населения. Тем самым она оставила вне себя людей, наиболее способных к применению насильственных методов. При таком отборе со временем оказываются, с одной стороны, отборные хитрецы (Лисы), а с другой — люди, наделенные силой (Львы). Как только Львы находят вождя, знающего, как применить силу, они вступают в борьбу, одерживают победу над Лисами и оказываются у власти.

Элиты приходят на смену друг другу... История становится их кладбищем. Массовые убийства и грабежи, по Парето, — внешний признак, который обнаруживает, что происходит смена Лис сильными и энергичными Львами.

Парето подчеркивает, что в политике следует «извлекать выгоду из чувств людей, а не растрачивать энергию в тщетных попытках уничтожить их».

Заговоры часто имеют место, но редко удаются. Переворот — удавшийся заговор.

Куда тянутся нити заговоров? Кто плетет их?

ТЕМНЫЕ ДЕЛА ПТОЛЕМЕЯ

Когда Птолемей уезжал из Александрии, старшей из его детей, царевне Беренике, было около двадцати лет, а Клеопатре — всего одиннадцать (она родилась в 69 году). Третья дочь, Арсиноя, была еще моложе. Старший из сыновей Птолемея — оба сына носили его имя — родился в 61 году, а младший, вероятно, в 58.

Внезапное бегство царя вызвало у населения столицы крайнее беспокойство. Некоторое время никто не знал, каковы судьба и дальнейшие намерения монарха. Тревожная обстановка в стране вызвала волнения в некоторых областях. Около города Гераклеополя крестьяне, измученные произволом чиновников, а возможно, и грабежами разбойников, грозили бросить работу и уйти со своих мест.

Когда, наконец, выяснилось, что царь находится в Италии, его намерения стали понятны: Авлет хочет вернуться при помощи римлян, чтобы и дальше властвовать, не считаясь со своими подданными. Его противники в Александрии решили помешать этим планам. Они свергли Птолемея с престола и провозгласили царицей Беренику. Теперь нужно было сорвать мероприятия царя в Риме и открыть глаза римлянам на положение в Египте. В Риме должны были понять, что царь ненавистен своим подданным, потому что он обирает их и притесняет, и что Египет сохранит лояльность по отношению к республике, если Рим не будет вмешиваться в его внутренние дела.

Катон предостерегал Птолемея, что он поступает

легкомысленно, надеясь на помощь римлян, ибо никаких сокровищ не хватит, чтобы удовлетворить их алчность. Но что бы он сказал сейчас о наивности александрийцев! Из Александрии в Рим было направлено посольство, насчитывавшее более ста человек, представителей различных социальных групп и политических партий. Депутацией руководил философ Дион. Александрийцы, по-видимому, рассчитывали, что их послы благодаря своему красноречию, достоинству и деловитости аргументацией убедят римский сенат и народ в своей правоте. Это свидетельствовало о недопустимой неопытности и полном непонимании обстановки в Риме. Урок, полученный послами, был жестоким.

Корабль из Александрии бросил якорь в порту ПUTEОЛЫ в Неаполитанском заливе. Это были главные ворота, связывавшие Рим со странами Востока. Едва ступив на берег, послы попали в руки наемных убийц, оплаченных царем и его кредиторами. Последние помогали Птолемею не за страх, а за совесть. Ведь если бы царь лишился трона, им пришлось бы попроситься со своими деньгами! Множество александрийцев было убито в порту, по пути в Рим и в самом городе. Часть послов, испугавшись, вернулась на родину, а некоторых царю удалось подкупить. Труднее всего было справиться с Дионом, который отличался мужеством и смекалкой. Философ поселился у двух братьев, которые прежде, в Александрии, были его учениками, и какое-то время ловко избегал всевозможных ловушек.

Вся эта история получила широкую огласку, хотя перепуганные послы не только не приступили к осуществлению своей политической миссии, но да-

же не осмелились потребовать у властей проведения расследования по делу об убийствах. Однако один из народных трибунов решил воспользоваться этим преступлением как поводом для разоблачения бездарности и продажности сенаторов. В качестве свидетеля был вызван Дион. Но философу не удалось даже проникнуть в дом, где проходили заседания. Вскоре и он был убит.

В 56 году состоялись два судебных процесса по делу об убийстве Диона, на которых в качестве защитника выступал Цицерон. Оба процесса закончились оправданием подсудимых. Особенно интересным был второй процесс, имевший широкую политическую и нравственную подоплеку. Перед судом предстал Целий, бывший любовник Клодии, сестры знаменитого народного трибуна Клодия, который в 58 году добился изгнания Цицерона, а позднее враждовал с Помпеем. Клодия славилась красотой и распущенностью. Долгие годы в нее был страстно влюблен поэт Катулл. Этой женщине, считавшейся чуть ли не проституткой, он посвятил самые прекрасные любовные стихи, какие когда-либо были написаны на латинском языке. Когда Целий покинул ее, Клодия поклялась отомстить. Подкупленные ею люди выдвинули против него обвинение следующего содержания: Целий якобы взял взаймы у Клодии большую сумму денег и подкупил раба в доме, где жил Дион. Этот раб убил философа. По их словам, Целий собирался позднее отравить и Клодию.

Цицерон без труда доказал, что это обвинение вымышлено и не имеет под собой никаких оснований. Он во всеуслышание заявил перед судебным трибуналом:

— Человек, который действительно виновен в смерти Диона, не только не боится последствий своего преступления, но даже признается в нем — потому что это царь!

Но и царю пришлось посчитаться с общественным мнением. Именно поэтому во время судебных процессов его не было в Риме. В конце 57 года Авлет уехал в Малую Азию и обосновался в знаменитом храме Артемиды в Эфесе. Этот храм с незапамятных времен пользовался правом убежища. Правитель, который так щедро наделял этим правом святилища в своей стране, сейчас должен был смиренно воспользоваться им на чужбине.

(Кравчук А. Закат Птолемея. — М., 1973)

КЛЕОПАТРА В ИЗГНАНИИ

В разгар лета 48 года египетский флот вернулся из Адриатического моря в Александрийский порт. Это произошло потому, что находившиеся под командованием Бибула корабли, как только пришло известие о поражении Помпея в сухопутной битве в Северной Греции, под Фарсалом, тут же рассеялись.

Египетский флот вернулся без потерь. Египтяне не совершили подвигов, но и не пострадали. А это было важнее всего. Когда корабли вошли в порт, их команды, не успев даже сойти на берег, услышали чрезвычайную новость: в Египте тоже вспыхнула гражданская война; ее начали царствующие супруги. Птолемей XIII прогнал свою сестру и жену. Клеопатра бежала в Палестину. Там она собрала войско, с которым в настоящее время направляется в Египет. Царь и его советники находятся на границе, около крепости Пелусий, преграждая путь Клеопатре.

Вряд ли такой поворот событий кому-нибудь в Александрии мог показаться неожиданным. Несмотря на практику внутрисемейных браков, династические распри, преступления и даже войны между членами семьи при Птолемах были обычным явлением.

Разница в возрасте между Клеопатрой и ее братом-супругом была довольно значительной. Она была уже взрослой женщиной, а он — тринадцатилетним юнцом. После смерти их отца опеку над ними взял на себя дворцовый триумвират: внуч Потин,

учитель риторики Теодот и предводитель войск Ахилла. Однако Клеопатра очень скоро пришла к выводу, что она уже достаточно взрослый человек, чтобы самостоятельно принимать решения. Это, разумеется, не понравилось трем сановникам, которые надеялись пробыть у власти долго, пока Птолемей не станет совершеннолетним.

Таким образом, конфликт между Клеопатрой и опекунами был неизбежен. Доискиваться, какая из сторон виновата больше, не имеет смысла. В ту пору существовало мнение, что гражданская война началась только по вине царицы, которая была слишком честолюбива и стремилась отстранить от власти или даже убить своего брата (об этом есть упоминания в античной литературе). Но как знать, не были ли эти слухи распущены враждебными Клеопатре группировками, стремившимися таким образом восстановить народ против царицы. Тридцать два года назад юный Птолемей XI убил свою жену царицу Беренику и заплатил за это жизнью. Сейчас, если верить молве, готовилось еще одно такое же преступление, жертвой которого должен был стать тринадцатилетний мальчик: старшая сестра замыслила его погубить. События последующих лет показали, что Клеопатра была способна без колебаний совершить такой поступок.

Даже современники, в том числе и жители Александрии, были не в состоянии разобраться в клубке дворцовых интриг. Поэтому подробности конфликта в царской семье никогда не будут выяснены до конца. Непонятно, например, почему Клеопатру изгнали, а не убили — как подсказывал трезвый расчет и как обычно поступали в аналогичных ситуациях

все Птолеми. А может быть, Клеопатра, увидев, что ее влияние падает и жизнь находится в опасности, предусмотрительно бежала?

Известие об изгнании сестры и супруги царя подданные приняли довольно равнодушно. Очевидно, Клеопатра не пользовалась особой популярностью в стране. Впрочем, события последних лет никак не могли способствовать росту симпатии к ней египтян. Несколько месяцев назад царица на глазах у всего двора старалась обольстить молодого Помпея. Ее враги наверняка обвиняли ее в том, что она, несмотря на тяжелое положение в стране, послала римлянам пятьдесят кораблей и хлеб, что она совершенно не заботится о благе своего народа, а думает только о благосклонности могущественного союзника, то есть продолжает пагубную политику своего отца.

Без сомнения, против Клеопатры была самая сильная часть египетского войска — Габиниевы солдаты. Ведь это она после убийства сыновей Бибула отослала убийц к наместнику Сирии, она отправила в армию Помпея пятьсот всадников, бывших легионеров Габиния. Поэтому Габиниевы солдаты неизменно сохраняли верность молодому царю и с ненавистью относились к Клеопатре.

(Кравчук А. Закат Птолемеев. — М., 1973)

МАРТОВСКИЕ ИДЫ

15 апреля 44 года Цицерон писал своему другу Аттику: «Бегство царицы не огорчает меня».

Клеопатра с сыном действительно бежала в Египет, потому что на берегах Тибра, где они прожили почти два года, для них больше не было места. Дальнейшее пребывание в Риме могло оказаться весьма опасным. Дело в том, что царица лишилась своего могущественного защитника. Человек, который должен был стать повелителем мира, супругом и соправителем Клеопатры, 15 марта 44 года упал мертвым в зале заседаний сената. Заговорщики нанесли ему двадцать три раны мечами и кинжалами.

Убийцами, среди которых было много друзей диктатора, руководили Марк Брут и Гай Кассий. Они убили Цезаря, чтобы спасти республику и восстановить прежние порядки. Среди причин, побудивших заговорщиков к незамедлительным действиям, не последнее место занимала и Клеопатра. Их тревожила любовь к ней диктатора, они опасались, что в недалеком будущем египетская царица делается повелительницей империи, столицей которой будет Александрия. Таким образом, Клеопатра была косвенной виновницей мартовских ид, нанесших удар по ее кровным интересам.

Для царицы Египта смерть Цезаря означала полное крушение всех ее планов, которые только казались фантастическими, а на самом деле были весьма близки к осуществлению. Теперь ей надо было спасать то, что осталось, а может быть, даже и

жизнь. Клеопатра знала, что в Риме у нее много врагов, особенно среди сенаторов. Скольких она оскорбила своим высокомерием! Цицерон был далеко не единственным. Да и в ее стране, особенно в Александрии, большая часть населения относилась к ней враждебно. А стоявшие в Египте римские легионеры? Будут ли они ее защитниками, как при Цезаре, или исполнителями приказа, который в любую минуту может прийти из Рима: убрать царицу и включить Египет в состав Римской державы в качестве новой провинции? Ненавидевшим Клеопатру римлянам нетрудно было бы провести такой закон, взяв за основание проекты, обсуждавшиеся еще при жизни ее отца.

И только одно успокаивало царицу: в самом Риме положение было чрезвычайно сложным. Заговорщикам казалось, что достаточно убить диктатора (они называли его тираном), чтобы восстановилось прежнее положение, которое они считали полной свободой. Однако после смерти Цезаря очень скоро стало ясно, что существуют группировки, преданные убитому диктатору, и что растерявшиеся сенаторы не представляют себе, как быть дальше. 20 марта, во время похорон Цезаря, произошли серьезные волнения. Его убийцы оказались в опасности и вынуждены были покинуть Италию.

Находившийся в это время за пределами Рима Цицерон узнал о «бегстве» Клеопатры лишь в середине апреля. Следовательно, царица уехала из Италии не сразу после мартовских ид. Несмотря на грозившую ей опасность, она задержалась в Риме еще на некоторое время, чтобы проследить за развитием событий. Однако ее ждал неприятный сюрприз. Во

время торжественных похорон Цезаря Антоний огласил на форуме завещание покойного.

Цезарь усыновлял внука своей сестры девятнадцатилетнего Гая Октавия и назначал его главным наследником, а своего родного сына, трехлетнего Птолемея, даже не упомянул!

С каждым днем становилось очевиднее, что в Риме вот-вот вспыхнет гражданская война из-за наследства Цезаря. Можно было уже определить главные силы, которые столкнутся в этой борьбе: прежде всего убийцы Цезаря и сторонники сената; во-вторых, политики, на словах преданные прежнему государственному строю, а на деле стремившиеся занять место диктатора; и, наконец, приемный сын Цезаря, девятнадцатилетний Гай Октавий, которого с этих пор стали называть Октавианом. Вначале юношу не принимали всерьез, он же отнесся к завещанию Цезаря без тени легкомыслия.

(Кравчук А. Закат Птолемея — М., 1973)

ИРОД И КЛЕОПАТРА

У современных исследователей нет единого мнения о том, когда именно Клеопатра посетила Иерусалим: летом ли 36 года, по пути с Евфрата, или через два года, в 34 году. Сохранился рассказ об этой встрече иудейского писателя Иосифа Флавия, жившего в I веке н. э. и писавшего по-гречески. В своих сочинениях Флавий использовал труды историков — современников описываемых событий. Возможно, в его распоряжении были даже дневники царя Ирода, принимавшего Клеопатру в Иерусалиме.

Несмотря на то что Иосиф Флавий относился к числу противников политической линии Ирода, когда речь шла о Клеопатре, он, как и все иудеи, полностью разделял позицию и чувства своего царя. Вот что говорит Флавий о царице Египта:

«В это время в Сирии опять возникли волнения, потому что Клеопатра не переставала возбуждать Антония против всех. Она уговаривала его отнимать у всех престолы и предоставлять их ей, а так как она имела огромное влияние на страстно влюбленного в нее Антония и при своей врожденной любостыжательности отличалась неразборчивостью в средствах, то решила отравить своего пятнадцатилетнего брата, к которому, как она знала, должен был перейти престол; при помощи Антония она также умертвила свою сестру Арсиною, несмотря на то, что та искала убежища в храме эфесской Артемиды. Где только Клеопатра могла рассчитывать на деньги, там она не стеснялась грабить храмы и гробницы; не было столь священного места, чтобы она не

лишила его украшений, не было алтаря, с которого она не сняла бы всего, лишь бы насытить свое незаконное корыстолюбие. Ничего не удовлетворяло этой падкой до роскоши и обуреваемой страстями женщины, если она не могла добиться чего-либо, к чему стремилась. Вследствие этого она постоянно побуждала Антония отнимать все у других и отдавать ей».

По словам историка, Антоний сделался игрушкой в руках этой требовательной и капризной женщины; словно околдованный любовью, он уступал ей во всем, чего бы она ни пожелала.

О визите в Иерусалим Флавий пишет следующее:

«...Проводив до Евфрата Антония, отправлявшегося в поход против Армении, Клеопатра вернулась назад и прибыла в Апамею и Дамаск. Затем она поехала также в Иудею, и здесь с нею встретился Ирод, который заарендовал у нее полученную ею в дар часть Аравии и окрестности Иерихона. Эта область дает наилучший бальзам, равно как имеет множество прекрасных финиковых пальм. При этих обстоятельствах, когда ей приходилось иметь довольно много дела с Иродом, Клеопатра, природою своею побуждаемая к чувственным удовольствиям, а может быть, и охваченная действительно чувством искренней любви к нему, пыталась интимнее сблизиться с царем; может быть, она тут преследовала цель, и это вероятнее, иметь новый повод овладеть им для исполнения своих коварных замыслов. Как бы то ни было, она делала вид, будто совершенно покоряется Ироду. Однако последний и раньше не был расположен к Клеопатре, зная, что

она всем в тягость; он стал ее еще более ненавидеть за то, что она дошла до такого бесстыдства, и вместе с тем решил предупредить ее коварные замыслы и отомстить ей. Поэтому он отверг ее предложения и стал совещаться со своими приближенными, не лучше ли будет убить ее, раз она теперь в его руках. Таким образом он полагал освободить из затруднения всех тех, кто уже испытал на себе гнет Клеопатры, равно как будущие ее жертвы. Этим самым он думал оказать услугу самому Антонию, так как Клеопатра изменит ему, если только он очутится в каком-нибудь затруднении и обратится к ее помощи. От исполнения этого замысла Ирода, однако, удержали друзья его, поставляя ему, во-первых, на вид, что ему, который имеет совершить более важные предприятия, вовсе не подобает подвергать себя такой явной опасности, а затем умоляя его не предпринимать ничего слишком поспешно, ибо Антоний не снесет этого спокойно, даже если ему кто-нибудь наглядно сумеет представить всю пользу такого поступка. Его страсть к Клеопатре лишь еще более возгорится от сознания, что его лишили ее насильственным или коварным образом. При этом Ирод не будет в состоянии привести какое-либо достаточное основание того, что он рискнул поднять руку на женщину, обладавшую величайшим значением для своей эпохи...»

Совершенно очевидно, что в приведенном рассказе Иосиф Флавий точно следует какому-то источнику, автор которого явно сочувствует Ироду. Возможно, это были дневники самого царя.

Ненависть Ирода к Клеопатре имела еще одну причину.

Царица участвовала в заговоре против него, который был составлен в иерусалимском дворце. Она действовала, разумеется, через посредников. Клеопатра тайно поддерживала мать жены Ирода Александру, люто ненавидевшую своего зятя. Как только заговор был раскрыт, Александра хотела бежать в Египет, но была схвачена в последний момент, когда ее, спрятанную в гробу, выносили из дворца. Позднее, когда Ирода обвиняли в убийстве юного шурина, сына Александры, верховного жреца Аристобула, Клеопатра выступала с особой запальчивостью. Ирод действительно был повинен в этой смерти, но для Клеопатры важен был не факт преступления, а возможность использовать его в качестве аргумента против Ирода.

Переплетение всех этих мрачных событий и интриг никому не удалось распутать до конца. Ясно одно: какое-то преступление было на совести не только Ирода, но и самой Клеопатры. Эти двое мало чем отличались друг от друга. Оба были одинаково честолюбивы и в борьбе за власть пользовались любыми средствами.

(Кравчук А. Закат Птолемеев. — М., 1973)

ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ

Уже в ранней молодости Катилина совершил много гнусных прелюбодеяний: со знатной девушкой, со жрицей Весты — и другие подобные проступки, нарушив законы божеские и человеческие. Впоследствии его охватила любовь к Аврелии Орестилле, в которой, кроме ее красоты, человек порядочный похвалить не мог бы ничего; но так как она, боясь иметь взрослого пасынка, не решалась вступить с ним в брак, Катилина (в этом не сомневается никто), убив сына, освободил дом для преступного брака. Именно это обстоятельство, по моему мнению, и послужило главной причиной, заставившей его торопиться со своим злодеянием. Ведь его мерзкая душа, враждебная богам и людям, не могла успокоиться, ни бодрствуя, ни отдыхая: до такой степени угрызения совести изнуряли его смятенный ум. Вот почему лицо его было без кровинки, блуждал его взор, то быстрой, то медленной была походка. Словом, в выражении его лица сквозило безумие.

Итак, юношей, которых Катилина, как мы уже говорили, к себе привлек, он многими способами обучал преступлениям. Из их числа он поставлял лжесвидетелей и поддельвателей завещаний, учил их не ставить ни во что свое честное слово, благополучие, опасности; впоследствии, лишив их доброго имени и чувства чести, он требовал от них иных, более тяжких преступлений. Если в настоящее время возможности совершать преступления не было, он все же подстерегал и убивал ни в чем не повинных

людей, словно они были виноваты; видимо, для того чтобы от праздности не затекали руки или не слабел дух, Катилина без всякого расчета предпочитал быть злым и жестоким.

Положившись на таких друзей и сообщников, а также зная, что долги повсеместно были огромны и большинство солдат Суллы, прожив свое имущество и вспоминая грабежи и бывшие победы, жаждали гражданской войны, Катилина и решил захватить власть в государстве. В Италии войска не было; Гней Помпей вел войну на краю света; у самого Катилины, добивавшегося консулата, была твердая надежда на избрание; сенат не подозревал ничего; все было безопасно и спокойно; но именно это и было на руку Катилине.

И вот приблизительно в июньские календы, когда консулами были Луций Цезарь и Гай Фигул, он сначала стал призывать сообщников одного за другим: одних уговаривать, испытывать других, указывать им на свою мощь, на беспомощность государственной власти, на большие выгоды от участия в заговоре. Достаточно выяснив то, что он хотел знать, он собирает к себе тех, у кого были наибольшие требования и кто был наиболее нагл. К нему собрались: из сенаторского сословия — Публий Лентул Сура, Публий Автроний, Луций Кассий Лонгин, Гай Цетег, Публий и Сервий, сыновья Сервия Суллы, Луций Варгунтей, Квинт Анний, Марк Порций Лека, Луций Бестия, Квинт Курий; из всаднического сословия — Марк Фульвий Нобилиор, Луций Статилий, Публий Габиний Капитон, Гай Корнелий и многие люди из колоний и муниципиев, знатные у себя на родине.

Кроме того, в заговоре участвовали, хоть и менее явно, многие знатные люди, которых надежды на власть побуждали больше, чем отсутствие средств или какая-нибудь другая нужда. Впрочем, большинство юношей, особенно знатных, сочувствовали замыслам Катилины; те из них, у кого была возможность жить праздно, или роскошно, или развратно, предпочитали неопределенное определенному, войну миру. В те времена кое-кто был склонен верить, что замысел этот был небезызвестен Марку Лицинию Крассу; так как Гней Помпей, которому он завидовал, стоял во главе большого войска, то Красс будто бы и хотел, чтобы могуществу Помпея противостояла какая-то сила, в то же время уверенный в том, что в случае победы заговора он без труда станет его главарем.

Впрочем, уже и ранее кучка людей устраивала заговор против государства; среди них был и Катилина; об этом заговоре я расскажу возможно правдивее. В год консулата Луция Тулла и Мания Лепида избранные консулы Публий Автроний и Публий Сулла, привлеченные к суду на основании законов о домогательстве, понесли наказание. Вскоре после этого Катилину, обвиненного в лихоимстве, лишили возможности добиваться консулата, так как он не смог заявить об этом в законный срок. В это же время в Риме жил некий Гней Писон, знатный молодой человек необычайной наглости, обнищавший, властолюбивый; бедность и дурные нравы побуждали его вызывать беспорядки в государстве. Посвятив его в свой замысел приблизительно в декабрьские ноны, Катилина и Автроний намеревались убить на Капитолии в январские календы консулов Луция

Котту и Луция Торквата и, захватив фасцы, послать Писона во главе войска, чтобы он занял обе Испании.

Когда замысел этот был раскрыт, они перенесли убийство на февральские ноны. На этот раз они задумали умертвить не только консулов, но и большинство сенаторов. И вот, не поторопись Катилина подать перед курией знак своим сообщникам, в тот день произошло бы преступление, тяжелейшее со времени основания города Рима. Но вооруженные люди еще не собрались в нужном числе, что и расстроило их планы.

После этого Писон, бывший квестором, по настоянию Красса, знавшего его как злого недруга Гнея Помпея, был послан в Ближнюю Испанию как пропретор. Сенат, однако, весьма охотно предоставил Писону эту провинцию, так как хотел, чтобы этот мерзкий человек находился вдали от дел государства, а также и потому, что очень многие честные люди видели в нем опору, а могущество Гнея Помпея уже тогда внушало страх. Но Писон этот был в провинции убит в пути испанскими всадниками, бывшими в его войске. Некоторые утверждают, что варвары не стерпели несправедливости, заносчивости, жестокости его власти; другие же говорят, что эти всадники, давнишние и верные клиенты Гнея Помпея, напали на Писона с его согласия, что до этого времени испанцы никогда не совершали такого преступления, а между тем они в прошлом испытывали жестокое господство многих наместников. Мы оставим этот вопрос открытым. О первом заговоре сказано достаточно.

(Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. — М., 1981)

РАСКОЛ В СРЕДЕ МАКЕДОНСКИХ ГЕНЕРАЛОВ

Когда Александр начал допускать при своем дворе восточные элементы, окружать себя персидскими вельможами, привлекать их к себе с тою же благосклонностью и щедростью, как и македонян, отличать их тем же доверием, возлагать на них важные поручения и награждать их сатрапиями, то это покровительствуемое царем уродливое азиатское направление, естественно, вызвало негодование македонских вельмож, чувствовавших себя носителями древних и чисто македонских традиций, они вознегодовали на это, как будто бы тем наносились им ущерб и унижение. Многие, особенно старые генералы времен Филиппа, не скрывали своей нелюбви к персам и своего недоверия Александру, они взаимно поддерживали и усиливали свое неудовольствие на то, что тот, который всем им обязан, пренебрегает ими и неблагодарен им; целые годы они должны были биться для того, чтобы теперь видеть, как плоды их побед переходят в руки побежденных; царь, равняющий в своем обхождении персидских вельмож с ними, скоро будет с ними самими обходиться так же, как с этими прежними рабами персидского царя; Александр забывает о македонянах, следует быть настороже.

Царь знал об этом настроении умов; его мать, как рассказывают, не раз предостерегала его, заклинала быть осторожным относительно своих вельмож, упрекала его в том, что он слишком доверчив и милостив к этой старинной знати Македонии, что он

своей чрезмерной щедростью делает из подданных царей, дает им случай приобретать себе приверженцев и сам себя лишает своих друзей. От Александра не могло укрыться то, что даже среди его ближайшего окружения многие смотрели на его шаги с недоверием или с неодобрением. Он привык видеть в Парменионе постоянное предостережение; он знал, что его сын Филота открыто не одобрял предпринимаемых им мер и даже весьма дерзко выражался о нем лично; царь прощал это резкому и мрачному характеру вообще храброго и неутомимого на службе гиппарха. Более глубоко оскорбляло его то, что даже прямой и великодушный Кратер, которого он уважал более всех других, не всегда соглашался с тем, что происходило, и что даже Клит, начальствовавший над агемой конницы, начал отдаляться от него. В среде македонских генералов все яснее наступал раскол, который, хотя пока и без значительных последствий, ожесточал настроение умов и даже выразился уже на военном совете в тяжелом раздражении: более резкие желали видеть войну оконченной, войско распущенным и добычу разделенной.

По-видимому, под их влиянием и в войске тоже все громче и громче выражалось желание возвратиться на родину.

Таким образом, недовольство росло: дары, внимание и доверие царя уже не делали его более господином над ними. Дело не могло и не должно было долго идти на эту статью; военная дисциплина войска и повиновение офицеров были первыми условиями не только для удачи военных предприятий, но и для сохранения уже приобретенного и для безопасности

самой армии. Если Александр и не должен был ожидать никакого дерзкого поступка со стороны Кратера, Клита, Филоты, Пармениона и этеров, то для примера и для поддержки настроения войска он должен был желать наступления кризиса, который бы поставил его лицом к лицу с противной партией и дал бы ему случай раздавить ее.

Весною 330 года Александр отдыхал со своим войском в столицы Дрангианы. Кратер снова соединился с ним после своего перехода через Бактрию; Кен, Пердикка и Аминта со своими фалангами, македонская конница Филоты и гипасписты тоже находились при нем, их предводитель Никанор, брат Филоты, умер недавно, что было тяжелой потерей для царя; он приказал брату торжественно похоронить его. Их отец Парменион с главною частью остального войска стоял в далекой Мидии, охраняя путь на родину и несметные сокровища персидского царства; следующей весной он должен был снова примкнуть к главной армии. «В это время Александр получил донесение об измене Филоты», — говорит Арриан и затем в общих чертах излагает, как было поступлено с последним. Источник, которому следуют Диодор, Курций и Плутарх, рассказывает об этом деле подробнее, но более ли он соответствует истине, остается вопросом открытым. Эти писатели рассказывают в существенных чертах следующее.

В числе окружавших царя недовольных находился Димн из Халестры в Македонии. Он открыл Никомеху, с которым он находился в любовной связи, что его честь оскорблена царем и что он решился отомстить за себя; знатные лица разделяют его об-

раз мыслей и везде желают перемены положения вещей; царь, ненавистный и стоящий теперь поперек всем, должен быть устранен с дороги: через три дня он будет убит. Боясь за жизнь царя, но робея лично открыть ему о таком важном деле, Никомах сообщает о злодейском плане своему брату Кевалину и умоляет его поспешить с доносом. Его брат отправляется во дворец, где живет царь; чтобы не обратить на себя внимания, он ожидает при входе выхода одного из страτιгов, которому он мог бы открыть об опасности. Филота оказывается первым, кого он видит, он передает ему о том, что узнал, и возлагает на него ответственность за быстроту донесения и за жизнь царя. Филота возвращается к царю и говорит с ним о посторонних предметах, но не о близкой опасности, на вопросы пришедшего к нему вечером Кевалина он отвечает, что ему не удалось ничего сделать и что на следующий день еще есть достаточно времени. Но Филота молчит и на следующий день, хотя не раз находится наедине с царем. Кевалин начинает подозревать; он обращается к Метрону, одному из царских пажей, сообщает ему о близкой опасности и требует от него устроить ему наедине разговор с царем. Метрон проводит его в оружейную комнату Александра, рассказывает последнему во время омовения о том, что ему открыл Кевалин, и затем впускает его самого. Кевалин дополняет рассказ, говорит, что он не виноват в том, что это донесение замедлилось, и что он, ввиду странного поведения Филоты и ввиду опасности в случае дальнейшего промедления, счел своим долгом непосредственно сделать царю это донесение. Александр выслушивает его с глубоким волнением;

он приказывает немедленно взять Димна под стражу. Последний видит заговор открытым, свой план неудавшимся и лишает себя жизни. Затем царь призывает к себе Филоту; последний уверяет, что считал это дело хвастовством Димна и не стоящим того, чтобы говорить о нем, он признает, что самоубийство Димна поразило его, но царь знает его образ мыслей. Александр отпускает Филоту не выразив сомнений в его верности, и приглашает присутствовать за столом и сегодня. Он созывает, однако, тайный военный совет и сообщает ему о случившемся. Опасения его верных друзей увеличивают подозрения царя относительно дальнейших разветвлений заговора и возбужденную в нем загадочным поведением Филоты тревогу; он приказывает хранить глубочайшее молчание об этом сообщении и приглашает Гефестиона и Кратера, Кена и Эригия, Пердикку и Леоннату явиться к нему в полночь для получения дальнейших приказаний. Верные приближенные собираются к царскому столу, Филота тоже присутствует; расходятся поздно вечером. В полночь являются вышеупомянутые генералы, сопровождаемые немногими вооруженными воинами. Царь приказывает усилить караул во дворце, и занять ворота города, особенно те, которые ведут в Экбатану, посылает отдельные отряды, чтобы в тишине ночи взять под стражу тех, об участии которых в заговоре ему было сообщено, и отряжает, наконец, 300 человек к квартире Филоты, с приказом сперва оцепить дом часовыми, затем войти в него, взять гиппарха под стражу и доставить его во дворец. Таким образом проходит ночь.

На следующий день войско созывается на общее

собрание. Никто не подозревает о том, что случилось; наконец, в круг входит сам царь; по македонскому обычаю, говорит он, созвал он войско для суда — открылся злодейский умысел против его жизни. Никомах, Кевалин, Метрон дают свои показания, труп Димна является подтверждением их слов. Затем царь называет глав заговора: Филоте, говорит он, было доставлено первое сообщение о том, что на третий день должно совершиться убийство; приходя по два раза в день в царский дворец, ни в первый, ни во второй день он не сказал ни слова. Затем он показывает письма Пармениона, в которых отец советует своим сыновьям Филоте и Никанору: «Заботьтесь сперва о себе, затем о своих, таким образом мы достигнем своей цели»; он прибавляет, что этот образ мыслей подтверждается целым рядом фактов и выражений и свидетельствует о гнусной измене; уже после убийства царя Филиппа Филота стал на сторону претендента Аминты; его сестра была супругою Аттала, который долго преследовал его самого и его мать Олимпиаду, старался преградить ему доступ к престолу и, наконец, будучи послан вперед с Парменионом в Азию, возмутился. Несмотря на все, он отличал эту фамилию всевозможными знаками милости и доверия; уже в Египте он очень хорошо знал о дерзких и угрожающих выражениях, которые Филота не раз повторял перед гетерой Антигоной, но приписывал их его резкому характеру; это сделало Филоту еще более гордым и надменным. Его двусмысленная щедрость, его разнузданная расточительность, его безумная гордость озабочивали даже его отца и заставляли его предостерегать сына не избличать себя слишком рано.

Уже давно они более не служат верно царю, и битва при Гангамеле едва не была проиграна благодаря Пармениону; но со времени смерти Дария их предательские планы созрели, и, пока он продолжал доверять им во всем, они назначили день для его убийства, наняли убийц и подготовили ниспровержение существующего порядка. С величайшим волнением, так говорится в описании этого события, слушали македоняне своего царя; но появление скованного Филоты трогает их не менее и возбуждает в них жалость; стратиг Аминта начинает говорить против обвиняемого, который с жизнью царя мог у всех них отнять надежду на возвращение на родину. Затем произносит еще более горячую речь стратиг Кен, зять Филоты, он уже схватил камень, чтобы начать суд по македонскому обычаю. Царь удерживает его — сначала Филота должен защищаться; сам он покидает собрание, чтобы своим присутствием не препятствовать свободе защиты. Филота отрицает истину обвинений; он указывает на верную службу свою, своего отца и своих братьев; он признает, что умолчал о доносе Кевалина, чтобы не явиться бесполезным и неприятным передатчиком предостережений, как его отец Парменион в Тарсе, когда тот остерегал царя от лекарства акарнанского врача; но ненависть и страх всегда терзают деспота, и это-то именно все они и оплакивают. В крайнем возбуждении македоняне решают, что Филота и остальные заговорщики заслуживают смерти; царь откладывает суд до следующего дня.

Еще недостает признания Филоты, которое в то же время должно осветить вину его отца и его соумышленников. Царь созывает тайный совет; боль-

шинство требует немедленного исполнения смертного приговора; Гефестион, Кратер и Кен советуют сперва вынудить у него признание; в этом смысле решает большинство голосов. На трех стратигов возлагается поручение присутствовать при пытке. Среди мучений пытки Филота сознается в том, что он и его отец говорили об убиении Александра, что они не решились бы на это при жизни Дария, так как выгоды этого достались бы не на их долю, а на долю персов, что он, Филота, поспешил с исполнением замысла, прежде чем смерть, к которой близок его отец, не отнимет его у общего дела, и что он организовал этот заговор без ведома своего отца. С этими показаниями царь является на следующее утро в собрание войска, приводят Филоту, и македоняне пронзают его своими копьями.

(Дройзен И. История эллинизма. — Ростов-на-Дону, 1995)

ЗАГОВОР ЦАРСКИХ ЮНОШЕЙ

Теперь нельзя более определить, когда и по какому поводу началось охлаждение отношений между царем и Каллисфеном. Однажды, как рассказывают, Каллисфен сидел за столом Александра и был приглашен им сказать за вином похвальную речь македонянам: он исполнил это со свойственным ему искусством при громких одобрительных возгласах присутствующих. Тогда царь сказал, что достойные славы дела прославлять нетрудно, что пусть он покажет свое искусство, произнеся речь против тех же самых македонян, и справедливыми упреками научит их лучшей жизни. Софист исполнил это с жестокой язвительностью: несчастные раздоры греков, сказал он, создали могущество Филиппа и Александра — во время смуты ведь и жалкая личность может иногда достигнуть почетного положения. Раздраженные этим македоняне вскочили, а Александр сказал: «Олинфянин дал нам доказательство не своего искусства, но своей ненависти против нас». Каллисфен, уходя домой, трижды сказал самому себе: «И Патрокл должен был умереть, а был ведь выше тебя».

Естественно, что царь принимал азиатских вельмож согласно с обычным церемониалом персидского двора; но для них было чувствительным неравенством то, что греки и македоняне имели право приближаться к его Царскому Величеству без таких форм преданности. Каковы бы ни были прежнее положение и взгляды царя, он должен был желать устранить это различие и ввести восточное поклонение в обычай двора; но, с другой стороны, подобный

приказ мог бы дать предрассудкам, которыми были заражены многие, повод к превратным толкованиям и к недовольству. Гепестион и некоторые другие приняли на себя инициативу по введению этого обычая. На первом пиру, как рассказывают, они должны были осуществить его на практике; на нем говорил в этом смысле Анаксарх, а Каллисфен в своей подробной и серьезно возражавшей против этого намерения речи, обращенной прямо к царю, говорил так беспощадно резко, что царь, видимо оскорбленный, запретил более упоминать об этом деле. В другом рассказе передается, что царь взял за столом золотую чашу и обратился с тостом вначале к тем, с которыми он условился относительно поклонения; тот, к кому он обращался таким образом, выпивал свою чашу, вставал, кланялся в ноги и получал затем поцелуй от царя. Когда, наконец, очередь дошла до Каллисфена и царь обратился с тостом к нему, а сам продолжал разговаривать с сидевшим рядом с ним Гепестионом, то философ выпил чашу и поднялся, чтобы подойти к Александру и поцеловать его; царь сделал вид, что не замечает его, но один из этеров сказал: «Не целуй его, о царь, он единственный не молился на твою особу». После этого Александр отказал ему в поцелуе, а Каллисфен, возвращаясь на свое место, сказал: «Итак, я ухожу одним поцелуем беднее».

Многое другое рассказывает еще об этих событиях. Заслуживает особого внимания сообщение о том, что, по словам Гепестиона, при предварительном обсуждении этого вопроса Каллисфен тоже согласился на земные поклоны, а еще большего внимания — сообщение о том, что телохранитель Лизимах и двое

других указали царю на высокомерное поведение софиста и привели его выражения об убиении тиранов, на которые следовало обратить тем более внимания, что его приверженцами были многие из знатной молодежи, смотревшие на его слова как на изречения оракула, а на него самого как на единственного свободного человека среди многотысячного войска.

По обычаю, ведшему свое происхождение еще от времен царя Филиппа, сыновья знатных македонян при своем вступлении в юношеский возраст призывались ко двору и начинали свою карьеру и свое военное поприще около особы царя как «царские юноши» и как его «телохранители»; в военное время они составляли его ближайшую свиту, занимали ночной караул в его жилище, подводили ему лошадь, окружали его за столом и на охоте. Они состояли под его непосредственным покровительством, и только он имел право наказывать их, он заботился об их научном образовании, и для них главным образом и были приглашены философы, поэты и риторы, сопровождавшие Александра.

В числе этих знатных молодых людей находился Ермолай, сын Сополиды, того самого, который был из Павтаки послан для вербовки в Македонию. Ермолай, пламенный почитатель Каллисфена и его философии, как кажется, с увлечением воспринял мнения и тенденции своего учителя, с юношеским недовольством смотрел он на эту смесь греческих и персидских обычаев и на пренебрежительное отношение к обычаям македонским. На одной охоте (по придворному обычаю, царю принадлежало право метнуть дротик первому), когда перед Александром выбежал на тропинку кабан, молодой человек позволил себе

метнуть дротик первым и положил животное на месте. При других обстоятельствах царь, может быть, и не обратил бы внимания на это нарушение этикета, но так как то был Ермолай, то он посмотрел на этот поступок как на сделанный намеренно и подверг юношу соответственному наказанию, приказав высечь его и отнять у него лошадь. Ермолай не чувствовал неправоты своего поступка, а только возмутительное оскорбление, которое было ему нанесено. Его близким другом был Сострат, сын того самого тимфейца Аминты, который при процессе Филоты был со своими тремя братьями заподозрен в соучастии и который, чтобы доказать свою полную невинность, искал себе смерти в бою, этому Сострату Ермолай открылся, что если ему не удастся отомстить, то ему жизнь не в жизнь. Склонить на свою сторону Сострата было нетрудно: Александр, сказал он, уже отнял у него отца и теперь опозорил его друга. Оба приятеля посвятили в свою тайну еще четверых других из отряда царских юношей: то были Антипатр, сын бывшего наместника Сирии Асклепиодора; Эпимен, сын Арзеи; Антикл, сын Феокрита, и фракиец Филота, сын Карзида; они условились умертвить царя во время сна в ту ночь, когда караул будет занимать Антипатр.

Царь, как рассказывают, ужинал в эту ночь со своими друзьями и затем доле обыкновенного остался в их обществе. Когда же после полуночи он хотел подняться, то одна сирийская женщина, предсказательница, следовавшая за ним многие года и сначала мало обращавшая на себя его внимание, но мало-помалу внушившая ему уважение к себе и добившаяся того, что он стал ее слушать, — эта сириянка внезапно явилась перед ним, когда он хотел

удалиться, и сказала ему, чтобы он оставался и пил всю ночь. Царь последовал этому совету, и таким образом в эту ночь план заговорщиков не удался. Продолжение рассказа имеет более правдоподобный характер. Несчастные молодые люди не отказались от своего плана, но решили привести его в исполнение при первом ночном карауле, который придется в их очередь. На следующий день Эпимен увидел своего близкого друга Харикла, сына Менандра, и рассказал ему о том, что уже произошло и что имеет еще произойти. Пораженный Харикл бросился к брату своего друга Эврилоху и заклинал его спасти царя быстрым доносом; Эврилох поспешил в ставку царя и открыл страшный план Лагиду Птолемею. По его доносу царь приказал немедленно арестовать заговорщиков, которые были допрошены и подвергнуты пытке, они раскрыли свои планы, своих соучастников и заявили, что Каллисфен знал об их намерениях, он тоже был взят под стражу. Призванное для военного суда войско изрекло над осужденными свой приговор и исполнило его по македонскому обычаю. Каллисфен, бывший греком и не бывший солдатом, был закован в цепи с тем, чтобы быть преданным суду впоследствии. Александр, как говорят, писал об этом Антипатру: «Юношей побили камнями македоняне, софиста же я хочу наказать сам, а также и тех, которые прислали его ко мне и которые принимают в свои города изменников против меня». По показаниям Аристовула, Каллисфен умер пленником позднее, во время похода в Индию, а по словам Птолемея, он был предан пытке и повешен.

(Дройзен И. История эллинизма. — Ростов-на-Дону, 1995)

БОРЬБА ЗА ПАПСКИЙ ПРЕСТОЛ

Время с X до середины XI века отмечено большим упадком папства. Распад Франкского государства в середине IX века избавил папство от зависимости, в которой оно находилось у франкских королей. Затем более 70 лет (883—955) папский престол был игрушкой в руках римских феодалов. Они свергали и убивали (обычно душили) одних пап и сажали на папский престол других — своих ставленников. Случалось, что папский престол занимало одновременно двое и трое пап. С 891 по 931 год (за 40 лет) сменились 15 пап. Некоторые из них управляли церковью менее года.

О нравах, царивших в это время при папском дворе, можно судить на основании следующего эпизода конца IX века Папа Стефан IV (896—897) питал вражду к своему предшественнику Формозу (891—896). По его приказу труп Формоза был выкопан из могилы, облачен в папские одежды и посажен на трон: над мертвым был устроен судебный процесс. Его обвинили в незаконном занятии папского престола. Мертвец был осужден, с него сорвали папские одеяния, отрубили три пальца правой руки (которыми папа дает благословение) и труп бросили в Тибр.

В X веке знатные и богатые римлянки — Феодора и ее две дочери (Мароция и Феодора) — сажали на далекий престол своих любовников и убивали неудобных им пап. Так, Иоанн X (архиепископ Равеннский) стал папой благодаря Феодоре и ее двум дочерям, Марозии и Феодоре младшей, — трем девкам...

Мароция же организовала убийство этого папы, а в 931 году возвела на папский престол своего сына от первого брака Иоанна XI. Он стал папой двадцати лет от роду. Иоанн XI во всем слушался матери, которая фактически управляла делами папского престола. Внук развратной Мароции стал папой в восемнадцать лет: это был Иоанн XII (956—963). Он превратил папский дворец в вертеп, на устраивавшихся им оргиях пили за здоровье сатаны; за деньги он посвятил однажды в епископы десятилетнего мальчика; этот папа совершал обряд посвящения в конюшне.

Бессильный справиться со своими противниками — римскими феодалами, — Иоанн XII призвал на помощь германского короля Оттона I (в 961 году). Оттон I, стремившийся прибрать Италию к рукам, охотно откликнулся на этот призыв: он явился с войском в Рим и помог папе усмирить мятежных феодалов. В свою очередь, папа в 962 году короновал Оттона I императорской короной.

С того времени папы на сто лет попали в зависимость от германских императоров. Было установлено, что папа может вступить на престол лишь после принесения присяги императору.

Германские императоры сажали на папский престол своих ставленников, когда же император удалялся из Рима, местные феодалы заменяли их своими людьми. В середине XI века на папском престоле одновременно оказалось трое пап. Император Генрих III явился в Италию, и на церковном соборе в Сутри (в 1046 году) все трое по его повелению были низложены, а папой избран немецкий епископ, принявший имя Климента II.

В числе свергнутых был, между прочим, Григорий VI, купивший папский престол за деньги у папы Бенедикта IX. История этой сделки такова. Бенедикт IX был крайне развращенным и порочным человеком, не останавливавшимся ни перед каким преступлением. Он стал папой десятилетним мальчиком! Чтобы закрепить папский престол за своим родом, Бенедикт IX решил жениться. Но отец невесты потребовал от него отказаться от папского престола. Тогда Бенедикт IX продал папский престол архидиакону Грациану, принявшему имя Григория VI.

Нет ничего удивительного в том, что в период, когда папство находилось в состоянии полного разложения и крайнего морального упадка, на папском престоле оказалась однажды, как гласят источники, женщина — папесса Иоанна, правившая под именем Иоанна VII. Ряд историков считает это не легендой, а вполне достоверным фактом. Правление папессы относят к середине IX века. В третьем варианте хроники летописца Мартына Польского, написанной не позднее 1278 года, сообщается, что преемником папы Льва IV (855 год) был Иоанн Англичанин (родом из Майнца), который занимал папский престол 2 года 7 месяцев 4 дня и умер в Риме. Говорят, — пишет хронист, — он был женщиной в мужском платье. Из сообщения хрониста видно, что, будучи в папском звании, она забеременела от служащего курии и родила по дороге в Латеран; после родов папесса тотчас умерла. В каталоге пап ей не отведено места.

Когда на Констанцском церковном соборе Гуса обвиняли в том, что он говорил, что церковь может

существовать без видимого главы, он ответил: «Без главы и без начальника была церковь, когда в течение двух лет и пяти месяцев папствовала женщина Иоанна». Далее Гус сказал: «...можно ли считать безупречным и не запятнанным папу Иоанна, оказавшего женщиной, которая публично родила ребенка?»

(Шейман М. Папство. — М., 1961)

АВИНЬОНСКОЕ ПЛЕНЕНИЕ

В конце XIII века между папой Бонифацием VIII и французским королем Филиппом IV возник конфликт в связи с обложением налогом церквей во Франции. Папа считал взимание налогов с церковных имуществ в любой стране привилегией Рима. Конфликт, возникший по этому поводу, перерос в более широкий — о прерогативах папской и королевской властей вообще. Король запретил вывоз из Франции золота и серебра, которые выплачивались церковью папе. Он велел сжечь папскую буллу о том, что папская власть выше всех светских властей.

Агенты Филиппа IV, посланные в Италию, захватили папу. Он был освобожден своими сторонниками и вскоре после этого умер (1303 год). Новый папа Бенедикт XI пробыл на папском престоле недолго. После его смерти Филипп IV добился избрания на папский престол французского епископа, правившего под именем Климента V (1305—1314). В его правление папский двор в 1309 году был перенесен в г. Авиньон, на юге Франции. Папы на 70 лет стали фактически пленниками французских королей. Во время пребывания папского двора в Авиньоне на папский престол избирались только французские епископы.

И в годы «авиньонского плена» папы не отказывались от своих теократических притязаний. Особенно много внимания они уделяли выкачиванию денег из всех стран Европы на содержание своего двора. Жизнь пап и их окружения в это время

представляла собой картину полного морального разложения. Знаменитый итальянский поэт Петрарка (1304—1374) писал о папском Авиньоне, где он сам жил, что это новый «Вавилон», гнездо предательств, «в котором ютится все зло, какое только существует на свете»; папский Авиньон — это «горнило обманов, жестокая тюрьма, где гибнет добро, рождается и питается зло; ад для живых...». В написанном незадолго до смерти «Письме к потомкам» Петрарка так говорит об Авиньоне: «Авиньон — имя этому городу, где римский первосвященник держит и долго держал в позорном изгнании церковь Христову...».

«Авиньонский плен» закончился в 1377 году. Чтобы окончательно не потерять свои итальянские владения, папа Григорий XI вернулся в Рим. После его смерти кардиналы, находившиеся в Риме, избрали на папский престол итальянца, принявшего имя Урбана VI. Другая часть кардинальской коллегии, в Авиньоне, избрала «антипапу» — Климента VII. Так начался «великий церковный раскол», продолжавшийся сорок лет. В течение всего этого времени один папа находился в Риме, другой — в Авиньоне. Римского поддерживали главным образом английские, немецкие и итальянские кардиналы, авиньонского — французские, испанские и шотландские. Оба «наместника Христа» проклинали и отлучали друг друга. Церковный собор в Пизе принял решение о смещении обоих пап и избрал третьего. Смещенные папы не признали решений собора, и за папский престол повели борьбу уже не два, а три претендента. Констанцкий собор объявил низложенными трех пап, в том числе Иоанна XXIII —

бывшего морского разбойника. Другой низложенный собором папа — Бенедикт XIII. Отказался подчиниться этому решению и отлучил всех участников собора, а собор, в свою очередь, отлучил его самого. Все это привело к сильному подрыву авторитета папства.

В самом начале XV века в церковных кругах возникло так называемое соборное движение: его поддерживали и правящие верхи различных стран. Сторонники соборного движения считали необходимым ограничить папскую власть церковными соборами — как общими («вселенскими»), так и местными, т. е. состоящими из представителей духовенства той или иной страны. При этом в соборах должны были участвовать и светские власти. Сторонники соборного движения высказывались за то, чтобы церковь в каждой стране была независима от Рима; они стремились сдерживать финансовые притязания папства. Было выдвинуто требование восстановления единства церкви с тем, чтобы она была в состоянии успешно подавлять еретические движения, в которых выражалось растущее недовольство народных масс своим угнетенным положением.

В первой половине XV века было созвано четыре церковных собора — упоминавшиеся выше соборы в Пизе (1409) и Констанце (1414—1418), а также в Базеле (1431 — 1447) и Флоренции (1439). Здесь были приняты решения, гласившие, что соборы получают власть от Христа, и поэтому им обязаны повиноваться все епископы, в том числе и папа. Папство решительно сопротивлялось всяким планам ограничить его власть, но оно вынуждено было отказаться от многих своих притязаний. К середине XV века

папы превратились, по сути дела, в мелких итальянских государей, которые широко использовали свое положение руководителей католической церкви для политических интриг, увеличения собственных владений и богатств.

С конца XIV века резиденцией пап в Риме стал Ватиканский дворец.

(Шейман М. Папство. — М., 1961)

ФЛОРЕНТИЙЦЫ НЕ МОГЛИ ПЕРЕНЕСТИ, ЧТОБЫ ИМ ЗАТЫКАЛИ РТЫ

8 сентября 1342 года герцог в сопровождении мессера Джованни делла Таза, всех своих сторонников и многих других граждан явился на площадь и вместе с синьорами взошел на трибуну, как называют флорентийцы ступени, ведущие от площади ко дворцу Синьории, откуда и были прочитаны народу условия, установленные между Синьорией и герцогом. Когда дошли до статьи, по которой верховная власть вручалась ему на один год, народ принялся кричать: «Пожизненно!». Когда мессер Франческо Рустикелли, один из членов Синьории, поднялся, чтобы речью своей успокоить возбужденную толпу, слова его прерваны были еще большим шумом; так что по желанию народа герцог избран был владельцем Флоренции не на год, а пожизненно. Тут толпа подхватила его, подняла и торжественно понесла по площади, выкрикивая его имя. По обычаю глава дворцовой охраны в отсутствие членов Синьории должен запереться во дворце; тогда в должности этой состоял Риньери ди Джотто. Подкупленный друзьями герцога, он впустил его во дворец без всякого сопротивления, а испуганные и опозоренные синьоры разошлись по своим домам. Дворец был разграблен герцогской челядью, знамя народа разорвано, а на фасаде дворца прикреплен герб герцога. Все эти события вызвали безграничную скорбь и уныние благонамеренных граждан и величайшую радость тех, кто

участвовал в них по невежеству или злонамеренности.

Будучи облечен верховной властью, герцог, дабы лишить всякой власти людей, являвшихся всегда защитниками свободы, запретил членам Синьории собираться во дворце и предоставил им один частный дом; он отобрал знамена у гонфалоньеров компаний, возглавлявших народные вооруженные отряды, отменил Установления справедливости, направленные против грандов, освободил заключенных, вернул во Флоренцию семейства Барди и Фрескобальди и всем запретил ношение оружия. Дабы лучше защищаться от внутренних врагов, он замирился с внешними, причем весьма ублаготворил жителей Ареццо и всех других противников; заключил мир с Пизой, хотя был призван в качестве синьора для ведения с нею войны; аннулировал обязательства, выданные купцам, одолжившим республике деньги для ведения Луккской войны; увеличил прежние налоги и установил новые; лишил Синьорию всякой власти. Управителями у него были мессер Бальоне из Перуджи и мессер Гульельмо из Ассизи, каковые вместе с мессером Череттьери Висдомини и являлись его советниками. Он донимал граждан тяжкими поборами, суд вершил несправедливо, а строгость нравов и человечность, которые он на себя напускал, обернулись гордыней и жестокостью. Таким образом, многие граждане из грандов и знатных пополанов находились под постоянной угрозой денежных штрафов, смерти и всевозможных иных способов угнетения. А чтобы вне города его правление было не лучше, чем внутри, он назначил для флорентийской территории за пределами сто-

лицы шесть управителей, которые угнетали и грабили сельских жителей. Гранды были у него на подозрении, несмотря на то что они же его поддерживали и он многих из них возвратил в отечество. Он не мог представить себе, чтобы благородные души, какие часто можно встретить среди нобилитете, чувствовали себя удовлетворенными под его владычеством. Поэтому он принялся заигрывать с низами в расчете на то, что с их помощью и при поддержке чужеземного оружия сможет сохранить тиранию. Когда наступил месяц май, который в народе обычно отмечают празднествами, он приказал образовать из низов и из тощего народа вооруженные отряды, которым дал громкие названия, раздал знамена и деньги. Из них одни торжественно ходили по городу, а другие принимали их с великой пышностью. Всюду распространилась молва о возвышении герцога, и к нему стали стекаться французы, а он раздавал им должности как людям, которым мог вполне довериться. Так что вскоре Флоренция не только подпала под власть французов, но стала даже перенимать их обычаи и наряды, ибо и мужчины, и женщины подражали им без всякого стыда, забыв об отечественных обычаях. Но больше всего возмущали в нем и его приспешниках насилия, которые они, не краснея, позволяли себе в отношении женщин.

Так и жили граждане Флоренции, с негодованием глядя на то, как сокрушается величие их государства, как извращаются все установления, как уничтожается законность, портятся нравы, попирается всякая пристойность. Те, кто никогда не наблюдал внешней пышности монархической власти,

не могли без горести видеть, как по городу торжественно разъезжает герцог, окруженный конной и пешей свитой. И для того, чтобы еще яснее сознавать свой позор, были они вынуждены выражать почтение тому, кого смертельно ненавидели. К этому еще добавлялся страх, вызываемый частыми казнями и непрерывными поборами, терзавшими и разорявшими город. Негодование и страх граждан были хорошо известны герцогу, и сам он тоже боялся, но тем не менее делал вид, будто считает, что всеми любим. И вот случилось, что Маттео Мороццо, то ли для того, чтобы заслужить его милость, то ли чтобы отстранить от себя погибель, донес ему о заговоре, который учиняли против него семейство Медичи и еще кое-кто из граждан. Однако герцог не только не начал следствия по делу, но вместо этого предал постыдной смерти доносчика. Такие действия герцога отняли у всех, кто готов был осведомлять его об опасности, всякое желание делать это. За то, что Бертоне Чини открыто возмущался его поборами, он велел отрезать ему язык с таким мучительством, что Бертоне скончался. Гнев народа и ненависть к герцогу от этого еще усилились, ибо флорентийцы, привыкшие и делать, и говорить совершенно свободно все, что хотели, не могли перенести, чтобы им затыкали рот.

Возмущение и ненависть дошли до того, что не только флорентийцы, не умеющие ни сохранять свободу, ни переносить рабства, но даже самый приниженный народ загорелся бы стремлением вернуть свободную жизнь. И вот множество граждан всех состояний замыслили или отдать свою жизнь, или вновь стать свободными. Три рода граждан — ноби-

ли, пополаны и ремесленники — учинили три заговора. Помимо общих оснований для ненависти к герцогу, у них всех были и свои особые причины: гранды возмущены были тем, что управление государством им так и не досталось; пополаны тем, что они его лишились, а ремесленники — потерей заработков. Архиепископом Флоренции был мессер Аньоло Аччаюоли, который поначалу прославлял в проповедях своих деяния герцога и весьма помог ему завоевать любовь народа. Но когда он увидел герцога полномочным государем и познал все его тиранство, то счел, что тот обманул надежды родины, и, дабы искупить свою вину, решил, что рука, нанесящая рану, должна и вылечить ее. Поэтому он стал главой первого и самого сильного заговора, в коем участвовали также Барди, Росси, Фрескобальди, Скали, Альтовити, Магалотти, Строцци и Манчини. Главарями второго были мессеры Манно и Корсо Донати, а с ними заодно — Пацци, Кавиччули, Черки и Альбицци. Во главе его стоял Антонио Адимари, и в нем участвовали Медичи, Бордони, Ручеллаи и Альдобрандини. Эти думали сперва умертвить герцога в доме Альбицци, куда, как они полагали, он придет в день святого Иоанна смотреть на конские бега. Однако он туда не пришел, и замысел этот не удался. Явилась у них мысль напасть на него во время прогулки его по городу, но это было весьма затруднительно, ибо герцог выезжал всегда хорошо вооруженный и в сопровождении сильного конвоя, к тому же всегда отправлялся в разные места, так что неизвестно было, где его подстергать. Обсуждали и вопрос об умерщвлении герцога в Совете, но там даже после его гибели они оказались бы в руках его охраны.

Пока заговорщики выработывали все эти планы, Антонио Адимари открыл их замыслы кое-кому из своих друзей в Сиене, чтобы получить от них помощь, назвав им некоторых заговорщиков и убеждая, что весь город готов к борьбе за свободу. Один из сиенцев, в свою очередь, сообщил об этом мессеру Франческо Брунеллески, не для того чтобы сделать донос, а потому, что он считал его участником заговора. Мессер же Франческо, то ли страшась за себя, то ли из ненависти к некоторым заговорщикам, открыл все герцогу, который велел схватить Паголо дель Мадзека и Симоне да Монтераполи. Те поведали ему, кто заговорщики и сколько их; герцог пришел в ужас, и ему посоветовали не арестовывать их, а только вызвать на допрос, ибо, если они скроются, изгнание избавит его от них без лишнего шума. Герцог тогда вызвал Антонио Адимари, каковой, полагаясь на сообщников, явился к герцогу и был арестован. Мессер Франческо Брунеллески и мессер Угуччоне Буондельмонти посоветовали герцогу прочесать вооруженными отрядами всю страну и всех захваченных предавать смерти, но этот совет он отклонил, считая, что против такого количества врагов войска у него недостаточно, и принял другое решение, которое, если бы его удалось осуществить, избавило его от врагов и укрепило его власть. Герцог имел обыкновение вызывать к себе граждан по своему выбору, чтобы советоваться с ними по делам города. Он составил список из трехсот граждан и послал к ним нарочных с вызовом якобы на совет: намерение его состояло в том, чтобы, собрав их у себя, умертвить или бросить в темницу и тем самым избавиться от них. Но арест Антонио Адимари и

приказ о сборе войск, что невозможно было сохранить в тайне, насторожили граждан, особенно же заговорщиков, и наиболее смелые отказались повиноваться вызову. А так как все они ознакомились со списком, то и узнали своих единомышленников и поддержали друг в друге мужественную решимость лучше умереть с оружием в руках, чем позволить, чтобы их погнали на бойню точно скотов. Так что весьма скоро все три группы заговорщиков открылись друг другу, и решено было на следующий день, 26 июля 1343 года, учинить на Старом рынке беспорядки, а затем взяться за оружие и призвать народ к борьбе за свободу.

На следующий день при полуденном звоне колокола заговорщики, согласно отданному приказу, взялись за оружие, весь народ под возгласы «Свобода!» вооружился, и каждый занял свое место у себя в квартале под знаменами народных отрядов, которые втайне приготовили заговорщики. Все главы семейств нобилей и пополанов собрались и дали клятву защищать друг друга, а герцога предать смерти. К ним не примкнули только Буондельмонти и Кавальканти да еще те четыре семейства пополанов, которые содействовали приходу герцога к власти: эти, объединившись с мясниками и другими из низов, сбежали с оружием на площадь и стали на его защиту. Как только начался мятеж, герцог укрепился во дворце, а его сторонники, размещенные в разных концах города, вскочили на своих коней и устремились на площадь, но по дороге их перехватывали и убивали. Однако около трехсот всадников сумели все же прорваться на площадь. Герцог колебался, сражаться ему с врагами на площади или же

защищаться во дворце. Но Медичи, Кавиччули, Ручеллаи и другие семейства, больше всего пострадавшие от герцога, со своей стороны опасались, что, если он покажется на площади, многие из тех, кто сейчас восстал, опять превратятся в его сторонников, и чтобы не дать ему возможности сделать вылазку и увеличить свои силы, они объединились и ворвались на площадь. При их появлении люди из пополанских семейств, принявших сторону герцога, видя, что на них безо всякого стеснения нападают, а судьба герцогу изменяет, тоже изменили свои чувства и присоединились к согражданам, кроме мессера Угуччоне Буондельмонти, который вошел во дворец, и мессера Джанноццо Кавальканти, который с частью своих сторонников отступил к Новому рынку. Там он взобрался на скамью и стал призывать народ, идущий с оружием на площадь, встать на защиту герцога, причем всячески запугивал людей, преувеличивая силы герцога и грозя им смертью, если они будут упорствовать в своем намерении восстать против государя. Видя, что никто за ним не идет и что он только зря тратит силы, он решил не испытывать больше судьбу и заперся у себя дома.

Между тем схватка на площади между народом и людьми герцога превратилась в настоящее сражение, и хотя последним за стенами дворца защищаться было легче, они были побеждены: одни из них сдались на милость противника, другие укрылись во дворце. Пока на площади сражались, Корсо и Америго Донати с частью вооруженного народа ворвались в тюрьму Стинке, сожгли документы подеста и государственного казначейства, разгромили дома управителей и перебили всех прислужников

герцога, какие попадались им под руку. Герцог, со своей стороны, видя, что площадь в руках его врагов, весь город на их стороне и ни на какую помощь надежды нет, попытался вернуть себе симпатии народа какими-либо великодушными деяниями. Он велел привести к себе заключенных, с ласковыми речами вернул им свободу и посвятил в рыцари Антонио Адимари, хотя тот совсем этого не желал. Он велел также снять свой герб, красовавшийся над дворцом, и заменить его гербом флорентийского народа. Но все эти уступки, запоздалые и неуместные, ибо они были вырваны силой и дарованы скрепя сердце, мало ему помогли. Полный досады, он оставался осажденным у себя во дворце и осознал, наконец, что, стремясь к слишком многому, потерял все и что через несколько дней придется ему принять смерть или от голода, или от меча. Дабы восстановить порядок в государстве, граждане собрались в Сан Репарата и избрали четырнадцать человек из своего состава — половину из грандов, половину из пополанов, которых вместе с епископом они облекли всеми полномочиями для восстановления Флорентийского государства. Выбрали также шесть человек для осуществления функций подеста, пока их не сможет сменить тот, кого вновь назначат.

Между тем во Флоренцию прибыли множество вооруженных людей на помощь народу и среди них сиенцы во главе с шестью посланниками, людьми, весьма чтимыми у себя на родине. Они пытались выступить посредниками между народом и герцогом; однако народ не пожелал и слышать о каких-либо переговорах, пока ему не выдадут на суд и расправу мессера Гульельмо из Ассизи и его сына,

а также мессера Черреттьери Висдомини. Герцог на это никак не соглашался, но тут ему стали угрожать люди, осажденные вместе с ним во дворце, и он вынужден был уступить силе. Без сомнения, ярость в сердцах людей гораздо острее и раны гораздо глубже, когда идет борьба за восстановление свободы, чем когда ее защищают. Мессер Гульельмо и сын его попали в руки бесчисленных врагов, а сын этот был почти мальчик, еще не достигший восемнадцати лет. И все же ни молодость его, ни невиновность, ни красота не могли спасти его от ярости толпы. Те, кому не удалось нанести ударов отцу и сыну, пока они были еще живы, кромсали их трупы и, не довольствуясь ударами мечей, рвали тела их пальцами. А чтобы насытить мщением все свои чувства, они, насладившиеся их криками, зрелищем их ран, впивавшиеся в их плоть, захотели и на вкус попробовать ее, так чтобы мщение утолило не только внешние чувства, но и нутро.

Бешенство это оказалось столь же губительным для Гульельмо из Ассизи с сыном, сколь и спасительным для мессера Черреттьери. Толпа, утолив свою жестокость этими двумя жертвами, о нем позабыла. Его никто не требовал, он и остался во дворце, а ночью некоторые из друзей и родственников незаметно вывели его оттуда. Когда толпа насытила ярость свою пролитой кровью, заключено было соглашение, по которому герцогу предоставлялось право удалиться из Флоренции со всем имуществом и своими людьми при условии отказа от власти над нею, каковое соглашение он ратифицирует уже вне ее пределов, в Казентино. Заключив это соглашение, он 6 августа выехал из Флоренции в сопровож-

дении множества граждан и по прибытии в Казентино подтвердил свое отречение скрепя сердце. Он бы не сдержал данного слова, если бы граф Симоне не пригрозил, что препроводит его обратно во Флоренцию. Был этот герцог, как видно по его правлению, жаден, жесток, труднодоступен и высокомерен в обращении. Стремился он не к расположению народа, а к порабощению его и потому хотел вызывать страх, а не любовь. Внешность его была не менее отвратительна, чем повадки: был он мал ростом, чернявый, с длинной, но реденькой бородой, так что, с какой стороны на него ни смотреть, он заслуживал только ненависть. Так вот через десять месяцев по злобности нрава своего лишился он верховной власти, которую захватил по зловредным советам своих сторонников.

(Маккиавелли Н. История Флоренции. — Л., 1973)

ОБЩЕЕ ЖЕЛАНИЕ: УСТАНОВИТЬ НОВЫЙ ПОРЯДОК

Едва умер Козимо, как сын его Пьеро, наследник его имущества и власти, призвал к себе мессера Диотисальви Нерони, человека весьма влиятельного и пользовавшегося у сограждан большим уважением. Козимо же настолько доверял ему, что, умирая, наказал сыну руководствоваться его советами во всем, что касалось управления личным достоянием семьи, и в делах государственных. Пьеро поэтому проявил к мессеру Диотисальви такое же доверие, с каким относился к нему Козимо, и так как он хотел повиноваться воле отца после кончины его так же, как и при жизни, то и решил в делах имущественных и государственных поступать так, как посоветует ему Нерони. Для начала же он заявил, что велит принести все расчеты по доходам с имущества и передаст их мессеру Диотисальви, чтобы тот рассмотрел, что там в порядке, а что нет, и затем дал ему советы по своему разумению. Мессер Диотисальви обещал проявить в этом деле всяческое рвение и величайшую честность, но, когда документы оказались у него в руках, он обнаружил всюду довольно существенные неполадки. А так как личное честолюбие свое он ставил выше дружеских чувств к Пьеро и памяти былых благодеяний Козимо, то и решил, что теперь ему нетрудно будет отнять у Пьеро его добрую славу и лишить его положения, оставленного ему в наследство отцом. И вот мессер Диотисальви явился к Пьеро с советом, по видимости вполне разумным и благородным, но по существу своему ги-

бельным. Он сообщил ему, что дела его в расстройстве, и назвал сумму денег, которую необходимо иметь для того, чтобы не поколебался его кредит, а вместе с ним его репутация богача и влияние на дела государства. При этом он сказал, что самый правильный способ поправить беду — это постараться получить обратно те деньги, которые отец его мог потребовать от своих должников, как сограждан, так и чужеземцев. Козимо, стремясь заручиться сторонниками во Флоренции и друзьями за пределами ее, был так щедр на деньги, что Пьеро теперь являлся займодавцем на сумму весьма немалую и могущую быть для него существенно важной. Пьеро, которому хотелось дела свои поправить своими же средствами, совет этот показался разумным и справедливым. Но едва лишь он распорядился потребовать возвращения этих денег, как должники пришли в негодование, словно он домогался не своего же добра, а пытался присвоить их имущество, и принялись беззастенчиво поносить его, называя неблагодарным и жадным.

Как только мессер Диотисальви убедился в том, что Пьеро, последовав его совету, утратил в народе всякую популярность, он объединился с мессером Лукой Питти, мессером Аньоло Аччаюоли и Никколо Содерини; и совместно они порешили отнять у Пьеро его влияние и власть. У каждого из них были на то свои причины. Мессер Лука хотел оказаться на месте Козимо — теперь он был уже настолько знатным, что его раздражала необходимость считаться с Пьеро. Мессер Диотисальви, отлично зная неспособность мессера Луки удерживать кормило власти, рассчитывал, что, едва Пьеро будет отстра-

нен, вся забота о государственных делах перейдет к нему. Никколо Содерини хотел, чтобы Флоренция жила свободной и управлялась одними лишь магистратами. У мессера Аньоло были следующие причины для особой ненависти к дому Медичи. Уже довольно давно сын его Рафаэлло женился на Александре Барди, принесшей ему очень значительное приданое. Свекор и муж плохо обращались с ней, то ли по ее вине, то ли по клеветническим наветам; но родич ее Лоренцо ди Ларионе, движимый жалостью к молодой женщине, как-то ночью с помощью большого числа вооруженных людей похитил ее из дома мессера Аньоло. Семейство Аччаюоли подало жалобу на оскорбление, нанесенное ему семейством Барди. Дело было передано для вынесения по нему приговора Козимо, который решил, что Аччаюоли должны вернуть Александре ее приданое, а вернется ли она к мужу или нет — это уж предоставляется на ее усмотрение. Мессер Аньоло счел, что, вынеся такое решение, Козимо поступил в отношении его не по-дружески, но ему он отомстить не мог и теперь решил разделаться с его сыном.

Хотя побуждения у заговорщиков были различные, говорили они только об одном: о стремлении к тому, чтобы республика управлялась магистратами, а не прихотью нескольких могущественных граждан. Вдобавок всеобщая ненависть к Пьеро сильно увеличивалась из-за того, что как раз в это время многие торговцы разорялись, и виновником их разорения открыто выставляли Пьеро: он, мол, своим неожиданным требованием возратить долг довел их до постыдного и невыгодного городу банкротства. К этим поводам для недовольства добавились еще

переговоры, которые Пьеро вел о брачном союзе между своим первенцем Лоренцо и Клариче Орсини. Они послужили новым предлогом для клеветы: уж если он не пожелает, говорили по этому поводу, породниться с каким-либо флорентийским домом, значит, перестал довольствоваться положением флорентийского гражданина и хочет стать властителем родного города, ибо кто не хочет родниться с согражданами, тот стремится превратить их в своих рабов, и в таком случае вполне справедливо, что они не могут быть ему друзьями. Главари заговора уже считали, что победа в их руках, так как большая часть граждан готова была следовать за ними, ослепленная словом «свобода», которое заговорщики написали на своем знамени для придания благовидности своему делу.

Когда город кипел всеми этими страстями, некоторым из тех, кто ненавидел общественные раздоры, подумалось, нет ли возможности отвлечь от них граждан каким-либо новым общественным увеселением, ибо народ, ничем не занятый, большей частью и является орудием в руках смутьянов. И вот, чтобы занять народ, заполнить чем-нибудь его ум и отвлечь от мыслей о положении государства, сослались на то, что прошел уже год после смерти Козимо, можно развлечь граждан, и приняли решение провести два торжественнейших празднества, подобные тем, которые прежде устраивались во Флоренции. Первое было представлением шествия трех восточных царей — волхвов, которым звезда указывала на рождение Христа: представление это обставили с такой пышностью и великолепием, что в течение нескольких месяцев весь город был занят

подготовкой к празднеству и самим празднеством. Второе был турнир — так называется представление поединка между вооруженными всадниками, где выступали самые видные юноши города вместе с наиболее прославленными рыцарями Италии. Причем среди флорентийцев более всех отличился Лоренцо, первенец Пьеро, завоевав первое место не из-за имени своего, а исключительно по личным достоинствам.

Однако, когда празднества эти прошли, к гражданам вернулись прежние мысли, и каждый защищал свое мнение с еще большим пылом, чем когда-либо. От этих разногласий пошли раздоры и немалые смуты, еще усилившиеся из-за двух новых обстоятельств. Первым явилось истечение срока последней балии, вторым — кончина Франческо, герцога Миланского. Преемник его Галеаццо отправил во Флоренцию послов для подтверждения договоров, заключенных его отцом с республикой, а одним из пунктов этого договора было обязательство Флоренции ежегодно выплачивать герцогу определенную сумму денег. Главные противники Медичи воспользовались просьбой нового герцога и при обсуждении этого дела в советах открыто выступили против, заявляя, что дружбу Флоренция вела с Франческо, а не с Галеаццо, и, таким образом, со смертью Франческо прекращаются обязательства, которые не к чему возобновлять. Галеаццо не отличается доблестью Франческо, и союз с ним не может дать никаких выгод. И от Франческо Флоренция не так много получила, а от этого и еще меньше можно добиться. Если же кто из граждан хочет оплачивать его могущество, то он идет против гражданских ин-

тересов и свободы города. Пьеро в противовес этому заявил, что не годится из-за скупости терять такого выгодного союзника, что ни для Флорентийской республики, ни даже для всей Италии нет ничего более полезного, чем дружба с герцогом, чтобы в противном случае венецианцы не попытались бы или показной дружбой, или открытой войной прибрать к своим рукам герцогство Миланское. Ведь едва лишь узнают они, что Флоренция отошла от союза с герцогом, как тотчас же с оружием в руках выступят против него, и так как он молод, едва утвердился на троне и без союзников, они легко справятся с ним либо хитростью, либо силой; но и в том, и в другом случае это будет губельно для Флорентийской республики.

Ни речи Пьеро, ни его доводы не были приняты во внимание, и взаимная враждебность начала проявляться вполне открыто. Обе партии собирались по ночам отдельными группами. Сторонники Медичи — в Крочетте, противники — в церкви Пиета. Последние, стремясь во что бы то ни стало погубить Пьеро, заставили множество граждан подписаться в том, что они сочувствуют этому замыслу. На одном из ночных сборищ они, в частности, советовались насчет того, как им теперь действовать. Все одинаково желали ослабить могущество Медичи, но никак не могли договориться о способе действия. Одни, наиболее умеренные и сдержанные, предлагали просто не возобновлять балию, поскольку срок ее все равно истек. Таким образом стремление всех граждан будет удовлетворено: править будут советы и магистраты, и влияние Пьеро на дела государства само по себе вскоре прекратится. Потеряв это вли-

яние, он потеряет и коммерческий кредит: личные его средства на исходе, а если воспрепятствовать тому, чтобы он использовал общественные, это и приведет его к полному банкротству. Тогда он уже никому не будет страшен, и республика обретет свободу без кровопролития и безо всяких изгнаний из города, чего должен желать каждый хороший гражданин. Наоборот, прибегнув к силе, можно подвергнуться всевозможным опасностям, ибо найдется немало людей, которые не обратят внимания на падение человека, совершившееся, так сказать, само собой, но начнут его поддерживать, если заметят, что кто-то старается его низвергнуть. К тому же, если против Пьеро не принимать никаких чрезвычайных мер, у него не будет ни малейшего предложения вооружаться и искать сторонников. Если же он это все-таки сделает, то к своей величайшей невыгоде: таким поведением он возбудит подозрение в любом гражданине и обрежет себя на верную гибель, дав своим противникам в руки оружие против себя.

Однако многие другие участники сборища не одобряли такой проволочки. Они утверждали, что время работает не на них, а на Пьеро. Естественный ход событий для Пьеро нисколько не опасен, для них же таит немалую угрозу. Враждебные ему магистраты оставят его таким образом в городе, а друзья, погубив этих врагов Медичи, сделают его, как это случилось в 1458 году, всемогущим. И если ранее высказанное мнение вполне благородно, то это является подлинно мудрым. Надо уничтожить его, воспользовавшись нынешним положением, когда умы граждан против него возбуждены. Самый вер-

ный способ действий — вооружиться самим, а для того чтобы иметь поддержку вовне, взять на жалование маркиза Феррарского; когда же на выборах придет к власти дружественная нам Синьория — расправиться с ним. Под конец собравшиеся договорились дожидаться новой Синьории и действовать смотря по обстановке.

Среди заговорщиков находился Никколо Федини, выполнявший на этом собрании обязанности секретаря. Привлеченный гораздо более очевидной выгодой, он раскрыл Пьеро весь замысел его врагов, принесся ему список заговорщиков и всех давших им свою подпись. Пьеро испугался, увидев, сколько граждан, и притом весьма видных, желают его гибели. По совету друзей он тоже решил собрать подписи своих сторонников. Поручив это дело одному из вернейших друзей, он смог убедиться в том, как легкомысленны и неустойчивы умы граждан, ибо многие из тех, кто давал подписи его врагам, расписались теперь в его поддержку.

Пока враги и друзья Пьеро вершили все эти дела, подошло время обновления высшей магистратуры, и гонфалоньером справедливости стал Никколо Содерини. Дивное это было зрелище, когда его велико дворцу в сопровождении не только наиболее именитых граждан, но всего народа, и во время шествия увенчали его венком из ветвей оливы, чтобы показать, что это человек, от которого только и будет зависеть свобода и благо отечества. Этот пример, подобно многим другим, показывает, как нежелательно вступать в важную должность или получать верховную власть, когда окружающие о тебе преувеличенного мнения: делами своими ты не всегда

можешь оправдать это мнение, ибо люди обычно требуют большего, чем то, на что ты способен, а под конец ты обретаешь только позор и бесчестье.

У Никколо Содерини был брат Томмазо. Никколо отличался большей смелостью и энергией, Томмазо — большей рассудительностью. Он был связан с Пьеро узами прочной дружбы. Хорошо зная своего брата и его стремление вернуть республике свободу так, чтобы при этом никто не пострадал, он посоветовал ему составить новые списки кандидатов на должности, включив в избирательные сумки имена только сторонников свободы. При таком способе действий, говорил он, можно укрепить государство безо всяких волнений и никому не нанеся ущерба. Никколо легко поддавался уговорам брата и все время своего пребывания в должности потратил на это тщетные усилия. Друзья его из числа главарей заговора не вмешивались, из зависти они не хотели, чтобы управление государством изменилось благодаря Никколо, рассчитывая, что достигнут этого и при другом гонфалоньере. Срок пребывания Никколо в этой должности кончился, и так как он многое начал, но ничего не довершил, то и сложил с себя полномочия менее почетным образом, чем получил их.

Пример этот весьма приободрил партию Пьеро. Надежды друзей его укрепились, а многие нейтрально настроенные люди перешли на их сторону. Силы, таким образом, уравнились, и в течение нескольких месяцев обе партии выжидали. Однако партия Пьеро постепенно становилась все влиятельней, и это подтолкнуло его врагов: они собрались все вместе и решили силой достичь того, чего не суме-

ли или не захотели получить вполне законным и легким путем. Они вознамерились умертвить Пьеро, который лежал больной в Кареджи, вызвав для этой цели к стенам Флоренции маркиза Феррарского. Решено было также, что после смерти Пьеро все выйдут вооруженные на площадь и принудят Синьорию установить государственную власть по их желанию, ибо, хотя не вся Синьория была на их стороне, они рассчитывали, что противники подчинятся из страха. Мессер Диотисальви, чтобы лучше скрыть эти замыслы, часто навещал Пьеро, говорил ему, что в городе нет никаких раздоров, и убеждал его всячески оберегать единение граждан. Но Пьеро был осведомлен обо всех этих делах, да к тому же мессер Доменико Мартелли сообщил ему, что Франческо Нерони, брат мессера Диотисальви, уговаривал его перейти на их сторону, доказывая, что они несомненно победят, а партия Медичи обречена.

Наконец Пьеро решил первым взяться за оружие и для этого воспользовался сговором своих противников с маркизом Феррарским. Он сделал вид, что получил от мессера Джованни Бентивольо, владельца Болоньи, письмо о том, что маркиз Феррарский со своим войском находится на берегу реки Альбо, открыто заявляя, что идет на Флоренцию. Получив якобы это известие, Пьеро вооружился и, окруженный огромной толпой тоже вооруженных людей, явился во Флоренцию. Тотчас же взялись за оружие все его сторонники, а одновременно и противники. Но у сторонников Пьеро, заранее готовившихся к выступлению, было больше порядка, чем у врагов, еще отнюдь не готовых к проведению в жизнь своих замыслов. Мессер Диотисальви, не считая се-

бя в безопасности дома, поскольку он был соседом Пьеро, то ходил во дворец, убеждая Синьорию заставить Пьеро положить оружие, то к мессеру Луке, чтобы тот не отошел от их партии. Но наибольшую деятельность проявил мессер Никколо Содерини, который тотчас же вооружился и в сопровождении почти всего народа из своей картьеры явился в дом мессера Луки и стал уговаривать того сесть на коня и выехать на площадь, чтобы защитить Синьорию, которая на их стороне. Он доказывал, что победа, несомненно, в их руках, и твердил, что не годится мессеру Луке, оставаясь дома, либо постыдно потерпеть от вооруженных врагов, либо оказаться столь же постыдно обманутым безоружными. Как бы ему не раскаяться, когда будет уже поздно, в своем бездействии: если он хочет насильственного низвержения Пьеро, сейчас это легкодостижимо, если же он предпочитает мирный исход, то лучше находиться в положении диктующего мирные условия, чем выслушивающего их. Однако речи эти несколько не поколебали мессера Луку, ибо он уже забыл свои недружелюбные чувства к Пьеро, который подкупил его обещаниями новых брачных союзов между их семьями и новых выгод. Одна племянница мессера Луки уже была наречена невестой Джованни Торнабуони. Поэтому он стал убеждать мессера Никколо сложить оружие и вернуться к себе домой: вполне достаточно того, что город управляется магистратами, и так будет впредь, оружие должны положить все, а Синьория, где наши в большинстве, пускай будет судьей в гражданских раздорах. Никколо, так и не переубедив его, возвратился к себе, но предварительно сказал: «В одиночестве я не

могу спасти республику, но могу предсказать ее злую судьбу. Решение, вами принятое, погубит свободу отечества, у вас отнимет власть и имущество, у меня и у других родину».

Среди всей этой смуты Синьория заперлась во дворце и вместе со всеми своими магистратами отошла в сторону, не выказывая предпочтения ни одной из партий. Граждане, в особенности те, что последовали примеру Луки, видя, что Пьеро вооружен, а его противники безоружны, стали подумывать уже не столько о том, как повредить Пьеро, сколько о том, как бы с ним сдружиться. Наиболее видные из граждан, главари городских партий, явились во дворец пред лицо Синьории и долго обсуждали дела города и способы, которыми можно было бы умиротворить страсти. Так как Пьеро все время болел и не в состоянии был прибыть на это собрание, все единогласно решили отправиться к нему домой. Единственным исключением оказался Никколо Содерини; предварительно поручив заботу о детях и имуществе брату Томмазо, он удалился в свое поместье, какой оборот примут эти переговоры, от которых ожидал для себя лично беды, а для отечества пагубы.

Прочие же граждане прибыли к Пьеро, и тот из них, которому поручено было выступить с речью, стал жаловаться на смуту в городе, заявив, что главным виновником должен рассматриваться тот, кто первый взялся за оружие. Граждане и правительство не знают, чего именно хочет Пьеро, а ведь он-то первый и вооружился, и поэтому пришли узнать его волю, причем, если она соответствует благу отечества, они готовы ее принять. На это Пьеро

отвечал так. Обвинять в беспорядках следует не того, кто первый взялся за оружие, а тех, кто своим поведением до этого довел. И если хорошенько подумать над тем, как они вели себя по отношению к нему, если принять во внимание все эти ночные сборища, сбор подписей, интриги с целью отнять у него и родной город, и жизнь, то легко увидеть, что из-за них-то он и взялся за оружие. Но ведь оружие оставалось в пределах его дома, и это ясно доказывало его намерения: только защищаться, никому не причиняя вреда и ущерба. Он ничего не хотел, ничего не домогался, кроме безопасности и спокойной жизни, и никогда не высказывал никаких иных намерений, ибо, когда истек срок балии, он и не помыслил о том, чтобы вернуть себе особые полномочия каким-либо чрезвычайным способом; его вполне устраивало, чтобы государством управляли обычные магистраты — только бы они сами этим довольствовались. Пора бы вспомнить, что Козимо и сыновья его умели жить во Флоренции, пользуясь почетом, и с балией, и без балии, а в 1458 году не его дом постарался восстановить балию, а сами граждане. И если теперь они не хотят балии, так ведь и ему она не нужна. Но есть люди, которым этого мало, которые считают, что им не жить во Флоренции, пока он в ней живет. Конечно, он никогда бы не поверил, ему даже в голову не могло прийти, что друзья его и его отца сочтут, что им не жить во Флоренции вместе с ним, человеком, который всегда был известен своей любовью к покою и миру. Затем, обернувшись к мессеру Диотисальви и его братьям, находившимся тут же, он сурово и негодуя попрекнул их благодеяниями, полученными ими от Кози-

мо, доверием, которое он им оказывал, и их черной неблагодарностью. В речах его была такая сила, что многие из присутствующих, глубоко тронутые ими, готовы были тут же на месте расправиться с мессером Диотисальви и его братьями, если бы Пьеро их не удержал. В конце концов Пьеро заявил, что он согласен на все, что постановят явившиеся к нему граждане вместе с Синьорией, ибо просит лишь одного — чтобы ему обеспечили безопасность и покой. Затем речь зашла еще о многих других вещах, но никаких решений принято не было, кроме общего пожелания обновить государственное управление и установить новый его порядок.

(Маккиавелли Н. История Флоренции. — Л., 1973)

ИНТРИГА ПРОТИВ ДОМА МЕДИЧИ

В то время Пацци были во Флоренции одним из самых благородных и богатых семейств. Главой дома был мессер Якопо, и в знак уважения к его происхождению и богатству народ даровал ему рыцарское звание. У него была одна лишь побочная дочь, но множество племянников, сыновей его братьев Пьеро и Антонио; из них наиболее выдающимися являлись Гульельмо, Франческо, Ренато, Джованни, затем следовали Андреа, Никколо и Галеотто. Козимо Медичи, считаясь с богатством и благородством этого семейства, выдал свою внучку Бьянку за Гульельмо в надежде, что, породнившись между собой, оба семейства объединятся, вследствие чего затихнут ненависть и вражда, порождаемые зачастую простой подозрительностью. Но случилось иначе — так неверны и обманчивы человеческие расчеты! Советники Лоренцо все время убеждали его, как опасно и противно его собственному могуществу допускать, чтобы еще в чьих-то руках сосредоточились и богатство, и власть. Из-за этого ни Якопо, ни его племянникам не поручали важных постов, хотя все считали, что они их достойны. Отсюда начало недовольства Пацци и начало опасений со стороны Медичи.

Итак, эта взаимная вражда продолжала усиливаться. И во всех случаях, когда между семейством Пацци и другими гражданами возникали нелады, магистраты высказывались против Пацци. Когда Франческо Пацци находился в Риме, Совет восьми под самым пустяковым предлогом заставил его вер-

нуться во Флоренцию, не оказав ему при этом тех знаков внимания, которые приняты в отношении именитых граждан.

Пацци со своей стороны повсюду высказывали недовольство в речах, оскорбительных, полных презрения. Тем самым они усиливали подозрения своих соперников и с каждым днем все больше вредили самим себе. Джованни Пацци женился на дочери Джованни Борромео, человека исключительно богатого. К дочери после смерти отца должно было перейти состояние семьи, так как других детей он не имел. Однако племянник Борромео, Карло, завладел частью имущества; и, когда дело разбиралось в суде, был специально издан закон, по которому супруга Джованни Пацци лишалась отцовского имущества и оно переходило к Карло. Пацци отлично поняли, что в этом деле повинны были исключительно Медичи. Джульяно неоднократно выражал по этому поводу негодование своему брату Лоренцо, убеждая его, что можно все потерять, когда желаешь приобрести слишком много.

Однако Лоренцо, будучи еще пылким юношей и упиваясь своей властью, желал участвовать во всех делах и отстаивал свои решения. Пацци же, памятуя о своем знатном происхождении и богатстве, не желали терпеть этого, считая, что действия Лоренцо ущемляют их права, и стали помышлять о мщении.

Первым, кто стал плести интригу против дома Медичи, был Франческо. Более чувствительный и смелый, чем другие, он решил приобрести то, что ему недоставало, ставя на карту все, что у него имелось. Ненавидя флорентийских правителей, он поч-

ти все время жил в Риме, где, по обычаю флорентийских купцов, имел немалую казну и вел финансовые дела. Он был связан тесной дружбой с графом Джироламо, и вместе они часто жаловались на поведение Медичи. Дошло до того, что после всех этих совместных жалоб они рассудили, что для того, чтобы один из них мог спокойно существовать в своих владениях, а другой в родном городе, надо произвести во Флоренции переворот, а это, по их мнению, нельзя было сделать, оставив Лоренцо и Джульяно в живых. Они полагали также, что папа и король Неаполитанский охотно поддержали бы их, если бы удалось доказать, что совершить такой переворот нетрудно.

Приняв соответствующее решение, они сообщили о своем замысле Франческо Сальвиати, архиепископу Пизанскому, который из-за честолюбия своего и недавно перенесенной от Медичи обиды охотно согласился им помогать. обстоятельно обдумывая между собой, что следует делать, и стремясь обеспечить себе наиболее верный успех, они пришли к заключению, что в их предприятие необходимо втянуть мессера Якопо Пацци, без которого, как им казалось, ничего затевать нельзя. С этой целью решено было, что Франческо Пацци отправится во Флоренцию, а архиепископ и граф останутся в Риме, чтобы своевременно уведомить обо всем папу. Франческо обнаружил, что мессер Якопо осмотрительнее и тверже, чем им хотелось бы, и сообщил об этом своим друзьям в Рим, а там подумали, что склонить его к заговору может лишь значительно более уважаемое лицо, и потому архиепископ и граф сообщили о своем замысле Джован Баттисте

да Монтесекко, папскому кондотьеру. Тот считался весьма искусным военачальником и многим был обязан папе и графу. Однако он возразил, что план этот трудновыполним и опасен. Тогда архиепископ стал пытаться преуменьшить все эти опасности и трудности: он говорил о помощи со стороны папы и короля, о том, что флорентийским гражданам Медичи ненавистны, что Сальвиати и Пацци могут рассчитывать на поддержку родичей, что с обоими Медичи покончить будет легко, ибо они ходят по городу без спутников, ничего не опасаясь. Когда же их обоих уже не станет, переменить правительство будет совсем легко. Однако Джован Баттисте в это не верил, ибо от многих других флорентийцев он слышал совершенно обратное.

Папой был послан в Пизанский университет для изучения канонического права Рафаэлло Риарио, племянник графа Джироламо. Он находился еще там, когда папа возвел его в кардинальское достоинство. Заговорщики вздумали привезти этого нового кардинала во Флоренцию, где его приезд мог бы послужить ширмой для заговора, ибо к его людям можно было легко присоединить тех участников заговора, которые еще не находились во Флоренции, и тем самым облегчить осуществление этого плана. Кардинал приехал, и мессер Якопо Пацци принял его в своей вилле в Монтуги, недалеко от Флоренции. Заговорщики хотели воспользоваться пребыванием кардинала, чтобы в связи с этим Лоренцо и Джульяно оказались в одном месте и с ними можно было покончить одним ударом. Им удалось устроить так, что кардинал был приглашен к Медичи на их виллу в Фьезоле, но случайно, а может быть, и со-

знательно Джульяно туда не прибыл. Так как этот план не удался, они решили, что, если новый прием состоится во Флоренции, оба брата неизбежно будут присутствовать на нем. Приняв таким образом необходимые меры, они избрали для устройства праздника воскресный день 28 апреля 1478 года. Уверенные в том, что им удастся умертвить Лоренцо и Джульяно во время пиршества, заговорщики собрались в субботу вечером, чтобы разработать план действий на завтрашнее утро. Но утром Франческо сообщили, что Джульяно на приеме не будет. Главари заговора вновь собрались и решили больше не откладывать дела, ибо в тайну было посвящено уже слишком много людей, и она не могла не раскрыться. Поэтому они назначили местом нападения на обоих братьев Медичи Собор Санта Репарата, где они обязательно должны были появиться, так как туда собирался прибыть кардинал. Заговорщики хотели, чтобы Джован Баттисте взял на себя расправу с Лоренцо, а Франческо Пацци и Бернардо Бандини — с Джульяно. Джован Баттисте отказался — то ли душа его смягчилась от общения с Лоренцо, то ли была на то какая другая причина, но он заявил, что никогда не осмелится совершить такое злодеяние в церкви и к предательству добавить еще святотатство. С этого и началась неудача всего их предприятия. Ибо времени оставалось мало, и им пришлось поручить это дело мессеру Антонио да Вольтерра и священнику Стефано — людям, по привычкам своим и по характеру совершенно к этому не пригодным. Если в каком деле необходимы твердость и мужество и равная готовность к жизни и к смерти, то именно в таком, ибо слишком часто в

нем-то и пропадает решимость даже у людей, привыкших владеть оружием и не бояться кровопролития. Приняв эти решения, они назначили покушение на тот момент, когда священник, служащий мессу, совершает таинство евхаристии. В то же самое время архиепископ Сальвиати вместе со своими сторонниками, с Якопо и мессером Поджо, должны были занять дворец Синьории и после смерти обоих молодых Медичи заставить членов ее волей или неволей признать совершившееся.

Когда все было условлено, они отправились в церковь, где уже находились кардинал и Лоренцо Медичи. В храме было полно народу, и служба началась, а Джульяно Медичи еще не появлялся. Франческо Пацци и Бернардо, которым было поручено расправиться с ним, пошли к нему на дом и всевозможными уговорами и просьбами добились того, чтобы он согласился пойти в церковь. Поистине удивительно, с какой твердостью и непреклонностью сумели Франческо и Бернардо скрыть свою ненависть и свой страшный замысел. Ибо, ведя Джульяно в церковь, они всю дорогу, а затем уже в храме забавляли его всякими остротами и шуточками, которые в ходу у молодежи. Франческо не преминул даже под предлогом дружеских объятий ощупать все его тело, чтобы убедиться, нет ли на нем кирасы или каких-либо других приспособлений для защиты.

Джульяно и Лоренцо хорошо знали, как ожесточены против них Пацци и как стремятся они лишить их власти в делах государственных. Однако они были далеки от того, чтобы опасаться за свою жизнь, полагая, что если Пацци и предпримут что-

либо, то воспользуются лишь законными средствами, не прибегая к насилию. Поэтому и они, не опасаясь за свою жизнь, делали вид, что дружески расположены к ним. Итак, убийцы подготовились: одни стояли возле Лоренцо, приблизиться к нему, не вызывая подозрения, было нетрудно из-за большого скопления народа; другие — подле Джульяно. В назначенный момент Бернардо Бандини нанес Джульяно коротким, специально для этого предназначенным кинжалом удар в грудь. Джульяно, сделав несколько шагов, упал, и тогда на него набросился Франческо Пацци, нанося ему удар за ударом, притом с такой яростью, что в ослеплении сам себе довольно сильно поранил ногу. Со своей стороны, мессер Антонио и Стефано напали на Лоренцо, нанесли ему несколько ударов, но лишь слегка поранили горло. Либо они не сумели с этим справиться, либо Лоренцо, сохранив все свое мужество и видя, что ему грозит гибель, стал стойко защищаться, либо ему оказали помощь окружавшие, но усилия убийц оказались тщетными. Охваченные ужасом, они обратились в бегство и спрятались, однако их вскоре обнаружили, предали со всевозможными издевательствами смерти и протащили их трупы по улицам. Лоренцо с окружавшими его друзьями укрылся в ризнице. Бернардо Бандини, видя, что Джульяно мертв, умертвил также Франческо Нори, преданнейшего друга Медичи, то ли движимый давней ненавистью к нему, то ли чтобы не дать ему прийти на помощь Джульяно. Не довольствуясь этими двумя убийствами, он бросился на Лоренцо, чтобы смелостью своей и быстротой довершить то, с чем не справились его сообщники из-за своей слабости и

медлительности, но Лоренцо уже успел укрыться в ризнице, и попытка Бернардо оказалась тщетной. Среди переполоха, вызванного этими трагическими событиями, когда казалось, что самый храм рушится, кардинал удалился в алтарь, где его с трудом защитили священнослужители. Однако после того как смятение улеглось, Синьория доставила его во дворец, где он провел в величайшей тревоге все время до своего освобождения.

Находились тогда во Флоренции несколько перуджинцев, лишенных яростью партийных страстей своего семейного очага, которых Пацци, пообещав вернуть их на родину, вовлекли в свое предприятие. Архиепископ Сальвиати, отправившийся завладеть дворцом Синьории в сопровождении Якопо Поджо, своих родичей из дома Сальвиати и друзей, взял с собой и этих перуджинцев. Придя ко дворцу, он оставил внизу часть бывших с ним людей и велел им, как только они услышат шум, захватить все входы и выходы, а сам с большей частью перуджинцев поднялся наверх.

Было уже поздно, члены Синьории обедали, однако Сальвиати вскоре ввели к Чезаре Петруччи, гонфалоньеру справедливости. Он зашел в сопровождении всего нескольких человек, остальные остались снаружи, и большая часть из них сама себя заперла в помещении канцелярии, так как дверь эта была сделана таким образом, что, если она была закрыта, ее ни снаружи, ни изнутри нельзя было открыть без ключа. Между тем архиепископ, зайдя к гонфалоньеру под тем предлогом, что ему надо передать кое-что от имени папы, начал говорить как-то бессвязно и растерянно. Волнение, которое гон-

фалоньер заметил на лице архиепископа и в его речах, показалось ему настолько подозрительным, что он с криком бросился вон из своего кабинета и, наткнувшись на Якопо Поджо, вцепился ему в волосы и сдал его своей охране. Услышав необычный шум, члены Синьории вооружились чем попало, и все те, кто поднялся с архиепископом наверх, либо запертые в канцелярии, либо скованные страхом, были тотчас же перебиты или выброшены из окон дворца прямо на площадь, а архиепископ, Якопо Сальвиати и Якопо Поджо повешены под теми же окнами. Те же, кто оставался внизу, завладели входами и выходами, перебив охрану, и заняли весь нижний этаж, так что граждане, сбежавшиеся на этот шум ко дворцу, не могли ни оказать вооруженной помощи Синьории, ни даже подать ей совета.

Между тем Франческо Пацци и Бернардо Бандини, видя, что Лоренцо избежал гибели, а тот из заговорщиков, на кого возлагались все надежды, тяжело ранен, испугались; Бернардо, поняв, что все потеряно, и подумав о своем личном спасении с той же решительностью и быстротой, как и о том, чтобы погубить братьев Медичи, обратился в бегство и счастливо унес ноги. Раненый Франческо, вернувшись к себе домой, попробовал сесть на коня, чтобы, согласно решению заговорщиков, проехать с отрядом вооруженных людей по городу, призывая народ к оружию на защиту свободы, но не смог: так глубока была его рана и столько крови он потерял. Тогда он разделся донага и бросился на свое ложе, умоляя мессера Якопо сделать все то, что сам он совершить был не в состоянии. Мессер Якопо, несмотря на свой возраст и совершенную непригодность

ность к такого рода делам, сел на коня и в сопровождении, может быть, сотни вооруженных спутников, специально для этого предназначенных, направился к дворцовой площади, призывая народ на помощь себе и свободе. Однако счастливая судьба и бодрость Медичи сделали народ глухим, а свободы во Флоренции уже не знали, так что призывов его никто не услышал. Только члены Синьории, занимавшие верхний этаж дворца, принялись швырять в него камнями и запугивать какими только могли придумать угрозами. Мессер Якопо колебался и не знал, что ему теперь делать, и тут встретился ему один его родич Джованни Серристоры, который сперва начал укорять его за то, что они вызвали всю эту смуту, а затем посоветовал возвратиться домой, уверяя, что другим гражданам столь же, как и ему, дороги и народ, и свобода. Лишившись, таким образом, последней надежды, видя, что Синьория против него, Лоренцо жив, Франческо ранен, никто не поднимается им на помощь, и не зная, что же предпринять, он решил спасать, если это возможно, свою жизнь и со своим отрядом, сопровождавшим его на площадь, выехал из Флоренции по дороге в Романью.

Между тем весь город был уже вооружен, а Лоренцо Медичи в сопровождении вооруженных спутников удалился к себе домой. Дворец Синьории был освобожден народом, а занимавшие его люди захвачены или перебиты. По всему городу провозглашали имя Медичи, и повсюду можно было видеть растерзанные тела убитых, которые либо несли насаженные на копье, либо волокли по улицам. Всех Пацци гневно поносили и творили над ними всевоз-

возможные жестокости. Их дома уже были захвачены народом. Франческо вытасчен раздетым, как был, отведен во дворец и повешен рядом с архиепископом и другими своими сообщниками. На пути ко дворцу из него нельзя было вырвать ни слова; что бы ему ни говорили, что бы с ним ни делали, он не опускал взора перед своими мучителями, не издал ни единой жалобы и только молча вздыхал. Гульельмо Пацци, зять Лоренцо, укрылся в его доме, спасшись и благодаря своей непричастности к этому делу, и благодаря помощи своей супруги Бьянки. Не было гражданина, который, безоружный или вооруженный, не являлся бы теперь в дом Лоренцо, чтобы предложить в поддержку ему себя самого и все свое достояние, — такую любовь и сочувствие снискало себе это семейство мудростью своей и щедротами. Когда начались все эти события, Ренато Пацци находился в своем поместье. Он хотел, переодевшись, бежать оттуда, однако в дороге был опознан, захвачен и доставлен во Флоренцию. Захвачен был также в горах мессер Якопо, ибо жители гор, узнав о событиях в городе и видя, что он пытается скрыться, задержали его и вернули во Флоренцию. Несмотря на все свои мольбы, он не мог добиться от сопровождавших его горцев, чтобы они покончили с ним в пути. Мессера Якопо и Ренато судили и предали казни четыре дня спустя. Среди стольких погибших в эти дни людей сожаления вызывал лишь один Ренато, ибо был он человек рассудительный и благожелательный и совершенно лишенный той надменности, в которой обвиняли все их семейство. Мессера Якопо погребли в склепе его предков; но как человек, преданный проклятию, он был извле-

чен оттуда и зарыт под стенами города. Однако и оттуда его вырыли и протащили обнаженный труп по всему городу. Так и не найдя успокоения в земле, он был теми же, кто волок его по улицам, брошен в воды Арно, стоявшие тогда очень высоко. Вот поистине ярчайший пример превратностей судьбы, когда человек с высот богатства и благополучия оказался так позорно низвергнутым в бездну величайшего злосчастия. Обвиняли его во множестве пороков, особенно в склонности к игре и сквернословию, большей, чем положено даже самому испорченному человеку. Однако это все он искупал милостыней, щедро оказываемой им всем нуждающимся, и жертвованиями богоугодным заведениям. В похвалу ему можно также сказать, что в субботу, предшествовавшую столь кровавому воскресенью, он, чтобы никто не пострадал от возможной его неудачи, уплатил все свои долги и велел с величайшей щепетильностью возратить владельцам все товары, которые были сданы ему на хранение и находились в таможене или у него на дому. Джован Баттиста да Монтесекко после длительного следствия был обезглавлен; Наполеоне Франчези бегством спасся от казни. Гульельмо Пацци приговорили к изгнанию, а двоюродных братьев его, оставшихся в живых, заключили в темницу крепости Вольтерры.

После окончания смуты и наказания заговорщиков совершено было торжественное погребение Джульяно: все граждане со слезами следовали за его гробом, ибо ни один человек, занимавший такое положение, не проявлял столько щедрости и человеколюбия. После него остался один побочный сын, родившийся через несколько дней после его смерти

и названный Джулио, который наделен был всему миру известными ныне добродетелями и которому судьбой было уготовано высокое предназначение, о чем мы, если Господь Бог продлит дни нашей жизни, обстоятельно поведаем, дойдя в повествовании своем до настоящего времени.

Войска, которые под началом мессера Лоренцо да Каstellо были сосредоточены в Валь ди Тевере и под началом Джован Франческо да Толентино в Романье, двинулись к Флоренции на помощь Пацци, но, узнав о полной неудаче заговора, повернули обратно.

Итак, во Флоренции не произошло никакой перемены правления, желательной папе и королю, поэтому они решили добиться войной того, чего не удалось достигнуть путем заговора.

(Маккиавелли Н. История Флоренции. — Л., 1973)

ЭПОХА, ПОСЛУЖИВШАЯ ПРИМЕРОМ ГРЯДУЩИМ ВРЕМЕНАМ

Парламент, собравшийся в ноябре 1640 года, получил название Долгого. С его созывом для Англии начались годы величайшего национального пробуждения. В парламенте сразу обнаружилась очень сильная оппозиция против королевской власти. Вождем ее стал Пим, проводивший две идеи: во-первых, что парламенту принадлежит большее значение, чем королю, и во-вторых, что в самом парламенте руководящая роль должна принадлежать нижней палате. Лишенный всякой опоры у населения, король пошел на все уступки.

Король без возражения смотрел на освобождение парламентом заключенных из тюрем и признал статут, утверждавший все сборы с населения проводить без согласия парламента. Положение Долгого парламента было укреплено принятием закона, по которому он не мог быть распущен без собственного его на то согласия. Возможность дальнейшего ограничения королевской власти испугала даже многих из членов самого парламента, и уже в 1641 году единодушный дотоле парламента распался на две партии: «круглоголовых», желавших подчинить короля парламенту, и «кавалеров», стоявших на стороне королевской власти.

Король, опираясь на поддержку партии «кавалеров», решился на борьбу с парламентом. Но так как у парламента нашлись свои войска, то разлад между ним и королем должен был принять характер

гражданской войны. В этой войне (начавшейся в 1642 году) столкнулись две Англии — старая и новая, резко отличавшиеся одна от другой. В религиозном отношении парламентская Англия была пресвитерианской и отчасти индипендентской, а королевская — католической и англиканской.

Вся страна разделилась на феодальную аристократическую, ставшую на сторону короля и опирающуюся главным образом на верховную палату, и торгово-промышленную буржуазную и мелких землевладельцев (йоменов); это были классы, давшие особенную силу нижней палате. Сторонники короля имели перевес на северо-западе Шотландии, где население было малочисленно и где строй жизни сохранил феодальный характер, а сторонники парламента — на юго-востоке, где население было зажиточное и где преобладали буржуазные элементы общества. Состав «круглоголовых» был слишком разнороден, чтобы между ними долго могло сохраняться единение. Пресвитериане и индипенденты скоро разошлись друг с другом. На стороне первых стояли главным образом богатые купцы и крупные землевладельцы, не хотевшие идти далее конституционной монархии и боявшиеся установления полной веротерпимости. Из заимствованного из Шотландии пресвитерианизма они хотели сделать государственную церковь и стали истреблять не только папизм и англиканство, но и все формы сектантства. «Терпимость сделала бы из этого королевства хаос, Вавилон, второй Содом и Египет», — писали пресвитериане в одном из посланий парламенту. Они имели внушительное преобладание в нем и боролись с королем, опираясь на парламент. Индипен-

денты стремились к установлению республики. Они вербовали своих сторонников главным образом среди крестьян, хотя вождями их были отчасти и радикальные деятели из числа средней буржуазии и дворян. Они не хотели знать никакой государственной религии и опирались главным образом на армию, состоявшую из демократических общественных слоев.

С расколом оппозиции на две партии английская революция приняла новый характер. Борьба парламента с королем заменилась враждой между пресвитерианским парламентом и индипендентской армией, между тем как король потерял всякое значение. Демократическую армию охватило патриотическое настроение: солдаты признавали себя не наемным войском, а «свободными членами английского народа», собравшимися и оставшимися под оружием с сознанием необходимости защищать свои права и вольности всего народа.

В армии выработалось глубокое демократическое устройство. Солдаты часто устраивались военные собрания и выбирали своих уполномоченных (агитаторов), образовывавших как бы солдатский комитет, ведший переговоры с парламентом и генералами армии.

Громадным влиянием в армии пользовался небогатый помещик Оливер Кромвель, имевший под своим началом отряды так называемых железнобоких, состоявших из пуритан. Главным образом под его влиянием армия и приобрела свой демократический характер.

Напуганные демократическими требованиями армии, пресвитериане перешли на сторону Карла, но

индепендентской армии, еще ранее победившей короля, было нетрудно справиться с врагом.

Битва при Несби положила начало многим победам революционной армии. Король был арестован. Через некоторое время он бежал из-под надзора и вступил в союз с шотландцами, но это не спасло его. Королевское войско было разбито, а сам он вновь арестован. Армия Кромвеля вступила в Лондон.

Завладев зданием парламента, революционные войска заперли входы в палату, исключили по списку многих ее членов, а некоторых арестовали на квартирах. Те письменно просили нижнюю палату об освобождении. На этот раз пресвитериане были окончательно сокрушены. Таким образом, изгнав сто сорок три депутата, из которых большинство не были арестованы, республиканцы и армия, наконец, увидели себя во главе власти, как в парламенте, так и в королевстве. Все уступило, все смолкло после этого; никто не оказал сопротивления, никто не подал голоса против республиканцев. Они одни повелевали и действовали в королевстве и могли уверять себя, что все покорилось им, что все одного мнения с ними. Фанатический энтузиазм их достиг высшей степени.

— Подобно Моисею, — говорил Гут Пегер, читая проповедь перед скудными остатками обеих палат, — вы предназначены освободить народ от египетского рабства. Как может исполниться это предназначение — об этом я еще не имел откровения.

Он закрыл лицо руками, припал к подушке аналоя, лежавшей перед ним и, внезапно поднявшись, продолжал:

— Вот оно, откровение, я сообщу вам его: эта ар-

мия искоренит монархию не только здесь, но и в других державах, окружавших нас, и таким образом выведет вас из Египта. Говорят, что мы вступаем на путь, по которому еще никто не ходил. Но припомните Божию Матерь: разве до Нея были примеры беспорочного зачатия? Мы живем в такую эпоху, которая сама послужит примером грядущим временам.

И республиканцы с восторгом предавались этой мистической гордости. Среди этих восторгов, в тот самый день, когда последние остатки пресвитериан были удалены из палаты (6 декабря 1648 года), Кромвель снова занял свое место в палате.

— Бог свидетель, — повторял он, — я ничего не знал о том, что здесь произошло, но так как дело сделано, то я очень рад: теперь нужно поддержать его.

Палата встретила его живейшими изъявлениями признательности. Президент объявил ему официально благодарность палаты за поход в Шотландию против королевских войск. Оставив заседание, Кромвель отправился в Уайтхолл и расположился в собственных покоях короля.

На следующий день армия овладела кассами разных комитетов, объявляя, что принуждена сама заботиться о своих нуждах, чтобы не быть в тягость государству. Через три дня (11 декабря) она послала генералу Ферфаксу план республиканского правления под заглавием «Новый народный договор». Армия просила подвергнуть его рассмотрению в общем совете офицеров и потом представить парламенту. Между тем нижняя палата, не испрашивая даже согласия лордов, уничтожила все последние акты и решения в пользу примирения с коро-

лем, потому что они могли бы помешать установлению республики.

Наконец снова появились прошения, в которых требовали суда над королем как единственным виновником всего кровопролития, и отряд войска был отправлен из главной квартиры с приказанием арестовать его и привезти в Герст-Кэстля в Виндзор.

17 декабря среди ночи Карла разбудил шум: ему послышалось, что опускают подъемный мост и толпа всадников въезжает на двор замка. Скоро все утихло, но король был в тревоге. Не дождавшись рассвета, он позвонил, чтобы позвать своего адъютанта Герберта, спавшего в соседней комнате.

— Вы ничего не слышали нынче ночью? — спросил Карл.

— Я слышал, как опускали мост, но не посмел без приказа Вашего Величества выйти из комнаты в неуказанный час.

— Узнайте, кто приехал.

Герберт вышел, но скоро возвратился.

— Полковник республиканской армии Гаррисон, Ваше Величество!

Король смутился.

— Вы точно уверены, что полковник Гаррисон?

— Я узнал это от капитана Рейнольдса.

— В таком случае — это верно. Но видели ли вы полковника?

— Нет, Государь!

— А Рейнольдс не говорил вам, зачем он приехал?

— Я употребил все старания, чтобы узнать его, но добился только одного ответа, что причина приезда полковника скоро будет известна.

Король отпустил Герберта и через час позвал его снова. Карл все еще был сильно расстроен, в глазах его заметны были слезы, на лице — отчаяние.

— Извините, Государь, — сказал ему Герберт, — меня очень тревожит, что Ваше Величество так опечалились от этого известия.

— Я не испугался, — отвечал король, — но вы не знаете, что этот самый человек составил проект убить меня во время последних переговоров. Меня письменно уведомили об этом. Я не помню, чтобы я когда-нибудь видел его или сделал ему какое-нибудь зло... Мне не хотелось бы, чтобы на меня напали врасплох. Это место чрезвычайно удобно для такого преступления. Пойдите и снова постарайтесь узнать, с какими намерениями приехал Гаррисон?

В этот раз Герберт был счастлив. Он узнал, что полковник должен перевезти короля в Виндзор не далее как через три дня, и поспешил сообщить об этом королю. Глаза короля заблестели радостью.

— Слава Богу! — сказал он. — Стало быть, они стали сговорчивее. Виндзор мне всегда нравился, я буду вознагражден за все, что пережил здесь.

Через два дня прибывший полковник Коббет, действительно, объявил королю, что имеет приказание тотчас везти его в Виндзор, куда Гаррисон уже отправился. Карл не только не жаловался на это, но даже торопил всех с отъездом. Отряд конницы, который должен был служить ему прикрытием до Уинчестера, ожидал его на расстоянии одного поля от Герст-Кэстля. Везде, где он проезжал, многочисленные толпы дворян, горожан и землевладельцев встречали его по дороге; одни приходили из простого любопытства и удалялись тотчас по проезде его;

другие были глубоко тронуты и громко выражали свои желания, чтобы он был освобожден. Когда он подъезжал к Уинчестеру, мэр и старейшие горожане вышли навстречу и, подавая ему, по обычаю, жезл и ключи города, обратились к нему с речью, исполненной любовью. Но Коббет, неожиданно подъехав к ним, спросил, разве они забыли, что палата объявила изменниками всех, кто станет каким бы то ни было образом обращаться к королю. Испуганные мэр и горожане стали униженно извиняться, уверяя его, что они ничего не знали об этом постановлении палаты, и умоляли Коббета испросить им прощение.

На следующий день король поехал дальше. Между Алресфордом и Фарнгэмом стоял в боевом порядке новый отряд конницы, назначенный на смену кавалерии, до сих пор сопровождавшей короля. Им командовал офицер красивой наружности, в богатом вооружении, в бархатном берете на голове, в колете из буйволовой кожи, перетянutom пунцовым шелковым шарфом. Карл, обратив внимание на его наружность, тихо проехал мимо него; офицер вежливо поклонился. Король подъехал к Герберту и спросил его: «Кто этот офицер?» — «Полковник Гаррисон, Ваше Величество». Король тотчас же воротился назад и так долго и пристально смотрел на полковника, что смущенный Гаррисон отъехал прочь, чтобы уклониться от взглядов короля.

— Этот человек, — сказал король, обращаясь к Герберту, — настоящий солдат с виду. Я хороший физиономист, его лицо мне нравится, он не убийца.

Когда вечером прибыли в Фарнгэм, где поезд должен был ночевать, Карл увидел полковника в уг-

лу залы и дал ему знак приблизиться. Гаррисон повиновался почтительно, но без смущения, с видом суровым и в то же время робким. Король взял его под руку, увел к амбразуре окна, разговаривал с ним около часа и даже сообщил ему об известии, которое получил о нем.

— Это величайшая ложь, Государь! — отвечал Гаррисон. — Вот мои слова, и я могу повторять их: правосудие не должно смотреть на лица, и закон равно обязателен как для больших, так и для малых.

Король прекратил разговор, сел за стол и не говорил более ни слова с Гаррисоном, не подав, однако ж, виду, что он придает его ответу какое-нибудь значение, которое могло бы его беспокоить.

На следующий день Карл I должен был прибыть в Виндзор. Выезжая из Фарнгэма, он объявил, что желает остановиться в Бэгшоте и обедать в лесу у лорда Ньюборо, одного из старейших своих кавалеров. Гаррисон не смел отказать ему, хотя настойчивость, с какою король требовал этого, должна была внушить ему некоторые подозрения. Действительно, он был вправе иметь их. У лорда Ньюборо, страстного охотника до лошадей, был конь, который считался быстрейшим во всей Англии. Ведя уже давно тайную переписку, лорд Ньюборо присоветовал ранить как-нибудь дорогою лошадь, на которой он ехал, и обещал дать ту, на которой он мог бы легко ускакать от своего конвоя и сделать самое горячее преследование напрасным, так как король хорошо знал все тропинки в лесу. Действительно, король во весь переезд от Фарнгэма до Бэгшота беспрестанно жаловался на свою лошадь, говоря, что намерен

взять другую. Но, прибыв на место, он узнал, что лошадь, на которую он рассчитывал, так сильно ушиблась вчера в конюшне, что не могла служить. Лорд Ньюборо был безутешен; он предлагал королю других лошадей, которые тоже были превосходны и могли бы годиться для бегства. Но предприятие было опасно даже и с самой быстрой лошастью, так как всадники, сопровождавшие короля, ехали очень близко от него и с заряженными пистолетами. Карл отказался от такого риска. Прибыв в Виндзор, он обрадовался, что возвратился в один из своих дворцов, в котором мог занять свою прежнюю комнату, и почти уже забыл, что был пленником.

В тот же день (23 декабря) и почти в тот же час нижняя палата приняла решение большинством голосов подвергнуть короля суду и назначила комитет для изготовления обвинительного акта. Несмотря на то что присутствующих членов было немного, это предложение вызвало противоречия: одни говорили, что довольно лишить его престола, как это было сделано с некоторыми из его предшественников; другие, не выражая прямо своего мнения, желали бы отделаться от него тайно, чтобы воспользоваться его смертью, не принимая на себя ответственности, но строгие республиканцы требовали публичного и торжественного суда, который бы доказал их силу и торжественно объяснил их правоту. Кромвель, сильнее других желавший такого суда, все еще лицемерил.

— Если б, — сказал он, — кто-либо сделал такое предложение с умыслом, то я почел бы его за самого презренного изменника на свете; но так как Провидение и требования времени довели палату до об-

суждения такого предмета, то я молю Бога благословить такое решение, хотя сам я и не расположен немедленно подавать своего мнения!

Палата не решилась предать короля суду без закона, по которому бы он мог быть судим, но признала, что со стороны короля было государственным преступлением вести войну против парламента; и, по предложению Скотта, тотчас было сделано постановление, которым учреждался верховный суд, чтобы судить короля. В нем должны были заседать: сто пятьдесят комиссаров, шесть пэров, трое верховных судей, одиннадцать баронетов, десять рейтаров, шесть лондонских олдерменов, важные лица республиканской партии в армии и лидеры нижней палаты.

Когда билль этот был представлен на утверждение верхней палаты 2 января, то это собрание, до сих пор столь раболепное и почти признавшее свою собственную ничтожность, выказало некоторое мужество.

— Нет парламента без короля! — сказал лорд Манчестер. — Поэтому король не может быть преступником против парламента.

— Нижней палатой угодно было, — сказал лорд Денби, — включить мое имя в свое постановление, но я скорее дам изрубить себя на куски, нежели приму участие в такой низости.

— Я не люблю вмешиваться туда, где идет дело о жизни и смерти, — сказал старый граф Немброк... — Я не буду говорить против этого билля, но и не соглашусь на него.

Двенадцать лордов отвергли это постановление. Нижняя палата, не получая на другой день никако-

го ответа от лордов, велела двум своим членам отправиться в верхнюю палату, ознакомиться с протоколом и узнать решение лордов. Когда палата получила ответ (4 января), она решила, что оппозиция лордов не может остановить дела, что народ после Бога есть источник всякой законной власти и что поэтому нижней палате Англии, избранной народом и представляющей его, принадлежит духовная власть. Новым биллем (6 января) она отдала верховному суду, учрежденному именем одной нижней палаты и ограниченному теперь ста тридцатью пятью членами, приказание немедленно собраться, чтобы распорядиться приготовлениями к процессу.

Верховный суд собирался с этой целью в тайных заседаниях 8, 10, 12, 13, 15, 17, 19 января; председателем был Джон Брэдшоу, двоюродный брат Милтона; весьма уважаемый юрисконсульт, он был важен и кроток в обращении, но отличался узким и грубым взглядом на вещи. Он был фанатик по убеждению и в то же время честолюбив, склонен к корысти в денежных делах, хотя и готов был душу положить за свои идеи. Общее смятение было так велико, что в самом верховном суде обнаружилось неодолимое разъединение: никакими приказами невозможно было собрать на предварительные совещания больше пятидесяти восьми членов. Ферфакс был только на первом из них. Даже многие из числа являвшихся приходили единственно затем, чтобы объявить свое несогласие. Так поступил, между прочим, Алджернон Сидней, человек молодой еще, но имевший уже большое влияние в республиканской партии.

Суд, наконец, начал заниматься установлением

формальностей процесса. Джот Кит, довольно известный адвокат и близкий друг Мильтона, был назначен генеральным прокурором, и в этом звании должен был выступить как при начертании обвинительного акта, так и во время прений. Эслинг, бывший до тех пор секретарем нижней палаты, отказался от должности под предлогом болезни. Генри Скобелл был выбран на его место. Особенное внимание было обращено комиссией на то, какие полки и сколько их должны быть налицо в течение процесса и где расставить караулы. Они были размещены даже на крышах; везде, где из какого-нибудь окна можно было видеть залу, устроили заставы, чтобы отделить народ не только от судей, но и от солдат. Наконец назначили день (20 января), в который король должен был явиться пред судилищем, а 17 числа, как будто приговор уже был вынесен, палата снарядила особый комитет — осмотреть все дворцы, замки и резиденции короля и оставить подробную опись его движимости, поступавшей отныне в собственность парламента.

Король был казнен. Властвовать стала крайняя партия — индепенденты. Кромвель носил титул Протектора английской республики. Он управлял с помощью десяти военачальников (по числу округов). Кромвель умер в 1658 году. После него наступила контрреволюция. Страна, измученная жестоким управлением Кромвеля, бурно приветствовала переворот, совершенный одним из полководцев, в результате которого на престол был возведен сын казненного Карл король Карл II.

(Корона и эшафот: Сборник. — М., 1991)

ОДИНОЧЕСТВО МАРИИ АНТУАНЕТТЫ

...За резким падением ножа гильотины следует беспокойная тишина. Казнью Людовика XVI Конвент хотел провести кроваво-красную линию раздела между королевством и республикой. Ни один депутат — а ведь многие из них испытывали тайное сожаление, толкнув этого слабого, добродушного человека под нож гильотины, — и не думает о том, чтобы предъявить какое-либо обвинение Марии Антуанетте. Без обсуждения Коммуна выдает вдове затребованное ею траурное платье, надзор заметно ослабевает, и если королеву и ее детей вообще еще держат под охраной, то объясняется это лишь желанием иметь в руках драгоценный залог, который должен сделать Австрию более покладистой.

Но расчеты не оправдываются: французский Конвент переоценил чувства любви Габсбургов к членам своей семьи. Император Франц, тупой и бездушный, жадный и лишенный всякого внутреннего величия, совсем не думает извлечь из фамильной шкатулки, в которой помимо «Флорентийца», лежит бесчисленное количество других драгоценностей, хотя бы один драгоценный камень, чтобы выкупить близкую родственницу. Кроме того, австрийская военная партия прилагает все усилия к тому, чтобы провалить переговоры. Правда, Вена с самого начала торжественно заявила, что начинает эту войну лишь по идейным соображениям, а не ради территориальных завоеваний и репараций; Французская революция вскоре также откажется

от своих слов, но в природе любой войны — неизбежное превращение ее в захватническую. Генералы очень неохотно позволяют кому бы то ни было вмешиваться в ведение войны — История подтверждает это. Слишком редко народы предоставляют военным это удовольствие, поэтому, дорвавшись до войны, они полагают, что, чем дольше она будет, тем лучше. Напрасно старый Мерси, все время побуждаемый другом королевы Ферзенем; напоминает венскому двору, что, поскольку Мария Антуанетта лишена титула французской королевы, она вновь стала австрийской эрцгерцогиней и членом императорской семьи, и, следовательно, моральный долг императора — потребовать выдачи ее Вене. Но как мало значит в мировой войне одна женщина-пленница, как ничтожна ценность одной живой души в циничной игре политики! Всюду сердца остаются холодными, двери — запертыми. Каждый монарх утверждает, что он потрясен случившимся; но ни один из них и пальцем не шевельнет ради спасения королевы.

Известны три попытки освободить державную пленницу.

Первую, движимый чувством гуманности, предпринял один из стражей Тампля, герой штурма Бастилии (!) Тулан — его выдала приставленная к королеве шпионка Тизон; на вторую попытку решился неистовый барон де Бац (тот самый, что во время следования Людовика XVI к месту казни выступил с безумным призывом спасти обреченного). План побега был сорван бдительным представителем городских властей сапожником Симоном (ставшим затем «воспитателем» сына короля, девятилет-

него Луи Капета, разлученного с матерью). Ужесточая надзор за «преступницей», ее переводят из Тампля в тюрьму Консьержери, прозванную в народе «прихожей смерти». Впрочем, Конвент не торопится с процессом над королевой, считая ее драгоценной заложницей: ведь в любой момент австрийские войска могут оказаться под Парижем. И вот в те июльские дни 1793 года предпринимается, на этот раз верным другом Марии Антуанетты Ферзенном, последняя попытка вызволить ее. После того как его отчаянный призыв к ближайшему окружению Габсбургов спасти королеву не был услышан, Ферзен начинает действовать. Его план должен осуществить гвардейский офицер Ружвиль. Он пишет Марии Антуанетте, та отвечает, но ее записка, искусно наколотая иглой, делается добычей жандармов. И снова — провал!

И Мария Антуанетта может повторить слова, сказанные Людовиком XVI Ферзену: «Весь мир покинул меня».

Так неудачно начатый заговор зловеще приближает роковую развязку. Сразу же покончено с мягким, снисходительным обращением с заключенной. У нее отбирают все личные вещи, последние кольца, даже маленькие золотые часы, привезенные из Австрии (последняя память о матери), даже маленький медальон с любовно хранимыми локонами детей. Само собой разумеется, изымаются иголки, с помощью которых она так изобретательно написала записку Ружвилю, запрещается зажигать свет по вечерам. Снисходительного Мишони увольняют с работы, мадам Ришар — также, вместо нее теперь будет другая надзирательница, мадам Бол. Одно-

временно магистрат декретом от 11 сентября предписывает эту неисправимую женщину, эту заключенную, не раз пытавшуюся бежать, перевести в более надежно охраняемую камеру; а так как в Консьержери не найти такой, которая показалась бы перепуганному магистрату достаточно надежной, освобождается помещение аптеки, которое оборудуется двойными железными дверями. Окно, выходящее на глухой двор, замуровывается до половины высоты решетки; двое часовых под окном; круглосуточно поочередно дежурящие в смежном помещении жандармы жизнью отвечают за заключенную. Теперь никто незванным не явится в камеру, придет лишь призванный по долгу службы — палач.

И вот стоит Мария Антуанетта на последней, на нижней ступени своего одиночества. Новые тюремщики, как бы они ни были расположены к ней, не решаются более разговаривать с этой опасной женщиной, жандармы — также. Маленьких часиков, своим слабым тиканьем вымеряющих бесконечное время, нет, рукоделием заниматься она не может, ничего не оставлено ей, одна лишь собачка. Теперь, спустя двадцать пять лет, в полном одиночестве, вспоминает Мария Антуанетта об утешении, так часто рекомендованном матерью: впервые в своей жизни она требует книг и читает их одну за другой своими слабыми, воспаленными глазами; книг на нее не напасть. Не романов просит она, не пьес, ничего веселого или сентиментального, ничего о любви, очень уж все это напоминает о прошлой жизни — лишь книги о необыкновенных приключениях, описания экспедиции капитана Кука, повествования о кораблекрушениях, об отважных путеше-

ственниках, книги, которые захватывают, отвлекают, возбуждают, заставляют сильнее биться сердце, книги, читая которые забываешь время, мир, в котором живешь. Вымышленные, воображаемые персонажи — единственные товарищи ее одиночества. Никто не посещает ее, днями не слышит она ничего, кроме колоколов Сент-Шапель, расположенной поблизости от Консьержери, да визга ключа в замке, затем опять тишина в низкой камере, узкой, сырой и темной, словно гроб. Недостаток движения, воздуха утомляет ее, обильные кровотечения ослабляют. И когда ее, наконец, вызывают на суд, старая седая женщина из долгой ночи выходит на дневной свет, уже забытый ею.

На первом допросе 6 октября присутствуют мэр Паш, синдик Шометт, Эбер и другие депутаты ратуши; во втором, 7 октября, судя по подписи, принимает участие знаменитый художник и в то же время один из самых беспринципных людей революции, Давид. Сначала вызывают главного свидетеля — ребенка восьми с половиной лет: сперва его спрашивают о других событиях в Тампле, и болтливый мальчик, не понимая всей важности своих показаний, выдает тайного пособника своей матери, Тулана, и некоторых других ее доброжелателей. Затем допрашивающие переходят к деликатной теме, и здесь протокол свидетельствует: «Не раз Симон с женой замечали за ним в постели неприличные привычки, которые вредят его здоровью, он же отвечал им, что этим опасным действиям был обучен матерью и тетей и они часто забавы ради заставляли его проделывать все это при них. Обычно это происходило тогда, когда они укладывали его

спать с собой в постель. Из рассказов ребенка мы поняли, что однажды мать побудила его к сношению с ней, что привело к половому акту, следствием этого было также вздутие его мошонки, после чего он стал носить бандаж. Мать запретила ему говорить об этом, и с тех пор такие сношения повторялись много раз. Кроме того, он обвиняет также Мишони и некоторых других, особенно доверительно беседовавших с его матерью».

Черным по белому фиксируется, семью или восемью подписями, подтверждается эта чудовищная ложь: подлинность документа, факт, что сбитый с толку ребенок действительно дал такие ужасные показания, не подлежат сомнению; единственное, что еще можно обсуждать, так это причину, по которой текст, содержащий обвинение в кровосмешении с ребенком восьми с половиной лет, записан дополнительно на полях — может быть, инквизиторы сами опасались документально зафиксировать эту клевету? Но чего не сотрешь, не подчистишь, так это подпись: «Louis Charles Carpet», стоящую под протоколом допроса, гигантскими, с трудом выведенными детски неуклюжими буквами. Действительно, в присутствии этих чужих людей ребенок предъявил своей матери самое мерзкое, самое гнусное обвинение.

Но этого бреда мало — следователи хотят основательно выполнить порученное им дело. После мальчика допросу подвергается пятнадцатилетняя девочка, его сестра. Шометт спрашивает ее, «не касался ли ее брат, не трогал ли так, как не следовало бы трогать, когда она играла с ним, клали ли его с собой в постель мама и тетя». Она отвечает: «Нет». И тут

обоим детям (ужасная сцена), девятилетнему и пятнадцатилетней, устраивают очную ставку, чтобы они в присутствии инквизиции могли спорить о чести своей матери. Маленький дофин остается при своем, пятнадцатилетняя девочка, испуганная присутствием суровых мужчин и запутавшись в этих непристойных вопросах, каждый раз пытается уклониться от прямого ответа — она ничего не знает, она к тому же ничего не видала. Затем вызывается третий свидетель — Мадам Елизавета, сестра короля; эту двадцатидевятилетнюю энергичную девушку не так легко допрашивать, как простодушных, запуганных детей. Едва ей предъявляют протокол снятого с дофина допроса, кровь бросается в лицо оскорбленной девушки, она отшвыривает бумагу и говорит, что подобная гнусность слишком низка, чтобы удостоить ее ответа. Тогда — еще одна ужасная сцена — ей устраивают очную ставку с мальчиком. Он держится храбро и дерзко: она и его мать подбивали его на эти безнравственные поступки. Мадам Елизавета теряет самообладание. «Чудовище!» — кричит она с ожесточением, в оправданном и беспомощном гневе на этого изолгавшегося карапуза, обвиняющего ее в таких непристойностях. Но комиссары уже услышали все, что хотели услышать. Аккуратнейшим образом подготавливается и этот протокол, и Эбер с триумфом несет три документа следователю, уверенный, что отныне для современников и потомков на вечные времена королева обличена, выставлена к позорному столбу. Патриотически выпятив грудь, он предлагает выступить в Трибунале как свидетель с обвинением Марии Антуанетты в постыдном кровосмешении.

Эти показания ребенка против своей матери давно уже являются загадкой для биографов Марии Антуанетты.

Около одиннадцати часов ворота Консьержери открываются. Возле тюрьмы стоит телега палача, нечто вроде фуры, в которую впряжена могучая лошадь, битюг. Людовик XVI к месту казни следовал торжественно — в закрытой королевской карете, защищенной застекленными окнами от причиняющих мучения выпадов ненависти и грубости зевак. За это время революция в своем стремительном развитии ушла очень далеко: теперь она требует равенства даже в шествии к гильотине, король не должен умирать с большими удобствами, чем любой другой гражданин, телега палача достаточно хороша для вдовы Капет. Сиденьем служит доска: и мадам Ролан, Дантон, Робеспьер, Фукье, Эбер — все, кто послал Марию Антуанетту на смерть, — свой последний путь совершат, сидя на такой вот ничем не прикрытой доске; ненамного осужденная опередила своих судей.

(Корона и эшафот: Сборник. — М., 1991)

КТО УБИЛ ГЕРЦОГА ЭНГИЕНСКОГО?

Ночью, с 14 на 15 марта 1804 года, маленький немецкий городок Эттенхейм, расположенный в нескольких километрах от берега Рейна на территории Бадена, спал спокойным, мирным сном. Нейтральное баденское государство, вскоре по воле Наполеона ставшее великим княжеством, находилось в добрых отношениях со своим могущественным соседом. Казалось, ничто — ни ситуация в Европе, ни погода — не предвещало бурь и потрясений. Но безмятежный сон местных бюргеров был на рассвете прерван.

Отрядом французских драгун и жандармов, переправившихся утром через Рейн, командовал генерал Мишель Ординер. Свою службу он начал рядовым в войсках Конде еще в 1773 году. В период революции он стал лейтенантом, а позднее первый консул назначил его командиром конных гренадеров своей гвардии.

Атака велась по всем правилам. В половине шестого утра французы окружили небольшой дом. Находившиеся в нем люди были захвачены врасплох. Ординер арестовал Луи Антуана Анри де Бурбона Конде, герцога Энгийенского. Вместе с ним задержали еще 12 человек. В 9 часов отряд со своими пленниками отправился в обратный путь. Дерзкий набег, грубо нарушивший суверенитет иностранного государства, завершился для его организаторов успешно.

Что представлял собой человек, ставший героем этой авантюрной операции?

Герцог Энгиенский был последним представителем мужской линии рода Конде. Он родился в Шантийи, под Парижем, 2 августа 1772 года. В начале революции эмигрировал. Участвовал в войне против революционной Франции. Поселился в Граце, а потом в Эттенхейме, где жил в обществе княгини Шарлотты де Роан-Рошфор. Имущество герцога во Франции было конфисковано, и он располагал лишь 250 гинееми в месяц, выплачиваемыми английским правительством.

Молодой отпрыск королевского дома Бурбонов не являлся значительной политической фигурой и не играл сколько-нибудь заметной роли в монархической эмиграции. Но он олицетворял низвергнутую династию. Именно это и стоило ему в конце концов жизни.

20 марта, через пять дней после похищения, герцога Энгиенского доставили в Париж, в Венсеннский замок, а уже вечером военная комиссия приговорила его к смертной казни за участие в антигосударственном заговоре. Каких-либо серьезных доказательств обвинения не содержало. Через несколько часов с неслыханной поспешностью герцог Энгиенский был расстрелян во рву замка, где и был похоронен.

Ответ на вопрос, что же произошло, состоял в том, что первый консул и его ближайшее окружение подготовили и осуществили крупную политическую провокацию. Она была тесно связана с главной задачей, стоявшей в то время перед Бонапартом, — провозглашением Империи.

Формально Первая республика во Франции еще продолжала существовать со всеми своими внешни-

ми атрибутами, но последнюю точку в ее жизнеописании следовало бы поставить уже в 1802 году.

«Похоронам» республики препятствовали многие факторы и среди них — международные. Амьенский мир оказался недолговечным. 12 мая 1803 года дипломатические отношения между Англией и Францией были прерваны. Началась «странная война», как справедливо замечал А. З. Манфред, «льва и кита». «Франция не имела флота, чтобы поразить Англию на море. Британия не имела армии, чтобы одолеть Францию на суше. Один на один они оставались недосягаемы друг для друга. Следовательно, борьба между двумя западными державами с неизбежностью становилась борьбой за континентальных союзников». Английская дипломатия действовала настойчиво и активно. Уже вырисовывались контуры третьей антифранцузской коалиции. Бонапарт бросил очередной вызов монархической Европе.

Первый консул нуждался в демонстрации силы и по ряду внутривнутриполитических соображений. Оппозиция зрела в святая святых его режима — в армии. Недовольные сделали своим лидером генерала Жана Моро. Хотя Стендаль и писал о Моро, что «руководить каким бы то ни было движением он никогда не умел», тот все же вступил в опасный для Бонапарта контакт с Бернадоттом. Открыто выражали свое недовольство далеко идущими планами первого консула генералы Ланн, Брюн, Ожеро. Но вскоре им была предложена дипломатическая работа: Ланн выехал посланником в Лиссабон, Брюн — в Константинополь.

Наконец, имелись причины, непосредственно за-

трагивавшие безопасность самого первого консула. По словам Фуше, в начале 1804 года воздух был «наполнен» кинжалами. Парижане помнили об ужасном взрыве «адской машины» на улице Сен-Никез, в результате которого погибли 22 человека. Бонапарт случайно спасся от гибели. Его кучер не остановился перед мешавшей проезду тележкой со взрывным устройством, а пустил лошадь вскачь. Организатором покушения был Жорж Кадудаль — один из предводителей шуанов, бретонский крестьянин огромного роста и поистине медвежьей силы, фанатично преданный Бурбонам.

После разрыва англо-французских дипломатических отношений поток сообщений о готовящихся покушениях усилился. Бонапарт поручил их расследование государственному советнику Пьеру-Франсуа Реалю. Этот чиновник имел уже 20-летний опыт работы в судебных органах. Реаль являлся первым помощником прокурора Коммуны Пьера Шометта. Вторым помощником был Жак Эбер, редактор популярной газеты «Папаша Дюшен», казненный во времена якобинской диктатуры. Тогда арестовали и Реаля.

Термидорианский переворот сохранил ему жизнь. Судебный чиновник решительно расстался со своими демократическими иллюзиями, 18 брюмера поддержал Бонапарта и был за это вознагражден, получив пост заместителя министра юстиции.

Неутомимый и преданный первому консулу Реаль сообщил своему повелителю потрясающие новости. Кадудаль находится в Париже. В заговоре участвуют два знаменитых генерала республики — Жан-Мор, герой Гогенлиндена, и Шарль Пишегрю,

бывший командующий Рейнской армией. Моро захватили на его квартире. В Париже в доме 39 по улице Шабане арестовали спящего Пишегрю. Он не успел даже выхватить пистолет и кинжал, спрятанные в изголовье постели. Генерал оказал полицейским бешеное сопротивление. 9 марта схватили и Кадудалю.

В ходе допросов выяснилось, что заговорщики ждали высокого гостя — представителя дома Бурбонов. Фамилия его не была названа. Кто же это мог быть? Герцог Ангулемский — сын графа Д'Артуа — находился в Польше. Ни Д'Артуа, ни принц Конде, ни герцог де Барри не покидали английскую территорию. Но 1 марта Талейран сообщил, что в Эттенхейме, совсем рядом с французской территорией, живет герцог Энгийенский.

Реаль немедленно пошел по следу. По его поручению префект департамента Нижний Рейн направил жандармского унтер-офицера Ламота в Баден. Тот выяснил, что в Оффентурге, в нескольких километрах от Страсбурга, собираются руководители армии Конде. А в Эттенхейме Ламоту назвали и человека, близкого к герцогу Энгийенскому, — маркиза Тюмери. Немецкое произношение исказило звучание имени, и француз записал: Дюмурье. Доклад вскоре попал на стол Бонапарта.

Первый консул был вне себя от гнева. Как! Бурбоны устраивают заговоры против него вместе с изменником Дюмурье. Бывший министр иностранных дел республики, победитель при Вальми, перешедший теперь на сторону врагов Франции, не гнушался ролью наемного убийцы!

Твердая и даже беспощадная линия в отношении

Бурбонов сочетала противоречия, но взаимосвязанные для первого консула аспекты: во-первых, она как бы продолжала революционную традицию и, во-вторых, прокладывала дорогу к империи. Но и трудности были значительными. Нельзя было не предвидеть жесткую реакцию европейских монархов, а во Франции не следовало недооценивать вынужденное молчание оппозиционных элементов. Нужно ли прибегать к самым крутым мерам? На этот вопрос Бонапарт пока еще не дал ответа.

Зато позиция Талейрана была совершенно определенной и глубоко враждебной герцогу Энгиенскому. Казалось, именно ему по долгу службы следовало проявлять особую осторожность в вопросе, непосредственно затрагивавшем внешнеполитические интересы Франции. И его позиция в отношении Бурбонов никогда не была однозначной. Бывший епископ не забывал о своем происхождении, о своих аристократических связях. Он старался не сжигать полностью мосты, ведущие в лагерь свергнутой монархии, если только в пожаре событий они не сгорят сами. В то же время письма Талейрана к будущему Людовику XVIII отнюдь не казались их автору такими произведениями эпистолярного жанра, интерес к которому широкой публики следовало бы поощрять.

Бонапарт нередко упрекал своего министра за терпимость к монархистам, за призывы к сдержанности, за просьбы о помиловании. Но в отношении герцога Энгиенского милосердия у Талейрана не было. Он жаждал крови молодого Конде. Почему?

Если для себя Талейран никогда не исключал возможности примирения с Бурбонами, то первого

консула он неизменно и неутомимо толкал на путь беспощадной конфронтации с королевской семьей. Но вот соглашение Бонапарта с Бурбонами неизбежно означало бы не только полное отстранение Талейрана от власти, но, возможно, и гибель. Что угодно, но только не мир между прошлым и будущим французскими режимами! Вот почему он, говоря словами Барраса, хотел создать между Бурбонами и Наполеоном «кровавую реку».

Стендаль писал: «Талейран без устали твердил Наполеону, что спокойным за свою династию он сможет быть только тогда, когда уничтожит Бурбонов». Играя в деле герцога Энгийенского самую активную роль, министр внешних связей старался, как и всегда в подобного рода случаях, оставаться в тени.

Бонапарт называл Талейрана в истории с юным Конде своим «злым гением». «Кто меня побуждал к наказанию этого человека, этого несчастного герцога Энгийенского? Кто мне раскрыл тайну его местонахождения?», — в гневе восклицал император, обращаясь к своему министру в январе 1809 года. Разумеется, нельзя возлагать всю ответственность за кровавую драму на одного Талейрана. Решения в конечном счете принимал Наполеон. Однако именно Талейран сообщил Бонапарту первые сведения о герцоге Энгийенском. 8 марта 1804 года он писал своему шефу: должны предстать перед судом «авторы, актеры и соучастники недавнего открытого заговора. Его участники — люди фрюктидора и ванндейцы, которые им помогают. Ими руководит принц из дома Бурбонов. Цель состоит, несомненно, в том, чтобы убить вас. Вы имеете право на личную оборону».

Документ не дает оснований для нескольких толкований. Тем не менее делались попытки доказать, что это письмо было написано секретарем Талейрана — Перре, искусно подделывавшим почерк и подпись своего начальника. Но такая версия не выдерживает критики. Перре пришел на работу в министерство только в 1806 году.

Талейран никогда не забывал об этом письме. Он даже попытался сжечь написанные его рукой беспощадные строки. Но документ уже видели два свидетеля. «Я держал письмо в своих руках», — вспоминал Шатобриан. «Это письмо было полностью написано рукой Талейрана и подписано им», — признавал секретарь Наполеона Меневаль.

10 марта состоялось чрезвычайное заседание Государственного совета, на котором присутствовали Наполеон, второй и третий консулы — Камбасарес и Лебрен, министр юстиции Ренье, Талейран и бывший министр полиции Фуше. Талейран изложил суть дела и настаивал на похищении герцога Энгийенского. Его поддерживал Фуше, опасавшийся мести Бурбонов. Только Камбасарес призывал к осторожности и умеренности.

По одной версии, на этом заседании Бонапарт заявил: «Я сумею покарать заговорщиков, и голова виновного послужит мне оправданием». Тут же последовала взволнованная реплика Камбасареса: «Я осмелюсь думать, что, если бы такой персонаж оказался в вашей власти, суровость не дошла бы до такой степени». Бонапарт смирил взглядом второго консула с ног до головы и твердо заявил: «Знайте, что я не хочу щадить тех, кто подсылает ко мне убийц».

Инструкции Бонапарта Мюрату повез адъютант первого консула, прослуживший ему 18 лет, — Анн-Жан-Мари-Рене Савари. Молодому генералу было в то время около 30 лет. Его считали одним из самых красивых мужчин в наполеоновской Франции — высокий рост, чистый лоб, голубые глаза. С Бонапартом его связывали и родственные связи: Жозефина женила его на своей кузине.

Бонапарт трезво оценивал способности и возможности своего верного слуги. Он писал Мюрату, что Савари бездарен, вместе с тем — это «человек энергии и усердия». Но зато Савари был предан Бонапарту до самозабвения. Один французский офицер сказал о Савари: «Если бы император предложил ему вас убить, он взял бы вас за руку и сказал: я в отчаянии от того, что посылаю вас в другой мир, но такова воля императора».

Таким был человек, доставивший 20 марта 1804 года в 18 часов военному губернатору Парижа письмо первого консула. Его содержания Савари, по его словам, не знал. В приемной губернатора посланец Наполеона увидел Талейрана, выходявшего от Мюрата. О чем говорили министр и губернатор, так и осталось тайной. Но вот что утверждает Савари: «Было необходимо, чтобы какой-то значительный человек выступил посредником между первым консулом и губернатором Парижа, чтобы вынудить последнего действовать быстро и убедить его в том, что, хотя первый консул и не хотел дать точный приказ, цель которого — исчезновение герцога Энгийенского, он был бы доволен, если бы это случилось».

По приказу Мюрата Савари около 19 часов при-

был в Венсен и взял на себя командование его гарнизоном. К 22—23 часам приехали члены военной комиссии — командиры отдельных частей парижского гарнизона, преданные Бонапарту. Председателем комиссии Мюрат назначил генерала Пьера-Огюстена Юлена, участника взятия Бастилии. В период Реставрации он сидел год в тюрьме, но судьба уберегла его от гильотины.

Во время суда над герцогом Энгийенским, начавшегося в час ночи, Савари не покидал зал. Он стоял за креслом председателя словно неумолимый рок. Подсудимый попросил о свидании с первым консулом. Один из членов комиссии поддержал его, но Савари назвал эту просьбу «несвоевременной». Что же произошло дальше?

И вот смертный приговор вынесен. Между тем формальные правовые требования оказались невыполненными. Члены комиссии не были даже достаточно компетентны, чтобы сослаться на соответствующие статьи закона. Приговор подписал секретарь суда. Иными словами, этот документ не имел законной силы. Однако Савари заявил членам военной комиссии: «Господа, ваше дело закончено, остальное касается меня».

Там, где следовало торопиться, слуги первого консула торопились. А если надо было «вовремя опоздать», то и это они делали успешно. И на всех этапах дела герцога Энгийенского неизменно появлялась прихрамывающая фигура князя Талейрана.

Разумеется, Бонапарт учитывал возможную реакцию общественного мнения, прежде всего европейского. Несомненно, точка зрения, согласно которой для первого консула этические категории в по-

литике не имели значения, ошибочна. Но он лишь делал вид, что заботился о соблюдении законности. И вечером 20 марта послал Реалю приказ выехать в Венсен для допроса герцога. Однако в это время государственный советник якобы уже спал и просил его не будить. Пакет остался нераспечатанным до утра. Только утром Реаль выехал в Венсенн, но встретившийся ему по дороге Савари рассказал о том, что случилось минувшей ночью. Судя по всему, Талейран оказал давление и на Реалья — единственного человека, который мог придать приговору законную юридическую форму и тем самым отсрочить казнь герцога.

Но мог ли точный, как хорошие часы, Реаль не вскрыть немедленно конверт с посланием своего патрона? «Ловкий маневр Реалья с целью снять с себя ответственность? Или подлинная усталость? Или... Талейран, встревоженный тем, что герцога будут допрашивать по стеснительным для бывшего епископа вопросам, посоветовал Реалю исчезнуть на ночь?», — пишет французский ученый Жан Тюляр.

Более определенную позицию занимает Андре Кастело: «Реаль разыграл комедию. В действительности он еще накануне вечером нашел и прочитал приказ Наполеона, хотя он и утверждал обратное». Особенно важно признание самого государственного советника, сделанное им Савари значительно позже описываемых событий. «Вы хорошо знаете, что именно заставил меня сделать Талейран». Эти слова — прямое обвинение в адрес хозяина особняка Галифе. Добавим к ним и обличительную похвалу первого консула, откровенно признавшего, что

«князь Талейран вел себя в этом случае как верный министр».

Итак, принципиальные решения по делу герцога Энгийенского принимал Бонапарт. Секретной стороной дела занимался Талейран. Савари явился непосредственным исполнителем их воли. Генерал-адъютант, впрочем, попытался оправдать себя перед историей. В своих мемуарах Савари пишет, что после заседания военной комиссии к нему явился пехотный офицер и спросил, где разместить отряд для исполнения приговора. «Там, где вы не сможете кого-либо ранить», — ответил Савари.

«Я клянусь, от имени всех моих коллег, что эта казнь не была разрешена нами: нам приговор предусматривал отправку сообщения военному министру, министру юстиции и командующему, губернатору Парижа. Только последний мог дать на законных основаниях приказ о казни; копии не были еще отправлены: их не могли закончить до известного времени». Эти слова принадлежат генералу Юлену. Он продолжал: «Мы не знаем, имел ли приказ тот, кто столь жестоко ускорил эту роковую казнь. Если он его не имел, он один несет ответственность, если он его имел, комиссия непричастна к этому приказу».

Савари действовал быстро и решительно. Жестокость и бездумная твердость были теми чертами его характера, которые и ценил Бонапарт. Его адъютант не размышлял, когда он знал волю своего повелителя. И вряд ли прав Морис Шуман, член Французской академии наук, когда пишет, что Савари действовал на свой страх и риск: он проявил инициативу, сам интерпретировал желания и намерения первого кунсула. К тому же, замечает Шу-

ман, генерала «обидели». Мюрат обошелся с ним как с простым посыльным. И вот представился случай «показать себя».

Но независимость отнюдь не была в характере генерала (хотя в решительности ему нельзя было отказать). В столь сложной ситуации, в которой находился Савари, и речи быть не могло о его самостоятельных решениях. Он знал волю Бонапарта. Он получил инструкции Мюрата. Ему была известна и позиция Реаля, и тайные ходы Талейрана. И, видимо, поэтому адъютант Бонапарта всю ответственность за произошедшее пытался возложить на министра внешних сношений. Савари утверждал: «Я размышлял тысячу раз об обстоятельствах этой катастрофы и все более и более убеждался в том, что министр внешних сношений был единственным человеком, который мог объяснить, как и почему комиссия осудила и привела в исполнение свой приговор до того, как Реаль смог выполнить доверенную ему миссию». Здесь что ни слово, то передержка. Не один Талейран знал тайные пружины механизма, осудившего и казнившего Конде-Бурбона. Они были известны и самому Савари, понимавшему, что главный режиссер трагического спектакля находился в Тюильрийском дворце.

Причастность Талейрана к гибели молодого герцога бесспорна. Он хорошо знал, что должно было произойти в Венсенском замке. В тот вечер, когда военная комиссия начала свою работу, Талейран сидел за карточным столом в салоне герцогини Лаваль. В 2 часа ночи Шарль-Морис небрежно вынул из кармана жилета часы и сказал: «В этот момент последний из Конде перестал существовать». И иг-

ра в карты продолжалась. А на следующий день, увидев одного из своих ближайших сотрудников, Отерива, в состоянии душевного смятения, Талейран сказал: «Вы сошли с ума. Есть из-за чего делать столько шума. Заговорщик схвачен на границе, его привозят в Париж, расстреливают. Что же в этом экстраординарного?»

(Борисов Ю. В. Шарль-Морис Талейран. — М., 1986)

«БЕЗ ВНЕШНЕГО БЛЕСКА, НО ПРИЛИЧНО»

Со времени Базельского мирного договора 1795 года Испания, став союзницей Франции, снабжала ее деньгами, предоставила в распоряжение французов свои корабли и 20 тысяч солдат. Но на испанском престоле сидели ненавистные Наполеону Бурбоны. После потери неаполитанского королевства это был их последний оплот в Европе. Но как избавиться от королевской семьи, стоявшей, к тому же, во главе дружественного государства? Даже привыкший к сомнительным и опасным авантюрам император французов долго находился в состоянии колебания и нерешительности. В конечном счете он пришел к трагическому для себя и для своего режима выводу: Испания должна быть завоевана и подчинена французскому правлению. И уже в декабре 1807 года Наполеон предложил своему «мятежному» брату Люсьену (он категорически отказывался разойтись со своей второй женой, не угодной главе клана Бонапартов), в знак примирения, на выбор троны во Флоренции, Лиссабоне или Мадриде. Правда, для этого надо было лишить испанского трона Карла IV. Но к такого рода безделицам уже давно привыкли в официальном Париже.

«Император много раз беседовал со мной относительно своего проекта захвата Испании. Я всеми силами боролся против этого проекта, раскрывая аморальность и опасность подобного предприятия», — пишет Талейран в своих «Мемуарах». Иную точку зрения высказывали приближенные

императора: его секретарь Меневаль, Жозеф Фуше и Савари, канцлер Этьенн Паскье. Сам Наполеон говорил: «Испанское дело? Талейран в течение двух лет меня терзал, чтобы я его осуществил! Он утверждал, что для этого мне нужно было только 20 тысяч человек. Не знаю, какое количество записок он мне представил, чтобы доказать это». «Он толкал к войне с Испанией», — признавал Бонапарт, уже находясь на острове Святой Елены. Где же истина?

В то время Талейран являлся решительным противником Бурбонов. Он еще не допускал возможности примирения с ними. Именно такую позицию министр занимал и в период ареста и казни герцога Энгиенского. О своих взглядах он неустанно твердил Наполеону. Талейран, выступая за оккупацию французами Каталонии до тех пор, пока не удастся заключить мир с англичанами, настаивал на «перемещении» испанских Бурбонов, как это произошло в Этрурии. «Никто не был более убежден, чем он, в том, что сотрудничество Испании и Португалии против Англии и даже частичная оккупация этих стран моими войсками являлась единственным средством для того, чтобы вынудить лондонское правительство к миру». Эти слова были сказаны Наполеоном Коленкуру.

После своей отставки князь Беневентский недолго исполнял обязанности архиканцлера и визировал все подписанные представителями французского государства международные соглашения. Как раз в это время, 27 октября 1807 года, в Фонтенбло был заключен секретный договор, предусматривавший совместное завоевание Португалии армиями Фран-

ции и Испании. Талейран утверждал, что он ничего не знал об этом важном дипломатическом документе. А по словам императора, именно бывший министр внешних сношений лично вел переговоры с доверенным лицом Мануэля Годоя, испанского временщика, фактически в то время управлявшего страной. С Годоем — «князем мира» — Шарля Мориса связывали тесные личные и деловые отношения, приносившие обоим немалые выгоды. Баррас утверждал, что эта дружба пополнила казну Талейрана 18—19 миллионами франков.

В своих захватнических целях Наполеон решил использовать острый конфликт между королем Карлом IV и его сыном Фердинандом, принцем Астурийским. («Очень глупый, очень злой, злейший враг Франции», — писал император о Фердинанде).

И вот вся семья — король, королева, их наследник и князь Годой, — удивительной сатирической силой изображенная Франсиско Гойей на знаменитой картине, по собственной воле приехала в Байонну для встречи с Наполеоном, взявшим на себя роль арбитра. Он прибыл в этот город раньше, чем представители испанской династии, и ожидал их приезда.

Официально Талейран не принимал никакого участия в подготовке байоннского свидания. Но Бонапарт сделал его соучастником подготовленного им заговора. Он держал экс-министра в курсе всех событий: «Король и королева (испанские) будут здесь через два дня. Князь мира прибывает сегодня вечером. Этот несчастный человек заслуживает жалости».

В том же письме от 25 апреля 1808 года Наполе-

он приказал Талейрану подготовить для газет статьи, изобличающие народные беды в Испании. Через несколько дней он предложил Талейрану разъяснить дипломатическому корпусу в Париже, что Карл IV и его жена погибли бы, если бы испанский король не отрекся от престола. Разумеется, император не намерен был признавать Фердинанда новым правителем Испании. Письма Фердинанда перехватывались. В них много раз повторялись слова: «Эти проклятые французы». 6 мая Наполеон сообщил экс-министру, что Карл IV «уступил ему все свои права на испанскую корону». Талейран должен был в беседах с иностранными дипломатами подчеркивать, что в Испании «честные люди» счастливы, получив «сильную защиту» (в лице французов, разумеется). «Испанские дела идут хорошо и скоро будут полностью закончены», — к такому выводу пришел император. Жизнь показала, как далеко от реальности были его оценки.

Итак, отставной министр стал фактическим участником заговора, приведшего к отречению испанских Бурбонов от трона.

Он не только был полностью в курсе событий, происходивших в Байонне, но и выполнял поручения Наполеона, распространял благоприятную для него информацию в Париже. Замок Валансе с согласия Талейрана в течение почти шести лет являлся местом заключения для принца Астурийского и сопровождавших его лиц.

Каким образом владелец Валансе стал тюремщиком? 9 мая 1808 года Наполеон сообщил князю Беневентскому, что в этот день Фердинанд, его дядя и брат выехали из Байонны в его поместье. Он сове-

товал принять их «без внешнего блеска, но прилично». Главное, испанских гостей надо было «развлекать и занимать». С этой целью следовало пригласить артистов. Приехала в далекий от Парижа дворец и мадам Талейран, игравшая на фортепиано. Ее сопровождало несколько женщин. Император писал, что, если принц увлечется одной из них, это «не создаст никаких затруднений, так как появится лишь дополнительное средство для присмотра за ним». Наполеон поручил Талейрану остаться на 8—10 дней в Валансе и выяснить, что думают испанцы и как следует себя с ними вести.

Разумеется, Фуше имел своих агентов в окрестностях замка, среди прислуги. 10 жандармов, по его приказу, заботились о том, чтобы «гостей» не украли или они сами не сбежали.

Принц Астурийский, ставший жертвой шантажа и насилия, оказался в заточении у человека, который перед лицом истории пытался представить себя в качестве поборника гуманизма и справедливости, невмешательства во внутренние дела Испании. Но это была заведомая ложь. Талейран беспрекословно и быстро выполнил приказания Наполеона.

Итак, проблему похищения и заточения членов испанской королевской семьи удалось решить сравнительно просто. Но это была отнюдь не самая сложная задача, правда, Талейран в своем обычном придворном рвении пытался выдать желаемое за действительное. Он писал Наполеону 8 мая, через несколько дней после скандального шантажа в Байонне, потрясшего все королевские дворы в Европе: «Здесь все восхищаются развитием событий, развитием столь счастливым, что невозможно было наде-

яться на большее». Как далеки были эти слова от реальности!

Именно в мае 1808 года начались народные восстания в Мадриде, Картахене, Сарагосе, Мурсии, Гренаде, Балахосе, Валенсии. 6 июля хунта Севильи от имени всей Испании объявила Франции войну. И вскоре французы потерпели ряд тяжелых поражений. В Кадиксе сдалась на милость победителей эскадра адмирала Росийи. Под Байленом в Андалузии капитулировали французские войска (22 тысячи человек), находившиеся под командованием генерала Дюпона де Летана.

Разгром при Байлене нанес сокрушительный удар по мифу о непобедимости императорской армии. Освободительное движение в порабощенной Европе активизировалось. Восстала Португалия, на территории которой высадились английские войска. Корпус одного из друзей Бонапарта — Андоша Жюно, сражавшегося вместе с ним в Италии и Египте, капитулировал в августе в Синтре (к западу от Лисабона).

Возможно, что в это время Бонапарт особенно нуждался в своих испытанных советниках. И именно в начале августа он пригласил Талейрана в Нант. Казалось, монаршая милость вновь вернулась к бывшему министру. Он остался доволен встречей с императором и беседами с ним. Талейран получил приглашение отправиться в Эрфурт.

События в Эрфурте решительно и навсегда изменили отношения между главой французского государства и первым дипломатом Франции.

(Борисов Ю. Шарль-Морис Талейран. — М., 1986)

«ВАШ ОТЕЦ НЕ ХОЧЕТ БЫТЬ БОЛЬШЕ ВЕРХОВНЫМ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ!»

Из воспоминаний г. П. Жильярда, который 13 лет пребывал при Дворе в качестве учителя царских детей:

Поставленный генералом в известность о последних петроградских событиях, Государь поручил ему передать по телефону Родзянко, что он готов на все уступки, если Дума считает, что она в состоянии восстановить порядок в стране. Ответ был: уже поздно. Было ли это так в действительности? Распространение революционного движения ограничивалось Петроградом и ближайшими окрестностями. И, несмотря на пропаганду, престиж царя был еще значителен в армии и среди крестьян. Разве недостаточно дарования конституции и поддержки Думы, чтобы вернуть Николаю II популярность, которою он пользовался в начале войны?

Ответ Думы ставил перед Царем выбор: отречение или попытка идти на Петроград с войсками, которые оставались ему верны; но это была гражданская война в присутствии неприятеля... Николая II не колебался, и утром он передал генералу Родзянко телеграмму с уведомлением председателя Думы о своем намерении отречься от престола в пользу сына.

Несколько часов спустя он приказал позвать к себе в вагон профессора Федорова и сказал ему:

— Сергей Петрович, ответьте мне откровенно: болезнь Алексея излечима?

Профессор Федоров, отдавая себе отчет во всем значении того, что ему предстояло сказать, ответил:

— Государь, наука говорит нам, что **эта болезнь** неизлечима. Бывают, однако, случаи, когда лицо, одержимое ею, достигает почтенного возраста. Но Алексей Николаевич, тем не менее, во власти случайностей.

Государь грустно опустил голову и прошептал:

— Это как раз то, что мне говорила Государыня... Ну, раз это так, раз Алексей не может быть полезен Родине, как я бы того желал, то мы имеем право сохранить его при себе.

Решение им было принято, и вечером, когда приехали из Петрограда представители Временного правительства и Думы, он передал им акт отречения, составленный им заранее; в нем он отрекся за себя и за своего сына от русского престола в пользу своего брата Великого Князя Михаила Александровича. Вот текст этого документа, который своим благородством и горячим патриотизмом привел в восхищение даже врагов Государя:

АКТ

об отречении Государя Императора Николая II от престола Государства Российского в пользу Великого Князя Михаила Александровича.

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требует дове-

дения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша, совместно со славными нашими союзниками, сможет окончательно сломить врага. В эти решающие дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех наших верных сыновей Отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний помочь Ему, вместе с представителями народа, вынести Государство Российское на Бог России».

г. Псков, 2 марта 15 час. 3 мин. 1917 года

НИКОЛАЙ.

Министр Императорского Двора,
генерал-адъютант граф Фредерикс.

Царь был свергнут. Германия готовилась одержать самую крупную свою победу, но это торжество могло еще быть вырвано из ее рук. Для этого до-

статочно было, чтобы сознательная часть общества вовремя спохватилась и сплотилась вокруг Великого Князя Михаила Александровича, который по воле брата — акт об отречении ясно на это указывает — должен был сделаться конституционным монархом в полном смысле слова. К этому не имелось никаких препятствий, потому что еще не было личности такого большого народного движения, которое не поддается никакой логике, увлекая людей в пропасть и неизвестность. Революция была делом исключительно петроградского населения, большинство которого без колебания стало бы на сторону нового монарха, если бы Временное правительство и Дума подали ему в этом пример. Армия, еще хорошо дисциплинированная, представляла значительную силу; что же касается большинства народа, то оно не знало о том, что что-то случилось.

Желание закрепить за собой власть и страх, который внушали крайние левые, привели к тому, что была упущена эта последняя возможность предотвратить катастрофу. На следующий день после отречения Государя Великий Князь Михаил Александрович, по совету всех членов Временного правительства, отрекся в свою очередь и предоставил Учредительному собранию разрешение вопроса о будущем образе правления в России.

Непоправимое совершилось. Исчезновение Царя оставило в душе народной огромный пробел, который она была не в силах заполнить. Сбитый с толку и не знающий, на что решиться в поисках идеала и верований, способных заменить ему то, что он утратил, народ находил вокруг себя лишь полную пустоту.

Весь день 15 марта прошел в подавленном ожидании событий.

В 3,5 часа доктор Боткин вызвал к телефону и справился о здоровье Алексея Николаевича. Как мы узнали впоследствии, по городу распространился слух о его смерти.

Пытка Государыни продолжалась и на следующий день. Она уже третьи сутки была без известий о Государе, и ее мучительная тревога возрастала от вынужденного бездействия.

Муки Императрицы в эти дни смертельной тревоги, когда без известий от Государя она приходила в отчаяние у постели больного ребенка, превзошли все, что можно себе вообразить. Она дошла до крайнего предела сил человеческих; это было последнее испытание, из которого она вынесла то изумительно светлое спокойствие, которое потом поддерживало ее и всю ее семью до дня их кончины.

К концу дня во дворце получили известие об отречении Государя. Государыня отказывалась ему верить, считая это ложью. Однако немного позднее Великий Князь Павел Александрович подтвердил это известие. Она все еще отказывалась верить ему, и, только когда Великий Князь сообщил ей подробности, Ее Величество сдалась, наконец, перед очевидностью. Государь отрекся от престола накануне вечером, в Пскове, в пользу своего брата Великого Князя Михаила Александровича.

Отчаяние Государыни превзошло все, что можно себе представить. Но ее стойкое мужество не покинуло ее. Я увидел ее вечером у Алексея Николаевича. На ней лица не было, но она принуждала себя, почти сверхчеловеческим усилием воли, прийти, по

обыкновенно, к детям, чтобы ничем не беспокоить больных, которые ничего не знали о том, что случилось с отъезда Государя в Ставку.

Поздно ночью мы узнали, что Великий Князь Михаил Александрович отказался вступить на престол и что судьба России будет решена Учредительным собранием.

На следующий день я вновь застал Государыню у Алексея Николаевича. Она была спокойна, но очень бледна. Она ужасно похудела и постарела за эти несколько дней.

Днем Ее Величество получила телеграмму от Государя, в которой он старался успокоить ее и сообщал, что ждет в Могилеве предстоящего приезда Вдовствующей Императрицы.

Прошло три дня. 21 марта, в 10 часов утра, Ее Величество вызвала меня и сказала, что генерал Корнилов от имени Временного правительства только что объявил ей, что Государь и она арестованы и что все те, кто не желает подвергаться тюремному режиму, должны покинуть дворец до четырех часов. Я ответил, что решил остаться.

— Государь возвращается завтра, надо предупредить Алексея, надо все ему сказать... Не сделаете ли вы этого? Я пойду поговорить с дочерьми.

Было заметно, как она страдает при мысли о том, как ей придется взволновать больных Великих Княжен, объясняя им об этом отречении их отца, тем более что это волнение могло ухудшить состояние их здоровья.

Я подошел к Алексею Николаевичу и сказал ему, что Государь возвращается завтра из Могилева и больше туда не вернется.

— Почему?

— Потому что ваш отец не хочет быть больше Верховным Главнокомандующим!

Это известие сильно его огорчило, так как он очень любил ездить в Ставку. Через несколько времени я добавил:

— Знаете, Алексей Николаевич, ваш отец не хочет быть больше Императором.

Он удивленно посмотрел на меня, стараясь прочесть на моем лице, что произошло.

— Зачем? Почему?

— Потому что он очень устал и перенес много тяжелого за последнее время.

— Ах, да! Мама мне сказала, что, когда он хотел ехать сюда, его поезд задержали. Но папа потом опять будет Императором?

Я объяснил ему тогда, что Государь отрекся от престола в пользу Великого Князя Михаила Александровича, который, в свою очередь, уклонился.

— Но тогда кто же будет Императором?

— Я не знаю, пока никто!

Ни слова о себе, ни намек на свои права наследника. Он сильно покраснел и был взволнован. После нескольких минут молчания он сказал:

— Если нет больше Царя, кто же будет править Россией?

Я объяснил ему, что образовалось Временное правительство, которое будет заниматься государственными делами до созыва Учредительного собрания, и что тогда, быть может, его дядя Михаил взойдет на престол. Я еще раз был поражен скромностью этого ребенка.

В 4 часа двери дворца запираются. Мы в заклю-

чении! Сводно-гвардейский полк заменен одним из полков царскосельского гарнизона, и солдаты стоят на часах уже не для того, чтобы нас охранять, а с тем, чтобы нас караулить.

22 марта, в 11 часов утра, приехал, наконец, Государь в сопровождении гофмаршала князя Долгорукова. Он немедленно поднялся к детям, где его ожидала Государыня.

После завтрака он зашел к Алексею Николаевичу, где я находился в ту минуту, и разговаривал со мною с обычной простотой и благожелательностью. Но при виде его побледневшего и похудевшего лица было ясно, что он также много перестрадал за время своего отсутствия.

Возвращение Государя, несмотря на обстоятельства, было большим счастьем для его семьи. Государыня Мария Николаевна и больные дети, когда их осведомили о положении, испытали на его счет столько страха и тревоги! Для них было большим утешением чувствовать себя вместе во время такого сурового испытания. Им казалось, что это облегчало их скорбь и что громадная любовь, которую они испытывали друг к другу, давала им достаточно сил, чтобы перенести страдания.

Несмотря на обычное его самообладание, Государю не удавалось скрыть глубокого потрясения, которое он пережил, но он быстро оправился, окруженный лаской своей семьи. Он посвящал ей большую часть своего дня; остальное время он читал или гулял с князем Долгоруковым. Вначале ему было запрещено ходить в парк и предоставлено лишь пользование примыкавшим к дворцу маленьким садом, еще покрытым снегом и окруженным часовы-

ми. Но Государь принимал все эти строгости с изумительным спокойствием и величием духа. Ни разу ни слова упрека не слетело с его уст. Дело в том, что одно чувство, более сильное даже, чем семейные связи, преобладало в нем — это была его любовь к Родине. Чувствовалось, что он готов все простить тем, кто подвергал его унижению, лишь бы они оказались способными спасти Россию.

Государыня проводила почти все свое время на кушетке в комнате Великих Княжен или у Алексея Николаевича. Волнения и жгучая тревога физически истощили ее, но по возвращении Государя она почувствовала нравственное успокоение; она жила очень сильной внутренней жизнью и мало разговаривала, уступая, наконец, той повелительной потребности в отдыхе, которая так давно ощущалась ею. Она была счастлива, что не приходится больше бороться и что она может всецело посвятить себя тем, кого она любила такой великой любовью. Одна Мария Николаевна продолжала еще ее беспокоить. Она заболела гораздо позднее сестер, и ее болезнь осложнилась злокачественными воспалениями легких; организм ее, хотя и очень крепкий, с трудом боролся с болезнью. Она к тому же была жертвой своей самоотверженности. Эта 17-летняя девушка без счета расходовала свои силы в дни революции. Она была самой твердой опорой матери. В ночь на 13 марта она неосторожно вышла на воздух вместе с Государыней, чтобы поговорить с солдатами, подвергаясь холоду в то время, как уже чувствовала первые приступы заболевания. По счастью, остальные дети чувствовали себя лучше и находились на пути к полному выздоровлению.

Наше царскосельское заточение, казалось, должно было долго длиться: был поднят вопрос о предстоящей отправке нас в Англию. Но дни проходили, и отъезд наш постоянно откладывался. Дело в том, что Временное правительство было вынуждено считаться с крайними элементами, и чувствовалось, что власть мало-помалу ускользает из его рук. Мы были, однако, всего в нескольких часах езды от железной дороги до финляндской границы, и необходимость проезда через Петроград была единственным серьезным препятствием. Таким образом, казалось, что, действуя решительно и с соблюдением полной тайны, было бы не так трудно перевезти царскую семью в один из портов Финляндии, а оттуда за границу. Но все боялись ответственности, и никто не решался себя скомпрометировать. Злой рок тяготел над ними!

В конце января 1919 года я получил телеграмму от генерала Жанена, которого знал в Могилеве в бытность его начальником французской военной миссии при Ставке. Он приглашал меня приехать к нему в Омск. Несколько дней спустя я покинул Тюмень и 13 февраля приехал во французскую военную миссию при Омском правительстве.

Отдавая себе отчет в исторической важности следствия, производившегося с исчезновением царской семьи, и желая знать его результаты, адмирал Колчак поручил в январе генералу Дитрихсу привезти ему в Екатеринбург следственное производство, а также все найденные вещи. 5 февраля он вызвал следователя по особо важным делам Николая Алексеевича Соколова и предложил ему ознакомиться с расследованием. Два дня спустя министр

юстиции Старынкевич поручил ему продолжать дело, начатое Сергеевым.

Тут я познакомился с г. Соколовым. С первого нашего свидания я понял, что убеждение его составлено и у него не остается никакой надежды. Что касается меня, то я еще не мог поверить такому ужасу.

— Но дети, дети! — кричал я ему.

— Дети разделили судьбу родителей. У меня по этому поводу нет и тени сомнения!

— Но тела?

— Надо искать на поляне — там мы найдем ключ от этой тайны, так как большевики провели там три дня и три ночи не для того, чтобы просто сжечь кое-какую одежду.

Увы, заключения следователя не замедлили найти себе подтверждение в показании одного из главных убийц — Павла Медведева, которого незадолго перед тем взяли в плен в Перми. Ввиду того, что Соколов был в Омске, его допрашивал 25 февраля в Екатеринбургe Сергеев. Он признал совершенно точно, что Государь, Государыня и пять детей, доктор Боткин и трое слуг были убиты в подвальном этаже дома Ипатьева в течение ночи с 16 на 17 июля.

П. Жильярд. Император Николай II и его семья. Вена, 1921

Из воспоминаний Петра Ермакова — участника расстрела.

В 1947 году — к 30-летию Октября — Петр Захарович Ермаков написал свою автобиографию и сдал в архив.

(Орфография подлинника в основном сохраняется).

«...На меня выпало большое счастье произвести последний пролетарский советский суд над человеческим тираном, коронованным самодержцем, который в свое царствование судил, вешал и расстрелял тысячи людей, за это он должен был нести ответственность перед народом. Я с честью выполнил перед народом и страной свой долг, принял участие в расстреле всей царствующей семьи...»

Из воспоминаний Ермакова П. З. о расстреле бывшего царя.

«...Итак, Екатеринбургский Исполнительный Комитет сделал постановление расстрелять Николая, но почему-то о семье, о их расстреле в постановлении не говорилось, когда позвали меня, то мне сказали: «На твою долю выпало счастье — расстрелять и схоронить так, чтобы никто и никогда их трупы не нашел, под личную ответственность сказали, что мы доверяем, как старому революционеру».

Поручение я принял и сказал, что будет выполнено точно, подготовил место, куда везти и как скрыть, учитывая все обстоятельства важности момента политического.

Когда я доложил Белобородову, что могу выполнить, то он сказал: «Сделай так, чтобы были все расстреляны, мы это решили». Дальше я в рассуждения не вступал, стал выполнять так, как это нужно было.

Получил постановление, 16 июля в 8 часов вечера сам прибыл с двумя товарищами и другим латышом, теперь фамилию не знаю, но который служил у меня в моем отряде в отделе карательном. Прибыл в 10 часов ровно в дом особого назначения, вскоре пришла моя машина малого типа грузовая.

В 11 часов было предложено заключенным Романовым и их близким, с ними сидящим, спуститься в нижний этаж, на предложение сойти к низу были вопросы — для чего? Я сказал, что вас повезут в центр, здесь вас держать больше нельзя, угрожает опасность. Как наши вещи, — спросили? Я сказал — ваши вещи соберем и выдадим на руки, они согласились, сошли к низу, где для них были поставлены стулья вдоль стены.

Хорошо сохранилось в моей памяти, с первого фланга сел Николай, Алексей, Александра, старшая дочь Татьяна, далее доктор Боткин сел, потом фрейлина и дальше остальные. Когда все успокоились, тогда я вышел, сказал шоферу: «действуй», он знал, что надо делать, машина загудела, появились выхлопки. Все это нужно было для того, чтобы заглушить выстрелы, чтобы не было звука слышно на воле.

Все сидящие чего-то ждали. У всех было напряженное состояние, изредка перекидывались словами. Но Александра несколько слов сказала не по-русски. Когда все было в порядке, тогда коменданту дома Юровскому дал в кабинете постановление Областного Исполнительного комитета, то он усомнился — почему всех. Но я ему сказал: надо всех и разговаривать нам с вами долго нечего, времени мало, пора приступать. Я спустился к низу совместно с комендантом, надо сказать, что уж заранее было распределено кому и как стрелять, я себе взял самого Николая, Александру, дочь, Алексея, потому что у меня был маузер, им можно было работать. У остальных были наганы. После спуска в нижний этаж мы немного обождали. Потом комен-

дант предложил всем встать, но Алексей сидел на стуле.

Тогда стал читать приговор — постановление, где говорилось: по постановлению Исполнительного комитета — расстрелять. Тогда у Николая вырвалась фраза: Так нас никуда не повезут? Ждать больше было нельзя, я дал выстрел в него в упор, он сразу упал, но и остальные также. В это время поднялся между ними плач, один другому бросались на шею. Затем дали несколько выстрелов, все упали. Тогда я стал осматривать их состояние: которые были еще живы, я давал новый выстрел в них. Николай умер с одной пули, жене дано две, и другим также по несколько пуль.

При проверке пульса, когда уже были мертвы, я дал распоряжение всех вытаскивать через нижний ход в автомобиль и сложить. Так и сделали, всех покрыли брезентом. Когда эта операция была окончена около часа ночи с 16 на 17 июля 1918 года автомобиль с трупами направился в лес через Верх-Исетск по направлению дороги в Коптяки, где мною было выбрано место для зарытия трупов. Но я заранее учел момент, что зарывать не следует, ибо я не один, а со мной еще есть.

Я вообще мало кому мог доверять это дело, и тем паче, что я отвечал за все, то я заранее решил их жечь. Для этого приготовил кислоту и керосин, все было усмотрено. Но не давая никому намека сразу, я сказал: мы их спустим в шахту, и так решили.

Тогда я велел всех раздеть, чтобы одежду сжечь, и так было сделано. Когда стали снимать с них платья, то у самой и дочерей были найдены медальоны, в которых вставлена голова Распутина. Дальше под

платьями на теле были особо приспособленные лифики двойные, подложена внутри материала вата и где были уложены драгоценные камни и прострочены. Это было у самой и четырех дочерей. Все это было штуками передано члену Уралсовета Юровскому. Что там было я вообще не поинтересовался на месте, ибо было некогда. Одежду тут же сжег. А трупы отнесли около 50 метров и спустили в шахту. Она не была глубокая, около 6 сажений, ибо все эти шахты я хорошо знаю. Для того, чтобы можно было вытащить для дальнейшей операции с ними. Все это я проделал, чтобы скрыть следы от своих лишних присутствующих товарищей.

Когда все это было окончено, то уж был полный рассвет, около 4 часов утра... Это место находилось совсем в стороне дороги около 3 верст.

Когда все уехали, то я остался в лесу, об этом никто не знал. С 17 на 18 июля я снова прибыл в лес, привез веревку, меня спустили в шахту, я стал каждого по отдельности привязывать, по двое ребят вытаскивали (эти трупы). Когда всех вытащили, тогда я велел класть на двуколку, отвезти от шахты в сторону, разложили на три группы, облили керосином, а самих (то есть трупы) серной кислотой. Трупы горели до пепла и пепел был зарыт. Все это происходило в 12 часов ночи 17 на 18 июля 1918 года. После всего 18 доложил. На этом заканчиваю все.

29.10.47 года. Ермаков».

МЕХАНИЗМ ПОТЕРИ ВЛАСТИ

Лев Давидович Троцкий раскрыл механизм потери власти в книге воспоминаний «Моя жизнь».

«Меня не раз спрашивали, спрашивают иногда и сейчас: как вы могли потерять власть? Чаще всего за этим вопросом скрывается довольно наивное представление об упущении из рук какого-то материального предмета: точно потерять власть это то же, что потерять часы или записную книжку. На самом же деле, когда революционеры, руководившие завоеванием власти, начинают на известном этапе терять ее — «мирно» или катастрофически, — то это само по себе означает упадок влияния определенных идей и настроений в правящем слое революции, или упадок революционных настроений в самих массах, или то и другое вместе. Руководящие кадры партии, вышедшие из подполья, были воодушевлены революционными тенденциями, которые вождями первого периода революции яснее и лучше формулировались, полнее и успешнее проводились на практике. Именно это и делало их вождями партии, через партию — рабочего класса, через рабочий класс — страны. Таким путем определенные лица сосредоточивали власть в своих руках. Но и до первого периода революции теряли незаметно власть над сознанием того партийного слоя, который непосредственно имел власть над страной. В самой стране происходили процессы, которые можно охватить общим именем реакции. Эти процессы захватывали в той или другой степени и рабочий класс, в том числе и его партийную часть. У того слоя, кото-

рый составлял аппарат власти, появились свои самодовлеющие цели, которым он стремился подчинить революцию.

Революционеры сделаны в последнем счете из того же общественного материала, что и другие люди. Но у них должны быть какие-то резкие личные особенности, которые дали возможность историческому процессу отделить их от других и сгруппировать особо. Общение друг с другом, теоретическая работа, борьба под определенным знаменем, коллективная дисциплина, закал под огнем опасностей постепенно формируют революционный тип. Можно с полным правом говорить о психологическом типе большевика в противоположность, например, меньшевику. При достаточной опытности глаз даже по внешности различал большевика от меньшевика, с небольшим процентом ошибок.

Это не значит, однако, что в большевике все и всегда было большевистским.

Нередко отдельные, случайно вырвавшиеся замечания Калинина, Ворошилова, Сталина, Рыкова заставляли тревожно настораживаться. Откуда это? — спрашивал я себя. Из какой трубы это прет? Придя на какое-нибудь заседание, я заставал групповые разговоры, которые при мне нередко обрывались. В разговорах не было ничего, направленного против меня. Не было ничего противоречащего принципу партии. Но было настроение моральной успокоенности, самоудовлетворенности и тривиальности. У людей появилась потребность исповедоваться друг другу в этих новых настроениях, в которых немалое место, к слову сказать, стал занимать элемент мещанской сплетни. Раньше они стес-

нялись не только Ленина и меня, но и себя. Если прошлость прорывалась наружу, например, у Сталина, то Ленин, не поднимая низко склоненной над бумагой головы, чуть-чуть поводил по сторонам глазами, как бы проверяя, почувствовал ли еще кто-либо другой невыносимость сказанного. Достаточно было в таких случаях беглого взгляда или интонации голоса, чтобы солидарность наша в этих психологических оценках непререкаемо обнаружилась для нас обоих.

Если я не участвовал в тех развлечениях, которые все больше входили в нравы нового правящего слоя, то не из моральных принципов, а из нежелания подвергать себя испытаниям худших видов скуки. Хождение друг к другу в гости, прилежное посещение балета, коллективные выпивки, связанные с перебиванием косточек отсутствующих, никак не могли привлечь меня. Новая верхушка чувствовала, что я не подхожу к этому образу жизни. Меня даже и не пытались привлечь к нему. По этой самой причине многие групповые беседы прекращались при моем появлении, и участники расходились с некоторым конфузом за себя и с некоторой враждебностью ко мне. Вот это и означало, если угодно, что я начал терять власть.

Я ограничиваюсь здесь психологической стороной дела, оставляя в стороне социальную подоплеку, т. е. изменения анатомии революционного общества.

Термидорианский заговор в конце XVIII века, подготовленный предшествующим ходом революции, разразился одним ударом и принял форму кровавой развязки. Наш термидор получил затяжной

характер. Гильотину заменила, по крайней мере до поры до времени, кляуза. Систематическая, организованная методом конвейера фальсификация прошлого стала орудием идейного перевооружения официальной партии. Болезнь Ленина и ожидание его возвращения к руководству создавали неопределенность, длившуюся, с перерывом, свыше двух лет.

Я рассказывал, как со смертного одра Ленин направлял свой удар против Сталина и его союзников, Дзержинского и Орджоникидзе. Ленин Дзержинского очень ценил. Охлаждение между ними началось тогда, когда Дзержинский понял, что Ленин не считает его способным на руководящую хозяйственную работу. Это, собственно, и толкнуло Дзержинского на сторону Сталина. Тут уж Ленин счел нужным ударить по Дзержинскому, как по опоре Сталина.

Орджоникидзе Ленин хотел за проявление генерал-губернаторских качеств исключить из партии. Свою записку, в которой он обещал грузинским большевикам полную поддержку против Сталина, Дзержинского и Орджоникидзе, Ленин адресовал Мдивани. На судьбе этих четырех лиц ярче всего обнаруживается переворот, произведенный сталинской фракцией в партии. Дзержинский после смерти Ленина был поставлен во главе ВСНХ, т. е. всей государственной промышленности. Орджоникидзе, намеченный к исключению, был поставлен во главе Центральной Контрольной Комиссии. Сталин не только остался, вопреки Ленину, Генеральным секретарем, но и получил от аппарата неслыханные полномочия. Наконец, Мдивани, с которым Ленин

солидаризировался против Сталина, сидит сейчас в тобольской тюрьме. Подобная «перегруппировка» произведена во всем руководстве партии, сверху донизу. Мало того: во всех без исключения партиях Интернационала. Эпоху эпигонов от эпохи Ленина отделяет не только идейная пропасть, но и законченный организационный переворот.

Сталин — главное орудие этого переворота. Он одарен практическим умом, выдержкой и настойчивостью в преследовании поставленных целей. Политический его кругозор крайне узок. Теоретический уровень совершенно примитивен. Его компилятивная книжка «Основы ленинизма», в которой он пытался отдать дань теоретическим традициям партии, кишит ученическими ошибками. Незнакомство с иностранными языками вынуждает его следить за политической жизнью других стран только с чужих слов. По складу ума это упорный эмпирик, лишенный творческого воображения. Верхнему слою партии (в более широких кругах его вообще не знали) он казался всегда человеком, созданным для вторых и третьих ролей. И то, что он играет сейчас первую роль, характеризует не столько его, сколько переходный период политического сползания. Еще Гельвеций сказал: «Каждый период имеет своих великих людей, а если их нет — он их выдумывает». Сталинизм — это прежде всего работа безличного аппарата на спуске революции.

(Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. — М., 1990)

«ЖИЗНЬ НЕИСТОЩИМА НА ЗЛЫЕ ВЫДУМКИ»

Ленин скончался 21 января 1924 года. Смерть уже явилась для него только избавлением от физических и нравственных страданий. Свою беспомощность и прежде всего отсутствие речи при полной ясности сознания Ленин не мог не ощущать как невыносимое унижение. Он уже с трудом терпел врачей, их покровительственного тона, их банальных шуточек, их фальшивых обнадеживаний. Пока он еще владел речью, он как бы мимоходом задавал врачам проверочные вопросы, незаметно для них ловил их на противоречиях, добивался дополнительных разъяснений и заглядывал сам в медицинские книги. Как во всяком другом деле, он и тут стремился достигнуть прежде всего ясности. Единственный из медиков, которого он терпел, был Федор Александрович Гетье. Хороший врач и человек, чуждый царедворческих черт, Гетье был привязан к Ленину и Крупской настоящей человеческой привязанностью. В этот период, когда Ленин уже не подпускал к себе остальных врачей, Гетье продолжал беспрепятственно навещать его. Гетье был в то же время близким другом и домашним врачом моей семьи в течение всех годов революции. Благодаря этому мы всегда имели наиболее добросовестные и продуманные отзывы о состоянии Владимира Ильича, дополнявшие и исправлявшие безличные официальные бюллетени.

Не раз я допрашивал Гетье о том, сохранит ли, в случае выздоровления, ленинский интеллект свою

силу? Гетье отвечал примерно так: увеличится утомляемость, не будет прежней чистоты работы, но виртуоз останется виртуозом. В промежутке между первым и вторым ударом этот прогноз подтвердился целиком. К концу заседаний Политбюро Ленин производил впечатление безнадежно уставшего человека. Все мышцы лица опускались, блеск глаз потухал, увядал даже могучий лоб, тяжело свисали вниз плечи — выражение лица и всей фигуры резюмировалось одним словом: усталость. В такие жуткие моменты Ленин казался мне обреченным. Но, проведя одну хорошую ночь, он снова обретал силу своей мысли. Статьи, написанные им в промежутке между двумя ударами, стоят на уровне его лучших работ. Влага в источнике была та же, но ее становилось все меньше и меньше. И после второго удара Гетье не отнимал совсем последней надежды. Но оценки его становились все сумрачнее. Болезнь затягивалась. Без злобы затягивалась, но и без сожаления, слепые силы природы погрузили великого больного в бессилие и безвыходность. Ленин не мог и не должен был жить инвалидом. Но мы все еще не теряли надежды на его выздоровление.

Мое (т. е. Троцкого) недомогание приняло тем временем затяжной характер. «По настоянию врачей, — пишет Н. И. Седова — перевезли Л. Д. (Троцкого) в деревню. Там Гетье часто навещал больного, к которому он относился с искренней заботой и нежностью. Политикой он не занимался, но жестоко страдал за нас, не зная, как выразить свое сочувствие. Травля застигла его врасплох. Он не понимал, выжидал, томился. В Архангельском он мне с волнением говорил о необходимости отвезти

Л. Д. в Сухум. В конце концов мы решились на это. Путешествие, длинное само по себе — через Баку, Тифлис, Батум, — удлинялось еще снежными заносами. Но дорога действовала скорее успокаивающим образом. По мере того как отъезжали от Москвы, мы отрывались несколько от тяжести обстановки ее за последнее время. Но все же чувство у меня было такое, что везу тяжелобольного. Томила неизвестность, как сложится жизнь в Сухуме, окружающие нас там будут ли друзья или враги?»

«21 января застигло нас на вокзале в Тифлисе, по пути в Сухум. Я сидел с женой в рабочей части своего вагона — как всегда в тот период, с повышенной температурой. Постучав, вошел мой временный сотрудник Сермукс, сопровождавший меня в Сухум. По тому, как он вошел, с серо-зеленым лицом, и как, глядя на меня остекленевшими глазами, подал мне листок бумаги, я почувствовал катастрофическое. Это была расшифрованная телеграмма Сталина о том, что скончался Ленин. Я передал бумагу жене, которая уже успела понять все...

Тифлисские власти получили вскоре такую же телеграмму. Весть о смерти Ленина быстро расходилась кругами. Я соединился прямым проводом с Кремлем. На свой запрос я получил ответ: «Похороны в субботу, все равно не успеете, советуем продолжать лечение». Выбора, следовательно, не было. На самом деле похороны состоялись только в воскресенье, и я вполне мог бы поспеть в Москву. Как это ни кажется невероятным, но меня обманули насчет похорон. Заговорщики по-своему правильно рассчитывали, что мне не придет в голову проверять их, а позже можно будет всегда придумать

объяснение. Напоминаю, что о первом заболевании Ленина мне сообщили только на третий день. Это был метод. Цель состояла в том, чтобы «выиграть темп».

Тифлисские товарищи требовали, чтобы я немедленно откликнулся на смерть Ленина. Но у меня была одна потребность: остаться одному. Я не мог поднять руку к перу. Короткий текст московской телеграммы гудел в голове. Собравшиеся, однако, ждали отклика. Они были правы. Поезд задерживали на полчаса. Я писал прощальные строки: «Ленина нет. Нет более Ленина»... Несколько написанных от руки страниц я передал на прямой провод».

«Приехали совсем разбитые, — пишет жена. — Первый раз видели Сухум. Цветы мимозы — их там много. Великолепные пальмы. Камелии. Был январь, в Москве стояли лютые морозы. Встретили нас абхазцы очень дружески. В столовой дома отдыха висели рядом два портрета, один в трауре — Владимира Ильича, другой — Л. Д. Хотелось снять этот последний — но мы не решились, опасаясь, что будет похоже на демонстрацию».

«В Сухуме я лежал долгими днями на балконе лицом к морю. Несмотря на январь, ярко и тепло горело в небе солнце. Между балконом и сверкающим морем высились пальмы. Постоянное ощущение повышенной температуры сочеталось с гудящей мыслью о смерти Ленина. Я перебирал в уме этапы своей жизни, встречи с Лениным, расхождения, полемику, сближение, совместную работу. Отдельные эпизоды всплывали с фантастической яркостью.

Постепенно и целое стало вырисовываться с все большей отчетливостью. Я гораздо яснее представ-

лял себе тех «учеников», которые были верны учителю в малом, но не в большом. Вместе с дыханием моря я всем существом своим ассимилировал уверенность в своей исторической правоте против эпитетов...

27 января 1924 года. Над пальмами, над морем царил сверкающая под голубым покровом тишина. Вдруг ее перерезало залпами. Частая стрельба шла где-то внизу, со стороны моря. Это был салют Сухума вождю, которого в этот час хоронили в Москве. Я думал о нем и о той, которая долгие годы была его подругой и весь мир воспринимала через него, а теперь хоронит его и не может не чувствовать себя одинокой, среди миллионов, которые горюют рядом с ней, но по-иному, не так, как она. Я думал о Надежде Константиновне Крупской. Мне хотелось сказать ей отсюда слова приветия, сочувствия, ласки. Но я не решался. Все слова казались легковесными перед тяжестью совершившегося. Я боялся, что они прозвучат условностью. И я был насквозь потрясен чувством благодарности, когда неожиданно получил через несколько дней письмо от Надежды Константиновны. Вот оно:

«Дорогой Лев Давидович.

Я пишу, чтобы рассказать вам, что приблизительно за месяц до смерти, просматривая вашу книжку, Владимир Ильич остановился на том месте, где вы даете характеристику Маркса и Ленина, и просил меня перечитать ему это место, слушал очень внимательно, потом еще раз просматривал сам.

И еще вот что хочу сказать: то отношение, которое сложилось в В. И. к вам тогда, когда вы приеха-

ли к нам в Лондон из Сибири, не изменилось у него до самой смерти.

Я желаю вам, Лев Давидович, сил и здоровья и крепко обнимаю.

Н. Крупская».

«Со значительными запозданиями из-за снежных заносов стали приходить газеты и приносили нам траурные речи, некрологи, статьи. Друзья ждали Л. Д. в Москву, думали, что он возвратится с пути, никому в голову не приходило, что Сталин своей телеграммой отрезал ему путь. Помню письмо сына, полученное нами в Сухуме. Он был потрясен смертью Ленина, простуженный, с температурой в 40°, он ходил в своей совсем не теплой куртке в Колонный зал, чтобы проститься с ним, и ждал, ждал с нетерпением нашего приезда. В его письме слышались горькое недоумение и неуверенный упрек». Это я привожу снова из записей жены.

В Сухум приезжала ко мне делегация Центрального Комитета в составе Томского, Фрунзе, Пятакова и Гусева, чтоб согласовать со мной перемены в личном составе военного ведомства. Но это была уже чистейшая комедия. Обновление личного состава в военном ведомстве давно совершалось полным ходом за моей спиной, и дело шло лишь о соблюдении декорума.

Первый удар внутри военного ведомства пришелся по Склянскому. На нем прежде всего выместил Сталин свои неудачи под Царицыным, свой провал на Южном фронте, свою авантюру под Львовом. Кляуза высоко подняла змеиную голову. Для подкопа под Склянского, в перспективе — и против меня, был водворен в военное ведомство за несколько ме-

сяцев перед тем Уншлихт, амбициозный и бездарный интриган. Склянский был смещен. На его место был назначен Фрунзе, командовавший до того войсками на Украине.

Фрунзе был серьезной фигурой. Его партийный авторитет, благодаря каторжным работам в прошлом, был выше, чем молодой еще авторитет Склянского. Фрунзе обнаружил, кроме того, во время войны несомненные способности полководца. Как военный администратор, он был несравненно слабее Склянского. Его увлекали абстрактные схемы, он плохо разбирался в людях и легко поддавался влиянию специалистов, преимущественно второстепенных.

Но я хочу досказать о Склянском. Его грубо, т. е. чисто по-сталински, даже не побеседовав с ним, перевели на хозяйственную работу. Дзержинский, который рад был избавиться от Уншлихта, своего заместителя в ГПУ, и приобрести для промышленности такого первоклассного администратора, как Склянской, поставил последнего во главе суконного треста. Пожав на ходу плечами, Склянский вошел в новую работу с головой. Через несколько месяцев он решил съездить в Соединенные Штаты, посмотреть, поучиться и обзавестись машинами. Перед отъездом он зашел ко мне, проститься и посоветоваться. Годы гражданской войны мы проработали с ним рука об руку. Но мы гораздо больше говорили о маршевых ротах, военных уставах, ускоренных выпусках комсостава, о запасах меди и алюминия для военных заводов, о гимнастерках и приварке, чем о чисто партийных вопросах. Нам обоим было слишком некогда. После заболевания Ленина, когда

интрига эпигонов стала просовывать свои щупальца на партийные темы, особенно с военными работниками, положение было слишком неопределенно. Разногласия едва намечались, создание фракций в армии таило в себе слишком большие опасности. Потом я хворал. В это свидание со Склянским, летом 1925 года, когда я не стоял уже во главе военного ведомства, мы переговорили о многом, если не обо всем.

— Скажите мне, — спросил Склянский, — что такое Сталин? Склянский сам достаточно знал Сталина. Он хотел от меня определения его личности и вместе объяснения его успехов. Я задумался.

— Сталин, — сказал я, — это наиболее выдающаяся посредственность нашей партии.

Это определение впервые во время нашей беседы предстало предо мною во всем своем не только психологическом, но и социальном значении. По лицу Склянского я сразу увидел, что помог собеседнику прощупать нечто значительное.

— Знаете, — сказал он, — поражаешься тому, как за последний период выдвинулась середина, самодовольная посредственность. И все это находит в Сталине своего вождя. Откуда это?

— Это реакция после великого социального и психологического напряжения первых лет революции. Победоносная контрреволюция может иметь своих больших людей. Но первая ступень ее, термидор (термидорианский переворот произошел во Франции в 1794 году 9 термидора II года по республиканскому календарю. Переворот сверг якобинскую диктатуру) нуждается в посредственностях, которые не видят дальше своего носа. Их сила в их

политической слепоте, как у той мельничной лошади, которой кажется, что она идет вверх, тогда как на деле она лишь толкает покатый круг. Зрячая лошадь на такую работу не способна.

В этой беседе я впервые с полной ясностью, я бы сказал, с физической убедительностью подошел к проблеме термидора. Мы уговорились со Склянским вернуться к беседе после его возвращения из Америки. Через небольшое число недель получил телеграмму, извещавшую, что Склянский утонул в каком-то американском озере, катаясь на лодке. Жизнь неистоцима на злые выдумки.

Урну с прахом Склянского доставили в Москву. Никто не сомневался, что она будет замурована в Кремлевской стене, на Красной площади, которая стала пантеоном революции. Но секретариат ЦК решил хоронить Склянского за городом.

Прощальный визит ко мне Склянского был, таким образом, записан и учтен. Ненависть была перенесена на урну. Кроме того, умаление Склянского входило в план общей борьбы против того руководства, которое обеспечило победу в гражданской войне. Не думаю, чтобы Склянский при жизни интересовался вопросом о том, где его хоронят. Но решение ЦК получало характер политической и личной низости. Преодолевая брезгливость, я позвонил Молотову. Но решение осталось непреклонным. История перерешит и этот вопрос по-своему».

(Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. — М., 1990)

ШАХТИНСКОЕ ДЕЛО

Весной 1928 года в Донбассе большую группу спецов обвинили в стремлении «свергнуть советскую власть... восстановить капиталистические порядки», в намерении вырубать «плохой уголь из дорогих рудников... делать шахты там, где нет угля». (Правда. — 1928. — 9 марта)

По замыслу вождя, итогом процесса должна была стать замена инженеров и техников с дореволюционным образованием «рабочими коммунистами-хозяйственниками», которым еще только предстояло «овладеть химическими формулами и вообще техническими знаниями». (Правда. — 1928. — 18 апреля)

Этой кампании воспротивился Орджоникидзе, которому было очевидно, что такая замена приведет к полной катастрофе в промышленности, которой он руководил.

Сталин ответил на противодействие Орджоникидзе стремительным расширением «шахтинского дела». ГПУ срочно «раскрыло» так называемый харьковский центр, а затем и московский, который якобы имел «соответствующий аппарат в командной верхушке всего управления промышленностью СССР — ВСНХ в Москве». А возглавлял ВСНХ товарищ Серго...

Суд шел в Москве 50 дней. Орджоникидзе не дождался конца процесса. Он уехал в Кисловодск — собраться с мыслями и с силами.

(Камов Б. Партийное поручение: зарезать наркома. // Совершенно секретно. 1992. № 11)

ШАГРЕНЕВЫЕ ПЕРЕПЛЕТЫ

Чего только нет в «деле» Гумилева! И приглашение участвовать в поэтическом вечере к нему подшито, и членский билет Дома искусства на 1920 год, и интимные записки со стершимся карандашным текстом — словом, все те немногочисленные следы, которые, помимо стихов, оставляет жизнь поэта на бумаге.

Только на 68—69 листах (напоминаю, из 107) обнаруживается то, что имеет отношение к обстоятельствам действительной виновности или невинности Гумилева: протокол показания главы «заговора» профессора В. Таганцева.

Листы № 68, 69.

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЯ ГР. ТАГАНЦЕВА.

«Поэт Гумилев после рассказа Германа обращался к нему в конце ноября 1920 г. Гумилев утверждает, что с ним связана группа интеллигентов, которой он сможет распоряжаться и которая в случае выступления согласна выйти на улицу, но желал бы иметь в распоряжении для технических надобностей некоторую свободную наличность. Таковой у нас тогда не было. Мы решили тогда предварительно проверить надежность Гумилева, командировав к нему Шведова для установления связей.

В течение трех месяцев, однако, это не было сделано. Только во время Кронштадта Шведов выполнил поручение: разыскал на Преображенской ул. поэта Гумилева, адрес я узнал для него во «Всемирной литературе», где служит Гумилев. Шведов

предложил ему помочь нам, если представится надобность в составлении прокламаций. Гумилев согласился, сказав, что оставляет за собой право отказываться от тем, не отвечающих его далеко не правым взглядам. Гумилев был близок к Совет. ориентации. Шведов мог успокоить, что мы не монархисты, а держимся за власть Сов. Не знаю, насколько мог поверить этому утверждению. На расходы Гумилеву было выделено 200 000 советских рублей и лента для пишущей машинки. Про группу свою Гумилев дал уклончивый ответ, сказав, что для организации ему потребно время. Через несколько дней пал Кронштадт. Стороной я услышал, что Гумилев весьма отходит далеко от контрреволюционных взглядов. Я к нему больше не обращался, как и Шведов и Герман, и поэтических прокламаций нам не пришлось ожидать».

В. Таганцев

Лист № 85.

ПОКАЗАНИЯ ПО СУЩЕСТВУ ДЕЛА. Месяца три тому назад ко мне утром пришел молодой человек высокого роста и бритый, сообщивший, что привез мне поклон из Москвы. Я пригласил его войти, и мы беседовали минут двадцать на городские темы. В конце беседы он обещал мне показать имеющиеся в распоряжении русские заграничные издания. Через несколько дней он действительно принес мне несколько номеров каких-то газет. И оставил у меня, несмотря на заявление, что я в них не нуждаюсь. Прочтя эти номера и не найдя в них ничего для меня интересного, я их сжег. Приблизительно через неделю он пришел опять и стал спрашивать меня,

не знаю ли я кого-нибудь, желающего работать для контрреволюции. Я объяснил, что никого такого не знаю, тогда он указал на незначительность работы: добывание разных сведений и настроений, раздачу листовок и сообщил, что эта работа может оплачиваться. Тогда я отказался продолжать разговор с ним на эту тему, и он ушел. Фамилию свою он назвал мне, представляясь. Я ее забыл, но она была не Герман и не Шведов.

Н. Гумилев

Лист № 86.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

гр. Гумилева Николая Степановича.

Допрошенный следователем Якобсоном, я показываю следующее: летом прошлого года я был знаком с поэтом Борисом Вериним и беседовал с ним на политические темы, горько сетуя на подавление частной инициативы в Советской России. Осенью он уехал в Финляндию, через месяц я получил в мое отсутствие от него записку, сообщавшую, что он доехал благополучно и хорошо устроился. Затем зимой, перед Рождеством, ко мне пришла немолодая дама, которая мне передала неподписанную записку, содержащую ряд вопросов, связанных, очевидно, с заграничным шпионажем, например, сведения о готовящемся походе на Индию. Я ответил ей, что никаких таких сведений я давать не хочу, и она ушла.

Затем, в начале Кронштадтского восстания, ко мне пришел Вячеславский с предложением доставлять для него сведения и принять участие в восстании, буде оно переносится в Петроград. От дачи

сведений я отказался, а на выступление согласился, причем указал, что мне, по всей вероятности, удастся в момент выступления собрать и повести за собой кучку прохожих, пользуясь общим оппозиционным настроением. Я выразил также согласие на попытку написания контрреволюционных стихов. Дней через пять он пришел ко мне опять, вел те же разговоры и предложил гектографированную ленту и деньги на расходы, связанные с выступлением. Я не взял ни того, ни другого, указав, что не знаю, удастся ли мне использовать ленту. Через несколько дней он зашел опять, и я определенно ответил, что ленту я не беру, не будучи в состоянии использовать, а деньги 200 000 взял на всякий случай и держал их в столе, ожидая или событий, то есть восстания в городе, или прихода Вячеславского, чтобы вернуть их, потому что после падения Кронштадта я резко изменил мое отношение к Советской власти. С тех пор ни Вячеславский, никто другой с подобными разговорами ко мне не приходили, и я предал все дело забвению.

В добавление сообщаю, что я действительно сказал Вячеславскому, что могу собрать активную группу из моих товарищей, бывших офицеров, что являлось легкомыслием с моей стороны, потому что я с ними встречался лишь случайно и исполнить мое обещание мне было бы крайне затруднительно.

Гумилев

Допросил Якобсон 18.8.1921 г.

Лист № 87 — машинопись. — Ред.

Продолжительное (? - Ред.) показание гр. Гумилева Николая Степановича 20.08.1921 г.

Допрошенный следователем Якобсоном, я показываю: сим подтверждаю, что Вячеславский был у меня один, и я, говоря с ним о группе лиц, могущих принять участие в восстании, имел в виду не кого-нибудь определенного, а просто человек десять встречаемых знакомых, из числа бывших офицеров, способных, в свою очередь, организовать и повести за собой добровольцев, которые, по моему мнению, не замедлили бы примкнуть к уже составившейся кучке. Я, может быть, не вполне ясно выразился относительно такого характера этой группы, но сделал это сознательно, не желая быть простым исполнителем директив неизвестных мне людей, и сохранить мою независимость. Однако я указывал Вячеславскому, что, по моему мнению, это единственный путь, по какому действительно совершается переворот, и что я против подготовительной работы, считая ее бесполезной и опасной. Фамилии лиц я назвать не могу, потому что не имел в виду никого в отдельности, а просто думал встретить в нужный момент подходящих по убеждению мужественных и решительных людей. Относительно предложения Вячеславского я ни с кем не советовался, но возможно, что говорил о нем в туманной форме.

Н. Гумилев

Выделим несколько моментов из этого документа. Начнем с последнего: «...возможно, что говорил» о предложении участвовать в контрреволюционной организации «в туманной форме». Вот это не полная правда! Какое уж тут «возможно», если и той же И. Одоевцевой, одной из многочисленных своих учениц, и поэтам М. Кузмину, Г. Иванову и многим

другим знакомым литераторам Гумилев «тайнственно» намекал на свою причастность к «организации». Вот что вспоминает Одоевцева: «Гумилев был страшно легкомысленным... Как-то, когда мы возвращались с поэтического вечера, Гумилев сказал, что достал револьвер — «пять дней охотился». Об этом я рассказывала, но то, что «Гумилев всем показывал револьвер», не говорила и не писала никогда — мне напрасно приписывают эти слова. Я думала, что с револьвером — это игра Гумилева в солдатики. Может быть, все было игрой... Кузмин однажды сказал: «Доиграетесь, Коленька, до беды!» Гумилев уверял: «Это совсем неопасно — они не посмеют меня тронуть»... Отметим это ощущение от поведения Гумилева, как от игры, а также его олимпийскую уверенность в своей неприкосновенности.

Ну а дальше в «деле» после машинописной копии предыдущих листов, заявления от зав. литературным отделом Дома искусств с просьбой взять из квартиры Гумилева необходимые их «учебному заведению» книги и документов, свидетельствующих о найме Гумилевым квартиры, следует

Лист № 102.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу № 2534 Гумилева Николая Станиславовича (зачеркнуто, написано сверху чернилами «Степановича»), обвиняемого в причастности к контрреволюционной организации Таганцева (Петроградской боевой организации) и связанных с ней организаций и групп.

Следствием установлено, что дело гр. Гумилева Николая Станиславовича, 35 лет, происходит из

дворян, проживает в г. Петрограде, угол Невского и Мойки, в Доме искусств, поэт, женат, беспартийный, окончил высшее учебное заведение, филолог, член коллегии издательства «Всемирная литература», возникло на основании показаний Таганцева — руководителя указанной организации (см. протокол допроса Таганцева от 6.8.1921 г.), в котором он показывает следующее: «Гражданин Гумилев утверждал курьеру финской контрразведки Герману, что он, Гумилев, связан с группой интеллигентов, которой последний может распоряжаться и которая в случае выступления готова выйти на улицу для активной борьбы с большевиками, но желал бы иметь в распоряжении некоторую сумму для технических надобностей. Чтоб проверить надежность Гумилева, организация Таганцева командировала члена организации гр. Шведова для ведения окончательных переговоров с гр. Гумилевым. Последний взял на себя оказать активное содействие в борьбе с большевиками и составлении прокламаций контрреволюционного характера. На расходы Гумилеву было выдано 200 000 рублей советскими деньгами и лента для пишущей машины» (увы, гражданин следовательно, с лентой-то подтасовка получается! — Ред.).

В своих показаниях гр. Гумилев подтверждает вышеуказанные против него обвинения и виновность в желании оказать содействие контрреволюционной организации Таганцева, выразив, согласие в подготовке кадров интеллигентов для борьбы с большевиками и в сочинении прокламаций контрреволюционного характера (где же они, эти прокламации, гражданин следовательно? — Ред.).

Признает своим показанием: гр. Гумилев под-

тверждает получку денег от организации в сумме 200 000 рублей для технических надобностей.

В своем первом показании гр. Гумилев совершенно отрицал свою причастность к контрреволюционной организации и на все заданные вопросы отвечал отрицательно.

Виновность в контрреволюционной организации гр. Гумилева Н. Ст. на основании протокола Таганцева и его подтверждения вполне доказана.

На основании вышеизложенного считаю необходимым применить по отношению к гр. Гумилеву Николаю Станиславовичу как явному врагу народа и рабоче-крестьянской революции высшую меру наказания — расстрел».

(Хлебников О. Дело Гумилева. //Огонек. 1990. № 18)

ПРОТЕСТ ПО ДЕЛУ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА

Генеральный прокурор СССР подписал протест по уголовному делу известного поэта. Слово — за Верховным судом России.

20 сентября Генеральный прокурор СССР Николай Трубин подписал протест на решение Президиума Петроградской губернской чрезвычайной комиссии по делу Николая Гумилева, 1886 года рождения, русского, члена коллегии издательства «Всемирная литература», председателя Петроградского Всероссийского союза писателей. 24 августа 1921 года поэт Н. Гумилев Петроградской ЧК был признан виновным в «активном содействии Петроградской боевой организации в составлении для нее прокламаций контрреволюционного содержания, в обещанном личном активном участии в мятеже и подборе враждебно настроенных к Советской власти граждан для участия в контрреволюционном восстании в Петрограде, в получении денег от антисоветской организации для технических нужд»... Приговор ЧК: высшая мера наказания — расстрел.

Проверив материалы дела, извлеченного из архивов КГБ, Генеральный прокурор СССР не обнаружил там никаких данных о контрреволюционной деятельности Гумилева. Более того, отметил он, в творчестве поэта нет ни одного антисоветского произведения. В обоснование своего решения Н. Трубин сослался и на ходатайство М. Горького, который подчеркивал значение Гумилева для русской литературы.

Итог прокурорской проверки — протест. Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР предложено отменить постановление Президиума Петроградской губернской чрезвычайной комиссии от 24 августа 1921 года в отношении Николая Степановича Гумилева и дело прекратить за отсутствием состава преступления.

ДЕЛО ВОЕННЫХ

Вот отзыв о Красной Армии зам. начальника Генштаба французской армии генерала Луазо, высказанный после знаменитых киевских маневров в сентябре 1935 года. Тогда впервые в мире был выброшен с самолетов десант из 800 парашютистов. Луазо сказал: «Я видел могучую серьезную армию, весьма высокого качества и в техническом, и в моральном отношении. Ее моральный уровень и физическое состояние достойны восхищения. В отношении танков я полагал бы правильным считать армию Советского Союза на первом месте. Парашютный десант воинской части я считаю фактом, не имевшим прецедента в мире... Подобного мощного, волнующего, прекрасного зрелища я не видел в своей жизни» (газета Киевского ВО «Красная Армия», 1935, 18 сентября). Слушатель академии им. Фрунзе, участвовавший в этих маневрах, писал: «И сейчас поражает, насколько дальновидно были сформулированы цели. Начальный период войны показал, что, если бы мы могли действовать в соответствии с теми принципами, которые отрабатывались на этих маневрах, дело приняло бы совершенно другой оборот». (Еременко А. И. В начале века. — М., 1964. — С. 8).

Немцы успешно воспользовались нашими идеями взаимодействия подвижных войск с авиацией, так же как идеей и опытом применения парашютного десанта, чего они и не скрывают. (Хейдт. Парашютные войска во второй мировой войне. — В кн.: Итоги второй мировой войны. — М., 1957. — С. 240).

«Дело военных» (так назвала мировая печать судебный процесс над военачальниками Красной Армии, проходивший в Москве летом 1937) имело далеко идущие и трагические последствия. Осуществленные И. В. Сталиным и его ближайшим окружением массовые репрессии в армии накануне второй мировой войны нанесли огромный ущерб Советским Вооруженным Силам, всей обороноспособности Советского государства.

Внутриполитическая обстановка в стране во второй половине 30-х годов, обострение и расширение репрессий вызывали у И. В. Сталина определенные опасения в отношении позиции крупных военачальников, авторитет которых в народе и армии был очень высоким еще со времен гражданской войны. Их глубокий профессионализм, независимость в суждениях, открытая критика выдвиженцев И. В. Сталина — К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного, Г. И. Кулика, Е. А. Щаденко и других, не понимавших необходимости создания современной армии, — вызывали раздражение, подозрительность и определенные опасения, что армия может проявить колебание в поддержке проводимого им курса. Отсюда стремление убрать из армии всех колеблющихся, всех, кто вызывал у И. В. Сталина и его ближайшего окружения хоть малейшее сомнение.

«Раскрытие» органами НКВД во второй половине 30-х годов так называемой антисоветской троцкистской военной организации явилось полной неожиданностью для советских людей, привыкших видеть в М. Н. Тухачевском, И. Э. Якире, И. П. Уборевиче и других крупных военачальниках прослав-

ленных полководцев Красной Армии, чьи имена были известны каждому, верных сынов своего народа.

Следует сказать, что репрессии и до этого не раз потрясали Красную Армию, но прежде они не задевали военачальников столь высокого ранга. В середине 20-х годов была проведена чистка командного состава и политических работников, подозреваемых в сочувствии троцкистской оппозиции. Спустя несколько лет (в конце 20-х — начале 30-х годов) были осуществлены мероприятия по чистке РККА от бывших офицеров старой армии. Дело не ограничивалось только увольнением их из Вооруженных Сил. По фальсифицированным обвинениям были сфабрикованы дела о заговоре бывших офицеров. По ним осуждено более трех тысяч командиров Красной Армии. А всего за 20-е годы и первую половину 30-х, по словам К. Е. Ворошилова, было уволено из армии 47 тысяч человек, в том числе 5 тысяч бывших оппозиционеров.

Со второй половины 1936 года вновь возобновились аресты командного состава Красной Армии.

И. В. Сталин повседневно лично занимался вопросами следствия по делу о «военном заговоре». Получал протоколы допросов арестованных и почти ежедневно принимал Н. И. Ежова, а 21 и 28 мая 1937 года и заместителя наркома М. П. Фриновского, непосредственно участвовавшего в фальсификации обвинений.

С 1 по 4 июня 1937 года в Кремле на расширенном заседании Военного совета при наркомате обороны СССР с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б) обсуждался доклад К. Е. Ворошилова «О раскрытом

органами НКВД контрреволюционном заговоре в РККА»...

К. Е. Ворошилов в докладе призывал «проверить и очистить армию буквально до самых последних щелочек...», заранее предупреждая, что в результате этой чистки «может быть в количественном выражении мы понесем большой урон».

Перед судом обвиняемым разрешили обратиться с последними покаянными заявлениями на имя И. В. Сталина и Н. И. Ежова, создавая иллюзию, что это может сохранить им жизнь. Арестованные написали такие заявления. Какое к ним было отношение, показывает такой факт. На заявления И. Э. Якира имеются следующие резолюции: «Подлец и проститутка. И. Ст.»; «Совершенно точное определение. К. Ворошилов и Молотов»; «Мерзавцу, сволочи... одна кара — смертная казнь. Л. Каганович».

11 июня 1937 года в Москве Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР на закрытом судебном заседании рассмотрело дело по обвинению М. Н. Тухачевского и других.

Судьба подсудимых была предreshена заранее. Бывший секретарь суда И. М. Зарянов в 1962 году сообщил: «О ходе судебного процесса председатель Военной коллегии Верховного суда СССР Ульрих информировал И. В. Сталина. Об этом мне говорил Ульрих, он говорил, что имеется указание Сталина о применении ко всем подсудимым высшей меры наказания — расстрела...»

В 23 часа 35 минут 11 июня 1937 года председательствующим В. В. Ульрихом был оглашен приговор о рассмотрении всех восьми осужденных. Приговор приведен в исполнение 12 июня 1937 года...

Уже через девять дней после суда над М. Н. Тухачевским были арестованы как участники военного заговора 980 командиров и политработников, в том числе 29 комбригов, 37 комдивов, 21 комкор, 16 полковых комиссаров, 17 бригадных и 7 дивизионных комиссаров.

С ведома и разрешения И. В. Сталина органы НКВД по отношению к арестованным широко применяли физические меры воздействия, шантаж, провокации и обман, в результате чего добились ложных показаний о «преступной деятельности» целого ряда видных военных работников, находившихся на свободе. Показания многих арестованных направлялись И. В. Сталину, который единолично, без какого-либо разбирательства, решал вопрос об аресте.

Всего в этот период было арестовано и осуждено Военной коллегией Верховного суда СССР 408 человек руководящего и начальствующего состава РККА и ВМФ, 386 из них являлись членами партии. К высшей мере — расстрелу был приговорен 401 человек, 7 — к различным срокам исправительно-трудовых лагерей.

Изучение документальных материалов, хранящихся в партийных и государственных архивах, а также опрос лиц, причастных к событиям тех лет, позволили установить, что дело по обвинению М. Н. Тухачевского и других военных фальсифицировано, а признания обвиняемых на следствии получены от них недозволенными методами.

В 20 — 30-е годы органы зарубежной разведки систематически направляли по различным каналам сфабрикованный ими дезинформационный матери-

ал, который должен был свидетельствовать о предательстве М. Н. Тухачевского и других советских военных руководителей.

Материалы зарубежных разведок в значительной степени были рассчитаны на такие черты характера И. В. Сталина, как болезненная мнительность и крайняя подозрительность, и, по всей вероятности, в этом они свою роль сыграли.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 31 января 1957 года приговор в отношении М. Н. Тухачевского, А. И. Корка, И. Э. Якира, И. П. Уборевича, В. К. Путны, Р. П. Эйдемана, В. М. Примакова и Б. М. Фельдмана отменен и уголовное дело прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления. Решением Комитета партийного контроля при ЦК КПСС от 27 февраля 1957 года они были восстановлены в партии. В 50—60-е годы были реабилитированы и другие из 408 военных, осужденных по делу «антисоветской троцкистской военной организации».

(Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 4. — С. 42 — 62).

ИСПАНСКАЯ ФАЛАНГА

Начало деятельности Испанской фаланги относится к 29 октября 1933 года. В этот день в мадридском театре «Комедиа» собрались на митинг желающие вступить в фашистскую партию, а также сочувствующие движению члены правых партий — всего 2 тыс. человек.

Лидер будущей партии Примо де Ривера разъяснил присутствующим, что политические партии — нечто чуждое самой природе человека и что создаваемая им организация полна решимости их отменить.

На первом заседании исполнительного комитета 2 ноября 1933 года фашистская партия получила название «Испанская фаланга». Первоначальное предложение Примо де Ривера дать партии название «Испанский фашизм» было отвергнуто под тем предлогом, что оно взято из «вторых рук».

13 февраля 1934 года Национальный совет ХОНС (Хунта национал-синдикалистского наступления) принял решение о слиянии с фалангой. Само слияние произошло 4 марта 1934 года, объединенная партия стала называться «Испанская фаланга и ХОНС». Эмблемы были официально приняты новой организацией: красно-черный флаг, знак ярма и стрел, девизы «Арриба» и др. Вновь созданную организацию возглавлял триумвират: Х. А. Примо де Ривера, Р. де Альда, Р. Ледесма Рамос. Цели и методы «Испанской фаланги и ХОНС» были опубликованы в апрельском номере журнала ХОНС и определялись следующим образом: «Единение родины. Прямое действие. Антимарксизм. Антипарламента-

ризм». И, наконец, весьма туманное намерение произвести «экономическую революцию, которая даст избавление крестьянам, рабочим и всем мелким производителям».

Монархисты — сторонники свергнутого короля Альфонса XIII — проявили интерес к новой партии. Известный летчик монархист Х. Ансальдо даже вступил в фалангу и вместе с Р. де Альда, участником одного из первых перелетов из Испании в Южную Америку, создал фалангистскую милицию.

Примо де Ривера был решительным сторонником террора. Ему принадлежит получившее широкую огласку высказывание: «Нам не нужно иной диалектики, кроме диалектики кулака и пистолета».

В мае 1934 года Примо де Ривера отправился в нацистский Берлин. Историк испанского фашизма С. Пейн, ссылаясь на воспоминания ветеранов фаланги, утверждает, что Хосе Антонио Примо де Ривера не понравились в Германии ни стиль пропаганды, ни народ, ни национал-социалистская партия, которую он назвал «дурно демагогичной».

Вскоре после посещения Берлина Примо де Ривера порвал с теми фалангистами, которые хотели ограничить функции фаланги только «боевыми» действиями против рабочих, оставляя поле битвы за власть другим правым силам.

К лету 1936 года подготовка мятежа против республики вступила в фазу завершения. Еще 14 апреля в одном из районов Мадрида, Кастельяна, фашисты открыли огонь из машины и убили четырех человек. 16 апреля фашисты пытались организовать демонстрацию. С криками: «Да здравствует фашизм!», — они открыли огонь, ранив около сорока и убив трех человек.

17 июня 1936 года вспыхнул мятеж в испанском Марокко, а затем он охватил всю Испанию. Так началась одна из трагических страниц в истории Испании. 13 июля был убит лейтенант штурмовой гвардии антифашист Кастильо. В связи с этим «Мундо Обреро» писала: «Хладнокровное убийство лейтенанта Кастильо, занятие фашистами радиостанции в Валенсии, чтобы иметь возможность выступать перед народом и передавать свои директивы, раскрытие складов оружия в фашистских центрах — все это и многое другое ясно указывают на подготовку переворота».

Руководство мятежом принадлежало исключительно военным. Фалангисты не вошли ни в первую военную хунту, сформированную в Бургосе 24 июня 1936 года генералом М. Кабанельясом в составе генералов Саликета, Понте, Давила и Мола, ни во второй состав, куда были дополнительно включены Франко и Кейпо де Льяно.

К началу мятежа фаланга осталась без лидеров: Примо де Ривера, Х. Руис де Альда и Фернандес Куэста находились в тюрьмах. Республика, в целом недооценивавшая опасность военного мятежа, в отношении верхушки фаланги проявила необходимую бдительность.

Как утверждал генерал Монастерио, в рядах милиции к 1937 году было 126 тыс. фалангистов. Особенно усердствовали фалангисты, состоявшие в рядах сельской милиции. Именно они в первую очередь и явились орудием кровавого террора. Руками «тыловых» фалангистов был убит великий испанский поэт Федерико Гарсиа Лорка.

(Фашизм в Западной Европе. Сборник. М., 1978)

МЯТЕЖ В МАДРИДЕ

Руководителем мятежа должен был стать генерал Санхурхо — организатор монархо-фашистского заговора против республики в Севилье в 1932 году. Однако во время перелета из Португалии в Испанию он погиб при весьма странной авиационной катастрофе. Чтобы встать во главе мятежа, Санхурхо вылетел 20 июля из Эсторил на спортивном самолете, пилотируемом испанским летчиком. Пролетев небольшое расстояние, самолет рухнул на землю. Летчик спасся. Генерал Санхурхо оказался жертвой катастрофы.

Мятежники рассчитывали на быстрый успех. При помощи концентрированного удара во всех крупных промышленных городах они надеялись в несколько дней стать полными хозяевами страны. Военный гарнизон Мадрида должен был овладеть столицей республики. Революционную Астурию предполагали усмирить с помощью многочисленных войск, расквартированных в Хихоне и в казармах Овьедо. Подобным же образом мятежники намеревались овладеть Каталонией, Басконией и остальной частью страны. В случае необходимости мятежники рассчитывали перебросить из Африки в Испанию колониальные марокканские войска и иностранный легион. Мятежники рассчитывали также на свою многочисленную тайную агентуру, которая в тесном сотрудничестве с иностранными разведками готовила террористические акты и вела подрывную работу на территории республики.

Центром военно-фашистского мятежа в Мадриде

были казармы Ла Монтанья. Эти казармы, расположенные на вершине крутого холма, представляли собой надежную естественную крепость. За прочными стенами находилось несколько тысяч хорошо вооруженных солдат и офицеров. Помимо них, в Мадриде были также артиллерийские казармы Карабанчеля и казармы военных частей связи. Имелись довольно многочисленные силы гражданской и штурмовой гвардии.

Главные надежды организаторы мятежа возлагали на казармы Ла Монтанья и на отряды гражданской гвардии, которые должны были овладеть городом.

Но быстрые и решительные действия населения Мадрида помешали этому, и мятеж в столице был подавлен в самом зародыше. Не дав войскам возможности выйти на улицу, мадридцы начали штурмовать казармы. Первыми пали артиллерийские казармы Карабанчеля, взятые почти безоружной толпой.

Солдаты получили приказ стрелять. Из окон Ла Монтанья раздались первые выстрелы. Но сопротивление восставших усилило напор народа.

На рассвете недалеко от казарм было установлено несколько пушек, которые открыли огонь по осажденной крепости. Сопротивление стало бесполезным. К 12 часам утра казармы Ла Монтанья перешли в руки народа. Со взятием их мятеж в Мадриде был ликвидирован. Гражданская гвардия не решалась восстать и сдалась без боя. Штурмовая гвардия в Мадриде, как и в большинстве городов Испании, встала на сторону народа.

(Фашизм в Западной Европе: Сборник. — М., 1978)

«НАЦИОНАЛЬНЫМ ШЕФОМ» ФРАНКО НАЗНАЧИЛ СЕБЯ

Один из руководителей заговора против республики — Франко был переброшен самолетом 19 июля с Канарских островов в Тетуан, где принял командование всеми войсками Испанского Марокко, составившими основу вооруженных сил мятежников. 29 сентября 1936 года военная хунта провозгласила его главой правительства и командующим вооруженными силами. 1 октября Франко стал главой государства.

Было немало причин, способствовавших победе Франко над его менее удачливыми соперниками. Среди них не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что в глазах своего окружения Франко был тем лицом, кому удалось через фалангу установить связь с Гитлером и Муссолини. С самого начала мятежа его руководителям было ясно, что без вооруженной поддержки фашистских государств успех невозможен.

22 июля А. Лангенхайм, руководитель нацистской партии в Марокко, вылетел в Берлин с личным посланием Франко. Вечером 25 июля после совещания, на котором, кроме Гитлера, присутствовали Геринг, адмирал Канарис и генерал-полковник Бломберг, было принято решение удовлетворить просьбу Франко о помощи. Уже 27 июля первые 20 транспортных самолетов «Юнкерс-52» вылетели в Тетуан. То обстоятельство, что прямой контакт с руководителями третьего рейха, принесший ощутимый результат, был установлен при прямом посредниче-

стве фалангистов, резко поднял их престиж в глазах Франко.

«Самый ловкий среди военных» (так характеризовал его в свое время мультимиллионер Хуан Марч), Франко не был профессиональным политиком. Бравируя своей непричастностью к «безответным» политикам, «доведшим страну до катастрофы», генерал утверждал, что все его помыслы направлены на возрождение «национальной славы» и на «единение» испанской нации. Франко неустанно повторял, что Испания будто бы всегда страдала из-за заблуждений «интеллектуалов» и подражаний иностранному. В то время он отдавал себе отчет, что времена верхушечных переворотов прошли, понимал, что необходимо обрести массовую базу, сцементированную для его сторонников идеологией.

Николас Франко, брат диктатора, был одним из первых, кто увидел в фаланге основополагающий компонент будущей федерации всех реакционных сил мятежной зоны страны. Обращение Франко к фашистской фаланге часто объясняют как попытку укрепить союз мятежников с Германией и Италией и в политическом, и в идеологическом аспектах. Однако это вызывалось не только надеждой на дальнейшее укрепление союза с державами «оси». Франко и те, кто за ним стоял, пытаясь упрочить свои позиции, возлагали большие надежды на фашистское движение с его системой централизованного подчинения массовых организаций, с его идеологией и национализмом, способным, как свидетельствовал опыт Германии, развратить не искушенные в политике умы и сердца, прежде всего молодежи.

Франко, кроме всего прочего, привлекал в фашизме принцип «фюрерства».

Определенное давление оказала и фашистская Германия.

Посол Германии Фаупель не скрывал, что хотел бы видеть «националистическую» Испанию «политически унифицированной» на фашистской основе. По его мнению, «националистическому правительству явно не доставало ярко выраженной идеологической ориентации». Он поддерживал регулярную связь с руководителями фаланги М. Эдилей. Фаупель убеждал его не противиться созданию единой государственной фашистской партии, куда бы вошли все сторонники режима, обещая перспективу партийного лидерства.

В марте 1937 года в Саламанку из республиканской зоны прибыл Р. Серрано Суньер, бывший лидер «Молодежи народного действия», освобожденный из тюрьмы неделей ранее. Он находил признание у членов монархического «Испанского обновления», был признан и в СЭДА, хотя и считал их идеи архаичными, обращенными лишь к прошлому Испании. Программа фаланги представлялась ему более приспособленной к новой эпохе, но в то же время многие идеи национал-социализма он находил слишком демагогичными и посему неприемлемыми для Испании. Фаланга должна была стать государственной партией националистической Испании, пройдя реорганизацию на твердой консервативной основе.

20 ноября 1936 года Хосе Антонио Примо де Ривера был расстрелян республиканцами в Аликанте. О. Редондо, Х. Руис де Альда тоже были расстреля-

ны, а Ф. Куэста все еще находился в мадридской тюрьме (был выпущен оттуда в октябре 1937 года). М. Эдилья не представлял для Франко серьезной опасности в борьбе за власть.

В распоряжении Франко и Суньера была организация с готовой программой, многие положения которой импонировали им (например, доктрины об «империалистической миссии» Испании, о диктаторской власти как орудии «национального единства», о корпоративной системе национальных профсоюзов, призванной держать под контролем экономическую и социальную сферу).

11 апреля 1937 года Франко встретился с Фаупелем. Темой беседы стали предстоявшие 18 апреля выборы национального «вождя» фаланги. Серьезных претендентов, кроме Эдильи, на этот пост не было. Франко объявил себя самым горячим приверженцем идей фаланги. Он хорошо был осведомлен о том, что гитлеровцев не устраивает его тесная связь с монархистами и католической иерархией. Тем не менее он сообщил Фаупелю о своем намерении слить фалангу с монархическими группами и лично возглавить эту «объединенную партию». Армия была всемогуща в мятежной зоне, и Франко был уверен, что это обстоятельство подскажет Фаупелю «здоровое» решение. И он не ошибся.

13 апреля Фаупель встретился с представителем зарубежной организации нацистской партии и представителем итальянской фашистской партии Данци, и они решили, что, «несмотря на все их расположение к фаланге... в конфликте между Франко и фалангой они поддержат Франко». События последующих дней ускорили развязку: 16 апреля на

внеочередном заседании политической хунты призывания Эдильи на пост национального лидера фаланги, по его собственным словам, поддерживали только три члена политической хунты из семи. 18 апреля участь его была решена окончательно: из 22 членов Национального совета фаланги за Эдилью проголосовали только 10, 8 предпочли бросить пустые бюллетени, 4 проголосовали против. Для Франко не оставалось сомнений в том, что в фаланге царит разброд. Настало время действовать без промедления.

На другой день с балкона епископского дворца в Саламанке, где находился тогда Генеральный штаб мятежников, Франко провозгласил декрет о слиянии всех реакционных партий в единую «Испанскую традиционалистскую фалангу и ХОНС». При этом каудильо дал понять, что речь идет не о передаче власти фаланге, а о подчинении ее государственным целям.

«Национальным шефом» фаланги Франко назначил себя.

Милиция фаланги сливалась в единую национальную милицию, выполняющую роль вспомогательных воинских частей. Много лет спустя Эдилья обвинил Суньера, одного из авторов декрета, в том, что тот «продал фалангу Франко». Однако в тот день он сам стоял на балконе рядом с каудильо и с удовлетворением принял назначение на пост председателя политической хунты новой фаланги.

Эдилья не мог не разделять недовольства большинства «старой» фаланги: власть над страной, как им казалось, такая близкая, ускользнула из их рук.

Особое недовольство вызывало подчинение милиции армейскому командованию.

В дальнейшем же для предупреждения каких-либо эксцессов сторонниками Франко были приняты меры: в ночь с 24 на 25 апреля Эдилья и 20 ведущих фалангистов были арестованы и по обвинению в заговоре против каудильо предстали перед военным судом. Эдилью и еще троих фалангистов осудили на смертную казнь, которую затем заменили на длительное тюремное заключение. Остальных Франко и его окружение рассчитывали подкупить, включив их в бюрократическую иерархию создаваемого фашистского государства.

Определяя основную «миссию» фаланги как прочное соединение всех политических сил «нового государства», Франко в выступлении, опубликованном 19 июля на страницах «АВС», обратил особое внимание на существование в Испании громадной нейтральной массы, не испытывавшей до того времени привязанности к какой-либо партии, как на основной резерв фаланги. Но приходилось до поры до времени считаться и со «старыми» фалангистами, которых поддерживала Германия.

Дом сестры основателя фаланги Пилар Примо де Ривера в Саламанке стал своего рода штаб-квартирой «старой» фаланги. Именно здесь состоялись переговоры между посланцем Франко Серрано Суньером и представителем фалангистов Д. Ридруехо, 24-летним «хефе» («вождем») провинции Вальядолид. Фалангистам были обещаны партийные посты и «теплые» места в административном аппарате, а также сохранение принципов фалангистского движения, которые были «священными» для Примо де

Ривера. Взамен фалангисты обещали свою поддержку. 4 августа 1937 года был опубликован декрет о структуре руководящих органов фаланги. Ее прежняя структура в целом сохранялась, за одним весьма существенным исключением: вновь было подтверждено положение декрета 19 апреля, что принцип выборности «национального шефа» отменяется. Этот пост Франко, который уже был главнокомандующим и «главой» государства, оставил за собой.

(Фашизм в Западной Европе: Сборник. — М., 1978)

ВЕРНЫЙ В. М.

4 мая на последней странице советских газет в разделе «Хроника» было опубликовано известное сообщение: «М. М. Литвинов освобожден от обязанностей народного комиссара иностранных дел по его просьбе».

Изучение архивных документов показывает, что это решение было окончательно принято 3 мая где-то около 16 часов. В этот обычный для М. М. Литвинова день он принял британского посла У. Сидса, отправил несколько телеграмм, в том числе в Читу, Харбин (Китай) и др. Но вдруг на проекте телеграммы в Шара-Сумэ (Китай), полученной в отделе в 17 час. 20 мин. за подписью зам. заведующего Восточным отделом С. К. Царапкина и с визой М. М. Литвинова, фамилия последнего оказалась зачеркнутой и появилась таинственная буква «М». Часом позже пошла телеграмма в Прагу, где фамилия Литвинова вновь была зачеркнута и впервые появился значок «В. М.», ставший хорошо знакомым целому поколению советских дипломатов периода войны и первых послевоенных лет.

Все выяснилось поздно вечером, когда в 23 часа 3 мая пошла циркулярная телеграмма всем полпредам и временно исполняющим дела, в которой секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин извещал:

«Ввиду серьезного конфликта между председателем СНК тов. Молотовым и наркоминделом тов. Литвиновым, возникшего на почве нелояльного отношения тов. Литвинова к Совнаркому Союза ССР, тов. Литвинов обратился в ЦК с просьбой освобо-

дить его от обязанностей наркоминдела. ЦК ВКП(б) удовлетворил просьбу тов. Литвинова и освободил его от обязанностей наркома. Наркоминделом назначен по совместительству председатель СНК Союза ССР тов. Молотов».

Необычным в телеграмме Сталина было то, что снимаемый с такого высокого поста человек по-прежнему называется «товарищем». Ведь это продолжались 30-е годы, когда «летели головы» даже членов Политбюро ЦК ВКП(б) и известных всему миру военачальников, сразу становившихся «врагами народа». Видимо, здесь сказалось особое, личное отношение Сталина к Литвинову.

По свидетельству полпреда СССР в Великобритании И. М. Майского, отставке наркома предшествовало бурное объяснение в кабинете Сталина между В. М. Молотовым и М. М. Литвиновым, когда обстановка «была накалена до предела».

Телеагентства мира разнесли сенсационное сообщение об отставке Литвинова. Хотя советским полпредам было дано указание заявить в соответствующих столицах о неизменности советской внешней политики и полпреды разъясняли, ссылаясь из самого Литвинова, что политику в СССР определяют не отдельные наркомы, а ЦК и высшее руководство партии и государства, политики и журналисты понимали, что отставка Литвинова с его поста означает конец эпохи борьбы за коллективную безопасность.

Место Литвинова на посту наркома иностранных дел занял В. М. Молотов.

Вячеслав Михайлович Молотов (настоящая фамилия Скрябин) родился 9 марта 1890 года в слобо-

де Кукарка Вятской губернии в большой семье приказчика Михаила Прохоровича Скрябина, служившего в торговом доме богатого купца Якова Небогатикова. Мать его, Анна Яковлевна, — дочь упомянутого купца. В семье было десять детей, трое из которых умерли в раннем возрасте.

Поскольку дети подрастали, родители стали думать об их образовании, семья переехала в город — в Вятку. Следует отметить характерную черту семьи Скрябиных, их любовь к музыке и вообще к искусству. Уже в школьные годы Вячеслав играл на скрипке и «ведь недурно, — отметил будущий писатель и советский дипломат А. Я. Аросев, — с большой силой чувства и выразительностью». Баловался он и стихами. Его брат Николай стал известным советским композитором.

Вместе со старшими братьями Вячеслав выехал в 1902 году на учебу в Казань, где поступил в 1-е Казанское реальное училище, которое давало среднее образование и позволяло пойти в технический институт. Все четыре брата жили дружно в одной комнатке: один из них учился в гимназии, другой — в художественном училище, а двое — в реальном. Летом 1906 года он вступает в РСДРП и создает в Казани вместе с самоопределившимся большевиком В. А. Тихомировым нелегальную организацию учащихся средних и высших учебных заведений, которая под видом непартийного просветительства начала вести работу по пропаганде марксизма, издавать прокламации, оказывать помощь политзаключенным. В апреле 1909 года он был арестован, сослан в Вологодскую губернию. Для В. М. Скрябина началась жизнь профессионального революционера.

Отбыв ссылку, Вячеслав приехал в 1911 году в Петербург, сдал экзамен за реальное училище и поступил на экономическое отделение Политехнического института. Студенческий билет позволял ему появляться среди студентов и рабочих, где он вел партийную работу.

В начале 1912 года Вячеслав Михайлович работает в легальной большевистской газете «Звезда», принимает участие в создании ежедневной газеты «Правда» при материальном содействии своего товарища В. А. Тихомирова, с которым работал в Казани. В. М. Молотов становится членом и секретарем редакции газеты «Правда» и, как секретарь редакции, ведет переписку с В. И. Лениным, находившимся за границей.

В этот период он впервые встретился со И. В. Сталиным и даже одно время жил с ним в одной комнате. Дружба оказалась прочной.

Впереди у него были новые аресты, ссылка в Иркутскую губернию, побег, нелегальная работа. Февральскую революцию он встретил в Петрограде, был членом Русского бюро ЦК партии, вошел также в исполком Петроградского совета. Во время октябрьского переворота — член Военно-революционного комитета.

После установления Советской власти В. М. Молотов работает председателем Совета народного хозяйства Северного района. В конце 1919 года ЦК РКП(б) направляет его в Нижний Новгород, где он становится председателем губисполкома. Из Нижнего Новгорода его переводят на работу в Донбасс в качестве секретаря губкома. Затем его избирают в 1920 году секретарем ЦК Компартии Украины. В

марте 1921 года он едет делегатом на X съезд РКП(б), где, по предложению В. И. Ленина, его избирают членом ЦК, кандидатом в члены Политбюро и секретарем ЦК партии. С этого времени В. М. Молотов, всецело поддерживавший Сталина, который вскоре стал Генсеком, в течение более тридцати лет непрерывно находился в высшем эшелоне власти, определяя внутреннюю и внешнюю политику Советского государства.

В 1930 году Молотов становится председателем Совета Народных Комиссаров.

В. М. Молотов, придя в Наркоминдел, соблюдал крайнюю осторожность, стремясь согласовывать с И. В. Сталиным все возникавшие вопросы. Считая себя политиком, он к дипломатической деятельности не готовился, иностранными языками не владел, если не считать того, что он мог немного читать и понимать по-немецки и по-французски, а в последние годы своей деятельности — по-английски.

Новый нарком выполнил указание вождя и освободил Наркомат от «всякого рода сомнительных полупартийных элементов». Тем самым он лишил себя грамотного и опытного рабочего аппарата.

Заключение пакта о ненападении между СССР и Германией вызвало в мире бурную реакцию. Были у него и нейтральные наблюдатели. Вот что написал о пакте в своих мемуарах «Вторая мировая война» такой искушенный политик, как У. Черчилль: «В пользу Советов можно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий с тем, чтобы собрать силы со всех концов своей огромной страны. Если их политика и бы-

ла холоднорасчетливой, то она была в тот момент в высокой степени реалистичной». Договор от 23 августа для Советской страны был необходимостью. Он создавал возможность лучше подготовить страну и армию к войне. Угроза войны была реальной.

Оперативный план «Вайс», утвержденный Гитлером 11 апреля 1939 года, предусматривал, что вслед за нанесением военного поражения Польше Германия захватит Литву и Латвию. Следовательно, война против Советского Союза началась бы — тогда же или чуть позже — с еще более предпочтительных для агрессора рубежей, чем два года спустя.

В августе 1939 года Красная Армия уже вела тяжелые бои на Халхин Голе с японцами. Последние, терпя крупную неудачу, настаивали перед Берлином на выполнении им своих союзнических обязательств по «антикоминтерновскому пакту».

Пакт было вынужденной необходимостью, но сумело ли правительство Сталина должным образом использовать предоставленную отсрочку? Оно сделало много ошибок, в том числе и трагических.

После подписания договора резко изменилась политика СССР по отношению к фашизму.

В печати теперь не допускалось ни единого выпада против нацизма. Фон Шулленбург сообщал в Берлин: «Советское правительство делает все возможное, чтобы изменить отношение населения к Германии. Прессу как подменили. Не только прекратили все выпады против Германии, но и преподносимые теперь события внешней политики основаны в подавляющем большинстве на германских сообщениях, а антигерманская литература изымается из книжной продажи и т. п.... Советское правитель-

ство всегда искусно влияло в желаемую для него сторону на свое население, и в этот раз оно также не скупится на необходимую пропаганду». Это верно. Даже Лаврентий Берия внес свою лепту в укрепление советско-германской дружбы, издав по ГУЛАГу приказ, запрещающий надзирателям в тюрьмах называть заключенных «фашистами» — это слово перестало быть ругательным.

Газета «Правда» писала: «Вражде между Германией и СССР кладется конец. Различие в идеологии и в политической системе не должно и не может служить препятствием для установления добрососедских отношений между обеими странами».

Официально эту новую линию обнарудовал Молотов, заявив 31 августа на сессии Верховного Совета: «Вчера еще фашисты Германии проводили в отношении СССР враждебную нам внешнюю политику. Да, вчера еще в области внешних отношений мы были врагами. Сегодня, однако, обстановка изменилась, и мы перестали быть врагами». (Ривкин С. Тайны Второй мировой войны. — Мн., 1995)

Американский посол в СССР Чарльз Болен, который нередко встречался с Молотовым и Сталиным в 1945—1946 годах, отмечает в своих мемуарах не только унижительное и даже презрительное отношение Сталина к своему министру иностранных дел, но и раболепное отношение Молотова к Сталину. Болен, в частности, писал:

«Подозрительный по природе и благодаря сталинской выучке, он (Молотов) не рисковал. Где бы он ни был, за границей или в Советском Союзе, два или три охранника сопровождали его. В Чеквере, доме британского премьер-министра, или в Блэй-

тер-хаусе, поместье для важных гостей, он спал с заряженным револьвером под подушкой. В 1940 году, когда он обедал в итальянском посольстве, на кухне посольства появлялся русский, чтобы попробовать пищу.

Молотов был прекрасным помощником Сталина. Он был не выше пяти футов четырех дюймов роста, являя пример сотрудника, который никогда не будет превосходить диктатора.

Молотов был также великолепным бюрократом. Методичный в процедурах, он обычно тщательно готовился к спорам по ним. Он выдвигал просьбы, не заботясь о том, что делается посмешищем в глазах остальных министров иностранных дел.

Однажды в Париже, когда Молотов оттягивал соглашение, поскольку споткнулся на процедурных вопросах, я слышал, как он в течение четырех часов повторял одну фразу: «Советская делегация не позволит превратить конференцию в резиновый штамп» — и отвергал все попытки Бирнса и Бевина сблизить позиции.

В том смысле, что он неутомимо преследовал свою цель, его можно назвать искусным дипломатом. Он никогда не проводил собственной политики, что открыл еще Гитлер на известной встрече. Сталин делал политику; Молотов претворял ее в жизнь... Он пахал как трактор. Я никогда не видел, чтобы Молотов предпринял какой-то тонкий маневр; именно его упрямство позволяло ему достигать эффекта.

Невозможно определить действительное отношение Сталина к любому из его помощников, но большую часть времени Молотов раболепно относился к своему хозяину».

«НАДУЛ ГИТЛЕРА!»

Переговоры в Москве начались 23 августа 1939 года. Первый этап длился 3 часа. Депеша Риббентропа свидетельствует, что никаких особых трудностей в этот период не возникло.

Риббентроп — МИД Германии.

Телеграмма № 204 от 23 августа. Отправлена из Москвы в 20 час. 05 мин.

«Пожалуйста, немедленно сообщите фюреру, что первая трехчасовая встреча со Сталиным и Молотовым только что закончилась. Во время обсуждения, которое проходило положительно в нашем духе, сверх того, обнаружилось, что последним препятствием к окончательному решению является требование русских к нам признать порты Либавы (Лиепая) и Виндава (Вентспилс) входящими в их сферу влияния. Я буду признателен за подтверждение до 20 часов по германскому времени согласия Фюрера. Подписание секретного протокола о взаимном разграничении сфер влияния во всей восточной зоне, на которое дал принципиальное согласие, обсуждается».

Телефонограмма из канцелярии министра Риббентропу, полученная в Москве 23 августа в 23 час. 00 мин.

«Ответ: Да, согласен».

Договор о ненападении и секретный протокол были подписаны позднее, тем же вечером, на второй встрече. Немцы и русские так легко достигли соглашения, что это пиршественная встреча, которая длилась почти до утра, была по большей части по-

священа не какому-то упорному торгу, а оживленному обсуждению международного положения, все это запечатлел служебный отчет немецкой делегации, на котором стояла пометка «государственная тайна».

Господин Сталин и Молотов враждебно комментировали манеру поведения британской миссии в Москве, которая так и не высказала Советскому правительству, чего же она в действительности хочет

Имперский министр иностранных дел заявил в связи с этим, что Англия всегда пыталась, и до сих пор пытается, подорвать хорошие отношения между Германией и Советским Союзом. Англия слаба и хочет, чтобы другие поддерживали ее высокомерные претензии на мировое господство.

Господин Сталин живо согласился с этим и заметил следующее: британская армия слаба; британский флот больше не заслуживает своей прежней репутации. Английский воздушный флот, можно быть уверенным, увеличивается, но Англии не хватает пилотов. Если, несмотря на все это, Англия еще господствует в мире, то это происходит лишь благодаря глупости других стран, которые всегда давали себя обманывать. Смешно, например, что всего несколько сотен британцев правят Индией...

Имперский министр иностранных дел заметил, что Антикоминтерновский пакт был в общем-то направлен не против Советского Союза, а против западных демократий. Он знал и мог догадаться по тону русской прессы, что Советское правительство осознает это полностью.

Господин Сталин вставил, что Антикоминтернов-

ский пакт испугал главным образом лондонское Сити и мелких английских торговцев.

Имперский министр иностранных дел согласился и шутливо заметил, что господин Сталин, конечно же, напуган Антикоминтерновским пактом меньше, чем лондонское Сити и мелкие английские торговцы. А то, что думают об этом немцы, явствует из шедшей от берлинцев, хорошо известных своим остроумием, шутки, ходящей уже несколько месяцев. А именно: «Сталин еще присоединится к Антикоминтерновскому пакту».

И, наконец, кульминацией этой встречи стал тост Сталина.

«Я знаю, как сильно германская нация любит своего Вождя, и поэтому мне хочется выпить за его здоровье».

Имперский министр иностранных дел, в свою очередь, предложил тост за Сталина. При прощании Сталин обратился к Риббентропу со следующими словами: «Советское правительство относится к новому пакту очень серьезно. Оно может дать свое честное слово, что Советский Союз никогда не предаст своего партнера».

24 августа Риббентроп вылетел в Берлин. В этот же день в «Правде» появилось сообщение о том, что накануне был подписан советско-германский договор о ненападении. В этом же номере опубликован текст договора.

Английская и французская делегации в последний раз встретились с советской делегацией 25 августа 1939 года. Ошеломленные подписанием советско-германского договора о ненападении, руководители западных миссий спросили, не хотят ли рус-

ские «продолжить обсуждение». Ответ Ворошилова был окончательный.

«Ввиду изменившегося политического положения, — сказал он, — нет смысла продолжать обсуждение». Почему английские и французские офицеры находились еще два дня в Москве в ожидании этого неизбежного ответа, можно объяснить только шоком и смятением в Париже и Лондоне.

Хрущев в своих воспоминаниях пишет о реакции Сталина на подписанный договор.

«Сталин... правильно оценивал значение этого договора и понимал, что Гитлер хочет нас обмануть, перехитрить. Он считал, что мы его перехитрили, подписав договор... Он буквально ходил гоголем. Он ходил, задравши нос, и буквально говорил: «Надул Гитлера, надул Гитлера!».

По вопросу о Польше Сталин сказал, что Гитлер нападет на Польшу, захватит ее и сделает своим протекторатом. Восточная территория Польши, населенная белорусами и украинцами, отойдет к Советскому Союзу. Естественно, что мы были за это, хотя чувство было смешанное. Я чувствовал, что Сталин это понимал. Он говорил: «Тут, знаете, идет игра, кто кого перехитрит, кто кого обманет».

ДВОЙНАЯ ИГРА

Начальник немецкой военной разведки (абвера) адмирал Вильгельм Канарис вел двойную игру: с одной стороны, он содействовал осуществлению планов Гитлера, а с другой — поддерживал связь с английской и американской разведками и передавал им некоторые сведения о намерениях правящей верхушки фашистской Германии.

Гитлер и его партия стали в Германии главной силой. Канарису ничего не оставалось, как выискивать новые средства для обуздания Гитлера, не раскрывая себя при этом слишком явно. Его служба шла своим чередом. В рабочее время он и его заместитель Ганс Остер встречались с узким кругом людей. Некоторые из них присоединились к адмиралу в начале войны. В то время начальник абвера вел подробный дневник событий. Он писал его от руки, затем диктовал своей секретарше, печатавшей его в двух экземплярах. Один из них он оставлял у себя, другой хранил в служебном сейфе.

Национал-социалистская система не поощряла и даже запрещала свободный обмен информацией между правительственными чиновниками, но существовала строго организованная связь между определенными государственными организациями. Так, например, служба безопасности поддерживала постоянный контакт с абвером, а отдел внешних сношений абвера — с министерством иностранных дел. Помимо этого, барон фон Вейсцеккер, постоянный заместитель министра иностранных дел, тайно информировал Канариса о международных событиях

и делах своего министерства. Адмирал получал также сведения и о том, что происходит в имперской канцелярии. Полковник Шмундт, старший адъютант Гитлера, после отставки полковника Госсбаха поддерживал тесный контакт с Канарисом. Обходительный, осторожный, исполнительный солдат, он сообщал адмиралу о посетителях, совещаниях и интригах, правда, не всегда, может быть, быстро. Я помню разговоры в 1938 году, касавшиеся интимных отношений высокопоставленных лиц из имперской канцелярии, о которых стало известно абверу через Шмундта. Канарис получал также сведения о деятельности гестапо через старшего группенфюрера СС Артура Небе, переведенного из уголовной полиции в тайную.

Кроме того, нашлись люди, не занимавшие официальных постов, но по своему общественному положению и связям имевшие возможность собирать и распространять различную информацию. Это были нелегальные политические деятели, так как открытая оппозиция была невозможна. Самым выдающимся из них был Карл Герделер, в прошлом мэр Лейпцига, которого канцлер Брюнинг, уходя в отставку, рекомендовал президенту Гинденбургу в качестве своего преемника. Герделер слыл влиятельным человеком, уважаемым в Америке. Но о нем, как и о многих других известных людях тридцатых годов, теперь забыли.

Другим соучастником Канариса был юрист граф Гельмут фон Мольтке, человек выдающихся способностей, обладающий большой силой воли и принципиальностью. Доктор Иозеф Мюллер, замечательный баварский юрист, также стал сторонником Ка-

нариса. Он пользовался доверием у папы римского и выполнял его различные поручения в Германии. Юрист Николас фон Галем поддерживал связь с английской прессой. С адвокатом Гансом фон Донани Канарис познакомился при разборе запутанного дела Фрича.

Братья жены Донани были тесно связаны с протестантской церковью и религиозными деятелями Англии. Эвальд фон Клейст-Шменцин был лидером староконсервативной фракции, которая, хотя и была распущена в 1934 году, все еще существовала и представляла интересы крупных землевладельцев Пруссии. Клейст и адмирал Канарис имели одинаковые взгляды на будущее. Адмирал симпатизировал этому прусскому помещику и высоко ценил его политические способности. Клейста побаивались даже его старые друзья, несмотря на откровенную, едкую критику им гитлеровских порядков. Клейст редко бывал в Берлине, но когда он уезжал туда, местный фашистский чиновник немедленно докладывал о его отъезде и гестапо пыталось установить, с кем Клейст встречается в Берлине.

Это был человек, с которым Канарис мог кое-чего добиться, но которого нельзя было часто принимать в своем учреждении.

Другой немецкий консерватор, Фабиан фон Шлабрендорф, также пользовался доверием Канариса. Он часто виделся с Гансом Гизевиусом, поддерживая через него связь с доктором Шахтом. Канарис изредка встречался с ним сам. Кроме вышеперечисленных, адмирал встречался со многими другими людьми, которые были близки ему по образу мыслей. В зависимости от их политических убеждений

и надежности он раскрывал им свои думы. Следует учитывать, что даже сами заговорщики не имели точного представления о том, что им следует делать. Однако общие наметки действий обсуждались на закрытых совещаниях в здании абвера, когда это позволяла служба.

Своеобразную манеру Канариса говорить мягким, тихим голосом продемонстрировал мне Шлабрендорф. Он показывал, как адмирал переходил на шепот, когда совещание с его ближайшими соучастниками заговора заканчивалось. «Не забывайте! Мы не говорили здесь об измене. Мы только обсуждали планы спасения нашей родины».

Канарис и его соучастники по заговору искали какую-нибудь новую силу против Гитлера. Население стало послушным исполнителем воли фюрера. Армия заключила соглашение с Гитлером, вырвав у него обещание не вооружать коричнерубашечников. Протестантская и римская католическая церкви были вытеснены из общественной жизни. Немецкая промышленность капитулировала перед Гитлером, а финансами стали вестить нацистские экономисты:

Прусские юнкеры считали, что их союзником является мировое общественное мнение и что правительства таких государств, как Великобритания и США, должны помочь Германии избежать войны. Об этом я узнал в Берлине весной 1938 года во время беседы с Эвальдом фон Клейстом и Гербертом фон Бисмарком.

Клейст рассказал мне, как трудно поддерживать отношения с английским посольством. Дипломаты обычно посылают свои сообщения в зашифрованном

виде, а их могли перехватить и разгадать. Поэтому заговорщики хотели поддерживать политические связи без посредничества дипломатов и разведывательных служб.

Шлабрендорф передал мне разговор с Канарисом, во время которого они обсуждали возможность сотрудничества с английской секретной службой. Они пришли к выводу, что она может помочь им в борьбе против Гитлера, даже если это будет идти вразрез с официальной английской политикой.

Ниже я привожу предупреждение Канариса, сделанное им своим друзьям, в том виде, в каком я услышал его от Шлабрендорфа. Мне кажется, я все хорошо запомнил и поэтому привожу высказывание Канариса в прямой речи:

«Я должен вам сделать некоторые предупреждения относительно английской секретной службы. Если вы будете работать на нее, то это сразу станет мне известно, так как, по-моему, я сумел достаточно проникнуть в ее тайны. Она будет посылать сообщения о вас в зашифрованном виде, а нам иногда удастся разгадать ее шифры. Ваши фамилии появятся в делах и архивах. Англичанам будет трудно скрывать длительное время вашу деятельность. Из своего многолетнего опыта я также знаю, что за свою работу вы будете получать ничтожное вознаграждение. Если это касается денег, то, как мне известно, английская секретная служба не платит много, а если у нее возникнет малейшее подозрение, она не станет колебаться, чтобы выдать вас мне или моим коллегам по гестапо».

Теперь сообщники Канариса знали, что сулит им

сотрудничество с английской секретной службой

Заговорщики искали надежных людей, о которых не знали бы нацисты и которые имели бы широкие политические связи. Например, у Иозефа Мюллера были хорошие отношения с Ватиканом. Кроме того, он выполнял различные поручения дипломатического характера. Эвальд фон Клейст сообщил, что у него есть английский друг, через которого можно связаться с лондонскими политическими деятелями. Карл Герделер вспомнил о Брюнинге. Он надеялся с его помощью объяснить англичанам, в каком затруднительном положении находится Германия.

«Теперь перед нами чехословацкая проблема. Я не совсем уверен, что Англия не станет воевать, если фюрер нападет на Чехословакию».

Никто из заговорщиков не имел определенных сведений относительно этого. Англичане держались в стороне, и поэтому трудно было что-либо предпринять. Риббентроп через свои дипломатические каналы и нацистскую разведку все время пытался узнать о настроениях англичан. «Станет ли Англия воевать, чтобы не допустить объединения судетских немцев с Германией?» — спрашивал он. Однако не это беспокоило Генеральный штаб.

В мае 1938 года Канарис и Остер вызвали Клейста и рассказали ему о тайной политике Гитлера. Никакого плана ложных действий для обмана Чехословакии не разрабатывалось; на этот раз не предполагалось распускать ложные слухи и проводить диверсии на чехословацкой границе. Весной 1938 года верховное командование объяснило Гитлеру, что, поскольку западные границы Германии не укрепле-

ны и французская армия по своей численности почти в два раза превосходит немецкую, в ближайшее время следует избегать войны с западными союзниками.

«В вопросе о Чехословакии Гитлер находится в весьма неопределенном положении, — говорил Остер. — Если союзники предупредят фюрера о нетерпимости агрессивных и подрывных действий с его стороны, он вынужден будет считаться с этим, даже если такое предупреждение сделают только через дипломатические каналы».

Клейст много думал о создавшейся обстановке. Германия не была достаточно сильной для ведения войны. В то же время она не могла идти по пути к миру, если ее не подтолкнуть к этому. Клейсту показалось, что он нашел правильное решение.

Канарис привел его к генералу Беку. Начальник немецкого Генерального штаба признался, что также считает невозможным одержать победу над Гитлером без союзников за границей. В его планы, видимо, не входили немедленные действия против нацистов. Он прежде всего будет руководствоваться решениями главнокомандующего, но если создастся особая кризисная обстановка, то он станет действовать независимо.

«Англия должна бросить нам якорь спасения, — сказал адмирал, — чтобы мы смогли благополучно выбраться из этого шторма».

Слабость Канариса заключалась в его убеждении, будто сильному противнику Германии не мешают ничтожные факторы, которые делают беспомощными малые страны, когда они должны объединиться и действовать активно. Он не учитывал при

этом бюрократические задержки Уайтхола, его растерянность и невежество. Адмирал был уверен, что английское министерство иностранных дел легко поймет немецкую дилемму. Если Англия колебалась по неизвестным ему причинам, то это он относил за счет мудрой политики англичан. Ему хорошо были знакомы мощь и традиции страны, корабли которой много лет назад охотились за ним, когда он служил на крейсере «Дрезден». Англия не была ослаблена также социальными и политическими потрясениями, пережитыми Германией за последние двадцать лет. Канарис не мог предполагать, что Великобритания допустит такую непоправимую ошибку и позволит случайностям управлять своей политикой.

Несколько дней я никому не говорил о моих беседах с Клейстом по той простой причине, что не все понимал из сказанного им. Но вскоре благодаря последующим событиям мне все стало ясно. Я направился к сэру Георгу Огилви-Форбсу, который был в то время советником английского посольства и отличался более открытым характером и восприимчивостью, чем многие из его коллег. Кроме того, как мне казалось, он не симпатизировал политике умиротворения, которой все еще активно придерживался английский посол в Берлине сэру Невиллу Гендерсону. Я передал сэру Георгу разговор с Клейстом и дал оценку создавшейся обстановке. Фактически немецкая армия выступала против поспешных действий нацистов, так как Германия была все еще уязвима. Сэр Георг задал мне несколько вопросов, а затем, основываясь на моем сообщении, составил подробное донесение в Лондон.

А примерно через неделю произошло нечто необычайное. Во второй половине мая слухи о подготовке к войне усилились. Маневрам моторизованного корпуса СС возле чехословацкой границы и переброске войск было придано большое значение.

«20 мая, получив обстоятельные сообщения из Праги и из других мест, — писал сэр Невилл Гендерсон, — я немедленно явился к постоянному заместителю министра иностранных дел Германии барону фон Вейсцеккеру и попросил его разъяснить мне, насколько правдивы эти сообщения».

Английское правительство знало теперь о временной слабости позиции Гитлера. Казалось, сложилась такая ситуация, когда английская и немецкая разведывательные службы некоторое время работали вместе с одной целью — убрать Гитлера. Вейсцеккер официально опроверг полученные английским послом сообщения, но лорд Галифакс в Лондоне вместе с Ванситартом были уверены, что наступило время оказать давление на Гитлера. Предупреждения открыто передавались по телефону из Лондона в Берлин.

«Весь день 21 мая я находился в министерстве иностранных дел, регистрируя поступающие протесты», — писал Гендерсон. Казалось, во второй половине мая 1938 года Гитлер не намеревался вызвать даже гражданские беспорядки в Чехословакии. Он очень хорошо знал о своей временной слабости, хотя, может быть, и готовил планы проведения более опасных действий в будущем. Нет сомнения, что в 1938 году Гитлер мечтал о быстром захвате Чехословакии, но ему не хотелось проводить для этого мобилизацию. Вероятно, он все еще надеялся на

восстание в Судетском районе как на средство достижения своей цели. Предупреждение англичан от 21 мая положило конец этим мечтам.

Вскоре после протестов сэра Невилла Гендерсона и резких опровержений Гитлера и Кейтеля европейская печать опубликовала сообщения, в которых указывалось, что Гитлер вынужден был «отступить». Это вывело его из себя. Слухи о том, что Гитлер катается по полу и кусает ковер, пошли именно с 21 мая 1938 года. «Я этого никогда не прощу Англии!» — кричал он в приступе ярости. 26 мая, вызвав Главнокомандующего Сухопутными силами генерала фон Браухича, Гитлер отдал приказ о немедленном форсировании строительства линии Зигфрида и об увеличении численности вооруженных сил в мирное время.

«Проклятое, позорное, страшное представление!», — воскликнул сэр Гендерсон в личной беседе со мной о дипломатической процедуре 21 мая и сообщениях печати, последовавших вслед за этим. В своих мемуарах он назвал реакцию Гитлера на предупреждение английского правительства «неудачной».

Таковы факты, которые я смог собрать о памятном дне 21 мая 1938 года. Гитлер, обдумав все более тщательно, решил послать в Лондон капитана Фрица Видеманна, чтобы узнать, не изменил ли Галифакс свою точку зрения после визита в Берхтесгаден.

Я точно не могу сказать, какова была роль Канариса в нанесении этого удара по Гитлеру. В это время Клейст очень сблизился с Канарисом и часто предупреждал свою жену (об этом она сама говори-

ла мне): «Помни, ты никогда не слышала, чтобы я когда-либо называл фамилии Канариса и Остера». Хотя Клейст и был осторожным, он не мог скрывать свое презрение к нацистам, и поэтому его нельзя было взять в абвер, где работали его менее неприемлимые друзья.

(Колвин И. Двойная игра. — М., 1960)

ТАЙНА ОПЕРАЦИИ «СНЕГ»

В феврале 1992 года «Известия» опубликовали материал с интригующим сюжетом — резкое обострение японо-американских отношений осенью 1941 года, повлекшее за собой начало Тихоокеанской войны, было инспирировано советской разведкой, осуществившей уникальную операцию по «коррекции» американской политики и втягиванию США в конфликт с Японией. Публикация тогда наделала немало шума. Судя по заявлениям различных ведомств, документальных подтверждений описанной версии не нашлось, в связи с чем о самой версии предлагалось забыть.

Сегодня о старом известинском расследовании в пору вспомнить вновь, отметив с удовлетворением, что газета была права. В номере влиятельной японской газеты «Майнити» за 21 ноября опубликован сенсационный материал, главным героем которого выступает ветеран советской разведки, лично принимавший участие в разработке и реализации строго секретной операции НКВД «Снег». Целью операции была ликвидация угрозы возникновения «второго фронта» на Дальнем Востоке. Средство достижения поставленной цели — провоцирование резкого обострения напряженности в американо-японских отношениях. План операции разрабатывался в условиях строжайшей секретности и курировался лично Лаврентием Берия, благословившим начало оперативных мероприятий в октябре 1940 года.

Прежде чем идти дальше в новые подробности,

добытые «Майнити» у первоисточника, имеет смысл хотя бы кратко напомнить об интриге, рассказанной «Известиями» четыре года назад. Тем более что суть ее весьма занята.

Итак, формально Тихоокеанская война стала далеким фронтом второй мировой 7 декабря 1941 года, когда японская авиация двумя «волнами» накрыла американский флот, мирно дремавший поутру в бухте Перл-Харбор. Фактически же дорога к ней была уложена значительно раньше, а последние мосты сожжены в ноябре 41-го, когда обрвались японо-американские переговоры в Вашингтоне. Тот осенний дипломатический тур был последним перед бойней. Стороны подошли к нему уже довольно ожесточенные, но, пока он велся, молчали пушки. 26 ноября госсекретарь США Корделл Халл передал японским представителям знаменитую ноту Халла, после которой все надежды на политическое решение рухнули. Этот документ содержал в себе 10 пунктов, составлявших, по сути, ультиматум и требовавших от Японии полного пересмотра внешней политики, ухода из Маньчжурии и фактически добровольной дипломатической капитуляции.

1 декабря в Токио состоялся вошедший в историю «годзэнкайги» — совет с участием императора, на котором было принято решение атаковать США. 2 декабря адмирал Ямамото направил шифровку кораблям императорского флота: «Поднимайтесь на Нитакаяма 1208». (Нитакаяма — это название горы на Тайване, бывшем в ту пору японской колонией, а 1208 — восьмого декабря, с часовой разницей — седьмое на Гавайях). В указанный день «восхожде-

ние», последовавшее за нотой Халла, состоялось: Япония на ультиматум ответила в Перл-Харборе. Можно много говорить о том, что трагическая развязка в декабре 1941 года была предопределена всем ходом событий и обусловлена японским экспансионизмом

Это, наверное, будет правильно. Но все же спусковым курком войны стал американский ультиматум. Его собственная история и есть тайна. Причем, как раньше казалось, а теперь выяснилось доподлинно — это наша тайна, отечественная.

У тайны есть и имя, и происхождение. Его папа с мамой носили фамилию Вэйс и были выходцами из Литвы. Перебравшись в Америку, Вэйсы меняли орфографию, и новые поселенцы с Востока стали Уайтами. Уайты были примерными гражданами Соединенных Штатов, а наследник со звучным именем Гарри Дэкстер Уайт достиг таких карьерных высот, о которых никто в семье и не думал. Его личная биография как бы наглядно иллюстрировала идею американской мечты — от безвестности и нужды через упорный труд к вершинам влияния и могущества. Гарри участвовал в первой мировой, затем закончил Станфорд и продолжил обучение в Гарварде, преподавал экономику в университетах и колледжах, а в 1934 году по рекомендации профессора Чикагского университета Якоба Вайнера попал в исследовательский отдел министерства финансов, созданный министром Генри Моргентау.

Кадровое приобретение оказалось чрезвычайно удачным — Уайт, по воспоминаниям, был великолепным экономическим стратегом и блестящим

аналитиком. При его участии был основан вексельный фонд, подписано первое в своем роде валютное соглашение между США, Францией и Британией, ему же принадлежала идея формирования Всеамериканского банка и валютного фонда, крестным отцом которых он являлся. В финансовой бюрократии США Уайт дорос до высшей планки, заняв должность заместителя министра финансов и получив в свое кураторство все валютные операции, финансовое обеспечение действий американских ВМС и Сухопутных сил в период второй мировой войны. Уайт формировал и послевоенную мировую финансовую политику, будучи американским представителем на переговорах в Бреттон-Вудсе и получив назначение первого «посла» США в МВФ.

Уайт пользовался исключительным влиянием и доверием в Вашингтоне, имея прямые выходы через своего патрона Моргантау на госсекретаря Халла и лично на Рузвельта. Как стало известно теперь, спустя полвека после начала Тихоокеанской войны, не государственный департамент, а лично Гарри Дэкстер Уайт был вдохновителем и автором знаменитой ноты Халла. Он пробивал сначала идею, а затем и сам проект ультиматума в течение нескольких месяцев, начиная с весны 1941 года, когда о войне с Японией в Америке всерьез не думали.

По секретным документам, осевшим в американских архивах, первый вариант будущей ноты был составлен им в мае, представлен на рассмотрение Моргантау в июне, вновь поднят спустя несколько месяцев, доработан и запущен в оборот в середине ноября — уже сопровождаемый одобрительной при-

пиской министра финансов, адресованной президенту США и в копии госсекретарю. Окончательная версия ноты, врученная японцам, отличалась от проекта, подписанного «HDW» (Гарри Дэкстер Уайт), всего несколькими госдеповскими канцеляризмами. По мнению сведущих людей, это беспрецедентный случай в истории американской дипломатии, когда документы такой степени важности пришли со стороны и стали официальной бумагой спустя несколько часов после подачи.

Гарри Дэкстер Уайт — нота Халла — старт Тихоокеанской войны.

На эту известинскую версию теперь накладываются свидетельства советского разведчика, участвовавшего в операции «Снег». Название операции, кстати, как бы шифрует имя главного действующего лица (Уайт по-английски — «белый») и было предложено разработчиком плана Виталием Павловым, которому теперь 81 год. Живет он в Москве, написал обстоятельные мемуары о своей карьере разведчика и познакомил с ними журналистов японской «Майнити», сопроводив подробными комментариями.

Согласно рассказам Павлова, работавшего в начале 40-х годов заместителем начальника «американского направления» НКВД, и идея «коррекции американской политики», и Уайт как исполнитель замысла были избраны после обстоятельных консультаций с представителем советской агентуры в США Исааком Ахмеровым (псевдоним Билл) в январе 1940 года. Антифашистские убеждения Уайта и колоссальные связи в американских верхах делали рекомендацию Билла заманчивой. Так началась

проработка операции «Снег», итогом которой стала докладная записка, поданная наркому Лаврентию Берии. Берия план операции утвердил и при личной встрече с Павловым в октябре 1941 года отдал команду приступить к реализации проекта, на который был наложен гриф строжайшей секретности.

По версии Павлова, для Уайта, который не был стопроцентным советским агентом, была составлена некая психологическая комбинация. Избегая прямых приказов и наставлений, ему предложили самому решить поставленную задачу, определив только ее параметры и основные установки. Для формулирования задачи в США был специально командирован сам Павлов, который встретился с Уайтом в Вашингтоне в мае 1941 года за завтраком, передав три ключевые позиции, в которых была заинтересована Москва: США в контактах с Японией должны настаивать на прекращении агрессии японских войск в Китае, на эвакуации японских контингентов с континента, на освобождении от японской оккупации Маньчжурии.

В каком виде эти позиции проявятся в американских действиях и какие формулировки станут окончательными — это предстояло определить самому Уайту. Как подчеркивает Павлов в интервью «Майнити», провоцирование войны между США и Японией главной задачей проекта не являлось, хотя вероятность ее в расчетах учитывалась.

«Майнити», опираясь на свидетельства Павлова, называет операцию «Снег» одним из шедевров советской разведки, и с этим трудно не согласиться. Одно только в публикации японской газеты, точнее

в цитатах из воспоминаний Павлова, вызывает вопросы — почему ветеран советской разведки особо подчеркивает непричастность Уайта к советской агентурной сети, тогда как известны факты, убеждающие в обратном?

Начнем с того, что «дело Уайта» четыре десятилетия назад «прогремело» в США мощным скандалом. В 1953 году, выступая с речью в ассоциации промышленников в Чикаго, министр юстиции США в администрации Эйзенхауэра Браунелл публично обвинил Уайта в сотрудничестве со сталинской разведкой. Хотя это случилось спустя пять лет после смерти самого Уайта, «чикагская бомба» произвела колоссальный эффект в прессе, а комиссией по антиамериканской деятельности в конгрессе было затеяно специальное разбирательство этого обвинения, которое базировалось на секретном докладе ФБР, направленном в свое время Гувером в Белый дом.

«Долгоиграющей», однако, эта сенсация не стала, поскольку в дело были введены серьезные рычаги, замывшие скандал, — в ту пору на горизонте маячила избирательная кампания, и добытые газетчиками факты и свидетельства, касающиеся Уайта, «били» как по республиканцам, так и по демократам — слишком обширны были связи у этого человека.

Шумиха, словом, утихла и была прочно забыта. Но штука в том, что скандал 1953 года был не дебютом, а всего лишь бледным продолжением действительно капитального разбора благонадежности Уайта, проходившего за закрытыми дверями еще при жизни самого героя шпионской истории. Уже упо-

минавшемуся докладу шефа ФБР, на который ссылался в 1953 году министр юстиции, предшествовал колпак, надетый на Уайта аж в августе 1945. После добровольной явки в Федеральное бюро расследований некоей Элизабет Бэнтли, признавшей в том, что она являлась связной советской разведсети в США, в декабре того же года первый 70-страничный рапорт о действиях московской агентуры пошел в канцелярию президента, в феврале 1946 уже отдельная справка по Уайту была направлена Трумэну лично. Трумэн данным ФБР не поверил или счел их недостаточными, назначив Уайта в апреле 1946 первым американским «послом» в МВФ. Но спецслужбы «клиента» уже не отпускали, и в 1947 году Уайт был вынужден давать объяснения по некоторым эпизодам в Верховном суде США.

13 августа 1948 года после заслушивания ряда свидетельских показаний начался разбор «дела Уайта» на закрытом заседании в комиссии конгресса, куда уже в качестве подследственного был вызван сам Уайт. Он отрицал все подозрения в нелояльности и ссылался на обсуждение его патриотичности в Верховном суде, не нашедшем в биографии подозреваемого никакого криминала. Повторное заседание комиссии не состоялось: спустя три дня, 16 августа 1948 года, Гарри Дэгстер Уайт скоропостижно скончался от сердечного паралича, хотя на здоровье особо не жаловался. Медицинское заключение о смерти давало мало поводов для толкований, но версии о самоубийстве и даже убийстве «человека, который слишком много знал», живы до сих пор.

Эти версии излагаются и американскими, и япон-

скими исследователями, которые рассматривают вероятность «директивной кончины» как весьма высокую, учитывая накопленный в Союзе опыт и общую обстановку того времени. При этом отмечается, что «естественный уход» Уайта был выгоден не только Москве, но и Вашингтону, так как теоретически возможный успех следствия по его делу грозил грандиозными неприятностями Белому дому и последствиями непредсказуемыми. В то же время в период «охоты на ведьм» весь скандал с обвинением Уайта в шпионаже можно было интерпретировать как проявление маккартистской истерии, что и было в итоге сделано.

В такое толкование в самом деле легко поверить, но мешает одно существенное обстоятельство: первый сигнал на Уайта, поступивший в ФБР, был зарегистрирован за месяц до Перл-Харбора, то есть в ноябре 1941 года — как раз в то время, когда «HDW» работал над составлением ультиматума японцам. А фактически, как явствует из архивных копий секретных сводок ФБР, Уайт стал сотрудничать с советской разведкой в середине 30-х годов, причем весьма продуктивно. Он передавал ценную информацию регулярно раз в две недели. Первые информационные взносы Уайт выполнял в рукописном варианте. Во всяком случае, среди документов ФБР присутствуют его автографы, подлинность которых подтверждена графологической экспертизой.

Впрочем, в полном виде досье Уайта пока не видал никто и, видимо, уже не увидит — по признанию Павлова, никаких документов по операции «Снег» в архивах НКВД не существует. Установка

Берии на суперсекретность операции именно это предполагала. Требуется ли секретности до сих пор судьба самого Гарри Дэкстера Уайта — остается вопросом без ответа.

Обидно, конечно, если таинственный клубок, связанный с Уайтом, так и останется не распутанным до конца. Ведь редко бывает, что с именем одного человека так прочно связана история — ноябрьский 1941 года ультиматум США перечеркнул даже теоретическую вероятность японской агрессии на советском Дальнем Востоке. По мнению некоторых японских исследователей, он «спас Москву», позволив перебросить на Западный фронт сибирские дивизии...

— ...В январе 1940 года нас, 25 молодых сотрудников разведки, вызвали в кабинет Лаврентия Берии. Непонятно, для чего мы понадобились столь высокому начальству. В кабинете наркома на Лубянке — кожаные кресла, ковры, богатые люстры. Не то, что у нас в «пролетарских» кабинетах — бедность. Помню большой стол, накрытый плотным зеленым сукном, мебель из красного дерева. Все обратили внимание на большой шкаф с тяжелыми дверцами. Вскоре к нам присоединилась группа более старших по возрасту товарищей — видимо, руководителей отделений советской разведки.

Неожиданно дверцы шкафа распахнулись, и оттуда вышел Лаврентий Павлович в своем знаменитом пенсне. То, что мы приняли за шкаф, оказалось потайным ходом. Рядом стоящий с наркомом адъютант подал Берии список присутствующих. Берия громко читает: «Зарубин! А ну, расскажи, как тебя вербовали немцы?» Зарубин, ничуть не смутив-

шись: «Лаврентий Павлович, меня никто не вербовал, у вас неправильные сведения. Я выполнял задания партии». И так с каждым. По его списку мы все оказались немецкими, английскими, французскими и польскими шпионами.

Через несколько минут прием окончился. Лаврентий Берия, довольный произведенным эффектом, не попрощавшись, ушел обратно в шкаф. Наше недоумение сменилось страхом, что арестуют. Обсудив сложившуюся ситуацию, мы все-таки пришли к выводу, что новый хозяин решил нам, молодежи, показать свою власть. Мол, где бы вы ни были, я все про вас знаю и в случае чего достану из-под земли. Тогда он нас «брал на пушку». «Но вскоре я узнал, что многие из моих товарищей были репрессированы», — рассказал генерал-лейтенант в отставке Виталий Павлов.

«Известиям» помогла организовать встречу с этим кадровым разведчиком российская Ассоциация ветеранов внешней разведки. Несмотря на свои преклонные годы, он бодр, весел, охотно рассказывает об увиденном, пережитом — все-таки в течение 50 лет был активным бойцом «невидимого фронта».

Головокружительных фактов в профессиональной биографии отставного разведчика так много, что, по его же собственным словам, придется написать еще не одну книгу. Секретная операция «Снег», проведенная НКВД, — лишь один из эпизодов жизни Виталия Павлова.

— Вокруг операции «Снег» много легенд. Утверждают, что нарком Лаврентий Берия чуть ли не лично придумал всю операцию, руководил ею, полу-

чал от нас, разведчиков, докладные записки о контактах с якобы завербованным нами Гарри Уайтом. Один российский писатель даже уверял меня, участника тех событий, что Берия о ходе операции будто бы докладывал напрямую Сталину. Берия, действительно, был в курсе происходящего, но боялся, что молодой сотрудник провалит операцию, и поэтому в Кремль докладывать не спешил.

— На самом деле, — продолжает Павлов, — весь ход операции придумал в недрах Лубянки профессиональный советский разведчик Исаак Ахмеров, работавший за рубежом под кличкой Билл. Именно он когда-то познакомился с Гарри Уайтом, обладавшим серьезными связями в руководящих кругах США. Ахмеров предложил использовать своего американского приятеля, как говорят в разведке, «втемную».

В то время я был назначен куратором нашей резидентуры в США. Начальство предложило мне съездить за океан и познакомиться с работой разведчиков, разобраться во всех проблемах на месте. Заодно мы с Исааком Ахмеровым решили тогда, что мне надо будет встретиться и с Уайтом, постараться убедить через него Белый дом жестче реагировать на агрессию Японии на Дальнем Востоке...

Мистер Уайт принял меня радушно, и, после того как я (по легенде сын белогвардейского офицера, проживавшего в Китае) изложил ему мысли, которые приписал Биллу, он сказал, что они полностью совпадают с его собственными. Уайт считал, что Вашингтону настало время предупредить зарвавшихся японцев и потребовать от них в ультимативной форме убраться из Маньчжурии.

Долгие годы мы точно не знали, сработала ли наша схема. Только в 1992 году в одной американской книге я прочел, что Уайт в 1941 году изложил мысли (в том числе и наши) о том, что японскую агрессию пора остановить, в записке на имя своего шефа — министра финансов Генри Моргентау. Тот, в свою очередь, писал президенту Рузвельту: к маю 1941 года было бы целесообразно довести до сведения Токио нашу позицию — США никогда не согласятся с японским доминированием на азиатском континенте.

Гарри Уайт, сказал далее Виталий Павлов, до последней минуты своей жизни так и не узнал, что сталинская разведка использовала его в своих целях. Его бесконечно допрашивали. Когда комиссия по антиамериканской деятельности обвинила Уайта в том, что он работает на СССР, у него случился сердечный приступ, и вскоре он скончался. Сегодня в архивах нет документов, подтверждающих, что Гарри Уайт — агент советской разведки. «Это потому, что мы его никогда не вербовали», — подчеркнул бывший разведчик.

Виталий Павлов рассказал также, что из США он возвратился в Москву, когда Германия уже напала на Советский Союз. Летом 1941 года на Лубянке было не до заслушивания отчетов о его поездке и контактах с Уайтом.

Подробности операции «Снег» Виталий Павлов, кстати, описал в своей новой книге воспоминаний «50 лет в разведке». Увы, рукопись пока лежит в московском издательстве «Гея».

Ветеран советской разведки считает, что сегодня живется ему не хуже других граждан, по крайней

мере материальных затруднений не испытывает. У него хорошая квартира в центре Москвы. Вырастил двух сыновей. Теперь воспитывает внука и правнука. «Если бы жизнь начать с начала, — говорит Виталий Григорьевич, — то, не раздумывая, пошел бы работать в разведку — самую опасную и романтическую профессию».

(Агафонов С., Чародеев Г. // Известия. 1996. 6 апреля)

МИССИЯ ГЕССА

Рудольф Гесс стоял у истоков нацистского движения, принадлежал к верхушке нацистской партии.

Родился в Александрии, в Египте. В Германию приехал только в 15 лет. В годы первой мировой войны был военным летчиком, воевал на Западном фронте, служил вместе с Герингом. После войны поступил в Мюнхенский университет. В то время в Мюнхене были сосредоточены силы, которые впоследствии активно поддерживали фашистский режим. Учился Гесс у известного геополитика-расиста Гаусгофера. Гесс вступил в нацистскую партию уже в 1920 году.

Первый выход Гесса на политическую арену состоялся 8 ноября 1923 года, во время Мюнхенского «пивного путча».

В пивную, где держал речь комиссар Баварии Густав Дин Кар, ворвался Гитлер с вооружёнными штурмовиками. Рядом с Гитлером был Гесс. Гитлер сорвал с трибуны оратора и закричал: «Национальная революция началась! Баварское и общеимперское правительства низложены!»

В феврале 1924 года в Мюнхене начался суд на участниками путча, в результате которого главари получили небольшие сроки тюремного заключения. Гесс вместе с Гитлером оказался в Ландсбергской крепости.

Эту тюрьму один из гитлеровских биографов назвал «коричневым домом». Узников хорошо кормили, тюремный обед превратился в парадную церере-

монию: во главе стола сидел Гитлер и разговаривал о политике. Так было положено начало «застольным беседам Гитлера».

В Ландсберге была написана первая часть «Майн кампф». Она была написана под диктовку: Гитлер диктовал свой труд Гессу. Многие историки считают что, Гесса можно назвать полноправным соавтором этой книги. Поверить в это нетрудно. Хотя бы в силу того, что Гесс был более образован, к тому же идеи, внушенные Гессу его учителем-расистом Гаусгофером, нашли свое отражение в «Майн кампф».

После тюрьмы Гесс не расставался с Гитлером. Он стал его секретарем, «вторым я» Гитлера.

К концу 20-х годов нацистская партия увеличила свои ряды, начала располагать значительными финансовыми средствами. Гитлер имел огромный штат, включавший телохранителей, поваров, парикмахеров, садовников.

В 1930 году во имя «престижа партии» в Мюнхене построили «Коричневый дом» — прообраз будущих партийных зданий в Берлине. Особенно поражала «сенатская комната» — огромное помещение, в котором стояли 24 кресла, обитые пурпурной кожей. Чтобы проникнуть в руководимый Гессом секретариат Гитлера, нужно было миновать тщательно охраняемый внутренний блок, за секретариатом находился кабинет Гитлера.

Партия все больше нуждалась в деньгах. 1929 году Гесс отправился к немецким промышленникам в Гамбург. На встрече с промышленными магнатами Гесс вынул из портфеля две пачки фотографий. В одной пачке были фотографии рабочих-демонстран-

тов, в другой — изображение шагающих штурмовиков.

Гесс заявил: «Вы видите, господа, силы разрушения, которые угрожают уничтожить ваши конторы, фабрики, все ваше богатство. Я показал вам также, как создается власть порядка. Мы фанатично стремимся искоренить дух бунта. К сожалению, одного стремления мало, необходимы еще материальные предпосылки. СА — бедны, нацисты — бедны, вся организация — бедна. Откуда придут сапоги, форма, флаги, словом, все снаряжение, которое необходимо для сегодняшнего политического строя, если нет денег? Их должны дать те, кто ими владеет, чтобы в конце концов не потерять того, чем они владеют».

Так Гесс внес свой вклад в установление союза нацистов с промышленниками.

Положение Гесса укрепилось после прихода Гитлера к власти. 21 апреля 1933 года Гесс был назначен заместителем фюрера, а в декабре 1933 года имперским министром без портфеля. Теперь он имел право выносить решения от имени Гитлера по всем вопросам партийного руководства.

15 сентября 1935 года им был подписан закон «О защите крови и чести», который лишал евреев германского гражданства.

Гесс стоял в центре основных событий Третьего рейха. Он принял участие в создании эсэсовских организаций. В 1934 году по инициативе Гесса СД при рейхсфюрере приобретает исключительные полномочия.

В мае 1941 года в одноместном самолете Гесс вылетает в Англию. Основной целью его поездки было

заклучение секретного мира с этой страной и привлечение ее к войне против СССР. Германия готовилась к выполнению плана «Барбаросса».

В Англии были люди, на поддержку которых надеялся Гесс. Прогермански были настроены крупные земельные аристократы — Гамильтон и Бедфорд, лорд и леди Астор. Делалась ставка и на секретаря Н. Чемберлена — лорда Дерби, заместителя министра по делам Шотландии Веддерборна. Были и другие семьи в Великобритании, способные оказать поддержку миссии Гесса.

Свой самолет Гесс направил в район Западной Шотландии. К родовому имени герцога Гамильтона. С герцогом Гамильтоном Гесс познакомился в 1936 году во время Олимпийских игр в Берлине. Гамильтон показал себя приверженцем нацистов, бывал в доме Гесса.

Немецкий двухмоторный самолет-истребитель новейшей марки врезался в землю недалеко от дороги. Опытный летчик Гесс умышленно инсценировал аварию, чтобы новая модель самолета не попала в руки англичан. Сам выбросился с парашютом.

Полицейский констебль Роберт Вильямсон и служащий органов местной самообороны доставили летчика в штаб этой организации в Бутби, где его обыскали. В кармане было найдено письмо, адресованное герцогу Гамильтону.

В штабе один английский летчик, бывавший ранее в Германии, внимательно присмотревшись к пленнику, воскликнул, обращаясь к старшему офицеру: «Сэр, я полагаю, что этот человек — Рудольф Гесс, заместитель Гитлера. Я видел его в Германии».

«Не говори глупостей», — сказал кратко старший.

Но летчик не ошибся. Это был действительно Рудольф Гесс... Прилет Гесса был поистине сенсационным. Из вражеской Германии в Англию прибыл «наци 2» — один из главных вдохновителей авантюры немецких фашистов, заместитель Гитлера по партии, член германского тайного совета и кабинета министров, генерал СС.

Сообщение о прилете Гесса Черчилль получил на отдыхе. Представителям английской разведки пришлось сообщить Черчиллю о контактах, которые поддерживали английские секретные службы с Гессом. Было решено, что первая встреча состоится между Гамильтоном и Гессом.

Герцога срочно вызвали в Дитчли. Он немедленно был принят Черчиллем. 12 мая появилось официальное сообщение министерства информации Англии. В парламент посыпались запросы депутатов. Консерваторы, лейбористы, либералы спрашивали Черчилля: «Зачем прилетел Гесс? Привез ли он мирные предложения? Исходят ли они от него лично или от германского правительства? Какова позиция английского правительства?»

Некоторые члены парламента забили тревогу. Гесс, говорили они, прибыл в Англию, чтобы предложить «нашим аристократам» «объединиться с нацистами».

Черчилль, выступая в парламенте 20 мая, а затем 10 июня, отказался ответить на запросы депутатов о Гессе. «В настоящее время, — заявил он, — я не могу сообщить о нем... Если правительство сочтет необходимым сделать такое заявление, в будущем оно

это сделает». Такого заявления не последовало более двух лет — вплоть до 22 сентября 1943 года. В заговоре молчания приняли участие и министры Черчилля.

Из того, что говорил Гесс, английские деятели поняли, что им, по существу, предлагается мир на условиях подчинения Германии. Нетрудно было догадаться, что в случае победы Германии над СССР степень такого подчинения невероятно возрастала. Это делало привезенное Гессом предложение неприемлемым для английских правящих кругов.

Для Черчилля же оно было вдвойне неприемлемым: Гесс потребовал отстранения Черчилля от власти и создания нового правительства, состоящего из профашистски настроенных деятелей. Предложения Гесса приняты не были. В то же время английское правительство хранило молчание с тем, чтобы руководители Германии не могли понять его истинного отношения к миссии Гесса. В Англии и в некоторых других государствах выражалось беспокойство по поводу миссии Гесса и существовали опасения, что в переговорах с ним Лондон вырабатывает условия сделки с гитлеровской Германией. Распространение подобных опасений в мировом и английском общественном мнении было, безусловно, нежелательным для английского правительства, так как бросало тень на его решимость продолжать войну.

В исторической литературе, в мемуарах дипломатов и политических деятелей долго велись споры о том, знал ли Гитлер о готовившемся полете Гесса. Предпринял ли Гесс эту операцию по собственной инициативе или идея мирного зондажа в Англии бы-

ла согласована с Гитлером и другими главарями фашистского рейха?..

Известно, что перед вылетом в Англию Гесс написал письмо для передачи Гитлеру. «Как вы знаете, — писал он, — я нахожусь в постоянном контакте в Англии, Ирландии, Шотландии. Все они знают, что я всегда являлся сторонником англо-германского союза... Но переговоры будут трудными. Чтобы убедить английских лидеров, важно, чтобы я лично прибыл в Англию. Я достигну нового Мюнхена, но этого нельзя сделать на расстоянии. Я подготовил все возможное, чтобы моя поездка закончилась успехом. Разрешите мне действовать.»

На случай провала своей миссии Гесс советовал Гитлеру переложить на него ответственность, сказав, «что я сумасшедший».

11 мая жители Германии из передачи английского радио узнали о полете Гесса в Англию. Тех, кто осмеливался обсуждать это событие, забирали в гестапо как «распространителей вражеской пропаганды». 11 мая о полете Гесса сообщили лишь гауляйтерам. Только 12 мая было передано сообщение: «Партийный товарищ Гесс, которому фюрер по причине прогрессирующего уже много лет заболевания строжайше запретил всякого рода полеты, не так давно нарушил этот приказ и вновь завладел самолетом. В субботу 10 мая партийный товарищ Гесс опять ушел в полет, из которого он не вернулся до сих пор. Письмо, оставленное им, настолько сумбурно, что, к сожалению, показывает следы душевного расстройства, которое заставляет опасаться, что партийный товарищ Гесс стал жертвой умопомешательства».

Издатель «застольных бесед Гитлера» Генри Пикер утверждал: «О полете Гесса в Шотландию Гитлер узнал, когда сидел за ужином... Первое сообщение об этом он продиктовал сразу же. На следующий день фюрер прочитал английские отклики о полете и, переговорив с Герингом, Борманом и Риббентропом, составил более подробный текст коммюнике, в котором полет Гесса объяснялся тем, что тот уже давно страдает болезнью, отразившейся на его психике... Примечательно, что Гитлер отказался привлечь к ответственности семью Гесса и что он приказал доставлять жене Гесса его письма из Англии...

Интересно, что, просматривая эти письма, я не смог обнаружить у их автора следов душевной болезни. Вместе с тем фюрер решительно отклонял все ходатайства освободить от ареста лиц, посвященных в дело Гесса».

В воспоминаниях Гесса, которые вышли в 1974 году, есть утверждение, что он совершал полет по собственной инициативе, Гитлер ничего не знал.

«Если бы он хоть что-нибудь узнал, он приказал бы тотчас же меня арестовать», — утверждал Гесс. Но, противореча себе, он же добавлял: «Я, однако, был уверен: то, что мне предстояло сказать в Англии, встретило бы одобрение фюрера».

Личный пилот Гитлера передал Гессу карту для полета над запретными зонами Германии. Во время полета Гесса в Англию ему помогали радиосигналами немецкие радиостанции. Он получал точные прогнозы состояния атмосферы.

Итог спора об осведомленности Гитлера о миссии Гесса можно было подвести словами министра тру-

да в правительстве Черчилля Эрнста Бевина: «Я не верю, что этот джентльмен прибыл сюда без ведома Гитлера».

Английская разведка располагала сведениями о том, что Гитлер, по предложению начальника РСХА Гиммлера и шефа абвера адмирала Канариса, принял решение убить Гесса, с каким бы риском и трудностями это ни было бы связано.

Указание об устранении Гесса последовало лишь после того, как окончательно выяснилась неудача его миссии. Гестапо и абвер предприняли отчаянные шаги, чтобы избавиться от него как от человека, знавшего тайны третьего рейха. Гиммлер вызвал эсэсовского генерала Закса, осуществившего связь с Канарисом, и отдал приказ: «Рудольфа нужно осторожно обезвредить».

В Англию были посланы агенты гестапо с заданием ликвидировать Гесса. Но их действия пресекла английская секретная служба.

Однако и после этого в Лондоне опасались, как бы Гесса не выкрали или не убили немецкие агенты. По личному приказу Черчилля Интеллидженс сервис бдительно охраняла Гесса. Он должен был находиться в строгой изоляции «в удобном доме, не слишком далеко от Лондона», не иметь никаких связей с внешним миром, не принимать посетителей, за исключением лиц, назначенных для этой цели английским министерством иностранных дел. Черчилль приказал «следить за его здоровьем и обеспечить ему комфорт, питание, книги, письменные принадлежности и возможность отдыха». С Гессом обращались, по словам премьера, «почтительно».

Впоследствии Гесс так рассказывал о гостепри-

имстве английских властей: «Герцог Гамильтон, после того как он посетил меня, позаботился о том, чтобы я был переведен в хороший военный госпиталь. Он находился в сельской местности, в получасе езды от города, в замечательных природных условиях в Шотландии... После 14 дней пребывания в нем меня перевели в Лондон... Маленький домик, в котором я жил, обстановка его в стиле XVII столетия — все это было замечательно. После этого я был переведен в виллу Мишет-Плейз около Ролдершога. Там я был окружен большими, прекрасно пахнущими глициниями... Столовая и музыкальные комнаты... были на первом этаже и выходили прямо в парк».

Несколько месяцев, принимая исключительные меры предосторожности, Гесса перевозили с места на место, пока английская секретная служба не убедилась, что ему не угрожают тайные германские агенты. Тогда Гесса отправили в военный госпиталь в южном Уэльсе. Там он находился до конца войны в качестве военнопленного.

Гесс опять выходит на сцену во время Нюрнбергского процесса. На процессе его увидели рядом с Герингом. Геринг часто обращался к Гессу, жестикулировал, но Гесс не реагировал, а только обводил зал мутным взглядом.

С самого начала на суде вновь всплыла версия о душевном расстройстве Гесса. За нее вначале цепко ухватилась защита.

Было заявлено ходатайство о судебно-психиатрической экспертизе. Гесса подвергала исследованию специальная комиссия, в составе которой были крупнейшие психиатры мира.

На основании осмотра комиссия пришла к выводу: в настоящее время Гесс не душевнобольной в прямом смысле этого слова. Потеря памяти не помещает ему понимать происходящее, но несколько затруднит его в руководстве защитой и помещает вспомнить некоторые детали из прошлого, которые могут послужить фактическими данными».

На основании отчета английского психиатра доктора Риза, который наблюдал Гесса с первого дня его пребывания в Англии, можно судить, что после аварии самолета у Гесса не было никакого мозгового повреждения.

В мае 1941 английская сторона не приняла предложений Гесса, так как они были равнозначны капитуляции Англии и вели к утрате независимости.

(Ривкин С. Тайны второй мировой войны. — Мн., 1995)

«ЭВРИКА» В «КАИРЕ-ТРИ»

В 1943 году, когда решался вопрос о встрече правительств трех держав, местом конференции был избран Иран.

Несмотря на то что переписка об этом велась в строго секретном порядке, сведения о проектирующейся встрече просочились к фашистам, которые решили организовать покушение на жизнь Большой тройки. Однако их планы были сорваны.

Возвратившись после тегеранской встречи в Вашингтон, Рузвельт сообщил на пресс-конференции, что он остановился в русском посольстве в Легеране, а не в американском, чтобы избежать разъездов по городу, потому что Сталину стало известно о германском заговоре.

(Правда. 1943. 19 декабря)

В 1964 году проживающий в Мадриде бывший начальник секретной службы СС Отто Скорцени в беседе с корреспондентом парижского «Экспресса» заявил, в частности, следующее: «Из всех забавных историй, которые рассказывают обо мне, самые забавные — это те, что написаны историками. Они утверждают, что я должен был со своей командой похитить Рузвельта во время Ялтинской конференции. Это глупость: никогда мне Гитлер не приказывал этого. Сейчас я вам скажу правду по поводу этой истории: в действительности Гитлер приказал мне похитить Рузвельта во время предыдущей конференции — той, что проходила в Тегеране... Но, бац! (смеется)... из-за различных причин это дело не удалось обделать с достаточным успехом...»

(Правда. 1964. 18 ноября)

О неудавшемся заговоре нацистов много писалось в зарубежной прессе, в различных мемуарах, воспоминаниях. В Советском Союзе об этом факте упоминалось в произведениях Д. Н. Медведева и А. А. Лукина.

В тишине одного из кабинетов абвера прожужжал телефон.

— Майор Шульц, — ответил хозяин кабинета, разбиравший до этого кипу персидских газет.

— Вас хочет видеть бригаденфюрер Шелленберг. Он ждет в Главном управлении имперской безопасности.

Шульц сразу узнал голос непосредственного шефа.

— Надо взять с собой какие-нибудь документы?

— Нет, это что-то касающееся лично вас.

Положив трубку, Шульц встал из-за стола и несколько раз прошелся по комнате. Зачем он, незаметный офицер абвера, понадобился Шелленбергу — корифею разведки?

— Принц-Альбрехтштрассе! — бросил он шоферу, снял фуражку и, приглаживая свою густую русую шевелюру, задумался: с чем мог быть связан этот вызов?

Шульцу недавно исполнилось тридцать три года. На вид ему можно было дать значительно меньше. С чуть вздернутым носом, темно-голубыми глазами, он не был похож на немца, его скорее можно было принять за русского, но немецкое происхождение Шульца никогда и ни у кого не вызывало сомнений. Все знали, что он племянник Ганса Шульца — видного деятеля нацистской партии, ушедшего незадолго до войны на покой.

...Кивнув представившемуся Шульцу, Шелленберг указал глазами на кресло у стола.

— Остались ли у вас какие-либо доверенные связи в Иране? — без всяких предисловий начал он.

У Шульца сразу отлегло от души. Вот, оказывается, зачем он понадобился. Ему пришлось несколько лет находиться по линии абвера в командировке в Иране.

— Вам, поскольку занимаетесь Ираном, должно быть известно, — продолжал Шелленберг, — что обстановка сейчас там сложная. Мы многих потеряли после вторжения туда войск большевиков и англичан. Наша агентура, оставшаяся в Иране, ничего не в состоянии сделать, занята лишь работами, как лучше укрыться. А у нас возникла необходимость провести в Тегеране очень серьезную операцию. Для этого там нужен надежный человек, способный укрыть нескольких наших офицеров, которых мы туда перебросили. Необходимо также доверенное лицо на границе Ирана с Турцией.

Шелленберг вопросительно смотрел на Шульца и не сводил с него глаз, пока тот перебирал в уме иранские связи.

— В Тегеране у меня есть человек, которому можно верить вполне. Он немец, переброшен туда недавно, уже после прихода красных. Обосновался под видом польского эмигранта Анджея Глушека. Хорошо привился и находится вне подозрений.

— Это в Тегеране, — Шелленберг взял блокнот и записал туда данные о Глушеке. — А что у вас есть на границе?

— В Иранском Курдистане, недалеко от турецкой

границы, кочует курдское племя шейха Асо Каземи. Шейх учился в Германии, я был с ним знаком еще по университету. Он полюбил Германию и всецело на нашей стороне. В бытность мою в Иране я продолжал дружбу с ним. Он помогал мне в довольно рискованных делах.

Шелленберг опять обратился к блокноту.

— О нашем разговоре и о людях, названных здесь, должны знать только я и вы.

Он поднял глаза, и они так сверкнули, что не было нужды разъяснять, какая кара ожидает нарушившего это условие.

— Жду вас завтра в это же время, — сказал Шелленберг и отодвинул блокнот в сторону.

Шульц долго обдумывал, что сказать своему шефу о вызове к Шелленбергу, но ничего вразумительного придумать не мог. К счастью, его никто об этом не спрашивал, все понимали: расспрашивать не следует. Шеф был доволен, что сотрудник возвратился, а не канул в вечность, как многие.

На следующий день Шелленберг был значительно любезнее. Приглашая сесть, он даже попытался улыбнуться.

— Мы включили вас в операцию. Поэтому буду откровенен. В ближайшее время в Тегеране должны собраться Рузвельт, Черчилль и Сталин. Наша задача — сорвать эту встречу. Удачный исход задуманного может благоприятно для нас сказаться на ходе войны. Операцией интересуется сам фюрер. — И Шелленберг с благоговением закатил глаза. — Основную роль в операции сыграют несколько боевых офицеров. Мы сбросим их на парашютах в расположение племени вашего шейха, а поляк должен

укрыть их в Тегеране, когда вы от шейха доставите туда наших храбрецов.

Помолчав несколько минут, Шелленберг осведомился:

— По каким документам вы были ранее в Иране?

— По паспорту подданного Самуэля Зульцера, коммерсанта.

— Завтра же по дипломатическим документам, которые я вам вручу, нужно выехать в Швейцарию, получить там у чиновника нашего посольства Линденблатта необходимые документы на имя Самуэля Зульцера и оттуда, не задерживаясь, в Иран. Необходимая сумма денег вам будет передана в Швейцарии.

Шелленберг поднялся из-за стола.

— По указанию фюрера в целях сохранения тайны все участники этой операции с завтрашнего дня переходят на казарменное положение, без общения с внешним миром. На свободе остаетесь вы один, и если слухи об операции разойдутся, то будет ясно, откуда они исходят. Возвращаться в абвер не надо, так же как и звонить туда по телефону или писать. Пусть думают, что вы попали от нас в каменный мешок.

Вниз по Театральному проезду, искусно лавируя между военными грузовиками и автобусами, неслась юркая «эмка».

В машине чекист в форме полковника то и дело просил шофера:

— Нельзя ли быстрее?

Тот, отвечая, жал на акселератор.

На Манежной площади автомобиль развернулся и остановился у кремлевских ворот.

Полковник выскочил из машины, предъявил пропуск и прошел в Кремль, к зданию Совнаркома.

В приемной на втором этаже было пусто, рядом в кабинете шло совещание, на котором находился ответственный работник органов государственной безопасности генерал-майор Василий Иванович Панков, который был нужен полковнику.

Дежурный, выслушав просьбу полковника, скрылся за тяжелой дубовой дверью и через несколько минут появился вместе с Панковым.

Высокий, худой, немного сутулый генерал с тревогой посмотрел на своего помощника. Он знал, что полковник Авдеев не стал бы вызывать его с очень серьезного совещания по пустякам.

— Что стряслось, Николай Федорович? — спросил он и, показав в угол, где стояли у столика два кресла, сказал: — Пойдемте туда.

— Получены данные, что гитлеровцы готовят покушение на Большую тройку во время Тегеранской конференции.

— Из каких источников?

— Из Берлина, от Ильи Светлова. Редко пишет, но уж если пришлет весточку, то обязательно о чем-то важном, — ответил Авдеев, передавая генералу расшифрованное донесение.

Прочтя его, Панков задумался.

— Вы не захватили досье на Светлова?

Авдеев вынул из портфеля папку.

Перелистав дело, Панков долго всматривался в застывшее на фотографии изображение Ганса Венцеля.

— Помните, как он помог нам в разгроме нацистской агентуры в Иране после вступления туда наших войск? — напомнил полковник.

Но Панков словно не слышал этих слов.

— Что мы делали бы сейчас, если бы наше правительство согласилось на встречу Большой тройки под Каиром или где-то поблизости от Багдада, как предлагал президент Рузвельт? — сказал он. — Там немцам было бы легко осуществить свой замысел. В Иране все-таки стоят наши войска и английские.

— А чем мотивировал президент, предлагая другие места?

— Предложение о созыве Большой тройки поступило от Рузвельта и Черчилля в августе 1943 года, но место, которое предложили они, не устроило Сталина из-за отдаленности от Москвы. В письме Рузвельту от 8 сентября 1943 года он предложил Иран. Рузвельт долге не соглашался, ссылаясь на то, что в районе Тегерана часто бывает нелетная погода и ему трудно будет сноситься с конгрессом, поскольку радио и телеграф для этого не подходят. Лишь через два месяца, 8 ноября, Рузвельт дал согласие встретиться в Тегеране и предложил назначить конференцию на последние числа ноября 1943 года. Наше и английское правительства не возражали против этого. Условились в дальнейшей переписке держать все в строгой тайне. Тегеран теперь называют в переписке «Каир-Три», а встречу — «Эврикой».

— Откуда все же к немцам просочились сведения о встрече? Жаль, что Светлов не имеет сейчас возможности выяснить это. Впрочем, на этом пока закончим, — сказал, поднимаясь Панков. — Надо доложить о полученных сведениях на совещании.

Прямо с вокзала в Берне Шульц пошел на встре-

чу с Линденблаттом, о котором говорил Шелленберг. Линденблатт встретил его любезно и вручил необходимые документы. Из посольства Шульц вышел швейцарским гражданином Самуэлем Зульцером с паспортом, дающим право выезда в Иран.

«Последнее официальное лицо нацистской Германии, с которым мне пришлось столкнуться, — подумал он о Линденблатте. — Неужели я избавлен на долгое время от необходимости восторгаться победами нацистов?»

Сейчас с швейцарским паспортом в кармане Илья Светлов чувствовал себя почти счастливым. Он зашел в кафе, сел за столик и, развернув перед собой газеты, погрузился в размышления.

Ему казалось, что он приближается к возвращению на родину, ко всему, что оставил около десяти лет назад, чтобы выполнить задание. Вспомнились красивые чистые домики немецкой колонии Еленендорф, в которой он родился и вырос. Отец Ильи Светлова — Афанасий Кириллович был единственным русским в колонии и работал виноделом в местном винодельческом кооперативе. Илья рос среди немецкой детворы, владел немецким языком не хуже родного, учился в местной школе. Он очень дружил с Вальтером Шульцем, сыном бухгалтера кооператива, с которым жил в одном доме. Оба они потеряли родителей, и это их сблизило еще больше. По окончании средней школы Илья был послан на работу в органы ГПУ.

Встречаясь с Вальтером, он нередко поражался его наивности, но это не мешало им дружить. Как-то Вальтер поделился с ним, что получил письмо от брата отца, Ганса Шульца, проживающего в Герма-

нии. У него умерла жена, детей не было, и поэтому он просил дорогого племянника, которого никогда не видел, скрасить его одиночество. Дядя обещал помочь Вальтеру получить высшее образование. Но Вальтер не хотел, у него была невеста, русская девушка, и он не мог ее оставить.

Когда Илья рассказал об этом на службе, было решено использовать нежелание Вальтера ехать к дяде. Вместо него поехал Илья с заданием проникнуть на работу в германские разведывательные органы...

Вспоминая все это, Илья особенно сильно почувствовал тоску по Родине. Бросив газету, он вышел из кафе, не зная, как скоротать несколько часов, оставшихся до отхода поезда.

Пассажирский самолет приближался к Баку. Здесь он должен был приземлиться на несколько часов, а потом лететь дальше, в Тегеран. В числе пассажиров были генерал Панков и полковник Авдеев.

На аэродроме их встретил сотрудник местного аппарата органов государственной безопасности и, проводив в служебное помещение, вручил сообщение из Москвы, посланное им вдогонку. Это было донесение командира партизанского отряда Медведева, который сообщал о подготовке террористического акта против Большой тройки, о вербовке для участия в этом советского разведчика Николая Кузнецова, действовавшего в тылу у немцев под видом гитлеровского офицера. В донесении указывалось, что вербовавший разведчик фон Ортель, не доведя дело до конца, внезапно исчез.

— Видимо, его вызвали в Берлин и перевели на

казарменное положение, как и других участников заговора, — заметил Панков. — Думаю, необходимо перебросить в Тегеран для усиления охраны конференции полк наших пограничников и решить, кому конкретно можно сейчас поручить в Тегеране обнаружить немецкого агента.

— Самым подходящим для этого будет Олег Смирнов.

Прекрасно говорит по-персидски, знает страну, литературу, имеет там обширные связи, а главное — внешне ничем не отличается от окружающих. Ну чистый перс! Вот только любит щегольнуть персидскими пословицами, — улыбнулся Авдеев.

...Через три часа Панков и Авдеев ехали на машине с тегеранского аэродрома в город, в советское посольство. Представившись советнику посольства, они направились в одно из военных учреждений, в помещении которого им предстояло работать.

Смирнов был предупрежден о том, что он понадобится, и поэтому явился туда буквально через несколько минут.

Он радостно пожал руки Панкову и Авдееву.

Панков пригласил его сесть.

— Давайте сразу же перейдем к делу, — сказал Панков. — Нам надо срочно установить в Тегеране немецкого агента, легализовавшегося под видом польского эмигранта Анджея Глушека. Что вы можете предпринять, не прибегая к расспросам людей?

Смирнов, помедлив, сказал:

— Самый быстрый и удобный случай — попытаться установить поляка по книге местной полиции, в которой учитываются эмигранты, проживаю-

щие в Тегеране, указаны род занятий, адрес и другие сведения. В полиции знают меня как представителя советских военных властей и дают эту книгу беспрекословно.

В тот же день Смирнов доложил результаты поисков Панкову и Авдееву.

— Анджей Глушек, пятидесяти лет, проживает в Хиабане Казвин в собственном доме, прибыл в Иран в 1943 году как эмигрант из Польши. Установленное за ним наблюдение даст возможность получить более подробные данные.

Вскоре Смирновым было выяснено, что Глушек почти нигде не бывает, целые дни проводит на работе в строительной фирме. Выглядит он старше своих пятидесяти лет. Внешне неопрятен, вообще производит впечатление безобидного старого болтуна.

— Скорее всего, это маскировка. Неплохой способ поставить себя вне подозрений, — заметил Авдеев.

— Вечером он встретился в конспиративной обстановке с каким-то русским, — продолжал Смирнов, — видимо, белоэмигрантом. Этого мы пока не выяснили.

— Это не русский, а немец, — улыбнулся Панков, когда Смирнов описал внешность Светлова. — Он нам известен, и наблюдать за ним не следует.

На следующий день Илья Светлов дал знать о себе. Поздно вечером на одной из немногочисленных улиц он сел в автомобиль, управляемый Авдеевым. Когда они приехали на квартиру, где ждал их Панков, радости Ильи не было предела. Он долго рассказывал о себе, о своих переживаниях, о тоске по родине, прежде чем перейти к делу.

Изложив подробно разговор с Шелленбергом, Илья рассказал затем о встрече с Глушеком и о том, что тот наметил поместить террористов, когда они придут от шейха, в ночной притон Гусейн-хана, профашистски настроенного человека, который открыл свое заведение на деньги немцев, но потерял связь с благодетелями, бежавшими из Ирана.

Описывая Глушека, Илья подчеркнул, что этот очень дельный и собранный человек старается казаться старше своих лет, болтливым и неопрятным, чтобы лучше законспирироваться.

Было решено, что Светлов выедет в Курдистан и встретится с шейхом.

Поздно ночью Олег Смирнов вышел из машины в одном из переулков на окраине Тегерана.

Он свернул за угол и попал на небольшую площадь, где на одном из домов виднелась выцветшая от солнца и дождей вывеска чайной. Дверь была не заперта. Узкий проход, напоминающий туннель, привел в полукруглый зал, из которого несколько проемов без дверей, прикрытых дырявыми занавесками, вели в смежные комнаты.

Смирнов прошел мимо, на него не обратили внимания.

Посетители чайной сидели группами на полу, застеленном соломенными циновками.

Олег глянул в одну из смежных комнат с отдернутой занавеской. На топчане, покрытом обрывками старого ковра, лежал худой как скелет мужчина с землистым лицом и остекленевшими глазами. Неискушенный мог подумать, что он умер. На втором топчане сидел, согнувшись, такой же похожий на мертвеца тип. Он держал длинную трубку с неболь-

шим фарфоровым шаром на конце и тянул из нее опиум.

Смирнов сел около одной из компаний, заказал водку, закуску. Отпив глоток и пожевав лаваш, он обратился к своему ближайшему соседу, кряжистому малому с молодым лицом, заросшим густой бородой.

— Как выйти во двор?

— Пойдем, я как раз иду туда, — сказал тот и поднялся с пола.

В большом дворе притона стояла мазанка, окна ее были ярко освещены, в них виднелись суетившиеся фигуры. «Видно, оборудуют помещение», — подумал Олег.

И, словно поймав его мысль, бородатый сказал:

— Гостей ждут. Наверно, какие-нибудь поставщики опиума или кокаина.

Увиденного было достаточно, чтобы подтвердить уже имеющиеся сведения. Олег покинул притон.

Светлов пошел в гараж, знакомый по прежнему пребыванию в Тегеране, и договорился о поездке в Курдистан. В тот же вечер Светлов выехал к шейху Асо Каземи.

На следующий день к вечеру он оставил машину в небольшом селе, состоявшем из нескольких глинобитных хижин, теснившихся у мечети.

Владелец единственного здесь караван-сарая Ибрагим-ага был своеобразным полпредом шейха Асо. Он сразу узнал Самуэля Зульцера и засуетился.

Несмотря на непомерную полноту, Ибрагим-ага был подвижен и быстр. За несколько минут накрыл для Светлова столик в углу комнаты, провонявшей

табаком и перегаром бараньего сала, и встал рядом. Он пытался пуститься в расспросы, интересуясь, отчего так долго отсутствовал ага Самуэль, но Светлов отделялся односложными ответами.

Сидевшие поодаль на кошме посетители чайной — курды в широченных шароварах, собранных у щиколотки, и выцветших куртках шептали друг другу, поглядывая на Светлова:

— Посланец Гейдара.

Это заключение было основано исключительно на том, что раз европеец направляется, как они успели узнать, к шейху Асо, следовательно, он немец и близок к Гитлеру. О связях шейха Асо с Берлином было широко известно.

Наскоро поев, Светлов верхом в сопровождении двух вооруженных курдов поехал в кочевые племена шейха Асо.

Ехали долго. Наконец в долине, окаймленной громадой горных кряжей, показались палатки кочевников.

Уже смеркалось, когда Светлов добрался до палатки шейха. Приезд ага Самуэля застал шейха врасплох; он вскочил с подушек, разбросанных на ковре, и, выкинув руку, крикнул во весь голос:

— Хайль Гитлер!

Светлов чуть не рассмеялся, до того комичен был шейх в этой позе. Широкие голубые шаровары, зеленая вышитая куртка и огромная чалма из цветных платков, обвязанных вокруг войлочной шапки, делали его похожим на какого-то диковинного восточного божка.

Все знали, что шейх, еще будучи студентом в Берлине, увлекся фашистской пропагандой. Больше

всего ему импонировали свойственные нацизму солдафонство и муштра.

В палатке сидели также несколько седобородых курдов в просторных бурнусах, видимо, старейшины племени. После того как Светлов поздоровался с ними, бородачи вышли из палатки. Оставшись наедине с шейхом, Светлов рассказал о цели приезда. Шейх был очень горд оказанным ему доверием и сейчас же повел гостя показывать площадки, на которые можно приземляться парашютистам.

Светлов передал ему солидную сумму на расходы, связанные с приемом парашютистов. Шейх расплылся от удовольствия.

Рано утром Светлов решил, ссылаясь на занятость, выехать в Тегеран.

...По возвращении из Курдистана Светлов связался с Берлином и сообщил точные координаты места приземления парашютистов и о готовности шейха принять их.

...Через несколько дней состоялась еще одна встреча Панкова и Авдеева с Ильей Светловым. Он рассказал, что в ответ на его сообщение в Берлин последовала радиограмма, в которой назывался день прибытия немецких парашютистов и указывалось, что в распоряжение племени шейха Асо их доставит транспортный самолет со стороны Турции. Светлову предлагалось выехать к шейху и ждать там парашютистов, а затем доставить их в Тегеран в подготовленное укрытие. В заключение требовалось об их прибытии немедленно сообщить.

— Допускать приземление парашютистов в расположении курдского племени нельзя. Они могут уйти из-под нашего контроля, а это перед на-

чалом конференции очень опасно, — сказал Панков.

— Необходимо, чтобы недалеко от расположения племени находилась на всякий случай наша часть, — предложил Авдеев.

Советский аэродром недалеко от турецкой и иранской границ. В небольшом деревянном доме собралась группа чекистов во главе с генералом Панковым и полковником Авдеевым. Около каждого из них лежал на полу парашют, наготове был и транспортный самолет.

В комнате, несмотря на присутствие большого количества людей, было тихо. Все с напряжением следили за переговорами Панкова с головным звена истребителей, поднявшихся навстречу самолету, который появился над Ираном с территории Турции. Летчик сообщил, что самолет без опознавательных знаков на предложение приземлиться пошел было за истребителями на советскую территорию, а затем неожиданно изменил курс и полетел в сторону Турции.

Все присутствующие впились взглядами в Панкова.

— Открыть предупредительный огонь, — передал он команду радисту.

Летчик сообщил, что самолет продолжает уходить в сторону Турции.

— Огонь по самолету, — приказал Панков.

Приказание прозвучало спокойно и внятно, хотя все понимали, что генерал очень волнуется.

— Самолет загорелся и, падая, взорвался, — доложили с головного истребителя.

— Передайте, что мы вылетаем к месту падения.

Пусть дает нам координаты, — сказал Панков радисту и, обернувшись к присутствующим в комнате, командовал: — В самолет!

Выходя из комнаты, сказал радисту:

— Пусть начальник отряда вышлет к месту падения самолета машины, и санитарную тоже.

В самолете все сидели молча. Когда внизу на равнине показались еще дымящиеся остатки сбитого самолета, первым прыгнул Панков. Следуя за ним, Авдеев вспомнил о своем больном сердце, но лишь махнул рукой.

Приземлились они благополучно. Взрыв был настолько силен, что от самолета остались только обломки, разметанные в радиусе километра. Сравнительно целым оказался мотор немецкого производства, врезавшийся глубоко в землю. Никаких документов, даже простого обрывка бумаги, обнаружить не удалось. Но по собранным частям пистолетов, автоматов, миномета, стреляющего снарядами большой разрушительной силы, от взрыва которых, вероятно, все и разлетелось на мелкие частицы, было совершенно очевидно, что на сбитом самолете летела группа террористов, которую поджидал курдский шейх.

Появились машины, посланные из отряда. На месте взрыва уже нечего было делать, и Панков дал команду уезжать.

В ту ночь группа чекистов отправилась арестовывать Анджея Глушека.

...Многие в Тегеране удивлялись, почему Глушек, будучи материально обеспеченным, не живет там, где все иностранцы, а уединился с одним слугой-иранцем в какой-то лачуге на окраине. Когда

его спрашивали об этом, Глушек обычно отвечал, что он бежал туда от городского шума.

Шли по переулкам, сплошь состоявших из глухих глинобитных заборов. Ожесточенный лай собак преследовал с обеих сторон.

Подошли к дому Глушека, окружили его. Смирнов постучал в калитку. Никакого ответа. Пришлось постучать еще несколько раз. С каждым стуком усиливался лай.

Наконец во дворе заскрипела дверь. Звякнула щеколда, и калитку открыл иранец с фонарем в руках. Поднимаясь с потели, он, видимо, не нашел одежды и накинул не себя одеяло. Встречая гостей, он низко кланялся и гостеприимно разводил руками.

— Не знаю, за что наградил нас аллах, послав столь приятных гостей, — рассыпался он в любезностях, бросая настороженные взгляды в темноту, где виднелась группа советских офицеров.

Неизвестно, сколько времени он продолжал бы изощряться в восточной учтивости, если бы Смирнов не отстранил его и не вошел в дом.

В комнате у кровати стоял Глушек. Стоило ему увидеть советского офицера, как он метнулся к тумбочке, но Смирнов схватил его за руку.

Глушек весь поник, бессильно опустился на кровать.

..Илья Светлов, ездивший к шейху на случай, если немецким парашютистам удастся приземлиться там, возвратился в Тегеран.

Олегу Смирнову было поручено выехать в Курдистан, разыскать Асо и, арестовав его, привезти в город Казвин, где расположен штаб наших войск.

Когда Смирнов ушел, генерал Панков сказал Авдееву:

— Николай Федорович, президент Рузвельт будет ждать в нашем посольстве. Ему и премьеру Черчиллю сказали о заговоре немцев, о том, что они готовят покушение на Большую тройку. На нас ложится колоссальная ответственность. Надо до максимума усилить охрану конференции, личную охрану глав государств. Не исключено, что у немцев есть второй вариант организации террористического акта, который они попытаются использовать в связи с провалом первого.

...Конференция уже закончилась и главы трех государств разъехались, когда Смирнов вернулся из Курдистана. Он доложил, что шейх Асо, видимо почувствовав провал террористов, оставил племя на своего брата, а сам бежал. Выслушав доклад, Панков сказал:

— Вот неудача. Но далеко, я думаю, не убежит. — И, подмигнув Авдееву, спросил: — А что сказали бы по этому поводу иранцы?

— «Когда счастье отвернулось, и от киселя ломаются зубы», товарищ генерал, — ответил Смирнов. (Чекисты: Сборник. — М., 1970)

КОМИТЕТ «СОВИНФОРМБЮРО»

«Еще эпизод. — Писал Никита Сергеевич Хрущев в своих мемуарах. — В каком-то году, я сейчас точно не помню, был создан комитет — «Совинформбюро». Он создавался для сбора материалов, конечно, положительных, о нашей стране, о действиях нашей Советской Армии против общего врага — гитлеровской Германии — и распространения этих материалов в западной прессе, главным образом в Америке. Так как в Америке очень влиятельны круги еврейской национальности, поэтому и у нас этот комитет состоял главным образом из евреев, занимавших высокое положение в нашей Советской стране. Возглавлял этот комитет бывший председатель Профинтерна Лозовский. В этот комитет вступил генерал Крейзер — ему, конечно, рекомендовали, чтобы он вступил. В этом комитете состоял и Михоэлс — крупнейший актер еврейского театра. В этот комитет, по-моему, входила и жена Молотова — товарищ Жемчужина.

Я думаю, что эта организация была создана по предложению Молотова или, может быть, сам Сталин предложил ее организовать. Она очень активно занималась вопросами пропаганды, и ее деятельность в интересах нашего государства, в интересах нашей политики, интересах Коммунистической партии считалась очень полезной и необходимой.

Когда освободили Украину, в этом комитете составили документ (я не знаю, кто был инициатором, но, безусловно, инициаторы были в этой группе), в котором предлагалось Крым, после выселения отту-

да крымских татар, сделать Еврейской советской республикой в составе Советского Союза. Обратились они с этим предложением к Сталину. Вот тогда и загорелся сыр-бор. Сталин расценил, что это акция американских сионистов, что этот комитет и его глава — агенты американского сионизма и что они хотят создать еврейское государство в Крыму, чтобы отторгнуть Крым от Советского Союза и, таким образом, утвердить агентуру американского империализма на европейском континенте, в Крыму, и оттуда угрожать Советскому Союзу.

Как говорится, дан был простор воображению в этом направлении. Я помню, мне по этому вопросу звонил Молотов, со мной советовался. Молотов, видимо, в это дело был втянут главным образом через Жемчужину — его жену.

Наиболее активную роль в этом комитете играли его председатель Лозовский и Михоэлс. Сталин буквально взбесился. Через какое-то время начались аресты. Был арестован Лозовский, а через какое-то время и Жемчужина. Был дискредитирован Молотов. Все материалы рассылались среди членов ЦК, и там все было использовано, чтобы дискредитировать Жемчужину и тем самым уколоть мужское самолюбие Молотова.

Я помню такой грязный документ, где говорилось, что, мол, она была неверна своему мужу, и указывалось, кто были ее любовники. Много гнусности было в этом документе.

Начались гонения на этот комитет, а это уже послужило началом подогревания сильного антисемитизма, потому что состав комитета был еврейским. Сюда же приплеталась выдумка, что евреи хотели

создать свое государство и выделиться из Советского Союза. В результате борьба против этого комитета разрасталась шире, ставился вопрос вообще о еврейской нации и ее месте в нашем социалистическом государстве.

Начались расправы.

Долго тянулся следственный процесс этой группы, но в конце концов все закончилось трагически. Председатель этого комитета Лозовский был расстрелян, а Жемчужина и другие были сосланы. Я даже думал, что ее расстреляли, потому что об этом никому не докладывалось и никто в этом не отчитывался. Все было доложено Сталину, а Сталин казнил и миловал лично сам. О том, что она жива, я узнал после смерти Сталина — тогда Молотов сказал, что Жемчужина жива и находится в ссылке. Все согласились, что надо ее освободить. Берия ее освободил и торжественно вручил Молотову. Он сам рассказывал, как Молотов приехал к нему в Министерство внутренних дел и там встретился с Жемчужиной. Она была еле жива. Он обнял и приласкал ее. Все это Берия рассказывал с какой-то иронией. Молотову и Жемчужиной он выражал сочувствие и показывал, что это, вроде, была его инициатива освободить ее».

(Хрущев Н. Воспоминания // Знамя. 1989)

ГОЛУБОЙ ФЛАГ ДАГА ХАММАРШЕЛЬДА

В марте 1953 года здание ООН жужжало словно улей — сотрудники секретариата судачили о личности только что избранного генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда. Знатоков лингвистики озадачивал перевод его фамилии — «молот и меч», блюстители нравственности указывали на отсутствие у генсека тяги к женщинам и намекали на его излишнее внимание к мужчинам, любители истории вспоминали, что его отец был консервативным премьер-министром Швеции, а сын, как отмечали циники, изменил своему классу — аристократии — и переметнулся на службу к социал-демократам.

Действительно, отец слыл бессердечным и жестоко третировал сына, но он же вынудил его научиться бороться против диктата, формировать независимые взгляды. Быть нейтральным — значит говорить не «да, а «нет» обеим сторонам, заявил он во время первой мировой войны, и был смещен с поста главы правительства не без вмешательства англичан, недовольных его «негибким» толкованием нейтралитета Швеции. Да, мать одевала сынишку в девичьи платья и таскала за собой к подругам, но она же привила ему любовь к искусству, выразившуюся позже в прекрасных фотографиях и небес-талантных литературных опусах.

Очень скоро обитатели «стеклянного дома» увидели, что «голубизна» Хаммаршельда проявляется прежде всего не в его сексуальных пристрастиях, а в стремлении напомнить, что истинный цвет флага

ООН не красный, не звездно-полосатый, а чисто-голубой. Но раз есть флаг, то должен быть и корабль. Склонный к многозначительным поэтическим образам, Даг начал сравнивать ООН с колумбовой каравеллой «Санта-Мария», отправляющейся на поиски новых, лучших миров.

Хаммаршельд однозначно считал себя «европейцем» (в западном понимании слова), и его «миссия» нередко перерастала в «крестовый поход» по распространению «европейского наследия». Даг старался выйти из зоны политического притяжения великих держав и стать своего рода руководителем мирового правительства, президентом планеты.

О честолюбивых замыслах Хаммаршельда прекрасно знали в Белом доме, куда американские «особисты» из ООН докладывали о любой интересной записи, которую генсек делал в своем дневнике. Конечно, Парижу и Лондону не понравилось, когда Хаммаршельд поддержал Насера и при косвенной поддержке Москвы выпроводил французов и англичан с берегов Суэцкого канала. Зато американское влияние на Ближнем Востоке усилилось. Естественно, в Вашингтоне были не в восторге от публичной солидарности лидера ООН с объявленным в 1958 году советским мораторием на ядерные взрывы, но генсек сочувственно отнесся и к американской позиции, которая ставила присоединение США к мораторию в зависимость от согласия СССР на прекращение производства расщепляющихся материалов и на проведение инспекции атомных объектов.

Двигаясь к цели, Хаммаршельд, как акробат, делал телодвижения в любую сторону, лишь бы удержаться на проволоке. Но гибкость перестала спа-

сать, когда швед стал слишком инициативен, и американцы недвусмысленно дали понять ему, что он всего лишь «верховный чиновник», а не хозяин ООН.

Всплески энергии стали сменяться у Дага приступами меланхолии, поскольку его помыслы и надежды разбивались о противодействие великих держав. Политическими демаршами и закулисными интригами в ООН дело не ограничилось — в ход пошли и прямые нападки личного характера. К привычной ругани газет социалистических стран в адрес «лакея НАТО» добавились спекуляция в западной прессе, в том числе и о его сексуальных наклонностях.

Его взгляд обратился к Африке, борющейся за независимость от колонизаторов. Именно молодые государства могли, по мнению Хаммаршельда, стать активными поборниками повышения статуса ООН в мире. «Великие державы способны защищать себя без ООН, в ООН нуждаются другие ее члены», — утверждал он после турне по Африке. Редкая целеустремленность и железное здоровье позволили ему посетить за месяц 24 страны, познакомиться с сотнями африканских политиков, выходявших на национальную мировую арену.

Если среди 51 основателя ООН насчитывалось лишь 4 африканских государства, то к концу 1960 года в Объединенные Нации их входило уже 27. Декларация о деколонизации, выработанная при самом активном участии недавно переизбранного на второй срок генерального секретаря, должна была, как он надеялся, дать ему архимедов рычаг, способный перевернуть баланс сил в ООН. Опираясь на явное

большинство голосов из числа новых участников Генеральной Ассамблеи, Хаммаршельд хотел добиться пусть не отмены, но дезактивации права вето постоянных членов Совета Безопасности, взять в свои руки бразды правления.

Волна деколонизации, захлестнувшая континент, докатилась до его сердца — Бельгийского Конго (ныне Заир). Бельгийцы планировали «даровать» своей колонии независимость 1 июля 1985 года в 100-летний юбилей создания бельгийским королем Леопольдом II «первого конголезского государства». Местные радикалы требовали свободы и власти немедленно. И добились ее 30 июня 1960 года, когда премьер-министр Лумумба и президент Конго Касаубу объявили о суверенитете страны.

Брюссель сделал хорошую мину при плохой игре и признал независимость Конго. 7 июля молодая страна стала членом ООН.

Конго, особенно богатая минералами провинция Катанга, считалось самым, пожалуй, лакомым куском Африки: здесь добывали уран (из него изготовили атомные бомбы для Хиросимы и Нагасаки), золото, кобальт, медь, алмазы и вообще половину таблицы Менделеева. Здесь действовали крупные корпорации, в которых превалировали семейные интересы Рокфеллеров, Морганов, Ротшильдов.

Корпорации не желали передавать ключи от сокровищницы мелкому служащему почты, «коммунисту» Лумумбе. А среди новоявленных конголезских деятелей нашлось много охотников до власти.

В те часы, когда в «стеклянном доме» ООН в Нью-Йорке представитель Бельгии желал народу Конго «процветания», а посол США сравнивал борьбу

бу его народа за свободу с американской войной за независимость, Чомбе потребовал отделения Катанги и в окружении белых наемников провозгласил себя ее президентом. Лумумба и Касавубу немедленно вылетели в «столицу» Катанги Элизабетвиль (Лумумбаши), но их самолет не получил разрешения приземлиться.

Даг Хаммаршельд располагал обширной информацией о действиях мятежников, об операциях бельгийцев, об американских шагах, о контрмерах правительства Конго. Он сформировал «клуб Конго» — узкую группу советников для «управления конфликтом» в далекой африканской стране. Представитель «клуба» в Конго уговорил Лумумбу направить в ООН телеграмму с просьбой о помощи и помог сформулировать ее таким образом, что она приобрела форму личного обращения к Хаммаршельду. Это дало последнему повод провести через Совет Безопасности резолюцию о направлении в Конго войск и экспертов ООН для поддержания безопасности и административного порядка. Негласное руководство операцией невиданного размаха он взял на себя, решив, что настала пора вывести Конго из зоны влияния сверхдержав и не дать стране превратиться в поле очередного столкновения Востока и Запада.

Но внезапно возникло препятствие — «экстремист и выскочка» Лумумба хотел сохранить за собой контроль над обстановкой в стране. «Конго — это я», — без тени смущения или юмора заявлял бывший почтальон в ответ на советы Дага, предлагавшего наладить между конголезскими лидерами диалог под эгидой генерального секретаря. Недо-

вольный ООН, чьи войска проявляли пассивность по отношению к мятежникам и чьи эмиссары, включая самого Хаммаршельда, пытались «умиротворить» Чомбе, премьер-министр обратился за помощью к африканским соседям. Они были не против помочь, но не могли самостоятельно противостоять Бельгии и отрядам белых наемников, превосходившим африканцев в военной выучке.

Лумумба вылетел в Канаду, где провел конфиденциальную встречу с советским послом и получил заверения о широком содействии, включая переброску из СССР в Конго 29 самолетов, 100 грузовиков и 200 техников, а также возможное направление «советских добровольцев».

«Вы утратили наше доверие», — телеграфировал окрыленный этими обещаниями конголезский лидер Хаммаршельду. Но и сам Лумумба терял опору в стране — полковник Мобуту осуществил военный переворот, отправил домой специалистов и даже послов из социалистических стран, а самого премьер-министра вынудил искать защиты у солдат ООН.

Советский Союз без удовольствия наблюдал за процессами в Конго, а в конце 1960 года вообще потребовал прекратить операции ООН. Но чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи проголосовала за продолжение усилий. Не помог Москве и ввод в бой главного бойца — Никиты Хрущева. Он после скандала со сбитым У-2 и срыва намечавшейся встречи в верхах планировал фронтальную атаку на США и их союзников и хотел использовать для этого трибуну в «стеклянном доме». Генеральный секретарь ООН отказался направить приглашение

Первому секретарю ЦК КПСС, но помешать его прибытию в Нью-Йорк он, конечно, не мог.

Советский руководитель, постучав или погрозив ботинком (мнения присутствующих расходятся) и подвергнув критике администрацию США и иже с ней, предложил перевести ООН в Вену, Женеву или в Москву, а пост генсека упразднить, заменив «тройкой» из представителей западных, восточных и нейтральных государств. «Мы не доверяем господину Хаммаршельду», — заявил он. Но советское предложение и демонстрации модельной обуви номенклатурного образца не встретили понимания в ООН. Генсек резонно отказался уйти в отставку «по собственному желанию».

Тогда Хрущев неожиданно изменил тактику и пригласил шведа на прием в свою резиденцию. К удивлению гостей, он встретил его любезно и даже сердечно обнялся с ним. Когда стоявший рядом Янош Кадар выразил удивление, хозяин Кремля с улыбкой пояснил: «У кавказских горцев есть обычай делить хлеб и соль с врагом, пришедшим к ним в гости. Но как только он оказывается вне стен их дома, ничто уже не мешает перерезать ему горло». И, действительно, с того дня лидер ООН лишился возможности сотрудничать с советскими представителями, а на операции ООН в Конго Москва решила более не давать ни копейки.

(Полюхов А. Последний полет Хаммаршельда // Новое время. 1991. № 18)

ЗАГОВОРЩИКИ, СВЕРГШИЕ НКРУМУ В ГАНЕ

Эта статья была впервые опубликована в «Нью-Йорк таймс» 9 мая 1978 года.

Как стало известно непосредственно из источников в разведывательных ведомствах, Центральное разведывательное управление консультировало и поддерживало группу инакомыслящих армейских офицеров, свергших режим президента Нкрумы в Гане в феврале 1966 года.

Согласно этим источникам, участие ЦРУ в этом перевороте не было предварительно одобрено высокопоставленной межведомственной группой в Вашингтоне, осуществляющей контроль за тайными операциями этого управления. Эта группа, которая была известна в 1966 году как «комитет 303», отклонила ранее просьбу ЦРУ одобрить заговор против Нкрумы, вызвавшего недовольство Соединенных Штатов своими тесными связями с Советским Союзом и Китаем.

Хотя деятельность ЦРУ в течение двенадцати лет, прошедших со времени свержения Нкрумы, неоднократно подвергалась расследованиям, до сих пор общественности не было ничего известно о роли ЦРУ в этом перевороте.

Незадолго до свержения Нкрумы, по данным источников, руководитель резидентуры ЦРУ в столице Ганы Аккре запросил у вышестоящего руководства разрешение на развертывание небольшого отряда из специалистов по полувоенным действиям — членов группы специальных операций ЦРУ.

Эти люди, как утверждают источники, должны были, замаскировавшись под чернокожих, напасть во время переворота на китайское посольство, убить всех находящихся там и разрушить здание. Они должны были также выкрасть как можно больше материалов из шифровальной комнаты посольства.

После некоторых колебаний, заявили источники, высокопоставленные должностные лица ЦРУ в Вашингтоне решили не проводить эту операцию.

Подробности предполагаемой роли ЦРУ в свержении Нкрумы стали известны после того, как бывший оперативный работник этого управления Джон Стокуэлл кратко описал их в одном из примечаний в своей недавно опубликованной книге «В поисках врагов».

Стокуэлл, прослуживший в ЦРУ 12 лет, включая три срока в качестве нелегала в Африке, упоминает о случае с Ганой, чтобы подкрепить свое утверждение, что многие проблемы ЦРУ разрешались на местах и что «в документах ЦРУ нет свидетельств, как это происходило».

После того как ЦРУ получило от вышестоящего руководства указание не предпринимать попыток свергнуть Нкруму, пишет Стокуэлл, резидентура в Аккре «тем не менее поощрялась штаб-квартирой к поддержанию контактов с инакомыслящими в ганской армии в целях постоянного наблюдения за их деятельностью».

Далее говорилось: «Получив щедро выделенные дополнительные средства, она поддерживала самые тесные связи с заговорщиками, пока готовился переворот. Участие резидентуры в этом деле было столь велико, что она смогла добиться получения

Соединенными Штатами некоторых образцов секретной советской военной техники, когда переворот был совершен».

«Резидентура в Аккре даже запросила у штаб-квартиры разрешение иметь наготове небольшой отряд в момент переворота, чтобы напасть на китайское посольство, убить всех находящихся там, захватить секретные документы и затем взорвать здание в целях уничтожения следов».

Хотя это предложение было отклонено, пишет Стокуэлл, «в штаб-квартире ЦРУ признали полностью, хотя и неофициально, роль резидентуры в Аккре в осуществлении переворота. Но это не нашло соответствующего отражения в документах ЦРУ».

Другие источники, находившиеся в Гане во время переворота, оспаривают изложенную в книге Стокуэлла точку зрения, что в свержении Нкрумы главная роль принадлежала резидентуре ЦРУ в Аккре.

Еще раньше предпринималось покушение на Нкруму. В то время когда Нкрума был свергнут (он был с официальным визитом в Китае), тысячи ганцев томилась в тюрьмах без суда и следствия, и в стране ширилась оппозиция его правлению, становившемуся все более жестоким.

По сообщениям печати того времени, свержение Нкрумы получило широкое одобрение жителей Аккры. В советской печати сообщалось, что в заговоре было замешано ЦРУ.

Источники «Нью-Йорк таймс» отметили, что тем не менее многие оперативные работники ЦРУ в Африке считали, что управление сыграло главную роль в свержении Нкрумы. С этим, как считают источни-

ки, по-видимому, были согласны некоторые руководители в штаб-квартире, потому что Говард Бейнс, руководивший резидентурой ЦРУ в Аккре в то время, вскоре продвинулся по службе: он был переведен из Ганы в Вашингтон, где стал начальником оперативного отделения в африканском отделе.

«Когда он добился успеха, — сообщил один из источников о Бейнсе, — об этом знали все в африканском отделе. Если бы дело в Гане провалилось, Бейнса перевели бы куда-нибудь и о причастности ЦРУ к перевороту ничего не было бы известно».

В разгар операции в Гане, как утверждают источники, состав резидентуры в Аккре увеличился до 10 человек, причем некоторые из них были прикомандированы временно, но все действовали под каким-нибудь прикрытием.

Источники признали, что деньги не играли никакой роли для офицеров, планировавших переворот.

«Нам не пришлось платить им 5 млн. долларов, — заявил один источник. — В их интересах было взять в свои руки власть в стране».

В своей книге Стокуэлл особо отмечает, что ЦРУ использовало «комитет 40» — группу контроля за действиями разведывательных служб, созданную из высокопоставленных лиц в администрации Никсона, «для официального утверждения некоторых из своих наиболее щекотливых операций, но оно отнюдь не ставило в известность «комитет 40» обо всех своих тайных операциях».

«Без искренних признаний непосредственных исполнителей просто невозможно оценить процент операций, осуществлявшихся в течение многих лет без контроля со стороны Совета национальной бе-

зопасности, но, безусловно, их было много, и некоторые из них приводили к серьезным последствиям», — писал Стокуэлл.

В телеграммах и донесениях ЦРУ говорится, что «все контакты с заговорщиками предпринимались исключительно с целью получить информацию об их действиях».

Источники отметили также, что Бейнс и другие агенты ЦРУ в Аккре были возмущены решением руководства не разрешить налет на китайское посольство, которое в то время было единственным представительством пекинского правительства в Африке. Как заявили источники, Бейнс позже сказал одному из своих коллег: «У них просто не хватило духу пойти на это».

(ЦРУ в Африке: Сборник. — М., 1983)

ФРЭНК КАРЛУЧЧИ

Внук итальянского каменотеса и сын страхового агента, Фрэнк Чарлз Карлуччи родился в Бэр-Крике, пригороде Уилкс-Барра, в Пенсильвании. Частная средняя школа воспитала в нем твердость характера, которую затем отшлифовали Принстонский университет и Гарвардская школа бизнеса. Два года службы в Военно-Морских Силах придали строгость его внешнему виду, включая прическу «ежик», бритую шею и непроницаемое лицо пьемонтского официанта с суровым взглядом серо-голубых глаз.

Закончив службу в Военно-Морских Силах первым лейтенантом, Карлуччи записался в резерв дипломатической службы в 1956 году. Внук итальянца стал типичным американцем, ищущим работу. Поработав последовательно строителем, коммивояжером, менеджером-стажером в текстильной компании, вторым метрдотелем, он, наконец, нашел свое призвание в 1957 году, когда из однообразной серой жизни его для дипломатической службы направили в Йоханнесбург в качестве экономиста-аналитика. Ему понравилась страна, однако он пробыл там лишь год. Его отозвали в Соединенные Штаты на «дополнительное обучение», о характере которого в его биографии ничего не говорится.

Затем настал час, и этому «блестящему, напористому и динамичному молодому человеку» поручили ответственные обязанности. Рождение конголезской нации было трудным. Патрис Лумумба вел упорную борьбу против бельгийско-американских

компаний, грабивших его страну, за подлинную независимость. Фрэнк Карлуччи появился там в марте 1960 года. Сначала вице-консул, затем второй секретарь посольства и, наконец, «политический советник» — именно он занимался в Леопольдвиле ежедневным анализом политической обстановки: составлял настоящую летопись «дестабилизации», хотя это слово тогда еще не употреблялось, для госдепартамента. Он стал «мозгом» посольства. Борясь против Лумумбы и Гизенги и поддерживая Чомбе и Мобуту, он пережил ряд приключений, вызвавших восторг американской печати.

Репортеры, конечно, хорошо знали, были ли это 35 бельгийцев или 50 американцев, которых он вырвал из лап «конголезцев, горящих ненавистью к иностранцам», но, во всяком случае, они писали, что, окруженный разъяренной толпой, «проявляя большую личную храбрость, он вмешался, чтобы спасти их».

Сам он рассказывает об этом так: «Патрис Лумумба, высокий, выше шести футов ростом, как сейчас помню, хлопнул меня по плечу и сказал: «Отдаю их тебе. Делай с ними, что хочешь». И их отпустили».

Для того чтобы его доклады были начинены информацией из первых рук, он совершал «рейды на территорию противника». Он ежедневно подвергался опасности, и его отца распирало от гордости: «Мой мальчик — упрямая обезьянка». Эта упрямая обезьянка легко находила дорогу среди многочисленных агентов самого различного рода, которыми Леопольдвиль по вечерам кишел, как настоящая бактериальная культура. Одним из них был англи-

чанин Майкл Томпсон, агент ЦРУ, поддерживавший тесные контакты с бельгийцами, а ныне возглавляющий резидентуру ЦРУ в Брюсселе.

Но Карлуччи имел «друзей» и среди конголезцев: «Это очень просто... Требуется лишь встретиться с ними, поздороваться за руку и поговорить о чем-нибудь». Сирила Адулу, который стал премьер-министром в 1962 году, однажды пригласили на завтрак в Белый дом. «А где Карлуччи?» — спросил Адула Кеннеди, который был вынужден попросить Дина Раска найти человека, бывшего «серым веществом» конголезского премьера. Карлуччи жевал холодный ленч в каком-то буфете, перед тем как его нашли и усадили за президентский стол.

Так прошли в Конго два года — достаточный срок, чтобы стать свидетелем свержения и убийства Лумумбы и вывести на орбиту неких Чомбе и Мобуту, которые, как считалось, «вызволят Конго из-под коммунистического господства».

По завершении этой миссии Карлуччи получил высшую награду дипломатической службы, проработав в ней всего лишь пять лет, из них три года за рубежом.

С новеньким, блестящим Крестом за храбрость в феврале 1964 года он прибыл в Занзибар, где после январских беспорядков обстановка была довольно сложной. Было ли труднее очаровать занзибарцев, чем конголезцев? Новый генеральный консул не продержался там в течение обычного срока в два года. Он был отозван по просьбе Джулиуса Ньерере. Пребывание в «стране гвоздичных деревьев» несколько смягчило военную выpravку Карлуччи. Он стал носить менее строгую прическу. Но по-преж-

нему пробегал по утрам две мили за четырнадцать минут.

В июле 1965 года он оказался на должности «политического советника» в американском посольстве в Рио-де-Жанейро. Государственный переворот в 1964 году положил конец ситуации, о которой руководитель резидентуры ЦРУ в Кито Тед Ноланд говорил в 1963 году Филипу Эйджи: «Бразилия — наша самая серьезная проблема в Латинской Америке, куда более серьезная, чем Куба после ракетного кризиса».

Бразильские головорезы, захватившие власть в то время, казалось, поддерживали политику привлечения иностранных капиталов. Это не мешало ЦРУ сотрудничать с космополитом-полиглотом Гербертом Океном, который сегодня то и дело снует между Мюнхеном, Рио-де-Жанейро, Белу-Оризонти, Буэнос-Айресом и Бразилиа, где он числится консулом. Через него ЦРУ осуществляло тайные связи с группой, возглавляемой не кем иным, как Карлосом Ласердой, одним из главных заговорщиков, преследовавших цель свергнуть Гуларта, а теперь замышлявшим заговор против тех самых военных, которым он помог захватить власть.

Фрэнку Карлуччи, подружившемуся с Ласердой, удалось организовать встречу американского посла Татхилла с Ласердой, что заставило Бразилию направить госдепартаменту официальную ноту протеста. По вечерам в Рио-де-Жанейро собирались, помимо Карлуччи, Роберту Кампос, министр планирования (экономика), Кордейруди Фариас, министр внутренних дел (полиция), — так сказать, «проводники» американского империализма, а также Голбе-

ри ду Куту э Силва, создатель бразильского ЦРУ.

Мигел Арразс, губернатор Пернамбуку и открытый противник Ласерды, губернатора Гуанабары, заявляет сегодня без колебаний: «Карлуччи координировал деятельность многочисленных агентурных сетей ЦРУ, действовавших в Бразилии в то время». Это о том самом человеке, о котором лидер португальских социалистов Мариу Суареш говорил: «Он честный человек!»

Карлуччи, ставшему человеком номер два в американском посольстве, повезло в том отношении, что он покинул Бразилию в июле 1969 года, как раз перед «отвратительным августом» — месяцем неприятностей, которые начались уходом со сцены Коста э Силвы, сраженного болезнью и усилившейся деятельностью командос Маригелы, и завершились похищением в начале сентября американского посла Чарлза Бэрка Элбрика, которого позже обменяли на политических заключенных.

Возвратившись в Вашингтон, Карлуччи занимал различные должности в администрации Никсона, в частности был директором управления экономических возможностей, где сократил расходы по программе ВИСТА на помощь безработным и беднякам, а также был заместителем министра здравоохранения, образования и социального обеспечения.

(ЦРУ в Африке: Сборник. — М., 1983)

СТАРЧЕСКАЯ АЛЧНОСТЬ ИМПЕРАТОРА

Репортаж польского журналиста Рышарда Капусцинского «Император» — о революции 1974 года в Эфиопии — вышел в свет в Варшаве в 1978 году и вскоре завоевал международную известность. Его перевели на английский, итальянский, немецкий, французский и многие другие языки, ему были посвящены десятки рецензий. Нет нужды говорить о причинах этого шумного успеха: достоинства работы польского журналиста очевидны.

«На протяжении всего периода (а происходит это летом семьдесят четвертого года) продолжается большая игра двух искусных партнеров — седовласого императора и молодых офицеров из Дерга. Со стороны офицеров — это охватывающий маневр, они стремятся окружить старого монарха в его собственном дворце-логове. А со стороны императора? У него — более тонкий план, но подождем: минуто спустя мы поймем его замысел. А остальные лица? Другие участники этой удивительной и драматической игры вовлечены в нее бегом событий, они немного понимают из того, что происходит. Беспомощные, перепуганные сановники и фавориты мечутся по коридорам дворца. Вспомним, что дворец был прибежищем посредственностей, средоточием бездарностей, а такие в кризисные моменты всегда теряют голову, жаждут только спасти свою шкуру.

Посредственности в такие минуты крайне опасны, ибо, чувствуя угрозу, они становятся беспощад-

ными. Они ослеплены страхом и ненавистью, а к действиям их побуждают самые низменные инстинкты — подлость, крайний эгоизм, опасение потерять привилегии, подвергнуться осуждению. Диалог с этими людьми невозможен и бесполезен. Вот против этих обитателей дворца выступила группа молодых офицеров — смышленных, интеллигентных людей, достойных и горячих патриотов, которые понимали, насколько страшны положение Эфиопии, тупость и бессилие элиты, видели коррупцию и демократию, нищету и унижительную зависимость страны от более могущественных держав. Будучи сами частью императорской армии, они принадлежали к нижним слоям этой элиты, они пользовались благами, поэтому на борьбу их толкала не нищета, которая их непосредственно не коснулась, но укоры совести и чувство моральной ответственности. Они были вооружены и хотели использовать оружие с максимальным успехом.

Подпольная группа зародилась в штабе Четвертой дивизии, ее казармы были расположены в предместьях Аддис-Абебы — впрочем, достаточно близко от императорского дворца. Долгое время заговорщики функционировали в условиях глубочайшей конспирации — даже ничтожная, содержащая лишь намек утечка информации могла вызывать репрессии и казни. Постепенно в подпольную деятельность оказались вовлеченными другие гарнизоны, а позже и полицейские силы. Событием, ускорившим конфронтацию армии с дворцом, была голодная трагедия в северных провинциях страны. Причиной массовой гибели от голода у нас принято считать периодически наступающую за-

суху и — как следствие — неурожай. Эту точку зрения отстаивали представители государственной элиты подверженных голоду стран. Такое мнение ошибочно. Чаще всего к голоду приводит несправедливое или неверное распределение национальных ресурсов и богатств. В Эфиопии имелись немалые зерновые запасы, но богачи их припрятали, а затем выбросили на рынок по удвоенным ценам, недоступным для крестьянина и городской бедноты. Известны цифры: сотни тысяч человек погибли рядом с доверху наполненными зернохранилищами. Многих еще живых людей-скелетов по приказу местных нотаблей добывала полиция. Это положение — торжество вопиющего зла, неслыханной абсурдности — явилось сигналом для выступления офицеров-заговорщиков.

К мятежу поочередно примкнули все дивизии, а ведь именно армия служила оплотом императорской власти. После непродолжительного шока, растерянности и колебания император Хайле Селассие отдает себе отчет в том, что теряет важнейшее орудие своего владычества. Первоначально пребывавшая в подполье и никому неведомая группа Дерг действовала вслепую, она и сама не представляла, какое количество военнослужащих ее поддержит. Заговорщикам приходилось соблюдать осторожность. Их поддерживали рабочие и студенты — это существенный момент, но большинство генералов и высших офицеров были против заговорщиков, и генералитет продолжал командовать, отдавать приказы. Шаг за шагом — вот тактика этой революции, продиктованная сложившейся ситуацией. Если бы заговорщики выступили открыто и сразу, дезориен-

тированная часть армии, не понимая, о чем идет речь, могла не только не поддержать, но и ликвидировать их. Повторилась бы драма шестидесятого года, когда военные перестреляли друг друга, благодаря чему дворец просуществовал еще тринадцать лет. Впрочем, в самой организации Дерг не было единства: да, все сходятся на том, чтобы ликвидировать дворец, жаждут сменить анахроничную, изжившую себя, беспомощно прозябающую систему, но продолжались споры, как поступить с императором.

Император сотворил вокруг себя легенду, сила и жизнеспособность которой не поддаются проверке. Легенду о личности, пользовавшейся любовью и уважением во всем мире. Вдобавок он считался главой церкви. Избранником Бога, властителем душ. Поднять на него руку? Это всегда кончалось анафемой и виселицей.

Заговорщики в самом деле были смелыми, а в известной мере даже отчаянно смелыми людьми, поскольку впоследствии, предаваясь воспоминаниям, признавались, что, решив выступить против императора, не верили в собственный успех. Не исключено, что императору Хайле Селассие было известно о сомнениях и расхождениях, которые раздирали Дерг: в конце концов, он располагал услугами чрезвычайно разветвленной разведки.

Возможно, он действовал чисто интуитивно, руководствуясь своим изощренным чутьем тактика и богатейшим опытом. А если дело обстояло по-иному? Если у него просто не было сил для дальнейшей борьбы? Думается, он единственный во всем дворце понимал, что уже не способен противостоять той

волне, которая сейчас взметнулась. Все пошло прахом, он не властен что-либо предпринять, и он идет на уступки — более того, перестает управлять страной. Создает только видимость своего присутствия, но ближайшее окружение знает, что в действительности он ни к чему не причастен, ничем не занимается. Эта бездеятельность сбивает с толку приближенных, они теряются в догадках. То одна, то другая фракция представляет ему свои доводы, противоречащие один другому, при этом он с одинаковым вниманием всех выслушивает, поддакивает, всех хвалит, утешает, ободряет. Благородный. Далекий, замкнутый, отстраненный, словно бы пребывающий уже в другом измерении и времени, он позволяет событиям двигаться своим чередом. То ли он намерен оставаться над схваткой, чтобы уступить дорогу новым силам, остановить которые бессилён? Или рассчитывает, что за эту помощь заговорщики позже уважат и признают его? Однако, оказавшись в одиночестве, этот стоящий одной ногой в могиле старик опасности уже не представляет. Итак, он намерен остаться?

Пока что заговорщики начинают по мелочам его провоцировать: арестовывают по обвинению в коррупции нескольких снятых со своих постов министров кабинета Аклилу. В тревоге они ждут реакции императора. Но Хайле Селассие хранит молчание. Это означает, что маневр удался, первый шаг сделан. Осмелев, идут дальше — отныне тактика постепенного демонтажирования элиты, медленного, но скрупулезного опустошения дворца приведена в движение. Сановники, нотабли исчезают один за другим — беспомощные, безвольные, ждущие своей

очереди. Позже все они встретятся в помещении гауптвахты Четвертой дивизии, в этом новом, своеобразном, неудобном антидворце. Возле казарменных ворот, прямо у проложенных здесь железнодорожных путей на линии Аддис-Абеба — Джибути, вытянулась очередь элегантнейших лимузинов: это ошеломленные и потрясенные жены и сестры аристократов, министров, генералов привозят своим находящимся здесь под стражей мужьям, а также братьям — узникам нарождающегося строя — еду и одежду. Это зрелище созерцает толпа взволнованных и обалделых зевак, ибо улица еще не знает, что на самом деле произошло, до нее это еще не дошло.

Император постоянно пребывает во дворце, а офицеры по-прежнему совещаются в штабе дивизии. Большая игра продолжается, но близится ее последний акт.

Все тогда слушали радио, а те немногие, что могли купить телевизор (он в этой стране по-прежнему символ роскоши), смотрели телевизор. В то время, то есть в конце августа — начале сентября, каждый день приносил щедрую порцию сенсаций о жизни двора и императора. Сыпались цифры и имена, указывались номера банковских счетов, названия имений и частных фирм. Показывали дома представителей знати, сосредоточенные там богатства, содержимое тайников, горы драгоценностей. Часто выступал министр высочайших привилегий Адмассу Рэтта, который, давая показания перед комиссией по расследованию коррупции, сообщал, кто из сановников, что и когда получил, где и какую именно сумму. Сложность, однако, состояла в том, что не-

возможно было провести четкую грань между государственным бюджетом и персональной императорской казной, все это было стерто, смазано, выглядело двусмысленно. На государственные средства сановники возводили дворцы, приобретали поместья, ездили за границу.

Самые колоссальные богатства сосредоточивались в руках императора. С годами все возрастала и его алчность, его старческая, жалкая ненасытность. Об этом можно было бы говорить с грустью и снисходительностью, если бы не тот факт, что Хайле Селассие брал из государственной казны миллионы, совершая (и он сам, и его люди) эти хищнические операции посреди кладбищ жертв голодной смерти, кладбищ, обозримых даже из окон императорских палат.

В конце августа военные оглашают декрет о национализации всех императорских дворцов. Таких было пятнадцать. Судьбу дворцов разделяют частные предприятия Хайле Селассие, в том числе пивоваренный завод имени святого Гийоргиса, автобусный парк в Аддис-Абебе, производство минеральных вод в Амбо. Офицеры продолжают наносить императору визиты и ведут с ним длительные беседы, настаивая, чтобы он вернул из зарубежных банков свои сбережения и передал их в государственную казну. Вероятно, никогда не удастся точно установить, какая именно сумма находилась на счету императора.

В пропагандистских выступлениях речь шла о четырех миллиардах долларов, но это можно считать грубым преувеличением. Скорее, имелись в виду несколько сотен миллионов.

Настойчивость военных кончилась неудачей: император не вернул правительству этих денег, они до сих пор хранятся в зарубежных банках. Однажды, вспоминает Л. М., во дворец явились офицеры, заявив, что вечером по телевидению будет демонстрироваться фильм, который Хайле Селассие обязан посмотреть. Камердинер сообщил об этом императору. Монарх охотно согласился выполнить просьбу своей армии. Вечером сел в кресло перед телевизором, началась передача. Демонстрировался документальный фильм Джонатана Дамбильди «Утаенный голод». Л. М. заверяет, что император досмотрел фильм до конца, после чего предался медитациям.

В эту ночь, с 11 на 12 сентября, слуга и его господин — два старика в опустевшем дворце — не спали, так как это была, согласно эфиопскому календарю, новогодняя ночь. По этому случаю Л. М. расставил во дворце канделябры, зажег свечи. На рассвете они услышали рокот моторов и скрежет гусениц, движущихся по асфальту. Потом воцарилась тишина. В шесть часов утра ко дворцу подкатили воинские автомашины. Трое офицеров в полевых мундирах проследовали в кабинет, в котором император пребывал с самого рассвета. Там, отведав ему предварительные поклоны, один из них зачитал текст отречения. (Этот текст позже появился в печати и был оглашен по радио, звучал он следующим образом: «Несмотря на то что народ в доброй вере расценивал трон как символ единства, Хайле Селассие I использовал авторитет, достоинство и честь престола в своих личных целях. В результате страна оказалась в состоянии разрухи и упадка.

Кроме того, 82-летний монарх, принимая во внимание его возраст, не в состоянии выполнять свои обязанности. В связи с этим Его Императорское Величество Хайле Селассие I отрекся от престола с 12 сентября 1974 года, а власть на себя принимают вооруженные силы. Эфиопия превыше всего!») Император стоя внимательно выслушал слова офицера, вслед за этим он выразил всем свою благодарность, констатируя, что армия ни разу не обманула его ожиданий, и добавил, что, если революция совершается для блага народа, то и он на стороне революции и не будет противиться отречению.

— Тогда, — заявил офицер (он был в чине майора), — Ваше Императорское Величество, пожалуйста, следуйте за нами!

— Куда? — спросил Хайле Селассие.

— В безопасное место, пояснил майор. — Ваше Императорское Величество лично удостоверится в этом.

Все вышли из дворца.

У подъезда стоял зеленый «Фольксваген». За рулем сидел офицер, который распахнул дверцу и придержал переднее сиденье, чтобы император мог влезть в машину. «Как же так, — задохнулся Хайле Селассие, — я должен ехать на этом драндулете?» Подобное восклицание в то утро было единственным проявлением императорского протеста. Через минуту он умолк.

«Фольксваген» тронулся, предшествуемый джипом, в котором ехали вооруженные солдаты, такой же джип следовал сзади. Еще не было семи, комендантский час продолжал соблюдаться, поэтому они ехали по пустынным улицам. Император жестом

руки приветствовал редких прохожих, повстречавшихся в пути.

Наконец, автоколонна скрылась в воротах казарм Четвертой дивизии.

По приказу офицеров Л. М. собрал во дворце свои вещи и с узелком за спиной вышел на улицу. Остановил проезжавшее такси и велел отвезти себя домой на Джимми-роуд. Тэферра Гэбрэуольд рассказывает, что вскоре, в полдень, прибыли два поручика и заперли дворец на ключ. Один из них положил ключ в карман, они сели в джип и укатили. Два танка, появившихся ночью перед дворцом (за день люди засыпали их цветами), вернулись в расположение части.

Хайле Селассие был уверен, что он — все еще император Эфиопии. (После низвержения Хайле Селассие власть полностью перешла к ККВС, позднее преобразованному во Временный военный административный совет (ВВАС). Было сформировано Временное военное правительство. Однако королем (а не императором) был объявлен находившийся в Швейцарии старший сын Хайле Селассие — Асфа Уосэн. Окончательно монархию упразднили в марте 1975 года).

Аддис-Абеба, 7 февраля 1975 (агентство «Франс пресс»): Изолированный в помещениях старого, расположенного на холмах Аддис-Абеба дворца Менелика, Хайле Селассие последние месяцы своей жизни проводит в окружении солдат.

По рассказам очевидцев, эти солдаты (как в лучшие времена существования империи) по-прежнему отвечают поклоны царю царей. Благодаря этим жестам, как засвидетельствовал это недавно

представитель международной организации по оказанию помощи, который нанес ему визит и посетил других узников, заключенных во дворце, Хайле Селассие продолжает верить, что он — император Эфиопии.

Негус находится в добром здравии, стал много читать (несмотря на свой возраст, он не пользуется очками) и время от времени дает советы солдатам, которые его охраняют. Необходимо добавить, что солдат этих меняют еженедельно, так как почтенный монарх сохранил свой талант убеждения. Как и в прежние времена, каждый день бывшего императора протекает в рамках установленной программы, согласно протоколу.

Царь царей встает на рассвете, участвует в утренней мессе, позже читает. Иногда интересуется тем, как протекает революция. Бывший властелин еще и теперь повторяет то, что заявил в день своего низложения: «Если революция совершается для блага народа, я на стороне революции».

В прежнем кабинете императора в нескольких метрах от здания, в котором пребывает Хайле Селассие, десять руководителей Дерга продолжают обсуждать проблемы спасения революции, поскольку в связи с восстанием в Эритрее, возникают новые сложности. Рядом заключенные в клетках императорские львы издают грозное рычание, домогаясь ежедневной порции мяса.

По другую сторону старого дворца, близ дома, занятого Хайле Селассие, расположены другие помещения, где пребывают заточенные в подвалах савонники, вельможи и нотабли, ожидая решения своей дальнейшей судьбы.

«Эфиопиан геральд»:

Аддис-Абеба. 28.8.1975 (ЭИА) — Вчера скончался бывший император Эфиопии — Хайле Селассие. Причиной смерти явилась сердечная недостаточность».

(Капусцинский Р. Иностранная литература, 1987, № 7)

ПОЛИЦЕЙСКИЙ БЛИЦКРИГ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

При близком знакомстве Алиев произвел на Андропова сильнейшее впечатление и был поэтому избран первым исполнителем пробного полицейского переворота на территории СССР.

В 1967 году Алиеву, когда он возглавил органы госбезопасности Азербайджана (Андропов в том же году стал его шефом, официально возглавив союзный КГБ), исполнилось 44 года. Он был одним из самых молодых в стране функционеров на таком высоком посту, да еще в генеральском звании. Биография его тем замечательна, что всю сознательную жизнь, начиная с 18 лет, азербайджанец Гейдар Али Рза оглы Алиев служил в секретной полиции, пройдя школу СМЕРШа и закалившись в военной разведке. В его лице — и вкупе с ним Эдуард Шеварднадзе, министр внутренних дел Грузии, — был представлен высший продукт человеческой породы, выведенной в подпольных питомниках КГБ.

Это порода убежденных имперцев-космополитов, несмотря на их диковинные даже для русского уха имена: оба учились в русских школах, оба лишены всякой почвенной основы, всяких народных корней, каждый рассматривает свою республику как составную и неотъемлемую часть советской империи. Оба, но особенно Алиев, нетерпимы к национальным особенностям, традициям, характеру и стилю жизни своих народов — для них это не более чем предрассудки, пережитки прошлого, досадные и подле-

жащие устранению препятствия к созданию универсальной и наднациональной советской империи. Типичное «кагэбэшное» мировоззрение, которое, не исключено, разделяет и сам Андропов: идеологический флирт с московскими шовинистами был для него только средством, а не целью. Наглядно демонстрируя энергетическую отдачу, которую могут выжать органы госбезопасности из своих функционеров, новая порода полицейского офицера, в лице Алиева и Шеварднадзе, отличается высокой, почти чеканной исполнительностью, организаторскими талантами и незаурядной работоспособностью. И оба безмерно честолюбивы, что тоже увеличивало их энергетический потенциал, честолюбием более высокого порядка, чем у коллег в центре. Для того чтобы добиться московских назначений, им надлежало образцово проявиться внутри республиканских границ, которые предстояло пересечь в северо-западном направлении. Родные республики служили им чем-то вроде стартовых площадок, ибо их честолюбие, как и мышление, было имперско-интернациональным, не ограниченным национальными пределами.

Но генерал КГБ Алиев, в отличие от грузинского, человечески более обозначенного коллеги, представлял почти идеальным механическим исполнителем — без сомнений и осечек, не знавшим убеждений иных, нежели официальный минимум имперской идеологии. Он был также эффективен и полон исполнительской энергии, как натянутая и дрожащая стрела перед тем, как ей сорваться с тетивы. Дождавшись удобного момента, Юрий Андропов в 1969 году эту стрелу, наконец, отпустил, пробив ше-

фа тайной полиции Азербайджана партийным руководителем республики.

Ровно через месяц после назначения Первым секретарем ЦК Азербайджана Алиев выступил перед партийным активом с несколько необычным — по сравнению с предшественником да и с партийными коллегами из других регионов — пессимистическим обобщением экономического и идеологического состояния республики. Оказалось, что «почти в каждой отрасли хозяйства дела плохи», министерства не справляются с возложенной на них работой, огромная часть чиновников на местах берет взятки и покрывает преступников. И докладчик тут же объявил новый курс полицейского управления: «Мы должны сорвать маску со смутьянов, клеветников, заговорщиков и карьеристов, которые наносят серьезный ущерб нашему делу. Мы должны развернуть решительную, непреклонную борьбу с имеющимися у нас случаями взяточничества и искоренить условия, которые к этому ведут».

Так начались азербайджанские чистки — царство террора по всей республике. Поначалу они велись по случайным «локальным» гнездам, но постепенно объекты укрупнились, и непрерывная полоса увольнений началась уже на министерском уровне. Так, ушел на вынужденную пенсию министр промышленного строительства, и всего через два месяца уволен министр здравоохранения по довольно серьезному обвинению «в фальсификации отчетов, неудовлетворительной организации здравоохранения и низком уровне медицинского обслуживания». Демонстрируя суровую неподкупность, Алиев снимает с работы министра внутренних дел,

близкого своего сотрудника в те дни, когда сам возглавлял параллельное ведомство — КГБ, а вместе с ним увольняет и обоих его заместителей, полностью обновив, таким образом, руководство министерства.

После семи месяцев непрерывных чисток на всех уровнях азербайджанского руководства Алиев, наконец, приближается вплотную к центральному органу партии — республиканскому Бюро. Если вспомнить старую священную эмблематику Комитета Госбезопасности — щит и меч партии, то в случае с генералом КГБ Алиевым, как позднее — с грузином Шеварднадзе и еще позднее — с начальником секретной службы СССР Юрием Андроповым, КГБ перестал быть щитом, а меч обратился против тех, кого призван защищать, — державных партocrats.

Алиев смещает сразу несколько членов Бюро ЦК Азербайджана, включая председателя Совета Министров республики и партийного секретаря Баку. В это время, по собственному его признанию, возникает «скрытое сопротивление» крутым полицейским мерам на самом высоком партийном уровне, и, чтобы сразу, одним махом, покончить с крамолой, он немедленно расширяет зону партийных чисток до районных и городских уровней, где прежде всего снимает с должностей первых секретарей, зачастую вместе со всеми их заместителями и ближайшими сотрудниками. Фактически за полтора года Алиев полностью обновил партийное и государственное руководство республики, заменяя освободившиеся посты «своими людьми», обычно около 50 лет, главным образом — сотрудниками азербайджанского

КГБ. Они представляли новое поколение и, что более важно, новый тип руководителей — циничных, честолюбивых. И полностью лояльных Алиеву, а через него — Андропову.

Алиев ввел совершенно новый — открытый стиль правления. Борьбу с коррупцией, сопровождаемую немедленными увольнениями крупных партийных чиновников, а часто и арестами, он вынес на всеобщее республиканское обозрение. К бесконечным чисткам была подключена пресса. Партийно-правительственная газета «Бакинский рабочий» регулярно сообщала о случаях взяточничества, расхищения государственной собственности, о подпольных частных заводах, о кумовстве среди партийного руководства и о соответствующих наказаниях, вплоть до смертной казни, которая вошла в обиход повседневной жизни республики.

Так разоблачалась и выносилась на открытый народный суд «красная буржуазия» Азербайджана. Так получали оправдание — за прошлое и на будущее — крутые полицейские меры по разоблачению и наказанию правонарушителей. Так резко сократилось расстояние между человеком и государством, между тюрьмой и домом, между жизнью и смертью: никто не был застрахован ни большими деньгами, ни высоким постом от разоблачения и наказания.

Алиев ввел и совершенно новый стиль разговора с народом, а также с партийными коллегами. Тон суровой прямоты, правдивости и полной откровенности в обрисовке реальной ситуации. Упор при этом делался на недостатки — на минусы, а не на плюсы, как это повелось до Алиева в выступлениях

секретарей республиканского ЦК. Он впервые обнаружил, например, скандальный факт: Азербайджан со второй мировой войны ни разу не выполнил пятилетний план. И хотя с последним пятилетним планом (1965—1970) республика вроде бы справилась, однако это случилось потому, что нормы выработки в последний момент были так занижены, что выполнение их вряд ли можно отнести к большим достижениям. Непривычно откровенный и прямой разговор руководителя республики с народом. Алиев хотел показать истинное положение вещей, пробудить в народе чувство ответственности и оправдать те суровые акции, к которым он вынужден прибегать для искоренения зла. Подводя итоги результатам выполнения пятилетнего плана по республике, он признал, что только одно промышленное предприятие — из шести крупнейших — работает в пределах своей мощности.

Когда в конце 1982 года Юрий Андропов заговорил на таком же трезвом и требовательном языке со всем советским народом, это произвело очень сильное, ошеломляющее впечатление. Эффект пробуждения от долгого сна и возвращения реальности. Идеи Брежнева умерли еще прежде, чем истлел его прах, — настолько допотопным и неуместным выглядел сам стиль брежневского правления по сравнению с освежающим, но и леденящим стилем бывшего главы КГБ. Точно такой же эффект новизны и современности испытали десятилетием раньше жители Закавказья, когда полицейские генералы заняли посты первых секретарей Азербайджана и Грузии. Однако очень скоро их полицейский режим исчерпал свои эффектные, быстроедействующие, но

все-таки ограниченные возможности созидания и стал такой же и даже более формальной рутинной, как предыдущие режимы партократов брежневского толка.

Свой полицейский переворот Гейдар Алиев провел в настолько краткие сроки и такими brutальными средствами, настолько вчистую срезал все руководство республики и так прозрачно маскировал борьбу с политическими конкурентами под «борьбу с коррупцией», что даже Андропов, пристально наблюдавший за экспериментом не в меру ретивого и не в меру исполнительного ставленника, обеспокоился. Он был обеспокоен не за Алиева, а за самого себя, ибо Брежнев, заботясь о внешней стабильности империи, относился с подозрением к отрывочно доходящим до него сведениям о крутой расправе с азербайджанским партийным аппаратом. Так встала задача — окончательно убедить Брежнева в успешности полицейского правления в Азербайджане. Андропов, знающий все слабости Генсека, подсказал Алиеву хоть и примитивный, но впечатляющий ход. Совсем недавно уволивший министра внутренних дел за «оптимистическую статистику», Алиев сам вынужден был прибегнуть к методу «приписок», разных комбинаций с отчетностью, одним словом — к оптимистическим цифрам вместо более близкого его полицейскому мышлению метода «пессимистической статистики». К концу первого года на главной должности в республике он рапортовал в Москве об удивительных достижениях под его руководством. Результаты были слишком хороши, чтобы быть правдивыми. Промышленная продукция поднялась на 10 процентов выше уровня 1969 года — в

два раза больше, чем ежегодный прирост при прежнем правлении. Производительность труда удвоилась. План по сельскому хозяйству, которое находилось, по прежним докладам Алиева, в плачевном состоянии, наконец выполнен.

Он даже не заботился о правдоподобию радужных цифр, достигнутых за один только год. Ему важно внушить их Брежневу как лучшее доказательство эффективности крутых мер и повсеместных чисток в пораженной коррупцией республике. И Брежнев был польщен: новый азербайджанский секретарь оказался рачительным хозяином республики. Но недоверие и неприязнь к Алиеву лично и к алиевскому полицейскому курсу никогда не покидали Брежнева. Потому так упорно противился он настояниям Андропова ввести энергичного Алиева как ценный республиканский кадр в московское руководство — Политбюро ЦК КПСС. Ему нечего было прямо предъявить претенденту, но он смутно чувствовал в нем угрозу, чуждый стиль, крутое мышление и всячески оттягивал повышение, пока в 1976 году, через семь лет после вступления Алиева на должность партийного босса Азербайджана, под давлением все той же оптимистической статистики не был вынужден ввести его в кандидаты Политбюро. Но равноправным членом Политбюро при жизни Брежнева Алиев так и не стал, несмотря на помощь Андропова и собственные усилия.

Только за первые три года правления Алиев удалил с занимаемых постов сотни высокопоставленных чиновников.

Прежде всего он снимает с постов тех нескольких министров, которые уцелели от первой полосы

увольнений. Затем, как замороженный, смещает тех самых городских и районных партийных секретарей, которых еще недавно назначил. Нимало не заботясь о серьезной мотивации, заменяет новым протеже некогда близкого соратника, которого в 1970 году поставил первым секретарем Бакинского горкома. На очереди оба полицейских ведомства республики: Алиев уже подбирается к ним. Но чистка не понадобилась, события неожиданно опережают ретивого сатрапа, все решается оперативным путем.

Начальник тюрьмы, недовольный результатами инспекции, врывается в кабинет министра внутренних дел и наповал застреливает хозяина кабинета, его заместителя и полковника КГБ. На фоне постоянных чисток, судов и расстрелов этот экстраординарный случай не обратил на себя особого внимания азербайджанцев, у которых к тому времени выработался своего рода иммунитет ко всему, что происходит в верхах. Повторных чисток, многочисленных увольнений и отдачи под суд оказалось так много, что они начали даже предполагать: их партийный руководитель одержим фанатичной идеей «перманентной чистки». Однако, с точки зрения самого Алиева, это единственный путь — новыми полицейскими чистками удержать то, что завоевано в результате предыдущих. В принципе такой путь должен был привести к политической диктатуре, чему, однако, препятствовало подчиненное Москве положение Азербайджана в системе советской империи.

По сути, приблизительно восемь лет Алиев правил республикой инерционно, на холостом ходу, че-

редой повторных чисток под знаком непрерывной борьбы с коррупцией, и в этих чистках наблюдался свой механический ритм — то затухание, то резкий пароксизм. Так случилось и под конец правления Алиева в Азербайджане, когда он вдруг обезглавил всю республиканскую прокуратуру, в том числе физически — обвиняемые были расстреляны. Повторными чистками, однообразными полицейскими приемами руководства, суровостью наказаний и brutальным стилем Алиев выжал республику как лимон — большей продуктивности она уже не могла дать. Для удержания ее на показательном уровне — не ниже — он выработал почти автоматическую систему полицейского управления. Лично в нем республика больше не нуждалась, он мог с легкостью передать ее любому заместителю. Благо что сам метил в Москву. И здесь шеф и покровитель Андропов всячески способствовал ему, но не мог преодолеть каменное сопротивление Брежнева.

Членом Политбюро он стал только спустя 10 дней после смерти Брежнева, а еще через два дня — первым заместителем премьер-министра. Азербайджан мог обойтись без Алиева, оставленный в надежных руках вышколенных соратников, зато Андропов уже не мог обойтись без него в Москве — были в нем качества, которыми не обладал никто из ближайшего окружения нового советского руководителя, включая его самого.

Возвратимся, однако, назад: приблизительно через два года после того, как Гейдар Алиев стал управлять Азербайджаном, Андропов имел на руках четкую схему полицейского переворота, осуществляемого под видом борьбы с коррупцией. Но азер-

байджанская схема оказалась слишком идеальна, слишком графична, ей недоставало живых деталей и пробных вариантов, которые были необходимы шефу тайной полиции страны. Поэтому ему понадобился еще один полицейский переворот на Кавказе — в соседней Грузии.

(Соловьев В., Клепиков Е. Заговор в Кремле. — М., 1991)

НОЧЬ НАД ЧИЛИ

Двор дома на улице Томаса Моро в то раннее утро выглядел пустынным. Накануне садовник подрезал розы, убрал сухие, пожухлые листья вьюна копиуэ. В доме президента Чили Сальвадора Альенде готовились к весне. В начале сентября холодные, с дождем и снегом тучи, ползущие со стороны Анд, сменились мягкими, теплыми северными ветрами. Альенде любил наступление весны. Раньше он и сам с удовольствием копался в саду, но в этом году любовался зеленеющими каштанами только по дороге в президентский дворец. Зная его любовь к цветам, жена каждый день ставила в кабинете свежий букет. В то утро, войдя к себе, Сальвадор едва успел бросить взгляд на цветы, как зазвонил телефон.

Взволнованный голос, запинаясь, сообщил:

— Товарищ президент, в Вальпараисе мятеж. Морская пехота заняла порт, в городе объявлено осадное положение.

Альенде посмотрел на часы. Было ровно 6.20.

— Тревога, — коротко бросил он вошедшему в кабинет Карлосу, другу и телохранителю. — Срочно выезжаем во дворец.

Через несколько минут четыре машины, в которых разместились 23 человека личной президентской охраны, вооруженные автоматическими винтовками, двумя пулеметами и тремя базаками, мчались вдоль набережной пеки Мапачо к центру, во дворец «Ла Монеда».

Легкий щелчок, и из автомобильного приемника раздается нервный голос диктора:

— Внимание! Внимание! Передаем срочное сообщение руководителей военной хунты, которая, руководствуясь заботой о свободе чилийцев, решила взять власть в стране.

Президент республики, — хрипел динамик, — должен немедленно передать свои высокие полномочия Чилийским Вооруженным Силам и корпусу карабинеров, которые решили развернуть борьбу за освобождение отечества от марксистского ига...

Прослушав до конца передачу, Альенде сжал кулаки.

— Аугусто, запиши мое обращение к чилийскому народу, — обернулся он к своему помощнику по связи с прессой.

— Я заявляю, — медленно начал Альенде, — что не уйду со своего поста и своей жизнью готов защищать власть, данную мне народом.

В это момент машина остановилась у главных ворот дворца. Альенде быстро вышел из нее и направился в рабочий кабинет.

— Приготовьтесь к обороне дворца, — приказал он Карлосу. — Аугусто, свяжись с директором радиостанции «Порталес»...

— Чилийцы, — четко говорит Альенде в телефонную трубку, зная, что его голос идет прямо в эфир. — Наверное, это моя последняя возможность обратиться к вам. И пусть мои слова будут укором, моральной карой тем, кто нарушил свою солдатскую клятву, — командующим родами войск...

Перед лицом этой измены мне остается сказать одно — я не сдамся! На этом перекрестке истории я готов заплатить жизнью за верность своему народу. И я убежден, что семена, которые мы заронили в

сознание тысяч и тысяч чилийцев, уже нельзя будет уничтожить...

Я верю в Чили, я верю в судьбу моей страны. Другие люди переживут этот мрачный и горький час, когда к власти рвется предательство. Знайте же, что недалек тот день, когда снова откроется широкая дорога, по которой пройдет свободный человек, чтобы строить лучшую жизнь.

Да здравствует Чили! Да здравствует чилийский народ! Да здравствуют трудящиеся! Таковы мои последние слова...

Закончив диктовать обращение, Альенде подходит к окну и видит первые бронетранспортеры и танки, идущие к дворцу. Хроника действий президента теперь измеряется минутами и секундами. Через несколько дней премьер-министр революционного правительства Кубы Фидель Кастро расскажет всему миру со слов очевидца о последних часах жизни Сальвадора Альенде...

В 8.15 представитель фашистской хунты обратился к президенту с предложением о сдаче, уходе со своего поста и о предоставлении ему самолета, на котором он мог бы покинуть страну вместе с родственниками и сотрудниками. Президент отверг это предложение, сказав, что «генералы-предатели не знают, что такое человек чести. Я с предателями в сделки не вступаю».

Примерно в 9.15 начался обстрел президентского дворца. Пехотные подразделения, общей численностью около двухсот человек, пошли в наступление по улицам, прилегающим к площади Конституции, открыв стрельбу по дворцу. Число охраняющих «Ла Мonedу» не превышало 40 человек. Альенде прика-

зал отвечать на огонь, и сам лично принимал участие в этой перестрелке. Пехота отступила, неся многочисленные потери.

Тогда фашисты ввели в бой танки. Один танк двигался по улице Монеда, другие — по улицам Театинос, Аламеда, Моранде. Несколько танков появились на площади Конституции. Выстрелом из базуки один танк был уничтожен. Другие открыли огонь по кабинету президента. Их поддержали с бронетранспортера.

10.25. В зале Тоэска президент собрал всех, кто находится во дворце. Твердым и спокойным голосом он говорит присутствующим, что через несколько минут начнется штурм дворца. «Никакая революция, — заканчивает он, — не может победить, если ее руководитель не способен встретить опасность в трудный момент и бороться до конца. Это справедливо. Но справедливо и то, что бессмысленные жертвы абсолютно ничем не могут помочь делу революции. Наоборот, они вредят ей. Я приказываю всем, кто не имеет прямого отношения к охране дворца, покинуть его, пока это еще можно сделать. Что касается охраны, то я предоставляю ей полную свободу действий. Я остаюсь здесь. Это мой долг. Я не уйду из «Ла Монеда». Если нужно, я погибну здесь...»

В 11.45 президент собрал всех своих дочерей и всех женщин, находившихся во дворце (всего 9 человек), и приказал им покинуть «Ла Монеду», поскольку считал, что они могут погибнуть. Он попросил у нападающих трехминутную передышку для их эвакуации, но фашисты ответили отказом. В этот момент войска, чтобы дать возможность самолетам

атаковать «Ла Монеду», приостановили штурм. Это позволило женщинам покинуть дворец.

В 12.00 послышался рев самолетов, раздались взрывы ракет. Однако только к двум часам дня нападающим удалось прорваться в одно из помещений второго этажа. Альенде с несколькими товарищами забаррикадировался в Красном зале. В тот момент, когда он отстреливался от рвавшихся туда фашистов, пуля угодила ему в живот. Альенде оперся на стул и продолжал стрелять, пока вторая пуля, попавшая в грудь, не сразила его. Уже мертвого его буквально изрешетили автоматной очередью. Увидев, что президент убит, его личная охрана бросилась в контратаку и заставила фашистов отступить. Затем товарищи перенесли тело Альенде в кабинет президента, усадили в президентское кресло, надели президентскую ленту и обернули чилийским флагом.

Лишь к четырем часам дня пожар, продолжавшийся в течение нескольких часов, подавил последние очаги сопротивления.

(Волков В. Ночь над Чили // Вокруг света. 1974. № 1)

МИСАК ДОКАЗАЛ АМИНУ СВОЮ ПРЕДАННОСТЬ

«Великий вождь» афганского народа — как называл Тараки его верный слуга Амин — в начале сентября 1979 года отправился в Гавану на очередную сессию глав государств и правительств неприсоединившихся стран. Он собирался взять с собой своего «самого верного друга и помощника» Амина. Однако Амин на Кубу не полетел.

За несколько недель до поездки Тараки Амин организовал «заговор американского империализма», чтобы расправиться с группой неудобных ему халькистов — сторонников Тараки. Первыми жертвами должны были стать три старых члена ЦК НДПА: Абдул Керим Мисак, Шараи Джоузджани и Дастагир Панджшири.

По Амину, у них было много грехов: накануне апрельской революции 1978 года они блокировались с членами бывшей фракции НДПА «Парчам», выступавшей против назначения Амина руководителем военной организации партии и членом ее Политбюро, к тому же еще со времен основания партии критиковали Амина за его амбициозность и стремление к власти. Информация о возможном аресте тройки, полученная представителями внешней разведки КГБ от одного из родственников Панджшири, впервые заставила советских представителей в Кабуле задуматься: не слишком ли далеко зашел Амин? Не может же он не знать, что все трое — Мисак, Джоузджани и Панджшири — искренние друзья Советского Союза и преданные делу НДПА люди?

Но идти на «конфронтацию» с Тараки или Амином советский посол не пожелал. Тогда представитель КГБ в Кабуле предложил по согласованию с послом и с Москвой предупредить трех опальных членов ЦК НДПА об опасности и предложить, если они того пожелают, тайно переправить их в Советский Союз.

Эту миссию поручили одному из «помощников» КГБ — посольскому переводчику, который был знаком с каждым из троих «заговорщиков». Ему следовало, соблюдая необходимые меры предосторожности, «случайно» встретиться с Мисаком.

Встреча состоялась. Выслушав переводчика, Мисак побледнел и, ничего не сказав, быстро направился к своему дому.

На другой день произошло то, чего никто в посольстве не ожидал. Рано утром Амин вызвал к себе представителя КГБ и потребовал, чтобы «provokator» — советский переводчик — был немедленно откомандирован в Советский Союз. Амин заявил, что среди советских представителей в Кабуле есть и другие сотрудники, которые тоже должны быть отозваны в Москву, так как «живут старыми понятиями и представлениями, не понимают изменившейся ситуации в Афганистане и своей деятельностью не способствуют успеху апрельской революции». Амин имел в виду трех сотрудников, которые давно работали в Афганистане, прекрасно знали страну, историю НДПА и ее руководящие кадры. Нравились же Амину те советские представители, особенно партийные и военные советники, которые приехали работать в Афганистан, не зная толком, в какой части света он находится.

Никаких возражений Амин не услышал. Переводчику пришлось срочно покинуть Кабул.

Мисак доказал Амину свою преданность, но ни Мисак, ни его товарищи не могли предполагать, что Амину осталось жить четыре с половиной месяца, и что, покончив с Амином, «советские» не забудут об их предательстве. После ввода советских войск в Афганистан все трое будут арестованы режимом Кармаля и вместе с другими преданными Амину халькистами окажутся в тюрьме.

Амин оставил троих халькистов в покое. Но принялся за других.

(Морозов А. Кабульский резидент. Два «заговора» ЦРУ. // Новое время. 1991. № 40)

ИЗ «УГЛА» — В КАМЕРУ

Советских советников в Афганистане водили за нос, и это всех устраивало.

В начале сентября 1979 года по Кабулу поползли слухи о новом «заговоре» американского империализма. Выступив с речью на митинге в Кабульском университете, Амин заявил, что во главе поддерживаемого ЦРУ контрреволюционного заговора стоят вполне определенные лица, представляющие, по его словам, «угол» в ЦК НДПА. Речь шла о членах ЦК, которые во время заседаний сидели на углу стола рядом с Тараки. Это были министр обороны Мухаммед Аслам Ватанджар, министр связи Саид Мухаммед Гулябзой, министр внутренних дел Шерджан Моздуръяр и начальник органов госбезопасности Асадулла Сарвари. Все четверо — халькисты, искренне преданные лично Тараки. Они тоже позволили себе довольно открыто критиковать Амина, жаловались на него Тараки и даже требовали ограничения его полномочий.

Амин был прекрасно об этом осведомлен. Обо всех посещавших Тараки лицах и о содержании их бесед Амину докладывал его преданный слуга майор Дауд Тарун, начальник секретариата «великого вождя». Нельзя также исключать, что для прослушивания разговоров, которые велись в кабинетах у Тараки, Амин использовал советскую специальную технику.

Все члены так называемого угла были хорошо известны резидентуре внешней разведки КГБ, и только с положительной стороны. Однако его по-

пытки доказать послу и советникам, что новый «заговор» — очередная выдумка Амина, были безуспешными. Почему? Все по той же причине — из-за беспринципности и нежелания портить отношения с Амином. Приведу характерный пример.

Партийный советник Виктор Смирнов, безвременно ушедший из жизни вскоре после возвращения из Афганистана, рассказывал мне, как он вместе с руководителем группы партийных советников из ЦК КПСС Семеном Веселовым присутствовал на мероприятии, посвященном Дню независимости Афганистана. С речью выступал Амин. Слушая синхронный перевод, Веселов говорил Смирнову, что Амин несет несусветную чушь. Когда же после выступления Амин подошел к Веселову и спросил, понравилась ли его речь, Веселов сказал буквально следующие слова: «Товарищ Амин, вы выступили с прекрасной речью! Теперь я вижу, что марксизм-ленинизм в Афганистане находится в надежных руках». Смирнов был поражен. Веселов объяснил: «Зачем портить отношения с Амином? Мне еще хочется здесь поработать».

Такой «принципиальный», «партийный» подход к словам и делам Амина был характерен для большинства присланных из Москвы советников. Информации посланцев ЦК КПСС верили больше, чем информации разведки, которая до самых «верхов» не доводилась. В Москве на Старой и на Смоленской площадях верили Амину. Дело дошло до того, что из Москвы пришел приказ прекратить все контакты с оставшимися на свободе парчамистами и с лицами, просто известными своими симпатиями к «Парчам» и Кармалю. Даже разведке были запрещены такие

контакты. Запрет исходил от тогдашнего начальника разведки, ставшего затем председателем КГБ, Владимира Крючкова.

Кстати, о Крючкове. В конце 1980 года, уже после ввода войск, он совершил «инспекционную» поездку в Кабул. К тому времени я уже находился в Москве и «вел» кабульскую резидентуру, читал и анализировал всю поступающую от нее информацию, большая часть которой почему-то начальнику разведки не докладывалась и оседала «для накопления и анализа» в информационной службе первого главного управления — разведке КГБ. Получалось, что разведка в Кабуле работала вхолостую. А это были данные о том, что армия ДРА разваливается, идет массовое дезертирство, снижается боевой дух, что правительство Бабрака Кармаля, в котором большинство составляли члены и сторонники бывшей фракции «Парчам», не принимает должных мер для укрепления единства партии, от которого во многом зависит судьба революции, сводит счеты с халькис-тами, оппозиция же не только не собирается прекращать борьбу, но и наращивает силы, готовится к жестокой и длительной вооруженной борьбе.

Казалось бы, побывав в Кабуле, Крючков должен был убедиться в том, что даже стотысячная советская армия не в состоянии усмирить 90 процентов афганского населения, для которого прокоммунистический режим НДПА неприемлем. Но, похоже, реальная информация начальника разведки интересовала меньше всего. Гораздо больше авторитетом для Крючкова был новый посол Фикрят Ахмеджанович Табеев, который представлял дело так, будто благодаря его деятельности закрепляются успехи

апрельской революции, а ее противники терпят поражение за поражением...

После возвращения Крючкова в Москву мне поручили написать по его тезисам своего рода директиву разведке. Главный тезис руководителя советской разведки меня поразили: «Весна и лето 1981 года станут решающими в окончательном и полном разгроме сил контрреволюции». Когда я предложил заместителю начальника нашего отдела, который сопровождал Крючкова в Кабул, заменить этот тезис, тот, виновато улыбаясь (он делал генеральскую карьеру), сказал: «Раз Владимир Александрович сделал такой вывод, то так и надо писать».

Весной 1979 года в Кабул было спущено указание о том, чтобы вся информация о положении в Афганистане, собираемая представителями разных ведомств, анализировалась на месте и направлялась в Политбюро ЦК КПСС в обобщенном виде за подписями четырех лиц: посла, главного военного советника, представителя КГБ и резидента ГРУ. Это казалось разумным решением, дабы избежать разночтений. Но это же привело к тому, что в Москву стала поступать совершенно куца информация. Из Москвы просили больше «позитива», так как «негатив» портит настроение членам политбюро. И этот «позитив» исправно поступал, составляя львиную долю (95 процентов) в сообщениях. Когда же возня Амина вокруг четверки «заговорщиков» вызвала серьезное беспокойство в Москве и оттуда поступило указание «разобраться», то выполнить его так, как следовало, практически никто не мог. Не справились с задачей даже опытные генералы КГБ Борис Иванов и Юрий Нешумов, генерал МВД СССР Ни-

колай Веселов. Никто не знал, какой ответ хотели услышать в Москве, а потому не решились его давать.

Что же касается советских партийных и военных советников, как это было нам достоверно известно, людям Амина было предписано вводить их в заблуждение, льстить им, клясться в искренней дружбе, задабривать угощениями и подарками. А получив дорогие подарки, за обильными обедами, когда столы ломились от ароматных жареных барашков, а водка лилась рекой, разве можно было задавать острые вопросы, подвергать сомнению линию Амина?

(Морозов А. Кабульский резидент. Два «заговора» ЦРУ. // Новое время. 1991. № 40)

КАК ВЛИПЛИ В ИСТОРИЮ

Теперь, спустя годы, известно, что:

— решение ввести в Афганистан войска приняли в «узком кругу» четверо: Генеральный секретарь Брежнев, председатель КГБ Андропов, министр иностранных дел Громыко, министр обороны Устинов;

— принималось это решение за спиной народа и партии, не все высшие руководители страны знали о нем;

— события в Афганистане стали апогеем брежневской доктрины, предполагавшей военизацию советской внешней политики в условиях паритета и содержавшей явно ошибочный взгляд на страны «третьего мира» как на потенциально социалистические.

«...Мы противопоставили себя мировому сообществу, нарушили нормы поведения, пошли против общечеловеческих интересов... Поучительно то, что в этом случае были допущены нарушения нашего собственного законодательства, внутрипартийных и гражданских норм этики», — говорил Э. А. Шеварднадзе 23 октября 1989 года на заседании Верховного Совета СССР.

Теперь мы все это знаем, усвоили. Ну а тогда, в семьдесят девятом?

Судя по всему, даже в «узком кругу», то есть в «большой четверке» (во всяком случае, вначале), не было единства мнений по афганскому вопросу. Более умеренную позицию занимали Брежнев и Громыко, двое других придерживались жесткого курса,

причем самым решительным образом был, как утверждают, настроен Андропов, и именно он активно склонялся к военному решению, именно его аргументы в пользу военной акции звучали чаще всего, его голос был самым твердым. Устинов же во всем соглашался с ним.

Об этом говорят люди, которым по роду службы полагалось знать все.

Профессиональный дипломат Андрей Александров-Агентов с 1961 года был помощником Л. И. Брежнева по вопросам международной политики. Андропов после кончины Леонида Ильича, сменив, как водится, «команду» референтов и помощников, сделал исключение только для Александрова-Агента. Как ни удивительно, и следующий лидер — К. У. Черненко, окружив себя «своими», международные вопросы оставил за Андреем Михайловичем. И даже с приходом М. С. Горбачева, когда аппарат был подвергнут значительной перетряске, в судьбе старого политика не изменилось ровным счетом ничего — пока он сам не попросился на отдых.

Если Андрей Михайлович когда-нибудь соберется обнародовать свои воспоминания, то, разумеется, страницы о войне в Афганистане найдут там достойное место. Думается, там он рассказал далеко не все из того, что знает.

— Во-первых, — подчеркнул он, — вся ситуация с Афганистаном, с самого начала событий, возникла для нас внезапно, как снег на голову. Я помню, Леонид Ильич в беседе с кем-то из иностранных гостей сетовал на то, что он и другие руководители страны узнали об Апрельской революции из сообщений корреспондентов. Мы никак не влияли на то,

что там готовилось и произошло. До этого отношения с королевским, а затем даудовским Афганистаном были отличными. Хорошо помню поездку Брежневa туда в 1962 году — в ранге Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Король Мухаммед Захир-шах весьма радушно принимал советского гостя. Бескровный переворот 1974 года, в результате которого М. Дауд сверг своего дядю, ликвидировал монархию и сам возглавил Афганистан, был для нас вполне неожиданным. Но Дауд до этого занимал пост премьер-министра, мы хорошо знали его, и на отношениях между государствами тот переворот практически не отразился. Потом произошла революция — на мой взгляд, типичный военный переворот. Его осуществила сравнительно небольшая группа левацки настроенных офицеров. Взяв власть, они выдвинули лозунги социалистического развития и первым делом обратились к Советскому Союзу с изъявлениями горячей дружбы.

Когда первым лицом стал Амин, события обрели драматическую окраску. Наши товарищи, насколько я знаю, с тревогой наблюдали за тем, что происходит. Кровавые расправы, попытки уничтожить все, связанное с прежним социальным строем, одним махом перескочить в социализм... С осложнением внутренней ситуации Амин впал в панику. Он бомбардировал нас проблемами о вводе войск, и эти просьбы к концу 79-го приняли буквально истерический характер. Обоснования его просьб были надуманными, не убеждали. И надо сказать, члены Политбюро отрицательно отнеслись к этому варианту, не высказывая ни малейшего желания предпринимать что-то подобное. И несостоятельны прозвучав-

шие позже с Запада обвинения Советского Союза в том, что СССР якобы стремился через Афганистан выйти к теплым морям, или насчет политических амбиций советского руководства в связи с афганским вопросом. И хотя Амин нажимал: «Судьба революции на волоске, вы обязаны помочь...», — до последнего момента реакция Брежнева на эти просьбы оставалась отрицательной. Он исходил из своего понимания обстановки, да и по натуре не был сторонником крутых мер. Насколько я знаю, и Громыко не настаивал на вооруженном вмешательстве...

— Инициатива исходила от Андропова?

— По-моему, так. А когда пошла все же речь о посылке в Афганистан войск, никто из наших руководителей, я на сто процентов убежден, не мыслил длительной военной кампании. Расчет — наивный, как теперь выясняется, — был таким: введем войска, и сам этот факт заставит присмиреть противников нового режима.

Тем более все сопровождалось политической акцией — заменой Амина Кармалем, который с самого начала пришел к власти с умеренными лозунгами. Но это все впереди. А пока Амин продолжал настаивать на военной помощи режиму. В это время Бабрак Кармаль писал из Чехословакии, что Амин пытается его ликвидировать и «Парчам» осуждает развязанный Амином террор.

В одно прекрасное утро звоню Андропову: «Юрий Владимирович, как будем реагировать на последние просьбы афганского руководства? Что ответим Амину?» А он мне: «Какому Амину? Там Кармаль со вчерашней ночи, в Кабуле наши войска...»

Мне стало неловко — выгляжу чужаком, ничего не знаю. «Ладно, — говорю, — спасибо, понял вас».

Надежда, что наша армия просто встанет гарнизонами, не оправдалась, в Афганистане она втянулась в военные действия. Это весьма огорчало наше высшее руководство. Брежнев ворчал на военных: «Не смогли все сделать, как положено». Он досадовал: «Вот, черт побери, влипли в историю...»

Впрочем, он как раз в эти годы практически выбыл из строя. Восьмидесятый, восемьдесят первый, тем более восемьдесят второй... На эти годы пришелся пик его болезни. Рабочий день Генерального секретаря продолжался не более трех-четырёх часов. Но он, безусловно, доверял и Громыко, и Устинову, и Андропову. Они вошли в специальную комиссию по Афганистану при Политбюро. Собиралась комиссия, если мне память не изменяет, дважды в неделю, она принимала оперативные решения, а принципиальные вопросы выносила на Политбюро. Практически рекомендации этой комиссии ложились в основу всех принимаемых решений.

20 сентября 1989 года «Литературная газета» опубликовала беседу своего обозревателя Игоря Беляева с членом-корреспондентом АН СССР Анатолием Громыко (сын бывшего министра иностранных дел). В этой публикации содержится утверждение, что Л. И. Брежнев воспринял расправу над Тараки как личное оскорбление. «Своему ближайшему окружению он говорил, что ему нанесена пощечина, за которую он должен ответить». Бывший министр рассказывал, по свидетельству его сына, что «Брежнев был просто потрясен убийством Тараки, который незадолго до этого был его гостем, и считал, что

группировка Амина может пойти на сговор с США». Помимо этого, Андрей Андреевич Громько утверждал: «В 1979 году ни в Политбюро, ни в ЦК КПСС, ни в руководстве союзных республик не было ни одного человека, который возразил бы против удовлетворения просьбы афганской стороны... о военной помощи... Во всяком случае, мне такие мнения были тогда не известны. Сейчас иногда говорят, что такие решения принимались за закрытыми дверями несколькими высокими руководителями страны. Да, так оно на самом деле и было. Это были члены Политбюро. Но затем эти решения Политбюро были единогласно одобрены Пленумом ЦК КПСС... Мое предложение вынести это решение для одобрения Верховным Советом СССР принято Брежневым не было...»

Б. Н. Пономарев: Да, Громько впоследствии признавал, что решение о вводе войск было принято кулуарно. Вы спрашиваете, как же обошли при этом меня, руководившего международной деятельностью ЦК? Ну по части международных вопросов там был министр иностранных дел, которому Брежнев доверял всецело. Со мной никто по этому поводу не советовался. О принятом решении мне никто не сообщил — ни официально, ни полуофициально. Я вам скажу: там Андропов играл большую роль. Его люди нашли в Чехословакии Бабрака Кармаля, подготовили его на роль нового лидера. Брежнев очень доверял Андропову. А я узнал обо всем постфактум. Я не занимался оперативными делами, больше — крупными вопросами теории.

И еще. Наше руководство — это я вам говорю со всей ответственностью — было всерьез обеспокоено

возможностью появления на юге еще одного недружественного нам режима. Боялись новых ракет, нацеленных на нас. Ввели войска для предотвращения агрессии. Я вас уверяю: это не пропагандистский штамп, а отражение реальных настроений руководства. И ведь были уверены: войска встанут гарнизоны, в боевых действиях участвовать не будут...

Судя по всему, мы теперь знаем: окончательное решение ввести в Афганистан войска кремлевская четверка приняла вечером 12 декабря. При этом не подписывали каких-либо документов, не было ни Указа Президиума Верховного Совета ССР, ни других официальных правительственных распоряжений, определявших цели и задачи военных действий. Все указания политического руководства Д. Ф. Устинов доводил до своих коллег устно.

Не обнаружено таких документов и в министерстве обороны. Когда занимавшийся их розыском генерал-лейтенант В. А. Богданов доложил об этом министру обороны Д. Г. Язову, тот не поверил. Но факт: даже в «досье» Совета обороны ничего не найдено... Кроме просьбы Устинова решить вопрос об оплате ратного труда ограниченного контингента советских войск (ОКСВ), вступившего в Афганистан.

(Гай Д., Снегирев В. Вторжение. // Знамя. 1991. Апрель)

УЛЬТИМАТУМ

19 декабря 1981 года в Кремле торжественно отпраздновали 75-летие Леонида Ильича Брежнева — юбилей, которому суждено было стать последним в его жизни. Трудно сказать, насколько доходило до сознания кремлевского вождя то, что происходило вокруг него: больной и немощный после нескольких ударов и инфарктов, с неуправляемыми движениями, со спотыкающейся походкой, со стянутыми, неподвижными мускулами лица, с запинаящейся и невнятной речью, с тяжелым, прерывистым дыханием, он производил тягостное впечатление. Дни рождения были последней отрадой этого впавшего в детство старика. В предыдущем году даже пришлось, дабы не омрачать день рождения, на несколько дней отложить сообщение о смерти премьера Косыгина: он умер как раз накануне назначенного торжества. Брежнев стал сентиментален и плакал при упоминании своего имени, при вручении подарков и орденов. Последних на этот раз было особенно много: помимо советских, он получил высшие ордена стран так называемого социалистического содружества, которые привезли их руководители. Вместе с ними и президент Афганистана Бабрак Кармаль прицепил к лацкану брежневского пиджака афганский орден Свободы. Кремлевский старец обнял благодарного сатрапа, трижды расцеловал его и в очередной раз прослезился.

Заметил ли при этом Брежнев, что среди полученных в ходе празднества орденов не хватало польского, а среди гостей отсутствовал диктатор

Польша Войцех Ярузельский, совершивший неделю назад военный переворот? Генералу было сейчас, конечно, не до юбилеев: хватало дел у себя дома. Но тем не менее он совершал серьезное нарушение византийского церемониала Кремля: сам не приехал, так хоть бы орден прислал... В иные времена Кремль не замедлил бы отреагировать. На сей раз смолчал. Но вовсе не потому, что признавал более либеральные, по сравнению со сталинскими, порядки. Заниматься Ярузельским стало сейчас недосуг. За фасадом славословий и поздравлений увещанному орденами и регалиями, впавшему в детство старику борьба за власть вступила в решающую силу. По сути, здесь, в Москве, положение складывалось ничуть не менее, если даже не более, напряженно, чем в Польше, и хотя сюжет русской пьесы, в отличие от польской, разворачивался не на улицах, а в кабинетах, кремлевский юбилей еще больше стимулировал ее действие.

Что касается Брежнева, то по состоянию здоровья он в этой борьбе почти никак не участвовал. Скорее всего, он даже не заметил отсутствия Войцеха Ярузельского на своем юбилее. Напротив, оказись рядом гордый польский генерал с негнущейся спиной и в темных непроницаемых очках, это выглядело бы диссонансом на кремлевском празднестве и стало бы, вероятно, ложкой дегтя в той бочке меда, которую советский вождь вкушал последний раз в жизни. Ведь именно с этого юбилея и начались зловключения, которые неотступно сопровождали Брежнева уже до самого конца. Ибо как ни удобен был медленно умирающий вождь в качестве ширмы для сложных маневров шефа тайной поли-

ции, Андропов стал под конец проявлять нетерпение и резко изменил тактику: продолжая борьбу с официальными наследниками Брежнева, начал борьбу с ним самим. Когда Брежнев, наконец, умер, в Москве шутили, что Андропов не поменял ему вовремя батарейки. Одно несомненно: могилу предшественнику он начал рыть еще при его жизни, причем первый взмах лопаты сделал как раз в день рождения Брежнева.

Спустя ровно месяц, 19 января 1982 года, первый заместитель Юрия Андропова по Комитету государственной безопасности, муж сестры брежневской жены генерал Семен Кузьмич Цвигун найден у себя в кабинете с простреленной головой. А еще через шесть дней от сердечного приступа неожиданно умирает главный партийный идеолог и распределитель высших должностей в стране Михаил Суслов, который стоял за спиной антихрущевского переворота 1964 года и из рук которого Брежнев получил власть. Менее всего мог рассчитывать на такой же подарок от «серого кардинала» Андропов: идеологический ортодокс предпочитал держать бонапартов на расстоянии от власти, а тем более из тайной полиции. Перед тем как тело Сулова опустили в могилу у Кремлевской стены, неподалеку от могилы Сталина, при котором началась карьера этого самого высокого и тощего в Политбюро человека, Брежнев, поддерживаемый двумя помощниками, тяжело дыша и не очень внятно произнес, прощальное слово над открытым гробом своего покровителя: «Прощаясь с нашим товарищем, я хочу сказать ему: «спи спокойно, дорогой друг, ты прожил великую и славную жизнь». Увы, пожеланию не суждено испол-

ниться: сразу же вслед за смертью Суслова проведена грандиозная чистка партийного и государственного аппарата, из которых удалены 4 тысячи его ставленников.

А в самый день похорон, 29 января, когда кремлевские геронтократы находились на Красной площади, арестован Борис Бурятовский, певец Большого театра, под именем Борис Цыган известный всей Москве купеческими аксессуарами своей жизни — от соболиной шубы и бриллиантового кулона в галстук до зеленого «Мерседеса». При обыске в его квартире найден тайник с бриллиантами, которые, как он показал, принадлежали не ему, а его любовнице Галине Чурбановой. На нее же сослался и арестованный вслед за Борисом Цыганом директор Госцирка Анатолий Колеватов, в чьей квартире обнаружены 200 тысяч долларов в твердой валюте и более чем на один миллион бриллиантов и других драгоценностей. Действительно, оба — близкие приятели Галины Чурбановой еще со времен ее первого супружества с цирковым тренером. Теперь она была замужем за первым заместителем министра внутренних дел СССР генерал-лейтенантом Юрием Чурбановым. Но главное в том, что 53-летняя Галина — дочь Леонида Ильича Брежнева, а ее страсть к антикварным драгоценностям также известна всей Москве.

Надо отдать должное чутью Брежнева: он учитывал возможность государственного переворота и, видя основную опасность в двух параллельных органах, которые располагают собственными войсками, — внутренних дел и госбезопасности, создал сложную систему защиты от обоих ведомств, кото-

рые призваны охранять его власть, но были в силах и посягнуть на нее. Само разделение полиции на явную (МВД) и тайную (КГБ) и соответственное распределение власти взаимно ослабляли обе организации. Стараясь усилить их параллелизм и уравнивая обоих министров, Брежнев обострял трения между ними как личные, так и ведомственные. К примеру, он присвоил звание генерала армии Щелокову и Андропову одновременно: Указы Президиума Верховного Совета СССР были помещены на одной полосе центральных газет. Мало того, он поселил обоих министров рядом в доме на Кутузовском проспекте, дав одному квартиру над собой, а другому под собой: это позволяло постоянно держать их в поле зрения.

(Соловьев В., Клепикова Е. Заговорщики в Кремле. — М., 1991)

МОСКВА, 19 АВГУСТА 1991 ГОДА

Небольшой группой уходим в город, словно ныряем во взбаламученное море. Колонны БТРов и танков, рассекающих потоки машин. Митинги на Манежной, у Дома Советов. Гарь моторов. Исковерканный гусеницами асфальт. Плакаты. Аплодисменты и свист. Мегафонные голоса. Все это — Москва 19 августа 1991 года.

На Тверской офицеры уговаривают двух женщин с плакатами оставить машину. Бесполезно. Столкнись, стащить силой? «Не срамись, капитан!» — кричат с тротуара. БТР трогается, неся на своей броне развернутые плакаты.

У солдат и офицеров виноватые, трагические глаза. О чем думает этот парень в шлеме, глядя из танкового люка на город, который ему придется завоевывать? А этот майор, опустивший взор? Отдых после ратного труда?

Ну как двигаться дальше, как выполнять приказ, не по живым же людям... А они уже лезут на брону, затыкают газетами смотровые щели, кричат, требуют, корят.

Танк вздрагивает, чуть сдвигается его нагретая, жарко дышащая машина. Вздох толпы, крик, люди отпускают машину, отступают перед ней на шаг и снова вцепляются руками в металл. Надо видеть эти внезапно побледневшие лица, стиснутые губы. Любую решимость в глазах. На Новоарбатском мосту танки стоят. А у Библиотеки Ленина две машины пошли на толпу на скорости. Рассыпался народ, криками, проклятиями провожая их.

Город-то каков в летнем своем облике! Изгиб Москвы-реки. Сталинский высотный «торт» вдали. Широко распахнутая громада Дома Советов с его алтарными лестницами. Но бешеная сшибка страстей... На броне люди с поднятыми руками. Два растопыренных пальца — знак виктории, победы. Победа ли? И чья победа?

На Манежной у микрофона ораторы Российского народного фронта. «Фашизм не пройдет!», «КПСС — под суд!» Балконы гостиницы «Москва» забиты людьми. С одного из них машет рукой Жириновский. Одни аплодируют ему, другие свистят. Третьи скандируют: «Долой!», «Козел!»

На Кутузовском останавливают рейсовый «Икарус». Водителю суют обращение «К гражданам России». Растерянно читает, потом открывает двери, выпускает пассажиров и подруливает к обочине. А на Калининском уже толкают троллейбус — зародыш баррикады. Движение перекрыто. Группа парней, сцепившись руками, идет по мостовой к Дому Советов, за ними густеет толпа, вырастает колонна. «Ох, накален народ», — вздыхает кто-то над ухом.

— Все равно не проедешь. Все равно...

Как заклинание, он повторял эти слова, уперевшись жилистыми руками в передок урчавшего танка. На вид ему было лет сорок пять, только, видно, рано начал лысеть — редкие волосы на большой голове слиплись от дождя, прядями падая на глаза. Но руки были заняты танком, и он с ненавистью глядел на железную громадину, не откидывая упавших волос. На руке у него висела обычная авоська с талонным «Дымком» и буханкой черного. Одет он

был в какую-то кофту сизого цвета незатейливой домашней вязки, старые, заношенные брюки и сандалеты на босу ногу.

С белым от страха и напряжения лицом, он словно прирос к танку, не слушая уговоры милиционера, сопровождавшего колонну, и подполковника-комбата. Наконец он повернул к ним голову и, смерив глазами, хрипло выдохнул:

— А ты... отойди, фуфло... Все равно не проедешь.

Танк затрещал, выпустил целую дымовую завесу и дернулся вперед, отбросив мужика сильнейшим толчком. Толпа ахнула, но он, казалось, побелев еще сильнее, снова кинулся к осевшему на тормозе танку и снова уперся в броню.

— Все равно!.. Все равно не проедешь!.. — гаркнул он не кому-нибудь, а именно танку, как некоему живому врагу.

— Отойдите, — тихо и убедительно сказал ему незаметный гражданин в рубашке апаши и, взяв за локоть, потянул в сторону.

— А ты кто такой?! — риторически вопрошал гражданина один из толпы.

— Я из КГБ, — с какой-то напевной нежностью ответил субъект.

— Ну и хромой отсюда! — с ненавистью ответил ему стройный хор голосов.

Все это происходило 19 августа около полудня на спуске к Краснопресненской набережной у подножия лестницы Верховного Совета России.

Вообще это был странный день. Странный своей внутренней раздвоенностью, словно двоевластие, в одночасье сложившееся в городе, получило реаль-

ное, видимое воплощение. С одной стороны — толпы людей, окруживших «Белый дом» (как окрестили резиденцию российского парламента), строивших здесь баррикады, буквально голыми руками останавливавших военную технику. С другой — внешний покой на улицах, очередь за арбузами на Самотеке, водочный «хвост» в переулке. Как будто случившееся разделило людей не только на два лагеря, но и на два биологических вида — зрячих и слепых. И слепые, не ведая, что творится вокруг, продолжают жить прежней покойной жизнью, а зрячие, бросив все дела, отбросив себя прежних, идут на отринутое прошлое.

Прошлое это предстало перед глазами десятков журналистов, допущенных на пресс-конференцию так называемого политического руководства страны, укывшегося за аббревиатурой ГКЧП. Восемь человек, составившие этот неудобозвучный термин советского новояза, сначала продемонстрировали свои аргументы на улицах Москвы. Аргументы, что и говорить, весомые, учитывая вес даже одного танка... В пять часов пополудни они посчитали необходимым подкрепить их изустными объяснениями. Увы, кулак так и остался их единственным убедительным аргументом: явленная на встрече с журналистами беззастенчивая демагогия была настолько неприкрытой, что в зале то и дело звучал смех.

УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ
ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

В связи с действиями группы лиц, объявивших себя Государственным комитетом по чрезвычайному положению, постановляю:

1. Считать объявление комитета антиконституционным и квалифицировать действия его организаторов как государственный переворот, являющийся не чем иным, как государственным преступлением.

2. Все решения, принимаемые от имени так называемого комитета по чрезвычайному положению, считать незаконными и не имеющими силы на территории РСФСР. На территории Российской Федерации действует законно избранная власть в лице Президента, Верховного Совета и Председателя Совета Министров, всех государственных и местных органов власти и управления РСФСР.

3. Действия должностных лиц, исполняющих решения указанного комитета, подпадают под действия Уголовного кодекса РСФСР и подлежат преследованию по закону.

Настоящий Указ вводится в действие с момента его подписания.

Президент РСФСР Б. ЕЛЬЦИН
Москва, Кремль
19 августа 1991 года

УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ
ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

Совершив государственный переворот и отстранив насильственным путем от должности Президента СССР — Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил СССР,

Вице-президент СССР — Янаев Г. И.

Премьер-министр СССР — Павлов В. С.

Председатель КГБ СССР — Крючков В. А.

Министр внутренних дел СССР — Пуго Б. К.

Министр обороны СССР — Язов Д. Т.

Председатель крестьянского союза — Стародубцев В. А.

Первый заместитель председателя Государственного комитета по обороне — Бакланов О. Д.

Президент ассоциации промышленности, строительства и связи — Тизяков А. И.

и их сообщники совершили тягчайшие государственные преступления, нарушив статью 62 Конституции СССР, статьи 64, 69, 70, 70-1, 72 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие статьи Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Изменив народу, Отчизне и Конституции, они поставили себя вне Закона.

На основании вышеизложенного постановляю:

Сотрудникам органов прокуратуры, государственной безопасности, внутренних дел СССР и РСФСР, военнослужащим, осознающим ответствен-

ность за судьбы народа и государства, не желающим наступления диктатуры, гражданской войны, кровопролития, дается право действовать на основании Конституции и законов СССР и РСФСР. Как Президент России от имени избравшего меня народа гарантирую вам правовую защиту и моральную поддержку.

Судьба России и Союза в ваших руках.

Президент РСФСР Б. ЕЛЬЦИН

Москва, Кремль

19 августа 1991 года

(Огонек. 1991. № 35)

ПОСЛЕ ТРАГЕДИИ У ТЕЛЕБАШНИ

Главными объектами нападения в Литве в ночь на 13 января 1991, как известно, стали телебашня и телерадиокомитет. До сих пор в памяти кадры, которые бесстрастно передавала в эфир стационарная телекамера: военные врываются в коридор, дергают ручки закрытых дверей и, увидев огонек работающей камеры, опрокидывают ее. Около двух тысяч литовских журналистов на следующий же день лишились своих рабочих мест.

А что было потом?

Семь месяцев спустя в телецентре, ставшем, по сути, большим караульным помещением, новая «журналистская» команда каждый вечер с 18 до 23 часов вела под охраной автоматов и БТРов свои теле- и радиопередачи. В последний раз вышла в эфир 20 августа. Были зачитаны документы ГКЧП. К телезрителям обратился секретарь ЦК КПЛ генерал-майор А. Науджюнас. Через три дня объекты литовского телевидения были возвращены законным хозяевам.

Зачем штурмовали телецентр?

На этот вопрос до сих пор трудно подыскать однозначный и логически осмысленный ответ. «Чтобы прекратить льющиеся с экрана потоки лжи и дезинформации», — такое расхожее объяснение бытовало в идеологическом клише ЦК КПЛ. Но была ли эта цель достигнута? Телевидение независимой Литвы в Каунасе заработало почти сразу же после 13 января. И хотя на другом канале, сумело охватить вещанием почти всю Литву. Программу так на-

зываемого каспервидения принимало лишь около $1/5$ литовской аудитории.

На телевидении и радио Литвы рассуждают так: лидеры ЦК КПЛ верили, что стоит им лишь заявить с телеэкрана о восстановлении Советской власти в Литве, как это вызовет небывалый энтузиазм сограждан в республике. Надеялись на «всенародную поддержку масс». Поэтому другие телерадиоцентры и ретрансляторы, расположенные в Литве, оставили в покое.

Может быть, эта версия психологически и убедительна. Однако, скорее всего, в январе тех, кто захватывал телецентр, остановила вероятность новых жертв, начини они занимать другие объекты ТВ.

Разумеется, в Литве, где власть, вопреки задуманному, так и не удалось свергнуть, узаконить новообразованное телевидение и радио было невозможно. И тогда взоры ЦК КПЛ обратились к Москве. Спустя несколько дней после трагедии у телебашни в Вильнюсе высаживается десант технических работников Центрального телевидения.

К примеру, Александр Елехин, заместитель директора ТТЦ по радиовещанию, приехал в Вильнюс из Москвы через 12 часов после штурма телебашни и телецентра. Столь срочная командировка не была для него неожиданной. Годом раньше в составе такой же группы «пожарного реагирования» он летал в Баку после того, как там был взорван телецентр. В Вильнюсе под началом Елехина находились семь технических работников. В течение двух суток они наладили оборудование телевидения. Елехин говорит: «Если бы основная часть оборудования теле-

центра не была бы исправлена, вряд ли нам удалось бы управиться в два дня».

По его словам, пострадали в основном редакционные помещения. Несколько раз прорывало водоснабжение.

А вот Радиодом, действительно, пострадал значительно. Почти неделю после 13-го он вообще не охранялся. Если на ТВ репортажные журналистские телекомплекты были вывезены сотрудниками телецентра в Каунас, то в Радиодоме, оставшемся без присмотра, вполне могло пропасть любое оборудование.

Владимир Солодов, начальник АСК-3 технического центра ЦТ, ездил в Вильнюс позже. Его рассказ немногим отличается от рассказа Елехина. Добавим: бригады сменялись каждые две недели, платили по 25 рублей в день.

Леонид Кравченко, тогдашний руководитель Всесоюзной телерадиокомпании, вспоминая сейчас события января, говорит в сердцах: «Конечно, это был чистейший идиотизм! Но наша роль сводилась к восстановлению функционирования телецентра, что мы и делали. К слову, часть оборудования была закуплена на деньги, отпущенные в свое время Гостелерадио СССР. В Вильнюсе были только технические работники. Ни одного журналиста я в Литву не посылал. Делал это умышленно, не желая ввязывать творческий состав в авантюру...»

Действительно, московские журналисты на Литовском ТВР не работали. Правда, заместитель Литовского ТВР Н. Малюкявичюс вспоминает, что в Вильнюсе находился в те дни заместитель председателя Гостелерадио СССР Михаил Сухов. Но он и

в Москве по роду своих обязанностей занимался техническими службами ЦТ.

Тем временем истинные хозяева развернули широкую кампанию протеста. Телевидение независимой Литвы обратилось в различные международные организации, в том числе и в ОИРТ. Представители ОИРТ приезжали в Литву, но в здание их не пустили. 5 февраля на имя Б. Путо было отправлено письмо с требованием вывести из телебашни и телецентра войска МВД, которые к тому времени уже несли караульную службу. 8 февраля аналогичная телеграмма была направлена В. Павлову. 27 февраля — депутатам Верховного Совета СССР: «Наш коллектив надеется, что вы, уважаемые депутаты, поможете решить, наконец, положительно этот вопрос и нам будет возвращено не только здание, но и возмещен ущерб, наказаны виновные».

Во всех случаях ответов не было.

Впрочем, один все же последовал. Накануне майских праздников первый заместитель председателя Всесоюзной телерадиокомпании Валентин Лазуткин прислал телеграмму, в которой было сказано, что «наша компания не имела и не имеет претензий на собственность телевидения и радио Литвы», что «мы не давали никаких оснований для упомянутых вами сообщений в литовской печати о планах по превращению Литовского радио и телевидения в филиал Всесоюзной компании».

Но «планы» и «основания», как выясняется, все-таки были. Ранее Всесоюзная телерадиокомпания узаконила студию «Советская Литва», о чем, кстати, не преминули с гордостью сообщить телезрителям комментаторы захваченного телевидения. Бо-

лее того, начальник Управления технических служб союзного радио и телевидения Валентин Хлебников в одном из писем на независимое Литовское телевидение подтвердил новость о том, что Литовская ассоциация радио и телевидения (ЛАРТ — такую аббревиатуру получило новое телевидение) зарегистрирована 28 мая в Министерстве финансов СССР за номером 39.

Вправе ли было Министерство финансов СССР регистрировать ассоциацию? К сожалению, прояснить ситуацию в самом министерстве не удалось. Отчасти ответил В. Хлебников, когда мы пытались выяснить детали планирования договора с ЛАРТ на аренду технических средств телевидения и радиовещания.

— Минфин, видимо, может зарегистрировать ассоциацию как хозяйственную единицу. Но как средство массовой информации... — здесь Валентин Иванович замялся и добавил: — Эти функции, по моему, должна выполнять другая организация...

Теперь мы можем лишь предполагать, что Минфин испытал жесткое давление со стороны ЦК КПСС, Совета Министров СССР. Иначе он не пошел бы на шаг, очень далекий от законного.

Вопрос, который многих интересует: а из каких, собственно, источников финансировалась новая организация? С москвичами понятно. С ними рассчитывались Всесоюзная телерадиокомпания, Телевизионный технический центр в Останкине. А вот ведущие и комментаторы ЛАРТ, по крайней мере многие, получали зарплату в ЦК КПЛ. Как выяснила газета «Республика», оплата шла через каналы Издательства ЦК КПЛ, которое было захвачено еще

11 января, — иными словами, из партийной кассы.

Проверить эти детали теперь практически невозможно. Когда республиканская комиссия в августе сразу после путча вошла в здание Телерадиокомитета, оборудование по уничтожению бумаг и документов было еще «теплым». Несколько мешков с архивами было вывезено из ЦК КПЛ во время авральной эвакуации партработников.

По предварительным подсчетам, сумма нанесенного ущерба составила 15 миллионов рублей. Сложилась она большей частью из элементарного воровства.

Тот, кто внимательно следил за январскими событиями в Вильнюсе, должен вспомнить, какой переполох вызвали мешки, которые военные выносили из телебашни. Некоторые газеты строили предположение: уж не трупы ли это защитников башни? На самом деле все оказалось куда прозаичнее.

Поступило свидетельство офицера караула.

«...Когда я впервые заступил в караул, на телебашню, то поразился, в какую казарму превратили солидное здание. Офицеры не скрывали, как они выносили по ночам телевизоры, мебель — по частям. Даже не стыдились этого. Основной костяк нашей новой части, дислоцировавшейся в Снечкусе, составляли офицеры, проходившие службу в дивизии МВД СССР, той самой, подразделения которой участвовали в штурме телебашни.

Сейчас принято решение о передислокации части или ее расформировании. И тут некоторые офицеры зашевелились: что делать с украденными телевизорами, мебелью, прочим добром? Везти в личном багаже опасно, вдруг остановит таможня. Тогда да-

ли команду: вещи упаковать и приносить в часть. Отправлять это «добро» решили эшелонам, а его досматривать не будут. Но я не хочу, чтобы ворованное ушло из Литвы. Самое последнее дело для офицера — воровство. На некоторых вещах остались даже инвентаризационные номера, не стерли...»

Уходя в августе, сотрудники столь поспешно зарегистрированной Минфином СССР ассоциации залили пульт кислотой. Половину блоков успели вынуть из пульта, промыли под струей воды, спасли. Но что делать с искореженными микрофонами, обломанными магнитными головками? Разорвано и испорчено около 409 процентов оборудования, аппаратуры.

(Арсеньев В., Лашкевич Н. Заговор против Литвы. // Известия. 1991. 26 ноября)

ШТАБ ОБОРОНЫ «БЕЛОГО ДОМА» — ОСЕНЬ 1993

Ачалов делал ставку на национальные воинские формирования. К такому выводу пришел корреспондент «Огонька» в результате беседы с военным руководителем одного из кавказских государств. Ниже мы приводим монолог этого военного, по понятным причинам пожелавшего остаться неизвестным.

Начальник штаба обороны «Белого дома» генерал Ачалов позвонил в представительство нашей республики около десяти утра 21 сентября. Он заявил, что принято решение о разгоне парламента и штурм Дома Советов назначен на 24 часа 00 минут. Днем, а затем вечером Ачалов попросил помощи от нас людьми и оружием.

Ачалов оказывал нам помощь в проталкивании некоторых наших вопросов в парламенте, и у нас перед ним были некоторые моральные обязательства. Было принято решение помочь Ачалову.

Я был, что называется, пущен вперед и, получив пропуск, прошел в «Белый дом» через 8-й подъезд и поднялся на 13-й этаж в комнату 1341, где находился своего рода штаб. В 22 часа 30 минут подъехали наши ребята. На этот момент вокруг здания стояла толпа в несколько тысяч человек. В штабе обороны «Белого дома» находились Ачалов, начальник штаба полковник Кулясов (подозреваю, что отставной), он постоянно крутился на вертящемся кресле, отвечал на телефонные звонки, пытался их систематизировать, у него, естественно, ни черта не

получалось, он матерился, и все это выливалось в весьма суматошную деятельность. Макашов сидел в другом месте и периодически звонил. При мне он четыре раза звонил по поводу организации туалетов для обороняющихся.

С вечера 21 сентября до утра следующего дня наши люди были единственным боеспособным подразделением обороны «Белого дома». Когда я поднялся наверх, Ачалов обрадовался мне как родному. Внизу были расставлены наши до зубов вооруженные охранники, стоявшие по периметру дома. В мои функции входило проверять посты каждые полчаса и отчитываться перед Ачаловым. Выполнить свои функции я не имел возможности ни разу, поскольку Ачалова в штабе практически не было. Он заглянул туда лишь однажды, спросил: «Как дела?» Я ответил: «Х...о», и он побежал куда-то дальше.

Весь тринадцатый этаж был занят так называемыми силовыми структурами. Один раз туда зашел Баранников, постоянно там находился генерал КГБ Стерлигов. Сначала он куда-то ушел, потом вернулся. Подошел ко мне и сказал: «Вот мы тут сидим, а надо бы телевидение взять». У меня рот был занят пепси-колой, и поэтому я ничего ему не ответил и лишь покрутил пальцем у виска. Минут через десять пришел Лимонов, сел, тупо просидел до трех часов утра и ушел. Около 12 часов появились фашисты Баркашов и Балашов. Поначалу их не восприняли всерьез, хотя в дальнейшем они сыграли весьма значительную роль в событиях. В приемной постоянно находился некий казак, заявивший, что с ним — 400 человек. Он связался с атаманом войска Донского Ратеевым, который, правда, впоследствии

их не поддержал. Прибыл и человек, который утверждал, что он представляет некий симферопольский авиационный полк Черноморского флота.

Рации были только у охраны «Белого дома». Они работали на частоте 20. Мы пришли со своими рациями и работали на 15-й частоте. Через полчаса наши ребята стали переговариваться по рации и спрашивать друг друга: «Мы, что, здесь одни?» Я подозреваю, что так оно и было. Оборонять «Белый дом» именно таким образом — это была совершенно бредовая идея. Где-то в полпервого ночи наш самый главный поднялся наверх и поинтересовался, где, собственно, штурм. Ачалов промычал что-то невнятное. В этот момент он с Баранниковым обсуждал весьма специфическую проблему: как бы им прийти в их министерства и занять министерские кресла. Периодически по коридору пробегал Терехов с криками: «Если нам сейчас не раздадут оружие, то мы немедленно уйдем!» Некий Саша, фамилии и должности которого я так и не узнал, но который руководил там всеми «боевыми действиями», сказал мне, что в «Белом доме» — 350 автоматов АКСУ, 20 пулеметов Калашникова и 4 пулемета КПВТ.

Наш главный сказал, что, если и дальше так пойдет, он разоружит своих людей. В 5 часов утра мы прекратили связь по рации, а в 6 утра мне по радиотелефону велели идти домой спать. Оцепление было снято, и в 6 часов утра 22 сентября в «Белом доме» вообще не было никакой охраны.

Как выяснилось, основная идея Ачалова состояла в привлечении к военному противостоянию национальных воинских формирований. Но после этого

наши люди в военных действиях участия не принимали. Возможно, Ачалов нас и искал, но мы в то время были далеко от Москвы.

Они привлекали тех, кто был им чем-то обязан. Я не могу утверждать, что там были абхазы. Лично я видел около двух десятков ингушей у 20-го подъезда. Потом были привлечены батальон «Днестр» из Тирасполя, батальон «Бендеры», рижский ОМОН, казачьи подразделения — до 200 человек, баркашовцы — до 4000 человек (хотя оружие было не у всех, у них было до 1000 стволов). На Останкино пошли батальон «Днестр» и Баркашов. Инициаторами событий, развернувшихся в воскресенье 3 октября, были Макашов, командир рижского ОМОНа, командир «Днестра» и генерал Тарасов.

Единственное умное решение было принято защитниками «Белого дома» сегодня (запись произведена во второй половине дня 4 октября. — А. К.): снайперы расставлялись по площадям ближе к центру города. Снайперы были рассредоточены на пересечении Садового кольца и Нового Арбата, на высоте на площади Восстания и в доме напротив американского посольства.

(Колесников А. // Огонек. 1993. № 40—41)

РЕЗКИЙ ФУХИМОРИ

Президент Перу Альберто Фухимори, убедившись в невозможности договориться с парламентом, решил проблемы кардинально: 5 апреля 1992 года он распустил его, приостановил действие Конституции, разогнал правительство. «Мы пошли на это, — объяснял глава государства свои действия, — чтобы разрушить псевдодемократический фасад, за которым скрывались политиканство, коррупция, некомпетентность, приведшие к краху, анархии и терроризму».

Эти меры были одобрены большинством перуанцев, но вызвали крайне негативную реакцию за рубежом. США, Англия, Германия, не говоря уже о латиноамериканских странах, расценили демарш Альберто Фухимори как «государственный переворот в законе» и объявили о различных санкциях к отношению Перу.

Однако президент не смутился. Он даже пытался подвести теоретическую базу под свои действия. «Порой просто необходимо временно поступаться принципами демократии, отказаться от буквалистского следования им во имя спасения подлинной демократии и построения истинного демократического общества, — говорил президент в интервью газете «Комерсио». — Демократический процесс — это не учебник и не кодекс поведения, которому надо следовать во что бы то ни стало. Иногда приходится переворачивать страницу назад, чтобы повторить пройденное, с тем чтобы более уверенно двигаться вперед».

Альберто Фухимори не только теоретизировал. Он предложил обществу программу мер, призванных вывести страну из политического кризиса, которую стал успешно реализовывать. В Перу были проведены выборы в Конституционную ассамблею, в ходе которых перуанцы вновь поддержали своего президента, избрав в этот орган его сторонников. Ассамблея разработала проект Основного закона, который был вынесен на общенародный референдум 31 октября 1993 года. И снова Альберто Фухимори одержал победу: более половины избирателей, принявших участие в голосовании, одобрили проект Конституции. И вновь логично, что президент расценил итоги референдума как доверие своей политике. Добавим к этому, что оживилась экономика, снизилась инфляция, несколько сократилась безработица. Перуанские власти наконец-то нанесли решительный удар по террористической организации «Сендеро луминосо». В течение 12 лет она вела настоящую гражданскую войну, унесшую более 27 тысяч жизней.

По мере развития событий в Перу страны, объявившие ранее ей бойкот, стали налаживать нормальные отношения с режимом Фухимори. Смена гнева на милость объяснялась прежде всего тем, что вчерашние оппоненты убедились в его правоте — или, во всяком случае, необходимости предпринятых им шагов — и «простили» перуанского президента.

Примеру Альберто Фухимори пытался было последовать и президент Гватемалы Хорхе Черрано. Но тут произошла осечка: гватемальцы не поддержали его, усмотрев в действиях главы государства

стремление установить в стране режим личной диктатуры. В результате Серрано был вынужден попросить в соседней Панаме политическое убежище. Но и его преемник — Рамиро де Леон Карпио, назначенный на пост главы государства парламентом, не нашел общего языка с законодательной властью. Обвинив депутатов, а также членов Верховного суда в коррупции, он предложил им подать в отставку, чтобы провести внеочередные выборы.

Как и следовало ожидать, парламент и Верховный суд отказались выполнить требование президента, мотивируя свой отказ неконституционностью его действий. Возник серьезный конфликт, продолжавшийся несколько месяцев. В конце концов стороны пришли к соглашению, договорившись провести 30 января референдум по проекту новой Конституции страны.

(Медведенко. А. // Новое время. 1994 № 2)

БЕСПОРЯДКИ В АРМЕНИИ

Вечером 25 сентября 1996 года небо над парламентским дворцом в Ереване вспороли автоматные очереди. Оглушительный грохот взрывпакетов, мощные струи водометов вынудили демонстрантов отступить от здания парламента, но около пяти тысяч человек, своротив металлическую ограду, уже ворвались во дворец. Были в кровь избиты спикер парламента Бабкен Аракцян и его заместитель Ара Саакян, обоих с тяжелыми телесными повреждениями позже доставили в больницу.

Выступивший поздно вечером по ереванскому телевидению министр внутренних дел Армении Ваник Сирадегян охарактеризовал происшедшее как попытку государственного переворота и назвал имена виновных. Среди них кандидат в президенты страны Вазген Манукян, депутаты парламента Аршак Садоян, Давид Варданян и некоторые другие лидеры оппозиции. Министр призвал ереванцев сохранять выдержку и не выходить на улицы.

Между тем со спокойствием в Ереване стало сразу неладно после оглашения предварительных итогов президентских выборов. Оппозиция продолжала настаивать на том, что они грубо сфальсифицированы, а ее лидер Вазген Манукян одержал убедительную победу. Команда Левона Тер-Петросяна, как, впрочем, и международные наблюдатели, признав некоторые погрешности в ходе избирательной кампании, тем не менее не считают их судьбоносными.

По предварительным подсчетам, Тер-Петросян получил чуть более 52 процентов голосов (для побе-

ды требуется более 50), а его соперник — больше 41 процента. Не согласившись с таким раскладом, оппозиция вывела на улицы свыше ста тысяч демонстрантов и провозгласила Манукяна легитимным президентом.

Предвидя возможные осложнения, власти взяли под охрану государственные учреждения, включая президентский дворец и здание парламента, но остановить драматическое развитие событий не удалось. Как рассказал спикер парламента Бабкен Аракцян, после жестокого избиения и учиненного в кабинете погрома его вывели на улицу под удары толпы и, затолкав в какой-то подвал, держали там около часа. И только тяжелое физическое состояние узника вынудило исполнителей этой акции вызвать «скорую помощь» и освободить заложника. Прямым организатором насилия спикер назвал депутата парламента Аршака Садояна и потребовал его ареста.

Выступивший глубокой ночью по армянскому ТВ президент Левон Тер-Петросян объявил о временном запрете на проведение несанкционированных митингов и шествий и призвал народ осудить смутьянов. В город были введены танки, автоматчики перекрыли подступы к объектам государственной значимости. Как сообщил утром 27 сентября министр ВД Ваник Сирадегян, от предупредительного огня, открытого подразделениями внутренних войск, никто не пострадал. Объявлено также об аресте трех организаторов беспорядков, но их имена пока не называются.

Вазген Манукян вышел на политическую сцену в феврале 1988 года. Кандидат физматнаук, тогда

еще скромный преподаватель Ереванского университета, он вошел в комитет «Карабах» вместе с нынешним президентом, стал одним из его лидеров. Впрочем, несколько позже Манукян стал прозрачно намекать на то, что был в комитете главной фигурой, а Тер-Петросян ценил и поддерживал за отменное ораторское искусство, дав ему возможность в полной мере проявить себя в этой ипостаси.

В феврале 1988 года соратники по борьбе за независимость Карабаха были арестованы незабвенным генералом Макашовым и отсидели в «Матросской тишине» полгода. В Армении их встретили как национальных героев, и тогда казалось, что ничто не сможет омрачить отношений двух лидеров. А августе 1990 года Левон Тер-Петросян поздравил своего друга с назначением на пост премьер-министра Армении и всячески поддерживал его реформаторскую деятельность на экономическом поприще.

Первая трещина между ними возникла в 1991 году. Неожиданно для всех премьер-министр попадает в отставку, но получает пост министра обороны.

Лучшие страницы своей политической биографии Вазген Манукян связывает с пребыванием на посту министра обороны, подчеркивая, в частности, «ряд блестящих побед на карабахском фронте». Что, впрочем, решительно опровергает военное ведомство НКР, не видя в том личных заслуг Манукяна.

Покинув в 1993 году Минобороны, Манукян полностью переходит на хорошо освоенное им политическое поприще и становится лидером организованного им Национально-демократического союза. В этом качестве и начинает борьбу за президентское кресло, открыто бросив перчатку Левону Тер-Пет-

росяну. Президент вплоть до последних событий воздерживался от публичных высказываний в адрес своего бывшего соратника, теперь же характеризует его как националиста с изрядной примесью фашизма.

Тем не менее, если судить по стотысячным митингам, которые Манукяну удавалось собирать в последние дни, опора в обществе у него есть. Но в ее основе не столько персона мятежного политика, сколько недовольство людей своим социальным положением, а стало быть, и политикой президента. В отличие от застегнутого на все пуговицы Тер-Петросяна, Манукян более демократичен в общении с людьми, что во многом подыгрывает его имиджу борца за народное счастье.

На состоявшемся накануне штурма парламента митинге Манукян объявил, что уже не видит иного выхода, кроме как силой многотысячных демонстраций вынудить Центризбирком представить народу объективные данные.

Утром 26 сентября собравшиеся на экстренное заседание Национальное собрание республики дало согласие на привлечение к уголовной ответственности ряда депутатов, обвиняемых в попытке совершения государственного переворота.

(Баблумян. С. // Известия. 1996. 26 сентября)

ЧАСТЬ 2. ПОКУШЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ УБИЙСТВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Покушение — умышленное действие, направленное на лишение человека жизни.

Неугодных убирают при помощи пуль, бомб, яда и самых неожиданных приспособлений. Заглянем в словари. По латыни «terror» означат «ужас». Именно в Древнем Риме появился и расцвел террор. Сколько страха наводила на окружающих ухмылка диктатора Суллы, «кровожадного аристократа», как характеризовал его римский историк Тацит. При Сулле погибло почти пять тысяч римских граждан, он истребил целые племена, в том числе самнитов, этрусков.

В Вечном городе убийство было профессией, наградой было имущество жертв. Император Нерон, расправившийся со своей матерью, братом и двумя женами, развязал в Риме кровавую бойню. Покушение — убийство, не доведенное до конца по независящих от исполнителя причинам. Отель «Хилтон» в Вашингтоне. Здесь 30 марта 1981 года было совершено покушение на президента США Рональда Рейгана. В роковой день президент вышел из отеля, он улыбался. Он задержался у лимузина и стал махать левой рукой. В этот момент раздались выстрелы. Шесть выстрелов подряд. Упал пресс-

секретарь Белого дома, рухнул, схватившись за шею, полицейский. Рядом сполз на землю агент секретной службы. Рейган покачнулся — пуля ударила ему в грудь. Охранники бросились к президенту, закрывая его собой, втащили в машину, которая понеслась по улице. Агенты спецслужб набросились на человека, который стрелял в президента. Его звали Хинкли, в день покушения ему было 25, его любимой книгой была «Майн кампф» Гитлера.

Неоднократно совершались покушения и на советских вождей. В том числе и на Иосифа Сталина. Как правило, эти покушения были приурочены к революционным праздникам.

Из воспоминаний генерал-полковника М. С. Докучаева, бывшего начальника 9 Главного управления КГБ СССР:

«В 1941 году террорист несколько дней осуществлял наблюдение на Красной площади за работой сотрудников служб безопасности при проезде из Кремля и по улице Куйбышева автомашин с руководителями партии и правительства. Он примелькался службе охраны, и его стали принимать за своего сотрудника 6 ноября его привезли на Красную площадь на автомашине с оружием, и он представился сотрудником безопасности как назначенный на этот участок для усиления охраны в предпраздничные дни.

Когда из Кремля вышла машина с А. И. Микояном, этот террорист вскочил вовнутрь Лобного места и открыл огонь по автомашине. Он стрелял метко и расчетливо, но пули его оружия отскакивали от брони автомобиля. Водитель, почувствовав удары

по стеклам, быстро свернул к Васильевскому спуску и ушел от обстрела.

В борьбу с террористом вступили майор госбезопасности Степин, капитан Цыба и сержант Вагин. В перестрелке был тяжело ранен в ногу майор Степин (впоследствии генерал-майор, скончался 11 сентября 1989 года). Однако капитан Цыба успел метнуть гранату вовнутрь Лобного места и тяжело ранил бандита. Цыба и Вагин бросились туда и схватили его. Впоследствии он скончался, так и не сказав, кто он такой и по заданию кого совершил этот террористический акт.

Шестого ноября 1942 года в 16 часов начальнику отдела СМЕРШ московского корпуса ПВО полковнику Масленникову позвонили из Управления НКВД г. Москвы: «На Красной площади задержан на месте преступления боец стрелкового полка ПВО Дмитриев. Он сделал попытку террористического акта — стрелял по правительственным машинам из засады у памятника Минину и Пожарскому».

Чаще всего люди, совершающие покушение, — смертники. Они осознают это.

Газета «Едион ахронот» так рисует портрет палестинского камикадзе: «Как правило, он холост, возраст — от 18 до 27 лет, из бедной семьи, чаще всего малообразований или неграмотный. Он или его семья пострадали от оккупации, их унижали поселенцы или солдаты».

Газета приводит конкретные примеры. Так, на глазах у будущей «живой бомбы» девушки Айман Рушди израильские солдаты изуродовали прикладами ее мать.

20-летний Хишам Хамад, совершивший теракт в

Газе, восемь месяцев сидел в тюрьме за то, что бросал камни в патруль, а занялся этим после того, как израильские солдаты убили его друга Али. В тюрьме Хишам попал под влияние шейхов-исламистов, которые потом послали его на смерть.

Перед уходом на самоубийственное задание Хишам записал на аудиокассету прощальные слова: «Дорогие родители, друзья, мои глаза наполняются слезами, а сердце печалью при мысли о том, что я вас покидаю. Простите меня, но встреча с Аллахом лучше, чем эта унижительная жизнь. Никогда не будет мира с убийцами пророков, с сыновьями обезьян и свиней, которые украли наши земли. Боритесь с ними, становитесь мучениками — и вы будете вознаграждены новой достойной жизнью».

«Это результат промывки мозгов», — убежден доктор Ияд Сарадж, руководитель программы психиатрической помощи в секторе Газа. Описывая, как она происходит, парижская газета «Монд» приводит слова подобного Хишаму молодого палестинца — кандидата в террористы: «Шейх обещал мне, что после моей жертвенной гибели я попаду прямо в рай. У меня будет 72 жены-девственницы, я буду сидеть по правую руку от Аллаха. Всем десяти членам моей семьи гарантирована встреча со мной в раю».

Ислам, как и другие мировые религии, запрещает и осуждает самоубийство. Почему же шейхи-хамасовцы берут на себя роль «ангелов смерти», посылая молодежь на верную гибель? «Монд» приводит «теологическое» обоснование, которое сформулировал один из лидеров ХАМАС имам Ахмед Баха: «Такие действия не являются самоубийством, мы

называем их акциями джихада. Коран рекомендует джихад в борьбе против врага. Аллах разрешает ответить врагу ударом на удар. Это месть Аллаха, а не человека. Именно он выбирает героя, который принесет себя в жертву. И никто больше. Воля Аллаха должна исполняться».

На митингах исламистов камикадзе превозносятся как герои. Их портреты изображены на почтовых открытках, брелоках, платках. О них слагаются песни.

Все усилия специальных служб по охране президентов направлены на предотвращение возможных покушений. Вот как выглядела правительственная дача в описании охранника Горбачева:

«Вблизи дачи, в ангаре, стояли два уникальных танка: без пушки, зато с прекрасными качествами вездехода. Внутри уютно: кресла, обстановка напоминает салон президентского самолета. Это — чтобы отсидеться в момент ядерного нападения.

Надежность — даже на случай, если эпицентр взрыва будет у дачи. Оба танка прошли проверку радиацией в районе Чернобыля. Один танк лично для Горбачева, другой — для семьи. Для личной охраны места бы не нашлось.

Правила безопасности не позволяли разместить дачу прямо на реке, хотя место там живописное, «русская Швейцария». Поэтому специально к территории дачи от Москвы-реки был прокопан отводной канал. А чтобы террористы не смогли проникнуть вплавь, на месте соединения канала с рекой под водой были установлены решетки.

Решетки в отводном канале — это еще «цветочки»: дачная территория сплошь была наштигована

аппаратурой, защищающей от незваных визитеров. Аллея — место для ежедневных прогулок — просматривалась видеокамерами. Кругом прожектора. На заборе — сейсмическая сигнализация. Рядом, в полуметре от земли, протянута проволока: если заденешь — мгновенный сигнал на пульте в «дежурке», причем сразу ясно, кто стал причиной тревоги: собака, ворона или человек. В дополнение ко всему — лучевая сигнализация».

Не всегда убийство — основная цель покушения.

В специальных инструкциях для членов «Красных бригад» в Италии дается рекомендация, которая имеет прямое отношение к покушениям: «При нападении стреляй по ногам, чтобы человек хромал...»

«ТОТ, КТО ВХОДИТ В ДОМ ТИРАНА, СТАНОВИТСЯ РАБОМ»

Как мог воевавший против своей сестры Птолемей вступить в войну еще и с войском Цезаря, который шел буквально по пятам за Помпеем! Царь оказался бы в тисках: с одной стороны войска Клеопатры, с другой — римская армия. Легко было предвидеть, что в таком случае Цезарь немедленно договорится с Клеопатрой и признает ее правительницей Египта.

У египтян был еще один выход — схватить Помпея и выдать его Цезарю. В этом случае они поставили бы Цезаря в чрезвычайно затруднительное положение, зато сняли бы с себя ответственность за убийство. Но, как это часто бывает с политиками, стремящимися во что бы то ни стало угодить сильнейшему, египетские сановники проявили излишнее рвение.

Привести в исполнение решение царя и его советников поручили Ахилле, который взял себе в помощники Сальвия и командира Габиниевых солдат Септимия. Оба когда-то сражались под командованием Помпея, а сейчас должны были помочь заманить его в ловушку.

На палубе корабля сгрудились сопровождавшие полководца сановники. Все были встревожены и удивлены, увидев приближавшуюся со стороны берега небольшую лодку. В чем дело? Разве так надлежит принимать именитого гостя? Многие считали, что лучше не ждать подхода лодки, а уходить немедленно.

Между тем лодка была уже близко. Септимий поднялся и прокричал латинское приветствие:

— *Salve, imperator!*

Ахилла обратился к Помпею по-гречески. Он почтительно пригласил полководца сойти в лодку.

— Мы прислали бы за тобой триеру, — сказал он, — но здесь отмели, и она не могла бы подойти к берегу.

В это время Помпей и его спутники заметили, что некоторые египетские корабли заполняются людьми, а на берегу в боевом порядке выстроились вооруженные отряды. К чему они готовятся — к торжественной встрече или предательскому нападению? Но в любом случае о бегстве нечего было и думать. Одна лишь такая попытка стала бы поводом к резне.

Помпей решил сойти в лодку. Он поцеловал плачущую Корнелию и в сопровождении двух центурионов, отпущенника Филиппа и верного раба Скифа, стал спускаться в лодку. Ахилла уже протягивал ему руку, а полководец еще раз обернулся к своим и процитировал по-гречески слова поэта Софокла:

— Тот, кто входит в дом тирана, становится рабом, хотя бы и пришел свободным!

Они плыли уже довольно долго, но никто не сказал Помпею ни слова. Он первый прервал молчание.

— Мне кажется, мы были когда-то товарищами по оружию, — сказал он Септимию.

Но тот лишь кивнул головой. Полководец больше не пытался поддерживать разговор. Он занялся чтением речи на греческом языке, которую приготовил для аудиенции у царя.

Берег был уже близок. Корнелия, внимательно

следившая за тем, что делается в лодке, вздохнула с облегчением. К сходням, где должна была пристать лодка, толпой спешили придворные. Казалось, римлян ждет подобающий прием. Опершись на руку Филиппа, полководец поднялся со скамьи, но в ту же минуту Септимий вонзил меч ему в спину. Сальвий и Ахилла тоже обнажили оружие. Помпей не произнес ни слова. Он закрыл голову тогой и с глухим стоном принимал удары.

На корабле Помпея раздался ужасающий крик. Люди не стали ждать приказаний. Немедленно был поднят якорь. Попутный ветер спас римлян от погони.

Помпей погиб накануне дня своего рождения, когда ему должно было исполниться 58 лет. Полководцу отрубили голову и отнесли ее царю, а труп долго еще лежал на песке, на морском берегу. Вокруг толпились любопытные. Отпущенник Филипп остался у останков своего господина. Когда народ разошелся, он обмыл тело морской водой и надел на него свою тунику. Нигде вокруг не было ни деревца. С большим трудом Филипп нашел на берегу обломки рыбацкого челна и сложил из них скромный погребальный костер. Ему помогал неизвестный человек преклонного возраста, который когда-то служил в легионах Помпея.

Глядя на голову Помпея, Цезарь плакал и горько сетовал. Он вспоминал, что покойный был его зятем; перечислял услуги, которые они когда-то друг другу оказали. А что касается убийц Помпея, то он не только не выказал им благодарности, но даже резко их обвинял. Голову он приказал украсить, тщательно забальзамировать и сохранить. Все это заслужи-

вало бы уважения, но его лицемерие кажется смешным. Ведь с самого начала Цезарь всеми силами стремился к единовластию, а Помпея ненавидел как противника и конкурента. Он действовал во вред Помпею всеми способами, развязал войну, чтобы его погубить, а самому выдвинуться на первое место. И в Египет он прибыл, чтобы окончательно его уничтожить, если бы Помпей был еще жив.

(Кравчук. А. Закат Птолемеев. — М., 1973)

УБЕЙ ТОГО, КТО СОВЕРШИЛ ВЕЛИЧАЙШЕЕ!

В Македонии существовали обычаи весьма странного склада. Кто не убил еще ни одного врага, должен был ходить подпоясанный недоуздом; кто не убил еще ни одного кабана в открытом поле, не имел права возлежать на пиру, но должен был сидеть; при похоронах дочь умершего должна была тушить костер, на котором был сожжен труп. Существует рассказ, что трофеи первой победы, одержанной Пердиккой над туземными племенами, были по воле богов в течение ночи опрокинуты львом в знак того, что тут не враги побеждены, а приобретены друзья, и с тех пор у македонян так и осталось обычаем не воздвигать трофеев по случаю победы над врагами, этого не делали ни Филипп после дня при Херонее, ни Александр после победы над персами и индусами.

В самые годы этих побед Аристотель пишет: «Из греческих земель царская власть сохранилась только в Спарте, у малоссов, и в Македонии — у спартанцев и малоссов, потому что ее прерогативы были так ограничены, что царям больше не завидовали». Между тем как везде в других местах царская власть, забывшая найти себе опору в простом народе, была вытеснена развитием аристократии; между тем как впоследствии даже простой народ, долго бывший исключенным от всякого участия в руководстве общественной жизнью и терпевший гнет, восстал, наконец, против этой аристократии, отнял у знатных родов их преимущества и низвел

их к равноправности демократической общинной жизни, — Македония сохранила свою исконную царскую власть, так как здесь в отношениях между сословиями не успели развиться элементы столкновений и ненависти; «превосходя всех богатством и уважением», говорит Аристотель, здесь сохранилась старинная царская власть.

Опасности здесь были другого рода. Царская власть принадлежала царскому роду; но престолонаследие в нем не было установлено настолько прочно, чтобы им заранее устранялось всякое сомнение и неудовольствие. Чем свободнее здесь была царская власть, тем более требовала она личной энергии и дел от того, кто являлся ее носителем; весьма часто бывало так, что малолетнему, неспособному или бездеятельному наследнику престола приходилось уступить свое место более энергичному родному или двоюродному брату; таким образом по смерти Александра I Филэллина его младший сын Пердикка II не успокоился до тех пор, пока не устранил своих старших братьев: Аминту, Филиппа и Анкета; таким образом сын Пердикки Архелай, родившийся в незаконном браке, вытеснил законного наследника и умертвил его, когда тот был еще ребенком. В других случаях простазия, организованная форма опеки, давала в руки средства для узурпации.

Таково было положение дел, когда в 359 году вступил на престол Филипп, сперва вместо малолетнего сына Пердикки, Аминты. Он — вероятно, со смертью Птолемея — уже возвратился на родину; по соглашению, вступить в которое Пердикке посоветовал Платон, ему было дано удельное княжест-

во; войска, которые он там держал, стали его первой точкой опоры. Опасность была велика: страну заняли иллирийцы и пэоны; явились старшие претенденты, Аргей и Павзаний, поддерживаемые Афинами и фракийскими князьями; три незаконных сына его отца требовали престола. Поддерживаемый пошедшей навстречу его желанием страной, Филипп преодолел первые затруднения; его осторожность, ум и решительность спасли царство от иллирийцев, фракийцев и пэонов, престол — от претендентов, а царский дом — от новых интриг и смут. И когда афиняне, ценою признания их притязаний на Амфиполь имевшие глупость отказаться от общего дела борьбы против него, были обеспокоены его успехами и, чтобы сломить силу Македонии единовременным вторжением варваров с трех сторон, заключили оборонительный и наступательный союз с иллирийцем Грабом, пэоном Липпеем и фракийцем Кетрипорисом и его братьями, — Амфиполь был уже взят, и граждане перешли на сторону Филиппа; он быстро появился на границах, а далеко еще не готовые к войне варвары должны были поспешно покориться.

«Когда мой отец вступил на престол, — говорит у Арриана Александр взбунтовавшимся в 324 году в Опесе македонянам, — вы были кочевниками, нищими, одетыми в шкуры, вы пасли в горах овец и едва могли отбивать их от соседних иллирийцев, фракийцев и трибаллов; он дал вам хламиду солдата, свел вас в равнину и научил быть равными в бою с соседними варварами». Конечно, уже ранее в случае войны в поле выходил всякий способный носить оружие македонянин, чтобы по окончании войны

снова возвратиться к своему плугу или очагу. Опасное положение, при котором вступил на престол Филипп, войны, которыми он, особенно в первые годы своего царствования, должен был защищать подвергнутую отовсюду угрозе страну, дали ему повод снова взяться за дальнейшее продолжение дела, начатого уже царем Архелаем и снова уничтоженного последовавшими за его царствованием внутренними смутами. Опираясь на обязательность военной службы, он создал национальное войско, которое, возрастая все более и более, наконец, насчитывало в себе 40 000 человек.

Характер и образ действий царя становятся понятными только в общей связи целого. Стоя в центре противоречий и противоположностей самого разнообразного характера, грек относительно своего народа, македонянин для греков, Филипп превосходил первых греческою хитростью и коварством, вторых — македонскою грубостью и энергией, а тех и других — ясным пониманием своих целей, строгой логикой в проведении своих планов и быстротой и тайной исполнения. Он умел всегда оставаться загадкой для своих противников, являться им всегда иначе, не с той стороны и не в том направлении, как они ожидали. Склонный от природы к сладострастию и наслаждениям, он был так же несдержан, как и непостоянен в своих привязанностях; часто он, по видимому, находился вполне во власти своих страстей, а между тем во всяком данном случае был их полным господином, трезвым и холодным, как этого требовали его цели, и можно сомневаться, где более проявлялась его истинная натура: в добродетелях или в его ошибках. В нем, как в одной картине, от-

ражаются образованность его века, его лоск, ум, фривольность и его смесь великих идей и утонченной изворотливости.

Решительной его противоположностью была его супруга Олимпиада, дочь эпирского царя Неоптелема, происходившего из рода Ахилла. Филипп в свои молодые годы познакомился с ней при праздновании мистерий в Самофракии и женился на ней с согласия ее опекуна и дяди Ариввы. Прекрасная собой, необщительная, полная внутреннего огня, она была горячо предана таинственному служению Орфея и Вакха и темному волшебству фракийских женщин; во время ночных оргий, гласит предание, она впереди всех носилась по горам в диком исступлении, потрясая фирсом и змеей; в ее снах повторялись те же фантастические картины, которыми был полон ее ум; за день до свадьбы, гласит предание, она видела во сне, что вокруг нее шумит грозная буря, что яркая молния ударила в ее чрево, что затем из него блеснул яркий огонь, пожирающее пламя которого широко распространилось и затем исчезло.

Когда предание говорит нам, что в ночь, когда родился Александр, кроме многих других знамений, сгорел в Эфесе храм Артемиды, который с Мегабизом, стоявшим во главе своих евнухов и иеродулов, был для эллинов настоящим восточным святилищем, что затем весть о рождении сына царь Филипп получил одновременно с известием о трех победах, то в форме сказки оно выражает общий смысл богатой подвигами жизни героя и идею великой связи между событиями лучше, чем это часто тщетно старалась указать наука, а еще чаще преувеличивала.

Не менее важным обстоятельством было и то, что

учителем юного царевича был Аристотель — величайший мыслитель древности (345—344). Когда у него родился сын, Филипп спросил его об этом, и Аристотель будто бы отвечал: «Меня радует не то, что он родился, но то, что он родился в твоё время; выращенный и воспитанный тобой, он будет достоин нас и не посрамит положения, которое впоследствии будет его наследием». Тот, который завоевал мир для мысли, воспитал того, кто должен был завоевать его мечом, ему подобает слава внушения страстному мальчику зародышей и шири мысли, мыслей о величии, научивших его презирать наслаждение и бежать от сладострастия, облагородивших его страсти и придавших его силе меру и глубину. Александр всю свою жизнь сохранил самое сердечное уважение к своему учителю, своему отцу он обязан только жизнью, говорил он, своему учителю — тем, что он живет достойно.

Отец, по-видимому, без зависти видел в сыне будущего завершителя своих планов; после стольких потрясений, которых стоило стране престолонаследие в царском доме, он будет спокоен за её будущность, когда рядом с ним стоит наследник, достойный высших задач, ожидающих будущего царя, которому, как, он выражался «Македония будет мала» и которому «не придется, как ему, раскаиваться во многом, чего уже более не изменить».

Но затем начались раздоры между отцом и сыном: Александр видел, что Филипп пренебрегает его матерью и предпочитает ей фессалийских танцовщиц и греческих гетер; затем царь даже избрал себе вторую супругу из знатных дочерей страны, племянницу Атгала Клеопатру. Свадьба, как рассказы-

вают, праздновалась по македонскому обычаю — с блеском и шумом; пили и смеялись; все уже были возбуждены вином; тогда Аттал, дядя молодой царицы, воскликнул: «Македоняне, просите богов благословить чрево вашей царицы и подарить стране законного наследника престола!» Александр был при этом; в жестоком гневе он крикнул ему: «А меня ты считаешь незаконным, негодяй?» — бросил в него кубком. Царь вскочил в ярости, выхватил висевший у бедра меч и бросился, чтобы пронзить сына; вино, ярость и полученная им при Херонее рана сделали его шаги неверными; он закачался и упал на землю. Друзья поспешили удалить Александра из зала. «Смотрите, друзья, — сказал он выходя, — мой отец хочет идти из Европы в Азию, а не может пройти от стола до стола». Вместе со своею матерью он покинул Македонию; она отправилась в Эпир, на свою родину, а он поехал далее к иллирийцам.

Вскоре после этого в Пеллу приехал коринфский друг царя Демарат; после первого приветствия царь спросил, что делается среди эллинов и живут ли они в мире и согласии? Друг отвечал с благородной откровенностью: «О царь, зачем ты спрашиваешь о мире и согласии в греческих землях, когда свой собственный дом ты наполнил неудовольствием и ненавистью и удалил от себя тех, кому надлежало бы быть тебе всего ближе и милее!». Царь молчал: он знал, как был любим Александр, чем он считался и чем он был; он боялся подать грекам повод к худым толкам и, быть может, к еще худшим планам. Сам Демарат должен был взять на себя посредничество; скоро отец с сыном помирились, и Александр вернулся.

Но Олимпиада не забыла, что она была презренна и отвергнута; она осталась в Эпире и склонила своего брата поднять оружие против Филиппа и освободиться от зависимости от него. Вероятно, она не переставала предупреждать и раздражать своего сына. Поводов к неудовольствию было достаточно: Аттал и его друзья везде занимали первое место. Но когда посланным карийского династа Никсодора, добивавшимся союза с Филиппом и предлагавшим ему породниться домами, был в мужья дочери династа предложен Арридей, сын царя от фессалиянки, Александру оставалось только предположить, что подвергаются опасности его права на престол. Друзья его были того же мнения, они советовали ему решительно и с величайшей поспешностью противодействовать планам царя. Доверенный человек, актер Фессал, был послан сказать карийскому династу, что пусть он не отдает своей дочери слабоумному незаконному сыну, но что Александр, законный сын царя и будущий наследник престола, готов сделаться зятем такого могущественного князя. Филипп узнал об этом деле и до крайности рассердился; в присутствии молодого Филота, одного из друзей Александра, он упрекнул его в нечестности, недоверии и скрытности; он недостоин своего высокого рождения, своего счастья, своего призвания, если не стыдится жениться на дочери карийца, на рабыне варварского царя. Друзья, давшие этот совет Александру, — Гарпал, сын Птолемея Лага Неарх, братья Эригий и Лаомедонт — были удалены от двора и из страны; от Коринфа была потребована выдача Фессала.

Отношения Молосса к Македонии не могли оста-

ваться такими непрочными; его лояльность была куплена предложением, которое было для него почетным и в то же время гарантировало ему его власть. Филипп обручил с ним свою дочь от Олимпиады Клеопатру, свадьба должна была совершиться еще осенью того же года; эту свадьбу царь решил отпраздновать с величайшей пышностью и сделать ее в то же время праздником объединения всех эллинов и общим освящением персидской войны, ведь на его вопрос, победит ли он персидского царя, дельфийский бог отвечал ему: «Видишь, бык увенчан; конец близок; жертвоприноситец готов».

В числе находившихся при дворе знатных юношей был некто Павзания, отличавшийся красотой и пользовавшийся большой любовью царя. Жестоко оскорбленный Атталом на одном пиру, он обратился в величайшем негодовании к царю, который, хотя и отнесся с порицанием к поступку Аттала, но ограничился тем, что постарался смягчить оскорбленного юношу подарками и принял его в число своих телохранителей. После этого царь женился на племяннице Аттала, а Аттал — на дочери Пармениона; Павзания терял всякую надежду отомстить за себя; тем глубже засела в нем досада, жажда мести и ненависть к тому, который лишил его этой надежды. В своей ненависти он был не одинок; линкистийские братья не забыли, чем были их отец и брат, они вступили в тайные сношения с персидским царем и были тем опаснее, чем менее они таковыми казались. Незаметно недовольных собиралось все более и более, софист Гермократ разжигал пламя ядом своих искусных речей, он вошел в доверие к Павзании. «Как можно достигнуть величайшей славы?» —

спросил юноша. «Убей того, кто совершил величайшее», — был ответ софиста.

Наступила осень, а с ней и свадебное празднество; свадьба должна была праздноваться в Эгах, прежней резиденции, с того времени, как расцвела Пелла, оставшихся местом погребения царей. Гости стекались со всех сторон: из Греции с большой пышностью прибыли Феоры, многие с золотыми венками для Филиппа, съехались князья агрианов, пэонов и одризов, вельможи государства, знатное дворянство страны и несметная масса народа. Среди громких ликований, приветствий и почетных приношений, среди торжественных процессий и пиров проходит первый день: герольды приглашают на следующее утро в театр. Еще не рассвело, а уже пестрая толпа суетливо спешила по улицам к театру; окруженный пажами и телохранителями, приближается, наконец, в праздничном одеянии царь; он посылает свиту вперед в театр, считая, что не нуждается в ней среди ликующей толпы. Тут на него бросается Павзания, поражает его кинжалом в грудь и, пока царь падает, кидается к ожидающим его у ворот лошадям; на бегу он спотыкается и падает; Пердикка, Леоннат и другие телохранители нагоняют и закалывают его.

(Дройзен. И. История эллинизма. — Ростов-на-Дону, 1995)

РАЗВЕ МОЖНО УБИТЬ ДЕТЕЙ?

Из воспоминаний «великого террориста» Бориса Савинкова о покушениях на генерал-губернатора Москвы.

«Начиная дело великого князя Сергея, мы пользовались опытом покушения на Плеве. Московский комитет должен был располагать некоторыми ценными сведениями о генерал-губернаторе. Мы предпочли отказаться от них: мы не вступали в какие бы то ни было отношения с комитетскими работниками. Степень конспиративности и революционной опытности последних лет нам известна, мы боялись знакомством с ними навести полицию на след нашего покушения. Поэтому московский комитет долгое время не подозревал, что в Москву прибыли и работают члены боевой организации. Мы же, полагаясь на собственные силы, самостоятельно начали наблюдения.

Предстояло прежде всего узнать, где живет генерал-губернатор. Это было известно каждому москвичу, но ни один из нас москвичом не был. Мы колебались, какой из дворцов великого князя взять исходной точкой для наблюдения: генерал-губернаторский дом на Тверской, Николаевский или Нескучный дворец. В адрес-календаре мы не могли найти указаний, спросить же нам было не у кого, если не у членов московского комитета.

Моисеенко разрешил эту задачу. Он поднялся на колокольню Ивана Великого и начал расспрашивать сопровождавшего его сторожа о достопримечательностях Москвы. В разговоре он попросил указать

ему дворец генерал-губернатора. Сторож указал на Тверскую площадь и сообщил, что великий князь живет именно там.

Таким образом, мы узнали нужный нам адрес. Теперь предстояло установить выезды великого князя. Моисеенко и Каляев купили лошадей и сани и записались извозчиками. Я не сомневался, что Каляев справится со своей задачей: его опыт уличного торговца должен был ему помочь и на извозничьем дворе. Но Моисеенко не имел опыта. Кроме того, он происходил из состоятельной семьи и не привык ни к физическому труду, ни к тяжелым условиям жизни. Несмотря на это, он очень быстро освоился со своим положением.

Моисеенко и Каляев купили сани в одно и то же время и за лошадей заплатили те же деньги, но во всем, даже по внешности, значительно отличались друг от друга.

Моисеенко ездил на заезженной, захудалой лошаденке, которая кончила тем, что упала за Тверской заставой. Сани у него были подержанные и грязные, полость рваная и облезлая. Сам он имел вид нищего московского Ваньки. У Каляева была сытая, крепкая лошадь, сани были с меховой полостью. Он подпоясывался красным шелковым кушаком, и в нем нетрудно было угадать извозчика-хозяина. Зато на дворах их роли менялись. Моисеенко почти не давал себе труда надевать маску. На расспросы извозчиков о его биографии он не удостоивался отвечать; по воскресеньям уходил на целый день из дому; для мелких услуг и для ухода за лошадью нанимал босяка; с дворником держал себя независимо и давал понять, что имеет деньги.

Такой образ действий приобрел ему уважение извозчиков. Каляев держался совсем другой точки. Он был застенчив и робок, подолгу и со всевозможными подробностями рассказывал о своей прежней жизни лакея в одном из петербургских трактиров, был очень набожен и скуп, постоянно жаловался на убытки и прикидывался дурачком там, где не мог дать точных и понятных ответов. На дворе к нему относились с оттенком пренебрежения и начали его уважать много позже, только убедившись в его исключительном трудолюбии: он сам ходил за лошадью, сам мыл сани, выезжал первый и возвращался на двор последним. Как бы то ни было, и Каляев, и Моисеенко разными путями достигли одного и того же: их товарищи-извозчики, конечно, не могли заподозрить, что оба они не крестьяне, а бывшие студенты, члены боевой организации, наблюдавшей за великим князем Сергеем.

С конца января мы стали готовиться к покушению. Каляев продал сани и лошадь и уехал в Харьков, чтобы скрыть следы своей извозничьей жизни и переменить паспорт. Вот что он писал от 23 января Вере Глебовне С.:

«Вокруг меня, со мной и во мне сегодня ласковое сияющее солнце. Точно я оттаял от снега и льда, холодного уныния, унижения, тоски по несовершенном и горечи от совершающегося. Сегодня мне хочется только сверкающего неба, немножко тепла и безотчетной радости изголодавшейся душе. И я радуюсь, сам не зная чему, беспредметно и легко, хожу по улицам, смотрю на солнце, на людей и сам себе удивляюсь, как это я могу так легко переходить

от впечатлений зимней тревоги к самым уверенным предвкушениям весны. Еще несколько дней тому назад, казалось мне, я изнывал, вот-вот свалюсь с ног, а сегодня я здоров и бодр. Не смейтесь, бывало хуже, чем об этом можно рассказывать, душе и телу, холодно и неприветливо и безнадежно за себя и других, за всех вас, далеких и близких. За это время накопилось так много душевных переживаний, что минутами просто волосы рвешь на себе... Мы (боевая организация) слишком связаны и нуждаемся в большей самостоятельности. Таков мой взгляд, который я теперь буду защищать без уступок, до конца.

Может быть, я обнажил для вас одну из самых больных сторон пережитого нами?.. Но довольно об этом. Я хочу быть сегодня беззаботно сияющим, бестревожно радостным, веселым, как это солнце, которое манит меня на улицу под лазуревый шатер нежно-ласкового неба. Здравствуйте же, все дорогие друзья, строгие и приветливые, бранящие нас и болеющие с нами. Здравствуйте, добрые, мои дорогие детские глазки, улыбающиеся мне так же наивно, как эти белые лучи солнца на тающем снегу».

Мы колебались, в какой именно день назначить покушение.

Следя за газетами, я прочел, что 2 февраля должен состояться в Большом театре спектакль в пользу склада Красного Креста, находившегося под покровительством великой княгини Елизаветы Федоровны. Великий князь не мог не посетить театр в этот день. Поэтому на 2 февраля и было назначено покушение. Дора Бриллиант незадолго перед этим

уехала в Юрьев и там хранила динамит. Я съездил за ней, и к февралю вся организация была в сборе в Москве, считая в том числе и Моисеенко, оставшегося все время извозчиком.

Дора Бриллиант остановилась на Никольской в гостинице «Славянский Базар». Здесь днем 2 февраля она приготовила две бомбы: одну для Каляева, другую для Куликовского. Было неизвестно, в котором часу великий князь поедет в театр. Мы решили поэтому ждать его от начала спектакля, т. е. приблизительно с 8 часов вечера. В 7 часов я пришел на Никольскую к «Славянскому Базару», и в ту же минуту из подъезда показалась Дора Бриллиант, имея в руках завернутые в плед бомбы. Мы свернули с нею в Богоявленский переулок, развязали плед и положили бомбы в бывший со мной портфель. В Большом Черкасском переулке нас ожидал Моисеенко. Я сел к нему в сани и на Ильинке встретил Каляева. Я передал его бомбу и поехал к Куликовскому, ожидавшему меня на Варварке. В 7 часов вечера обе бомбы были переданы, и с 8 часов вечера Каляев стал на Воскресенской площади, у здания Городской Думы, а Куликовский — в проезде Александровского сада. Таким образом, от Никольских ворот великому князю было только два пути в Большой театр — либо на Каляева, либо на Куликовского. И Каляев, и Куликовский были одеты крестьянами, в поддевках, картузах и высоких сапогах, бомбы их были завернуты в ситцевые платки. Дора Бриллиант вернулась к себе в гостиницу. Я назначил ей свидание, в случае неудачи, в 12 часов ночи, по окончании спектакля. Моисеенко уехал на извозничий двор.

Я прошел в Александровский сад и ждал там взрыва.

Был сильный мороз, подымалась вьюга. Каляев стоял в тени крыльца Думы на пустынной и темной площади. В начале десятого часа от Никольских ворот показалась карета великого князя. Каляев тотчас узнал ее по белым и ярким огням ее фонарей. Карета свернула на Воскресенскую площадь, и в темноте Каляеву показалось, что он узнает кучера Рудинкина, всегда возившего именно великого князя. Тогда, не колеблясь, Каляев бросился навстречу и наперерез карете. Он уже поднял руку, чтобы бросить снаряд. Но, кроме великого князя Сергея, он неожиданно увидал еще великую княжну Елизавету и детей великого князя Павла — Марию и Дмитрия. Он опустил свою бомбу и отошел. Карета остановилась у подъезда Большого театра.

Каляев прошел в Александровский сад. Подойдя ко мне, он сказал:

— Я думаю, что я поступил правильно: разве можно убить детей?

От волнения он не мог продолжать. Он понимал, как много он своей властью поставил на карту, пропустив такой единственный для убийства случай: он не только рискнул собой — он рискнул всей организацией. Его могли арестовать с бомбой в руках у кареты, и тогда покушение откладывалось бы надолго. Я сказал ему, однако, что не только не осуждаю, но и высоко ценю его поступок. Тогда он предложил решить общий вопрос, вправе ли организация, убивая великого князя, убить его жену и племянников. Этот вопрос никогда не об-

суждался нами, он даже не подымался. Каляев говорил, что, если мы решим убить всю семью, то он на обратном пути из театра бросит бомбу в карету, не считаясь с тем, кто будет в ней находиться. Я высказал ему свое мнение: я не считал возможным такое убийство».

(Б. Савинков. Воспоминания террориста. — М., 1991)

«Я БЫЛ ЗАХВАЧЕН ВИХРЕМ ВЗРЫВА»

«Было решено, что мы предпримем покушение на великого князя Сергея на этой же неделе, — вспоминал лидер эсеров Борис Савинков. — 2 февраля была среда. Моисеенко, наблюдая за великим князем, утверждал, что в последний раз он выехал в свою канцелярию в понедельник. Зная привычки великого князя, мы пришли к заключению, что 3, 4 или 5 февраля он непременно поедет в генерал-губернаторский дом на Тверской.

Каляев, простившись со мной, прошел, по условию, к иконе Иверской Божией матери. Он давно, еще раньше, заметил, что на углу прибита в рамке из стекла лубочная патриотическая картина. В стекле этой картины, как в зеркале, отражался путь от Никольских ворот к иконе. Таким образом, стоя спиной к Кремлю и рассматривая картину, можно было заметить выезд великого князя. По условию, постояв здесь, Каляев, одетый, как и 2 февраля, в крестьянское платье, должен был медленно пойти навстречу великому князю, в Кремль. Здесь он, вероятно, увидел то, что увидел я, т. е. поданную к подъезду карету и кучера Рудинкина на козлах. Он, считая по времени, успел еще вернуться к Иверской и повернуть обратно мимо Исторического музея через Никольские ворота в Кремль, к зданию суда. У здания суда он встретил великого князя.

«Против всех моих забот, — пишет он в одном из писем к товарищам, — я остался 4 февраля жив. Я бросал на расстоянии четырех шагов, не более, с

разбега, в упор, я был захвачен вихрем взрыва, видел, как разрывалась карета. После того, как облако рассеялось, я оказался у остатков задних колес. Помню, в меня пахнуло дымом и щепками прямо в лицо, сорвало шапку. Я не упал, а только отвернул лицо. Потом увидел шагах в пяти от себя, ближе к воротам, комья великокняжеской одежды и обнаженное тело... Шагах в десяти за каретой лежала моя шапка, я подошел, поднял ее и надел. Я огляделся. Вся поддевка моя была истыкана кусками дерева, висели клочья, и она вся обгорела. С лица обильно лилась кровь, и я понял, что мне не уйти, хотя было несколько долгих мгновений, когда никого не было вокруг. Я пошел... В это время послышалось сзади: «Держи, держи!», — на меня чуть не наехали сыщицьи сани, и чьи-то руки овладели мной. Я не сопротивлялся. Вокруг меня засуетились городской, околоток и сыщик противный... «Смотрите, нет ли револьвера, ах, слаба Богу, и как это меня не убило, ведь мы были тут же», — проговорил, дрожа, этот охранник. Я пожалел, что не могу пустить пулю в этого доблестного труса. «Чего вы держите, не убегу, я свое дело сделал», — сказал я... (я понял тут, что я оглушен). «Давайте извозчика, давайте карету». Мы поехали через Кремль на извозчике, и я задумал кричать: «Долой проклятого царя, да здравствует свобода, долой проклятое правительство, да здравствует партия социалистов-революционеров!» Меня привезли в городской участок... Я вошел твердыми шагами. Было страшно противно среди этих жалких трусишек... И я был дерзок, издевался над ними. Меня перевезли в Якиманскую часть, в арестный дом. Я заснул крепким сном...»

Событию 4 февраля посвящена статья в № 60 «Революционной России». Самое событие, со слов очевидцев, представляется в таком виде:

«Взрыв бомбы произошел приблизительно в 2 ч. 45 мин. Он был слышен в отдаленных частях Москвы. Особенно сильный переполох произошел в здании суда. Заседания шли во многих местах, канцелярии все работали, когда произошел взрыв. Многие подумали, что это землетрясение, другие, — что рушится старое здание суда. Все окна по фасаду были выбиты, судьи, канцеляристы попадали со своих мест. Когда через десять минут пришли в себя и догадались, в чем дело, то многие бросились из здания суда к месту взрыва. На месте казни лежала бесформенная куча, вышиной вершков в десять, состоявшая из мелких частей кареты, одежды и изуродованного тела. Публика, человек тридцать сбежавшихся первыми, осматривала следы разрушения; некоторые пробовали высвободить из-под обломков труп. Зрелище было подавляющее. Головы не оказалось; из других частей можно было разобрать только руку и часть ноги. В это время выскочила Елизавета Федоровна в ротонде, но без шляпы, и бросилась к бесформенной куче. Все стояли в шапках. Княгиня это заметила. Она бросалась от одного к другому и кричала: «Как вам не стыдно, что вы здесь смотрите, уходите отсюда!». Лакей обратился к публике с просьбой снять шапки, но ничто на толпу не действовало, никто шапки не снимал и не уходил. Полиция же это время, минут тридцать, бездействовала — заметна была полная растерянность. Товарищ прокурора судебной палаты, безучастно и растерянно крадучись, прошел из

здания мимо толпы через площадь, потом раза два на извозчике появлялся и опять исчезал. Уже очень нескоро появились солдаты и оцепили место происшествия, отодвинув публику».

Официальный источник так описывает смерть великого князя: «4 февраля 1905 года в Москве, в то время, когда великий князь Сергей Александрович проезжал в карете из Никольского дворца на Тверскую, на Сенатской площади, в расстоянии 65 шагов от Никольских ворот, неизвестный злоумышленник бросил в карету его высочества бомбу. Взрывом, происшедшим от разорвавшейся бомбы, великий князь был убит на месте, а сидевшему на козлах кучеру Андрею Рудинкину были причинены многочисленные тяжкие телесные повреждения. Тело великого князя оказалось обезображенным, причем голова, шея, верхняя часть груди, с левым плечом и рукой, были оторваны и совершенно разрушены, левая нога переломана, с раздроблением бедра, от которого отделилась нижняя его часть, голень и стопа. Силой произведенного злоумышленником взрыва кузов кареты, в которой следовал великий князь, был расщеплен на мелкие куски, и, кроме того, были выбиты стекла наружных рам близлежащей к Никольским воротам части здания судебных установлений и расположенного против этого здания арсенала».

Из Якиманской части Каляева перевели в Бутырскую тюрьму, в Пугачевскую башню. Через несколько дней его посетила жена убитого им Сергея Александровича великая княгиня Елизавета Федоровна.

«Мы смотрели друг на друга, — писал об этом

свидании Каляев, — не скрою, с некоторым мистическим чувством, как двое смертных, которые остались в живых. Я — случайно, она — по воле организации, по моей воле, так как организация и я обдуманно стремились избежать излишнего кровопролития.

И я, глядя на великую княгиню, не мог не видеть на ее лице благодарности, если не мне, то во всяком случае судьбе за то, что она не погибла.

— Я прошу вас, возьмите от меня на память иконку. Я буду молиться за вас.

И я взял иконку.

Это было для меня символом признания с ее стороны моей победы, символом ее благодарности судьбе за сохранение ее жизни и покаяния ее совести за преступления великого князя.

Моя совесть чиста, — повторил я, — мне очень больно, что я причинил вам горе, но я действовал сознательно и, если бы у меня была тысяча жизней, я отдал бы всю тысячу, не только одну.

Великая княгиня встала, чтобы уйти. Я также встал. Прощайте, — сказал я. — Повторяю, мне очень больно, что я причинил вам горе, но я исполнил свой долг, и я его исполню до конца и вынесу все, что мне предстоит. Прощайте, потому что мы с вами больше не увидимся».

Свидание это впоследствии было передано в печати в неверном и тенденциозном освещении, и эта передача доставила Каляеву много тяжелых минут. Впоследствии, в письме от 24 марта, он писал великой княгине:

«Я не знал вас, вы сами пришли ко мне: следовательно, вся ответственность за последствия свида-

ния падает на вас. Наше свидание произошло, по крайней мере с наружной стороны, при интимной обстановке. Все то, что произошло между нами обоими, не подлежало опубликованию, как нам одним принадлежащее. Мы с вами сошлись на нейтральной почве, по вашему же определению, как человек с человеком, и, следовательно, пользовались одинаковым правом инкогнито. Иначе, как понимать бескорыстие вашего христианского чувства? Я доверился вашему благородству, полагая, что ваше официальное высокое положение, ваше личное достоинство могут служить гарантией, достаточной против клеветнической интриги, в которую так или иначе были замешаны и вы. Но вы не побоялись оказаться замешанной в нее: мое доверие к вам не оправдалось. Клеветническая интрига и тенденциозное изображение нашего свидания налицо. Спрашивается: могло ли бы произойти и то, и другое помимо вашего участия, хотя бы пассивного, в форме непротивления, обратное действие которому было обязанностью вашей чести? Ответ дан самим вопросом, и я решительно протестую против приложения политической мерки к доброму чувству моего снисхождения к вашему горю. Мои убеждения и мое отношение к царствующему дому остаются неизменными, и я ничего общего не имею какой-либо стороной моего «я» с религиозным суеверием рабов и их лицемерных владык.

Я вполне сознаю свою ошибку: мне следовало отнестись к вам безучастно и не вступать в разговор. Но я поступил с вами мягче, на время свидания затаив в себе ту ненависть, с какой, естественно, я отношусь к вам. Вы знаете теперь, какие побуждения

руководили мной. Но вы оказались недостойной моего великодушия. Ведь для меня несомненно, что это вы — источник всех сообщений обо мне, ибо кто же бы осмелился передавать содержание нашего разговора с вами, не спросив у вас на то позволения (в газетной передаче оно исковеркано: я не объявлял себя верующим, я не выражал какого-либо раскаяния)».

Стоя неподвижно на помосте, он выслушал приговор. К нему подошел священник с крестом. Он не поцеловал креста и сказал:

— Я уже сказал вам, что я совершенно покончил с жизнью и приготовился к смерти.

Место священника занял палач Филиппов. Он набросил веревку и оттолкнул ногой табурет.

Похоронен Каляев за крепостною стеною, между валом, окаймляющим крепость со стороны озера, и Королевской башней».

(Б. Савинков. Воспоминания террориста. — М., 1991)

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ 1911 ГОДА

(Впечатления очевидца убийства П. А Столыпина)

1 сентября 1911 года в Киеве, на торжественном спектакле в городском театре, в присутствии императора и высших сановников 24-летним помощником присяжного поверенного Богровым был смертельно ранен Председатель Совета Министров Петр Аркадьевич Столыпин. Личность погибшего, несомненно крупнейшего государственного деятеля предреволюционной России, необычность обстоятельств, при которых произошло покушение, а также ставшая известной прикосновенность убийцы одновременно и к революционерам, и к департаменту полиции — все это ошеломило страну.

Леволлиберальная оппозиция выдвинула эффектное решение «загадки Богрова»: будто бы убить Столыпина ему, Богрову, поручила охранка, выполняя, в свою очередь, задание то ли придворных кругов, то ли самого царя.

По другой версии, пойти на террористический акт Богрова заставили революционеры, угрожая, в случае отказа, казнить его самого как разоблаченного провокатора.

Из воспоминаний журналиста — очевидца убийства Столыпина: «Когда мы подошли к театру, площадь была уже совершенно очищена от народа, который густой толпой стоял по тротуарам Большой Владимирской и Фундуклеевской улиц. Кругом цепь городских, околоточных и помощников приставов. Топтались на своих местах конные жандар-

мы. Мы шли вдвоем с корреспондентом «Колокола» Н. Н. Балабухой. Его форменный вид, медали и кокарда были так внушительны, что нас пропустили через цепь полиции без опроса и удостоверения нашей личности.

Подошли к театру. Около дверей стояло несколько групп.

Несколько людей в цилиндрах кого-то, видимо, ждали. Помню, впереди стоял высокий бритый молодой человек в пенсне, пальто, лицом он был обращен к левому боковому входу. После, когда было совершено покушение и я впервые увидел Богрова, когда он бежал к выходу, мне показалось, что ожидавший кого-то молодой человек имел с убийцей большое сходство...

В дверях стояло двое жандармских офицеров. Они контролировали билеты. Я заметил, контроль был строгий.

«Беспокоили» не только неизвестных фрачников, но и седых генералов в звездах и орденах и их пожилых, расфранченных дам.

Все покорно вынимали билеты и показывали их контролерам.

Мы подождали, пока подъедут чины придворной цензуры. По их словесной просьбе, обращенной к контролерам, нас всех пропустили в театр.

В коридорах толпились мундиры и кители. Более всего было кителей. Мы, фрачники, были в заметном меньшинстве. Разделись и прошли в ложу бельэтажа, назначенную нам. Оказалось, что эта ложа занята семьей антрепренера Брыкина. Наши места были сзади их кресел. Вместе нас, корреспондентов, было в ложе шесть человек: В. А. Прокофьев от

«Нового времени», Н. Н. Балабуха от «Колокола», г. Клепацкий от «России», г. Высотский от «Рижского вестника», Е. М. Бабецкий от «Южного края» и я. Кое-как разместились. Ложа была мало удобна для того, чтобы смотреть из нее на сцену, но зато весь партер и, главное, первые ряды его были у нас на виду, в Царская ложа была прямо против нас.

Театр весь был белый от белых платьев женщин и кителей. В партере я насчитал только около 20 фрачников, и почти все они были расположена сзади, за исключением петербургского городского головы Глазунова, место которого было в третьем ряду недалеко от кресла П. А. Столыпина.

Минут за десять до приезда Государя в зале появились министры. Вошли Кассо, Сухомлинов, Саблер. Наконец прошел к своему креслу председатель Совета Министров. Взоры всех были устремлены на него. Он стал лицом к публике. Его румяное лицо было ясно и, по-видимому, спокойно. Никому в зале не приходило в голову, что через полтора часа этот большой, сильный человек будет сидеть в кресле бледный, с закрытыми от слабости глазами. Министр разговаривал о чем-то с подошедшим к нему Кассо. Потом беседовал с каким-то полным молодым администратором. Раскланивался с Глазуновым и другими лицами. Одним из последних вошел в зал В. Н. Коковцов и прошел в противоположную от кресла П. А. Столыпина сторону первого ряда, ближе к нашей ложе.

Наконец около 9 часов приехал Государь с двумя августейшими дочерьми: Ольгой и Татьяной. Государь сел в выступе генерал-губернаторской ложи и был весь открыт театру. Около него, также на виду

у зрителей, сели августейшие княжны. Нам было видно, что в глубине Царской ложи рядом с Государем занял место болгарский княжич Борис Тырновский, за ним великие князья Андрей Владимирович и Сергей Михайлович. Один из великих князей положил на барьере перед Государем афишу, которую Царь уже в темноте долго рассматривал и читал и затем передал дочерям.

После троекратного гимна начался первый акт «Сказки о Царе Салтане». Постановка была прекрасная, голоса также недурны. Играли г-жа Воронец, которую выписали специально для этой пьесы из Одессы, гг. Улуханов, Орешкевич, Томский, Кочуров и др. Я видел, как Столыпин во время первого действия раза два взглянул на Государя. Казалось, что его мало интересует сцена, а тревожит или просто занимает что-то другое. Но лицо его по-прежнему оставалось внешне спокойно. Кончился акт. Все стали. Государь просидел на месте минуту и затем вышел в свое фойе. Туда же направились и великие княжны, П. А. Столыпин оставался на месте. Около него образовалась группа. Сзади его кресла, но в третьем ряду, я увидал его великорослого адъютанта-телохранителя г. Есаулова.

Так же прошел и второй акт, после которого все присутствовавшие в Царской ложе ушли в свое фойе.

П. А. Столыпин встал, повернулся лицом к публике и оперся на барьер. Около него стояли военный министр Сухомлинов и шталмейстер граф Потоцкий. Первые ряды на большое протяжение были пусты. Было одиннадцать с половиной часов. Осталось 12 минут до окончания спектакля: после этого

последнего антракта должна была пройти небольшая картина.

Я вышел в коридор, прошелся и, когда опять подошел к своей ложе, то услышал два, один за другим последовавших сухих, но резких хлопка. Первая моя мысль была такова: «Что-то лопнуло. Электрический прибор какой-нибудь?» Все было страшно далеки от мысли о покушении. Какой-то офицер пробежал мимо и проговорил: «Это шампанское». Но Н. Н. Балабуха, выбежавший, кажется, из буфета, сказал: «Выстрелы». Мы бросились в свою ложу. Все это было делом нескольких секунд. У меня в это время промелькнула мысль: «Не самоубийство ли?» Потом эту мысль вытеснила другая: «Если покушение, то понятно на кого...» После, когда все делились своими впечатлениями, я узнал, что у всех была эта последняя мысль.

Наша ложа была пуста. Прежде всего до меня донеслось восклицание дамы, сидящей за роялем в оркестре:

— Государь жив.

Общее напряжение после этих слов немного упало. Одновременно послышался чей-то пронзительный, видимо женский, крик. Кто-то, должно быть, упал в обморок. Мы посмотрели вниз и замерли. П. А. Столыпин стоял бледный, без кровинки в лице, лицом уже к сцене и ленивым, вернее, большим длительным движением снимал с себя китель. Когда снял и передал кому-то из группы, его окружавшей, я увидел на его белом жилете немного повыше правого кармана красное пятно величиной с медный пятак. Затем раненый повернул лицо к Государевой ложе, которая была пуста, и левой

рукой сделал по направлению к ней жест. Этот жест я видел отчетливо. Он или успокаивал, или, вернее всего, предостерегал.

— Не ходите сюда.

После этого он сел в кресло, вытянул как-то неестественно ноги и уронил голову на грудь. Видимо, он стал слабеть. В моей памяти запечатлелась одна подробность. Кто-то в военной форме быстро подошел изнутри Царской ложи к ее барьеру, заглянул в зал и так же быстро удалился вглубь.

Кто — я не мог упомнить.

Одновременно с поранением министра я увидал другую картину. Какой-то высокий молодой человек, мне показалось, белокурый, с закинутыми назад волосами, очень бледный, сильным движением рук отбросил от себя двух военных, пытавшихся его схватить, обернулся на миг лицом к нам и кинулся к правому выходу, но сейчас же был схвачен и сбит с ног. Человек пятьдесят чиновников, военных, камергеров, «союзников» набросилось на него. Убийцу уже не было видно, он лежал на полу. Толпа мяла его, терзала, била. Какой-то чиновник, стоя в ложе Потоцких около выхода, обнажил шпагу. Блеснуло лезвие и опустилось на убийцу. Этот же чиновник выскочил из ложи на спину или на грудь его и стал топтать. В эту страшную минуту театр жил страшной жизнью: сверху из лож иступленно кричали:

— Убить его! Убить!

Кричали женщины. Кричали истерически, жестикулируя руками. У мужчин оказалось более благородия. На крик «убить» они отвечали:

— Зачем убивать? На суд. Оставьте его.

У меня осталось в памяти такая картина. Рядом

с нами была ложа известного киевского администратора. Там стояли две женщины и кричали: «Убить!» Я видел их иступленные лица. А он урезонивал:

— Что вы! Что вы! Разве можно?

Среди яростных криков толпы, избивающей убийцу, вдруг выделился один хриплый голос:

— Гимн.

Но его не поддержали. Наш сосед по ложе закричал:

— Не надо... Министр еще в зале.

Потом избитого убийцу толпа выволокла из зала. Я его больше не видел. Перевел глаза на Стольпина. Он сидел, склонившись набок, закрыв глаза. Его поддерживали. В газетах писали, что после выстрелов находившиеся вблизи премьера лица побежали от него прочь.

Это неверно. Все остались здесь и окружили раненого. Его подняли человек восемь, и, насколько можно осторожно, вынесли из зала. Этот перенос, видимо, усилил боль — гримасы бледного лица выдавали мучительные страдания. Министр сжал зубы, чтобы не стонать и не кричать.

Процессия с раненым еще не вышла из зала, как в ложе появился Государь. Вся труппа в костюмах, во главе с антрепренером Брыкиным и режиссером Гецевичем, стояла на сцене. Запели гимн. Вместе с артистами запел весь театр. Подъем был необычайный. Некоторые артистки стояли на сцене на коленях и протягивали руки к Государю. Государь кланялся. Театр кричал «ура». Гимн был повторен три раза. Когда Государь ушел, кто-то на верхах запел «Спаси, Господи!». Его поддержали артисты и весь театр. Молитву пропели три раза.

Государь с августейшими дочерьми сейчас же уехал во дворец. Спектакль не был окончен. Все стали разъезжаться. П. А. Столыпина вынесли в тот выход, в который выволокли и убийцу. Раненого положили на маленький малиновый диванчик, стоявший недалеко от кассы. Здесь профессора Рейн и Оболонский остановили ему кровь. Затем в карете скорой медицинской помощи больного увезли в хирургическую лечебницу Маковских. Передают, когда карета скорой помощи, вызванная по телефону, ехала в театр, ее не хотели пропустить сквозь полицейскую цепь, требовали пропуск. Но кучер стегнул лошадей, и карета проехала без пропуска.

В коридоре убийцу вырвали из рук разъяренной толпы, арестовали и препроводили в буфет генерал-губернаторской ложи, где сняли с него первое показание. Лицо из театральной администрации, видевшее его в тот момент, рассказывало мне, что хотя Богров и был сильно избит (у него оказалась сеченая ранка на лбу, выбиты два зуба, шишка от бинокля, которым кто-то ударил его из ложи, растерзанный костюм), но все-таки был в сознании, держал себя спокойно, даже вызывающе, попросил папиросу.

Допрашивал его судебный следователь по особо важным делам Фененко и товарищ прокурора Слепушкин при прокуроре судебной палаты Чаплинском и при других чинах судебного ведомства. Убийца назвал себя Дмитрием Григорьевичем Богровым. Он еврей, помощник присяжного поверенного киевского округа, 27 лет. Два года как окончил университет. В кармане его был найден театраль-

ный билет № 406 в восемнадцатом ряду партера, выданный киевским охранным отделением. Богров сам писал свое показание. Писал долго.

Допрос окончился в пять часов утра. Затем убийцу надели наручники. Он протестовал:

— Мне же больно, — сказал он.

Но на протест не обратили внимания.

Как бы не доверяя одному наручнику, Богрову скрутили руки веревками, посадили в карету и отвезли в крепость Косой Капонир, находящуюся около Печерской лавры.

По дороге в крепость Богров обратился к одному из сопровождавших его полицейских с просьбой дать ему папиросу.

— Вся эта история меня страшно взволновала, я до сих пор не могу очнуться, — сказал он.

Но вернемся немного назад. Мы, корреспонденты, задержались в своей ложе и обсуждали событие. В ложу пришел взволнованный антрепренер Брыкин. Обращаясь к своей жене, он с горечью заметил:

— Нужно же ему именно в театре...

Он затратил много энергии на постановку спектакля, так долго готовился к нему, и все это пошло прахом. Выстрел Богрова уничтожил все хорошие впечатления от пьесы.

Потом мы стали расходиться. В коридорах и в фойе оставались еще группы, обсуждавшие злобу вечера. Я подошел к одной группе. Старый, седой чиновник в чине генерала говорил:

— Где же была охрана?

В это время еще не было известно, что Богров прошел в театр по билету охранного отделения. Чиновнику отвечали:

— Эх, охрана! Наша охрана...

— Где же был телохранитель Столыпина?

— В коридоре.

Действительно, г. Есаулова не было в тот момент в зале. После я беседовал с доктором Маковским, который сообщил, — не знаю, с чьих слов, — что телохранитель по окончании второго акта был послан П. А. Столыпиным приготовить автомобиль, так как министр хотел одним из первых сейчас же после третьего акта уехать из театра домой. Начальник охранного отделения Кулябко после передавал, что автомобиль министра был приготовлен и дожидался его у подъезда, поэтому незачем было посылать адъютанта готовить его.

Об охране во всех группах говорили с ожесточением и негодованием.

— Ведь при такой халатности и не Столыпина можно было убить...

— Да, не было ничего легче...

Некоторые задавали вопрос:

— Как могло случиться, что в театр, наполненный отборными в смысле благонадежности лицами, попал революционер?

Ответ на этот вопрос стал известен только на другой день. В другой группе шел такой разговор:

— Кто стрелял?

— Кто-то Богров, здешний адвокат. Его сейчас опознал один бывший в театре член суда...

— Кто он, русский?

— Нет, еврей...

Полковник, стоявший около, облегченно произнес:

— Слава Богу, что не русский...

И перекрестился.

Он забыл, видимо, что у нас были Рысаков, Желябов, Перовская, Каляев, Сазонов, Карпович...

Тут в разговоре выяснилась одна подробность. Некоторые думали, что выстрел был произведен со сцены.

Мы вышли из театра и пошли сначала пешком в помещение цензуры. Киев, видимо, уже знал о печальном событии. На улицах составлялись группы и даже стояли толпы, где передавались подробности покушения. Слышались мрачные предсказания:

— Погрома не избежать...

(Серебренников А. Убийство Столыпина. — Рига, 1990)

ПОД ВОДОЙ РАСПУТИН НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ ПРОДОЛЖАЛ ЖИТЬ

Страницы из дневника В. М. Пуришкевича, посвященные убийству Распутина, впервые были опубликованы в 1918 года в Киеве Комитетом пропаганды при «Обществе активной борьбы с большевизмом».

Из дневника В. М. Пуришкевича:

«Заседание наше длилось около двух часов, и мы сообща выработали следующий план:

В назначенный день, или вернее ночь, мы все собираемся у Юсупова ровно в 12 часов ночи. В половине первого, приготовив все, что нужно, в столовой у Юсупова, помещающейся в нижнем этаже его дворца, мы поднимаемся наверх, в его кабинет, откуда он, Юсупов, выезжает к 1 ч. ночи за Распутиным на Гороховую в моем автомобиле, имея шофером д-ра Лазаверта.

Привезя Распутина к себе, Юсупов проводит его прямо в столовую, подъехав к ней со двора, причем шофер должен вплотную подогнать автомобиль к входной двери с таким расчетом, чтобы с открытием дверцы автомобиля силуэты выходящих из него не были бы видны сквозь решетку на улицу кому-либо из проходящей публики как по эту сторону Мойки, так и, по ту, где находится полицейский участок и, помимо всего, могут прогуливаться шпики, ибо нам неизвестно, уведомляет ли всегда и уведомит ли на этот раз также Распутин своих телохранителей, где он проводит добрую половину ночи.

По приезде Распутина в дом Юсупова, д-р Лазаверт, скинув с себя шоферские доспехи, по витой лестнице, ведущей от входа мимо столовой в гостиную князя, присоединяется к нам, и мы, т. е. Дмитрий Павлович, я, С. и Лазаверт, становимся наверху у витой лестницы на всякий случай, дабы оказать помощь в случае необходимости, если бы внезапно дело пошло не так, как нужно.

После смерти Распутина, которая, по нашим соображениям, должна была бы наступить через десять-пятнадцать минут по его прибытии во дворец и в зависимости от дозы выпитого им в мадере яда, князь Юсупов подымается наверх к нам, после чего мы все спускаемся обратно в столовую и, сложив в узел возможно большее из одежды Распутина, передаем это поручику С., который, облачившись в Распутинскую шубу (С., по комплекции и росту, в шубе может быть принят шпиками, коих мы все-таки опасались, за Распутина, прикрыв лицо поднятым воротником) и взяв узелок вещей Распутина, выходит с великим князем во двор и садится в автомобиль, на коем д-р Лазаверт опять за шофера, автомобиль направляется к моему поезду на Варшавский вокзал, где к этому времени в моем классном вагоне должна быть жарко затоплена печь, в каковой моя жена и жена д-ра Лазаверта должны сжечь все то из одежды Распутина, что привезут С. с великим князем.

Вслед за сим Лазаверт и его пассажиры погружают мой автомобиль на платформу, входящую в состав поезда, и засим пешком или на извозчиках отправляются на Невский во дворец великого князя Сергея Александровича, откуда, сев в автомобиль

великого князя Дмитрия Павловича, возвращаются уже в этом автомобиле на Мойку, во дворец Юсупова, и, опять-таки со двора, подъехав вплотную к дому, поднимаются в гостиную, где князь Юсупов и я должны поджидать их возвращения.

Спустившись все вместе в столовую, мы обворачиваем труп в какую-либо подходящую материю и, уложив мумию в крытый автомобиль великого князя, отвозим его в заранее намеченное место и бросаем в воду, привязав к телу цепями двухпудовые гири, дабы труп не всплыл случайно на поверхность через какую-либо прорубь, хотя это представлялось нам едва ли возможным, ибо вследствие жестоких морозов все в Петрограде и его окрестностях — реки, речки и каналы — были покрыты толстым слоем льда, и приходилось подумывать и подыскивать место, свободное от ледяной коры, куда мы могли бы опустить труп убитого Распутина. На этом закончилось наше заседание.

Распутина уже нет. Он убит. Судьбе угодно было, чтобы я, а никто иной, избавил от него царя и Россию, чтобы он пал от моей руки. Слава Богу, говорю я, слава Богу, что рука великого князя Дмитрия Павловича не обагрена этой грязной кровью — он был лишь зрителем, и только.

Чистый, молодой, благородный, царственный юноша, столь близко стоящий к престолу, не может и не должен быть повинным, хотя бы и в высокопатриотическом деле, но в деле, связанном с пролитием чьей бы то ни было крови, пусть эта кровь будет и кровью Распутина.

Как ни тяжело, но нужно постараться привести в порядок мои мысли и занести в дневник с фотогра-

фической точностью весь ход происшедшей драмы, имеющей столь большое историческое значение.

Как ни тяжело, но постараюсь воскресить события и занести их на бумагу.

Автомобиль был поставлен на условленное место, у маленькой двери во дворе, после чего мы впятером прошли из гостиной через небольшой тамбур по витой лестнице вниз в столовую, где и уселись вокруг большого, обильно оснащенного пирожным и всякою снедью чайного стола.

Комната эта была совершенно не узнаваема; я видел ее при отделке и изумился умению в такой короткий срок сделать из погреба нечто вроде изящной бонбоньерки.

Вся она была разделена на две половины, из коих одна, ближе к камину, в котором ярко и уютно пылал огонь, представляла собою миниатюрную столовую, а другая, задняя, нечто среднее между гостиной и будуаром, с мягкими креслами, с глубоким изящным диваном, перед коим на полу лежала громадная, исключительной белизны шкура-ковер белого медведя. У стенки под окнами в полумраке был помещен небольшой столик, где на подносе стояло четыре закупоренных бутылки с марсалай, мадерой, хересом и портвейном, а за этими бутылками виднелось несколько темноватого стекла рюмок. На камине, среди ряда художественных старинных вещей, было помещено изумительной работы распятие, кажется мне, выточенное из слоновой кости.

Помещение было сводчатым, в стиле старинных, расписных русских палат.

Мы уселись за круглым чайным столом, и Юсупов предложил нам выпить по стакану чая и отве-

дать пирожных до тех пор, пока мы не дадим им нужной начинки.

Четверть часа, в продолжение коих мы сидели за столом, показались мне целою вечностью, между тем особенно спешить было не к чему, так как Распутин предупредил еще раньше Юсупова, что шпики всех категорий покидают его квартиру после 12-ти ночи, и, следовательно, толкнись Юсупов к Распутину до половины первого, он как раз мог напороться на церберов, охранявших «старца».

Закончив чаепитие, мы постарались придать столу такой вид, как будто его только что покинуло большое общество, вспугнутое от стола прибытием нежданного гостя.

В чашки мы поналивали немного чаю, на тарелочках оставили кусочки пирожного и кекса и набросали немного крошек около несколько помятых чайных салфеток; все это необходимо было, дабы, войдя, Распутин почувствовал, что он напугал дамское общество, которое поднялось сразу из столовой в гостиную.

Приведя стол в должный вид, мы принялись за два блюда с пти-фурами. Юсупов передал д-ру Лазаверту несколько камешков с цианистым калием, и последний, надев раздобытые Юсуповым перчатки, стал строгать яд на тарелку, после чего, выбрав все пирожные с розовым кремом (а они были лишь двух сортов: с розовым и шоколадным кремом) и отделив их верхнюю половину, густо насыпал в каждое яду, после чего, наложив на них снятые верхушки, придал им должный вид. По изготовлении розовых пирожных мы перемешали их на тарелках с коричневыми, шоколадными, разрезали два розовых на ча-

сти и, придав им откусанный вид, положили к некоторым приборам.

Засим Лазаверт бросил перчатки в камин, мы встали из-за стола и, придав некоторый беспорядок еще и стульям, решили подняться уже наверх. Но, помню как сейчас, в эту минуту сильно задымил камин, в комнате стало сразу угарно, и пришлось провозиться по крайней мере еще десять минут с очисткой в ней воздуха. Наконец, все оказалось в порядке.

Мы поднялись в гостиную. Юсупов вынул из письменного стола и передал Дмитрию Павловичу и мне по склянке с цианистым калием в растворенном виде, каковым мы должны были наполнить до половины две из четырех рюмок, стоявших внизу в столовой за бутылками, через двадцать минут после отъезда Юсупова за Распутиным.

Лазаверт облачился в свой шоферский костюм. Юсупов надел штатскую шубу, поднял воротник и, попрощавшись с нами, вышел.

«Едут!» — полусшепотом заявил я вдруг, отходя от окна.

Поручик С. кинулся к граммофону, и через несколько секунд раздался звук американского марша «Янки-дудль», который и посейчас, по временам, преследует меня.

Еще мгновение — слышим стук автомобиля уже во дворе, хлопающую дверцу автомобиля, топот стряхивающих снег ног внизу и голос Распутина: «Куда, милый?» Засим дверь от столовой закрылась за обоими приехавшими, и через несколько минут снизу по лестнице поднялся к нам д-р Лазаверт в своем обыкновенном костюме, снявший и ос-

тавивший внизу шоферские доху, папаху и перчатки.

Затаив дыхание, мы прошли в тамбур и стали у перил лестницы, ведущей вниз, друг за другом в таком порядке: первым к лестнице я, с кастетом в руках, за мною великий князь, за ним поручик С., последним д-р Лазаверт. Мне трудно определить, сколько времени в напряженнейшем ожидании провели мы, в застывших позах, у лестницы, стараясь не дышать, не двигаться и вслушиваясь буквально в каждый шорох, происходивший внизу, откуда доносились к нам голоса разговаривавших, то порою в виде односложных звуков, то в связной речи, но расслышать того, что говорилось, мы не могли; полагаю, что мы простояли у лестницы не менее получаса, бесконечно заводя граммофон, который продолжал играть все тот же «янки-дудль»

Того, чего мы ожидали, не произошло, а ожидали мы хлопанья пробок и откупоривания Юсуповым бутылок, стоявших, как я уже сказал, внизу. Это должно было стать показателем, что дело идет на лад и что через несколько минут после того Распутин окажется трупом. Но... время шло, мирная беседа внизу продолжалась, а собеседники, очевидно, не пили и не ели еще ничего.

Наконец, слышим дверь снизу открывается. Мы на цыпочках бесшумно кинулись обратно в кабинет Юсупова, куда через минуту вошел и он.

— Представьте себе, господа, — говорит, — ничего не выходит, это животное не пьет и не ест, как я ни предлагаю ему обогреться и не отказываться от моего гостеприимства. Что делать?

Дмитрий Павлович пожал плечами: — Погодите,

Феликс: возвращайтесь обратно, попробуйте еще раз и не оставляйте его одного, не ровен час, он поднимется за вами сюда и увидит картину, которую менее всего ожидает, тогда придется его отпустить с миром или покончить шумно, что чревато последствиями.

— А как его настроение? — спрашиваю я у Юсупова.

— Н-неважное, — протягивая, отвечает последний: — можете себе представить, он как будто что-то предчувствует.

— Ну идите, идите, Феликс, — заторопил Юсупова великий князь. — Время уходит.

Юсупов опять спустился вниз, а мы вновь заняли в том же порядке свои места у лестницы.

Прошло еще добрых полчаса донельзя мучительно уходившего для нас времени, когда, наконец, нам ясно послышалось хлопанье одной за другой двух пробок, звон рюмок, после чего говорившие до этого внизу собеседники вдруг замолкли.

— Пьют, — прошептал мне над самым ухом Дмитрий Павлович, — ну теперь уже ждать недолго.

Мы застыли в своих позах, спустившись еще на несколько ступеней по лестнице вниз. Но... прошло еще четверть часа, а мирный разговор и даже порою смех внизу не прекращались.

— Ничего не понимаю, — разведя руками и обернувшись к великому князю, прошептал я ему. Заколдован он что ли, что на него даже цианистый калий не действует!

Дмитрий Павлович пожал плечами. — Погодите, слышите, вот, кажется, уже внизу что-то не ладно.

И, действительно, как будто послышался оттуда

стон. Но это оказалось аберрацией слуха, и через минуту снизу опять послышалось мирное журчание речи одного из собеседников и односложные слова, по-видимому, со стороны другого.

Мы поднялись по лестнице вверх и всюю группую вновь прошли в кабинет, куда через две или три минуты неслышно вошел опять Юсупов, расстроенный и бледный: — Нет, говорит, невозможно. Представьте себе, он выпил две рюмки с ядом, съел несколько розовых пирожных и, как видите, ничего; решительно ничего, а прошло уже после этого минут, по крайней мере, пятнадцать. Ума не приложу, как нам быть, тем более что он уже забеспокоился, почему графиня не выходит к нему так долго, и я с трудом ему объяснил, что ей трудно исчезнуть незаметно, ибо там наверху гостей немного, но что, по всем вероятностям, минут через десять она уже сойдет; он сидит теперь на диване мрачным, и, как я вижу, действие яда сказывается на нем лишь в том, что у него беспрестанная отрыжка и некоторое слюнотечение.

Через минут пять Юсупов появился в кабинете в третий раз: «Господа, — заявил он нам скороговоркой, — положение все то же: яд на него не действует или ни к черту не годится; время уходит, ждать больше нельзя; решим, что делать. Но нужно решать скорее, ибо гад выражает крайнее нетерпение тому, что графиня не приходит, и уже подозрительно относится ко мне».

«Ну что ж, — ответил князь — бросим на сегодня, отпустим его с миром, может быть, удастся сплавить его как-нибудь иначе в другое время и при других условиях».

«Ни за что! — воскликнул я. — Неужели вы не понимаете, Ваше Высочество, что, выпущенный сегодня, он ускользнет навсегда, ибо разве он поедет к Юсупову завтра, если поймет, что сегодня был им обманут. Живым Распутин отсюда, — отчеканивая каждое слово, полушепотом продолжал я, — выйти не может, не должен и не выйдет».

«Но как же быть?» — заметил Дмитрий Павлович.

«Если нельзя ядом, — ответил я ему, — нужно пойти ва-банк, в открытую, спуститься нам или всем вместе, или предоставьте мне это одному, я его уложу либо из моего «соважа», либо размозжу ему череп кастетом. Что вы скажете на это?»

«Да, — заметил Юсупов, — если вы ставите вопрос так, то, конечно, придется остановиться на одном из этих двух способов».

После минутного совещания мы решили спуститься вниз всем и предоставить мне уложить его кастетом, а Лазаверту, на всякий случай, Юсупов в руки сунул свою каучуковую гирию, хотя первый и заявил ему, что он едва ли будет в состоянии что-либо сделать, ибо так слаб, что еле передвигает ноги.

Приняв это решение, мы гуськом (со мною во главе), осторожно двинулись к лестнице и уже спустились было к пятой ступеньке, когда внезапно Дмитрий Павлович, взяв меня за плечо, прошептал мне на ухо: *attendez un moment*, и, поднявшись вновь назад, отвел в сторону Юсупова. Я, С. и Лазаверт прошли обратно в кабинет, куда немедленно вслед за нами вернулись Дмитрий Павлович и Юсупов, который мне сказал:

«В. М., вы ничего не будете иметь против того, чтобы я его застрелил, будь что будет! Это и скорее, и проще».

«Пожалуйста, — ответил я, — вопрос не в том, кто с ним покончит, а в том, чтобы покончить и непременно этой ночью».

Не успел я произнести эти слова, как Юсупов быстрым, решительным шагом подошел к своему письменному столу и, достав из ящика его браунинг небольшого формата, быстро повернулся и твердыми шагами направился по лестнице вниз.

Мы молча кинулись вслед за ним и стали на старые позиции, поняв, что сейчас уже ждать придется недолго.

Действительно, не прошло и пяти минут с момента ухода Юсупова, как после двух или трех отрывочных фраз, произнесенных разговаривавшими внизу, раздался глухой звук выстрела, вслед затем мы услышали продолжительное «а-а-а!» — и звук грузно падающего на пол тела.

Не медля ни одной секунды, все мы, стоявшие наверху, не сошли, а буквально кубарем слетели по перилам лестницы вниз, толкнувши стремительно своим напором дверь столовой: она открылась, но кто-то из нас зацепил штепсель, отчего электричество в комнате сразу потухло.

Ощупью, обшарив стенку у входа, мы зажгли свет, и нам представилась следующая картина: перед диваном, в части комнаты, в гостиной, на шкуре белого медведя, лежал умирающий Григорий Распутин, а над ним, держа револьвер в правой руке, заложенной за спину, совершенно спокойным стоял Юсупов, с чувством непередаваемой

гадливости вглядываясь в лицо им убитого «старца».

Крови не было видно: очевидно, было внутреннее кровоизлияние, и пуля попала Распутину в грудь, но, по всем вероятностям, не вышла.

Он не был еще мертв: он дышал, он агонизировал.

Правую руку своею прикрывал он оба глаза и до половины свой длинный, ноздреватый нос; левая рука его была вытянута вдоль тела; грудь его изредка высоко подымалась, и тело подергивали судороги. Он был шикарно, но по-мужицки одет: в прекрасных сапогах, в бархатных навывпуск брюках, в шелковой, богато расшитой шелками, цвета крем рубашке, подпоясанной малиновым, с кистями, толстым шелковым шнурком.

Длинная черная борода его была тщательно расчесана и как будто блестела или лоснилась даже от каких-то специй.

Не знаю, сколько времени простоял я здесь; в конце концов раздался голос Юсупова: «Ну-с, господа, идемте наверх, нужно кончать начатое». Мы вышли из столовой, погасив в ней электричество и притворив слегка двери.

В гостиной, поочередно поздравив Юсупова с тем, что на его долю выпала высокая честь освобождения России от Распутина, мы заторопились окончанием нашего дела.

Был уже четвертый час ночи, и приходилось спешить.

Поручик С. наскоро облачился поверх своей военной шинели в шикарную меховую шубу Распутина, надел его боты и взял в руки его перчатки; вслед

за ним Лазаверт, уже несколько оправившийся и как будто успокоившийся, облачился в шоферское одеяние, и оба они, предводительствуемые великим князем Дмитрием Павловичем, сели в автомобиль и уехали на нем к моему поезду с тем, чтобы сжечь одежду Распутина в моем классном вагоне, где к этому часу должна была топиться печь, после чего им полагалось на извозчике доехать до дворца великого князя и оттуда на его автомобиле приехать за телом Распутина в Юсуповский дворец.

Мы с Феликсом Юсуповым остались вдвоем и то ненадолго: он через тамбур прошел на половину своих родителей, коих в Петрограде, как кажется, в это время не было, а я, закулив сигару, стал медленно прохаживаться у него в кабинете наверху, в ожидании возвращения уехавших соучастников, с которыми предполагалось вместе увязать труп в какую-либо материю и перетащить в автомобиль великого князя.

Не могу определить, долго ли продолжалось мое одиночество, знаю только, что я чувствовал себя совершенно спокойным и даже удовлетворенным, но твердо помню, как какая-то внутренняя сила толкнула меня к письменному столу Юсупова, на котором лежал вынутый из кармана мой «соваж», как я взял его и положил обратно в правый карман брюк и как вслед засим, под давлением той же неведомой мне силы, я вышел из кабинета, дверь от коего в тамбур была закрыта, и очутился в тамбуре совершенно без всякой цели.

Не успел я войти в этот тамбур, как мне слышались чьи-то шаги уже внизу у самой лестницы, затем до меня долетел звук открывающейся в сто-

ловую, где лежал Распутин, двери, которую вышедший, по-видимому, не прикрыл.

«Кто бы это мог быть? — подумал я, но мысль моя не успела еще дать себе ответа на заданный вопрос, как вдруг снизу раздался дикий, нечеловеческий крик, показавшийся мне криком Юсупова: «Пуришкевич, стреляйте, стреляйте, он жив! Он убегает!»

«А-а-!..» — и снизу стремглав бросился вверх по лестнице кричавший, оказавшийся Юсуповым; на нем буквально не было лица; прекрасные большие голубые глаза его еще увеличились и были навыкате; он в полубессознательном состоянии, не видя почти меня, с обезумевшим взглядом, кинулся к выходной двери в главный коридор и пробежал на половину своих родителей, куда я его видел уходившим, как я уже сказал, перед отъездом на вокзал великого князя и поручика С.

Одну секунду я остался оторопевшим, но до меня совершенно ясно стали доноситься снизу чьи-то быстрые грузные шаги, пробиравшиеся к выходной двери во двор, т. е. к тому подъезду, от которого недавно отъехал автомобиль.

Медлить было нельзя ни одного мгновения, и я, не растерявшись, выхватил из кармана мой «соваж», поставил его на «feu» и бегом спустился по лестнице.

То, что я увидел внизу, могло бы показаться сном, если бы не было ужасною для нас действительностью. Григорий Распутин, которого я полчаса тому назад созерцал при последнем издыхании лежащим на каменном полу столовой, переваливаясь с боку на бок, быстро бежал по рыхлому снегу во дво-

ре дворца вдоль железной решетки, выходявшей на улицу, в том самом костюме, в котором я видел его сейчас почти бездыханным.

Первое мгновение я не мог поверить своим глазам, но громкий крик его в ночной тишине на бегу: «Феликс, Феликс, все скажу царице!», — убедил меня, что это он, что это Григорий Распутин, что он может уйти благодаря своей феноменальной живучести, что еще несколько мгновений, и он очутится за воротами на улице, где, не называя себя, обратится к первому, случайно встретившемуся прохожему с просьбой спасти его, так как на его жизнь покушаются в этом дворце, и... все пропало. Естественно, что ему помогут, не зная, кого спасают, он очутится дома на Гороховой, и мы раскрыты.

Я бросился за ним вдогонку и выстрелил. В ночной тишине чрезвычайно громкий звук моего револьвера пронесся в воздухе — промах.

Распутин поддал ходу; я выстрелил вторично на бегу — и... опять промахнулся.

Не могу передать того чувства бешенства, которое я испытал против самого себя в эту минуту.

Стрелок, более чем приличный, практиковавшийся в тире на Семеновском плацу беспрестанно и попадавший в небольшие мишени, я оказался сегодня неспособным уложить человека в 20-ти шагах.

Мгновения шли... Распутин подбегал уже к воротам, тогда я остановился, изо всех сил укусил себя за кисть левой руки, чтобы заставить себя сосредоточиться, и выстрелом (в третий раз) попал ему в спину. Он остановился, тогда я, уже тщательно прицелившись, стоя на том же месте, дал четвертый выстрел, попавший ему, как кажется, в голову, ибо

он снопом упал ничком в снег и задергал головой. Я подбежал к нему и изо всей силы ударил его ногою в висок. Он лежал с далеко вытянутыми вперед руками, скребя снег и как будто бы желая ползти вперед на брюхе; но продвигаться он уже не мог и только лязгал и скрежетал зубами.

Я был уверен, что сейчас его песня, действительно, спета и что больше ему не встать.

Мы проходили через тамбур как раз в то время, когда солдаты Юсупова втаскивали труп в переднюю, там у лестницы, внизу.

Юсупов, увидев, над кем они возятся, выскользнул от меня, бросился в кабинет, схватил с письменного стола резиновую гирю, данную ему Маклаковым, и, повернувшись обратно, бросился вниз по лестнице к трупу Распутина. Он, отравлявший его и видевший, что яд не действует; стрелявший в него и увидевший, что его и пуля не взяла, — очевидно, не хотел верить в то, что Распутин уже мертвое тело, и, подбежав к нему, стал изо всей силы бить его двухфунтовой резиной по виску, с каким-то диким остервенением и в совершенно неестественном возбуждении.

Я, стоявший наверху у перил лестницы, в первое мгновение ничего не понял и оторопел, тем более что, к моему глубочайшему изумлению, Распутин даже и теперь еще, казалось, подавал признаки жизни.

Перевернутый лицом вверх, он хрипел, и мне совершенно ясно было видно сверху, как у него закатился зрачок правого открытого глаза, как будто глядевшего на меня бессмысленно, но ужасно (этот глаз я и сейчас вижу перед собою).

Но вслед за сим я пришел в себя и крикнул солдатам скорее оттащить Юсупова от убитого, ибо он может забрызгать кровью и себя, и все вокруг, и в случае обысков следственная власть, даже без полицейских собак, по следам крови, раскроет дело.

Солдаты повиновались, но им стоило чрезвычайных усилий оттянуть Юсупова, который как бы механически, но с остервенением, все более и более возраставшим, колотил Распутина по виску.

Наконец князя оттащили. Оба солдата под руки подняли его наверх и всего сплошь забрызганного кровью опрометчиво усадили на глубокий кожаный диван в кабинете.

Вдали показался мост, с которого мы должны были сбросить в прорубь тело Распутина.

Дмитрий Павлович замедлил ход, въехал на мост с левой стороны и остановился у перил.

Яркие фонари у автомобиля на одно мгновение ударили снопом своего света в сторожевую будку, находившуюся на той стороне моста справа, но вслед за сим великий князь потушил огонь, и даль очутилась во мраке. Мотор машины продолжал стучать на месте.

Бесшумно, с возможною быстротою открыв дверцы автомобиля, я выскочил наружу и встал у самых перил; за мною последовали солдат и д-р Лазаверт; к нам подоспел сидевший рядом с великим князем поручик С., и мы вчетвером (Дмитрий Павлович стоял перед машиной настороже), раскачав труп Распутина, с силой бросили его в прорубь, бывшую у самого моста; позабыв привязать к трупу цепями гири, каковые побросали вслед за трупом впопыхах одну за другой, а цепи засунули в шубу убитого, ка-

ковую также бросили в ту же прорубь. Засим, обшарив впотьмах автомобиль и найдя в нем один из ботов Распутина, д-р Лазаверт швырнул его также с моста.

Все это было делом не более двух-трех минут, после чего в автомобиль сели д-р Лазаверт, поручик С. и солдат, а я уместился рядом с Дмитрием Павловичем, и мы зажгли опять огни в автомобиле, двинулись через мост дальше.

Я спросил Юсупова: «Скажите, князь, что произошло у вас с Распутиным в те немногие минуты, когда вы в последний раз спустились в столовую, откуда мы ушли все вместе, как вы помните, оставив его, казалось, при последнем издыхании на холодном полу?»

Юсупов болезненно усмехнулся: «Произошло то, — ответил он мне, — чего я не забуду во всю мою жизнь: спустившись в столовую, я застал Распутина на том же месте, я взял его руку, чтобы прощупать пульс, — мне показалось, что пульса не было, тогда я приложил ладонь к сердцу — оно не билось, но вдруг, можете себе представить мой ужас, Распутин медленно открывает во всю ширь один свой сатанинский глаз, вслед за сим другой, впивается в меня взглядом непередаваемого напряжения и ненависти и со словами: «Феликс! Феликс! Феликс!» — вскакивает сразу, с целью меня схватить, я отскочил с поспешностью, с какой только мог, а что дальше было — не помню».

Дознание по убийству проводилось самым секретным образом под общим руководством министра внутренних дел А. Д. Протопопова. Срочно прибывший из Ставки Николай II, несмотря на давление

царицы, не рискнул судить аристократических убийц. Великие князья и княгини даже обратились к монарху с коллективным письмом, где выражалась просьба не привлекать к ответственности великого князя Дмитрия. На этом письме Николай начертал в общем-то справедливую резолюцию: «Никому не дано права убивать», и все-таки наказание последовало крайне мягкое. Дмитрия отправили на Кавказский фронт, а Юсупова под конвоем выслали в его имение в Курской губернии. Пуришкевича вообще не тронули. По приказу царицы полиция лишь организовала за ним слежку.

(Пуришкевич. В. Убийство Распутина. — М., 1990)

55 ЧЕЛОВЕК РАНЕНЫ И 12 УБИТЫ

...Как обычно, утром 25 сентября 1919 года на московских улицах появились свежие газеты.

«Правда» была тревогу: Деникин прорывается к Москве! Остановить, отбросить его... «Во что бы то ни стало» — так была озаглавлена передовица. На второй полосе крупным, жирным шрифтом чернели повседневные рубрики: «Оборона Советской России», «Последние известия», «В белогвардейском стане», «За границей»... На четвертой — объявления... В пятницу, 26 сентября, — гласило одно из них, — Московский комитет партии устраивает митинги на тему: «Деникинский шпионаж и защита Советской России»... Под ним — другое. То самое объявление, которое — как стало известно позднее — имело трагические последствия. Вот оно:

«Нижеследующих товарищей Московский комитет РКП (большевиков) приглашает на заседание, которое состоится в четверг, 25 сентября, ровно в 6 ч. вечера в помещении Леонтьевский пер., д. 18.

Явка всех обязательна... Заседание важное и необходимое». Наверное, где-то в середине дня это объявление попало на глаза молодому человеку с худым лицом, с темными, гладко зачесанными на сторону волосами и большими губами, плотно сжатыми постоянным, почти нескрываемым озлоблением. Это был «левый» эсер Донат Черепанов (кличка «Черепок»), один из организаторов мятежа в Москве в июле восемнадцатого года. Тот самый Черепанов, который тогда кричал в лицо Ф. Э. Дзержинскому, обезоруженному мятежниками: «У вас были

октябрьские дни, а у нас — июльские!..» Черепанову удалось скрыться от суда. Теперь он обретался на нелегальном положении, каждодневно выискивая возможность всадить большевикам нож в спину.

И вот она, наконец, эта возможность!.. В списке приглашенных на совещание были Ярославский, Коллонтай, Покровский, Смидович и другие партийные руководители. Черепанов ни минуты не сомневался в том, что будет и Ленин... Год спустя, арестованный чекистами, он признается на допросе: решение свое он принял, будучи уверенным в том, «что на этом собрании предполагалось присутствие гражданина Ленина».

Черепанов тут же направился к своему другу — анархисту Казимиру Ковалевичу.

— Большевики собираются сегодня обсуждать вопрос о сдаче белым Москвы и Петрограда!.. — с порога огорошил он его, потрясая в воздухе номером «Правды»...

И уже в восьмом часу вечера пятеро анархистов во главе с «Черепком», с полуторапудовой бомбой в руках, пробирались к бывшему особняку графини Уваровой в Леонтьевском переулке.

55 человек были ранены и 12 убиты, в том числе секретарь Московского комитета партии В. М. Загорский.

Погибших похоронили у Кремлевской стены. Теперь у этого особняка — новый адрес и новые хозяева. У входа — высокая мраморная плита: «Памяти погибших при взрыве...» Если вы пройдете на параллельную улицу — улицу Станкевича (бывший Чернышевский переулок), то увидите каменную стену, которая отгораживает небольшой сад, и ши-

рокий балкон второго этажа. Ту самую стену, через которую перелезли когда-то террористы, и тот самый балкон, с которого один из них швырнул бомбу через застекленную дверь в зал заседаний.

В тот же вечер и в тот же час чекисты начали розыск террористов.

(Чекисты: Сборник. — М., 1970)

РЫЦАРИ ЧЕРНОГО ЗНАМЕНИ

Полвека — огромный срок, и уже мало надежд найти живых свидетелей давних событий.

Илья Александрович Фридман, семидесятилетний москвич, бывший питерский рабочий и солдат Литовского полка, проработал в Московской ЧК всю гражданскую войну и был одним из непосредственных участников этого тайного боя — боя московских чекистов с бандой «анархистов подполья». И в нашем рассказе воспоминания его будут тесно переплетены с немногочисленными историческими документами.

Итак, теплый и тихий вечер 25 сентября 1919 года...

Взрыв был так силен, что его услышали, наверное, во всей тогдашней Москве. А на Лубянке, отделенной от Леонтьевского лишь несколькими кварталами, он был слышен особенно явственно и резко.

Сразу же зазвонили телефоны в кабинетах начальника МЧК Василия Николаевича Манцева и других ответственных сотрудников. Что случилось? Где взрыв? Манцев немедленно связался по телефону с городской пожарной охраной, откуда сообщили: взорван и горит дом Московского партийного комитета.

Эта страшная весть застигла И. А. Фридмана в кабинете Станислава Адамовича Мессинга — начальника отдела по борьбе с контрреволюцией. Еще не положив трубку на рычажки, Мессинг обернулся к нему:

— Берите пару ребят и немедленно — туда!

Вдоль высокой ажурной ограды двухэтажного особняка, в котором размещалась в те годы Московская чрезвычайная комиссия, застыла вереница пролеток. Это был основной транспорт МЧК — сотня извозчиков, которые посменно круглые сутки дежурили у ворот... Трое чекистов вскочили в одну из пролеток и помчались в сторону Тверской.

Батальон красноармейцев оцепил развороченный взрывом особняк. Пожарники струями воды сбивали огонь с рухнувшей крыши, выносили раненых и убитых. За цепочкой красноармейцев стало постепенно нарастать кольцо москвичей...

Едва Фридман выскочил из пролетки, как его остановила та самая женщина, которая заставила его пережить несколько жутких минут.

— Пойдемте, я покажу вам, где враги ваши пируют и веселятся! Тут рядом, через улицу...

Илья Александрович захватил с собой четырех чекистов, и они почти бегом двинулись по Леонтьевскому переулку к Тверской...

Женщина привела их к многоэтажному дому в Глинищевском переулке и вошла в подъезд.

— Вот тут! — указала она на одну из дверей, выходящую на просторную лестничную площадку.

Чекисты были так поглощены мыслью об опасностях предстоящей стычки за этой дверью, что упустили из виду свою проводницу. Потом они пожалели о своей оплошности... Но об этом еще пойдет речь впереди.

...Расследование преступлений непосредственно руководил председатель МЧК Василий Николаевич Манцев.

Где искать террористов?

На совещании в Леонтьевском переулке шла речь о тайных пособниках Деникина — участниках так называемого «Национального центра», — и поэтому естественно было предположить, что кто-то из уцелевших заговорщиков решил отомстить за разгром своего подполья.

Но прошло несколько дней, и чекисты поняли, что они пошли по ложному следу. В их руки попала листовка — «Извещение», отпечатанная в нелегальной типографии «Всероссийским повстанческим комитетом революционных партизан» (анархисты, как известно, всегда любили пышные, громяющие слова). Составители подметного листка похвальнось тем, что бросили бомбу в здание Московского комитета большевиков.

Значит, анархисты!

И тут чекисты обратили внимание на тот факт, что с поверхности жизни в последние месяцы исчезли их «старые знакомые» — анархисты, с которыми приходилось сталкиваться раньше. Тогда, когда были разоружены и разогнаны анархистские притоны в некоторых московских особняках; тогда, когда шло следствие по крупным ограблениям... Вполне возможно, что «рыцари черного знамени» порешили начать тайный террор против Советской власти и нырнули с этой целью в подполье.

Дела, заведенные некогда на таких анархистов, были затребованы из архива. За квартирами их установили непрерывное тайное наблюдение...

Подходил октябрь, но розыск все еще был безуспешным.

А положение нашей Республики в канун второй ее годовщины было поистине тяжелейшим. В сере-

дине октября, захватив уездный городок Новосиль на Орловщине, белогвардейские дивизии подошли к Москве на самое близкое расстояние за всю гражданскую войну — 300 километров по прямой до Кремля.

«Никогда еще не был враг так близко от Москвы», — писал В. И. Ленин в те дни.

Только двадцать лет спустя, в далекой Испании, возникает выражение «пятая колонна». Но уже тогда, в 1919-м, она действовала в красной Москве.

Бомба, брошенная террористами в здание Московского комитета партии, была предназначена в первую очередь для В. И. Ленина... Мы знаем о трех покушениях на Ильича. Дважды — в Петрограде и в Москве — стреляли в него; один раз браунинг в руке террориста был буквально в полуметре от его сердца.

Но вот нить расследования попала, наконец, в руки чекистов.

В одной из подозрительных квартир, где проживала ранее видная анархистка Никифорова, они устроили внезапный ночной обыск и оставили засаду — четырех комиссаров МЧК. И уже на следующее утро первый человек попал в ловушку. Правда, он сумел вырваться из нее, пытался скрыться, но...

В тот день утром И. А. Фридман шел по переулку Сивцев Вражек в сторону Арбата... Вдруг впереди послышались выстрелы, крики, топот бегущих. И. А. Фридман выхватил револьвер. Навстречу ему бежал что есть силы рослый, взлохмаченный молодой мужчина в высоких болотных сапогах. В каждой руке он держал по револьверу.

— Стой!

И в следующую секунду пуля ударила в стену за спиной Ильи Александровича.

Началась погоня... Погоня по узкому безлюдному переулку. Погоня со стрельбой на бегу из-за углов, из подъездов... И. А. Фридман пытался попасть в ногу: он помнил строжайший приказ Ф. Э. Дзержинского — «братъ живыми»... Убегавший на мгновение приостановился, повернулся и швырнул гранату-«лимонку». Илья Александрович приник к пыльному тротуару, мозг его почти автоматически отсчитывал секунды... Пролетело десять секунд, но взрыва не было. Значит, осечка. Чекист вскочил на ноги, поднял гранату и с разбегу бросил ее вдогонку бандиту. Бросок оказался удачным: увесистая «лимонка» угодила ему в ногу, и он сразу захромал.

И в эту секунду переулок опустел: неизвестный словно в канализационный люк провалился.

Началось самое опасное: каждое мгновение можно было напороться на смертельную пулю, пущенную с прицела из-за любого забора, из-за любой двери... Илья Александрович стал осторожно продвигаться вперед, прижимаясь к фасаду небольшого особняка. И тут в раскрытом окне первого этажа он увидел какого-то мужчину, который молча показывал ему рукой: «Там он, там!» И. А. Фридман подошел вплотную к окну и тихо спросил:

— Куда спрятался?

— За калиткой он, — в тон ему отвечал житель особняка. — В собачью будку залез... Ох, убьет он вас, у него же два револьвера!.. Вы уж поосторожнее будьте!..

— Спасибо, товарищ!..

Теперь уже можно было действовать решительнее... Илья Александрович заглянул во двор. У забора, возле калитки, стояла большая собачья будка; из входной дыры ее торчали знакомые болотные сапоги. Террорист выбил в задней стенке планку и выставил в щель дуло револьвера.

Снова затрещали частые выстрелы... И. А. Фридман по-прежнему целился только в болотные сапоги, но — промахнулся: пуля попала в живот. Чекист выволок террориста из будки за ноги, обыскал. Вот и документы... Казимир Ковалевич, комиссар Московско-Казанской железной дороги!.. Крупная птица!.. Илья Александрович запустил руку в конуру и стал тщательно прощупывать каждый угол. Он нашел в соломе второй револьвер и — самое главное — бумаги, которые Ковалевич пытался спрятать в солому.

На случайной извозчицкой пролетке Илья Александрович повез труп Ковалевича на Лубянку. Он прикрыл его своей шинелью: вполне можно было получить пулю от какого-нибудь ненароком повстречавшегося анархиста.

Уже в здании МЧК И. А. Фридман узнал о том, что произошло утром в квартире анархистки Никифоровой... Когда прозвенел звонок, двое из комиссаров с револьверами в руках подошли к двери и быстро распахнули ее. Но «гость» оказался матерым подпольщиком: он мгновенно выхватил револьверы из боковых карманов своей куртки и стал стрелять. Чекисты погнались за ним по кривым приарбатским переулкам. Один из них, Лев Шиленский, был тяжело ранен в ногу, и его товарищу пришлось пре-

кратить преследование и на извозчике отвезти раненого в санитарную часть МЧК.

Первая квартира «анархистов подполья» была провалена, засада в ней стала уже бесполезной.

Но бумаги, которые нес с собой Ковалевич, дали в руки чекистов новые нити для розыска.

Вторая конспиративная квартира, которую удалось раскрыть, находилась в Глинищевском переулке, в том самом доме, куда через час после взрыва бомбы привела чекистов неизвестная молодая женщина.

«Неужели она нас тогда не обманывала?» — думал Илья Александрович, когда он с несколькими товарищами спешил к дому в Глинищевском переулке. — Неужели нас тот врач вокруг пальца обвел?..»

Они подошли к знакомому подъезду и стали подниматься по лестнице. Илья Александрович смотрел на таблички, прикрепленные к дверям. Нет, та квартира, к которой они направлялись, была двумя этажами выше.

Что делать дальше?.. Никто не знал, конечно, сколько бандитов сидело за этой дверью и как они были вооружены. Можно было рисковать своими жизнями — это было неизбежно почти каждый день, почти на каждом шагу, — но в бою могли пострадать и жители дома.

Решили установить наблюдение за анархистской «явкой» из окна дома напротив... Ждать пришлось недолго. К подъезду подошел какой-то статный мужчина, одетый в бекешу. Одна особенность его облика сразу насторожила чекистов: обе руки неизвестного были глубоко засунуты в боковые карма-

ны; вполне возможно, что в каждом кармане лежало по револьверу. Незвестный огляделся и скрылся за широкими дверями.

Один из чекистов выскочил в переулок и тоже нырнул в подъезд вслед за подозрительным в бекеше. Тот открыл ключом дверь конспиративной квартиры и исчез за ней. Минут через пять он вышел и, заперев дверь, стал спокойно и неторопливо спускаться по лестнице.

Решение было принято сразу: «Ребята, этого берем!»

Трое чекистов пошли следом за «бекешей». Незвестный свернул на Большую Дмитровку (теперь улица Пушкина). Возле многоэтажного здания чекисты приблизились к «бекеше» вплотную и мгновенно скрутили ему руки за спину... Предположение подтвердилось полностью: в каждой руке он сжимал по револьверу; кроме того, в специальном свертке, прилаженном под мышкой, лежало несколько гранат-«лимонок».

Это был один из видных анархистских вожakov по кличке «Батя». Его направили на Лубянку, а ключами, отобранными у него, спокойно открыли дверь пустующей квартиры.

Чекистская засада стала ждать «гостей»...

Одно из окон этой просторной квартиры выходило на лестничную площадку. Ничем не примечательное окно, задернутое занавеской. На подоконнике стояла вместительная продолговатая тарелка-хлебница, на которой возвышалась горка аккуратно нарезанных кусков свежего белого хлеба. Тарелка с белым хлебом — далеко не обычная примета в тогдашних московских квартирах: время было голод-

ное. Но... она не вызвала у молодых чекистов никаких подозрений. Если бы они смогли догадаться, какую роль играла эта злополучная хлебница!..

В ловушку попались первые «гости». Все прошло благополучно: их скрутили и посадили в самой дальней комнате. Проходил час за часом. Снабдить пищей и чекистов, и арестованных было делом очень рискованным; до наступления темноты об этом нечего было и думать. Приходилось терпеть... И вот тут арестованные анархисты стали настойчиво просить «чего-нибудь». Они уверяли, что их терзали просто невыносимые муки голода, кивали в сторону окна с хлебом — чего зря лежит.

Илья Александрович перебрался несколькими фразами с товарищем и решил: пусть едят, они уже в нашей власти, мы обязаны заботиться об их питании.

Во второй половине дня на лестнице появился высокий, плечистый парень. Он медленно поднялся по ступенькам, скосив напряженный взгляд на подоконник, где — между стеклом и занавеской — стояла уже порядком опорожненная хлебница.

Чекисты насторожились. Они пристально следили из-за той же занавески за каждым шагом, за каждым движением неизвестного... тот поднялся на этаж выше, постоял немного и стал так же медленно спускаться. Глаза его так и впелись в хлебницу... Вдруг он зашагал быстрее.

— Ребята, берем! — приказал И. А. Фридман. Дверь распахнулась.

— Стой! Руки вверх! Стрелять будем!

Неизвестный выдернул из карманов тужурки два

револьвера. Плотная стрельба гулко загремела в лестничном пролете. Высокий парень скатился вниз и выскочил в переулок, И. А. Фридман и несколько его товарищей бросились за ним.

Пуля настигла бандита на углу Тверской и Гнездииковского переулка. В последние секунды он успел швырнуть самодельную гранату, но... В отчете, напечатанном позднее в газетах, Московская чрезвычайная комиссия писала: «Бомба случайно попала в портфель тов. комиссара, который зажал ее там, а имевшимся у него в другой руке револьвером он застрелил Петра Соболева».

Да, это был Петр Соболев, анархистский «Бонапарт», бросивший бомбу в здание Московского комитета партии.

Чекистская засада была в отчаянии: неужели провалили и вторую квартиру?! Такую пальбу устроили в самом центре города! Но опасения были напрасными: буквально час спустя в прихожей был скручен один из самых отчаянных налетчиков-анархистов, Мишка Гречаник. И на нем «визиты» не кончились.

Клубок заговора стал стремительно разматываться. Чекисты захватили третью «базу» — своего рода подпольное «общезитие» анархистских бандитов в доме на Рязанском шоссе. Там «улов» был еще более обильным.

На Рязанском шоссе была арестована молодая женщина, которая вечером 25 сентября привела чекистов в квартиру ни в чем не повинного врача. Она оказалась сестрой «Бати». Женщина подошла к И. А. Фридману:

— Узнаешь, комиссар! А я ведь вам тогда всем

жизнь спасла... Не обманула я вас, гуляли наши в квартире, но только двумя этажами выше.

Они меня послали поглядеть — много ли погибло, убит ли Ленин. Как увидела я, что они натворили, такая на меня злость нашла, что решила я их всех выдать! А по дороге подумала: вас только пять человек, одни револьверы у вас; а там — человек пятнадцать, да с бомбами! Убили бы они всех вас как пить дать! А сами бы разбежались. Ребята вы молодые, мне вас так жалко стало, что передумала я и на другую квартиру показала.

Организация «анархистов подполья» была обезглавлена и обескровлена, но еще не разгромлена полностью. Опасность еще не была устранена... Но где-то в Москве или неподалеку от нее продолжала действовать тайная типография. Уцелевшие на свободе анархисты печатали листовки. «Нет никакого сомнения в том, — грозила одна из них, — что вслед за актом в Леонтьевском переулке другие акты последуют. Они неизбежны».

(Чекисты: Сборник. — М., 1970)

СОБОЛЕВ НАМЕРЕВАЛСЯ ВЗОРВАТЬ КРЕМЛЬ ДИНАМИТОМ

Один из лидеров русских «анархистов подполья» Соболев намеревался взорвать Кремль динамитом. По его приказу взрывчатку завозили в Москву и прятали на тайном складе. Он успел завести знакомства среди служащих Кремля, застаться поддельными пропусками. Вместе с одним из своих дружков он на прогулочной лодке незаметно подплыл к огромной канализационной трубе, зев которой чернел над поверхностью Москвы-реки вблизи Кремля. Оставив дружка в лодке, Соболев с электрическим фонариком в руке пробрался по трубе до того места, где отвесно вверх на кремлевский двор уходил долгий колодец.

7 ноября 1919 года в часы демонстрации «анархисты подполья» решили устроить «кровавую баню» на Красной площади и других площадях и улицах.

До Октябрьских праздников оставались буквально считанные дни, можно сказать — уже часы.

И только в ночь с 4 на 5 ноября чекисты установили адрес тайной динамитной мастерской «анархистов подполья».

Подмосковный поселок Красково, дача некоего Горина.

Глубокая ночь... Чекистская машина мчится по загородному шоссе...

Тридцать чекистов — молодых рабочих парней в потрепанных кожаных тужурках сидят, плотно прижавшись друг к другу, на широких продольных

скамьях. Студеный ветер пробрал их до костей. Среди этих тридцати — Николай Чебурашкин, Николай Павлов, Александр Захаров, Николай Дроздов, И. А. Фридман и его брат Михаил. Все они сидели в засадах, обезоруживали бандитов, преследовали их под пулями на улицах и в переулках. Отрядом командовали В. Н. Манцев и С. А. Мессинг.

Вот по обеим сторонам дороги завиднелись в темноте черные приземистые силуэты дач — поселок Красково.

Оперативный чекистский отряд приближался к месту последней и, наверное, самой ожесточенной схватки с «анархистами подполья».

Дача Горина выходила фасадом на дорогу из Краскова в Малаховку. Просторное деревянное строение с застекленным мезонином. Стены выкрашены светло-коричневой краской. Вокруг стоял плотный, полнорослый сосновый лес — собственность княгини Оболенской, у которой богатые москвичи в старое время арендовали участки для дач.

Чекисты бесшумно оцепили дачу. С револьверами в руках приближались они к безмолвному чернооконному дому, укрываясь за стволами столетних сосен. Шли осторожно, бесшумно, даже дыхание старались сдерживать...

Двое подошли к дверям дачи, прислушались и попытались снять дверь с петель. Взрыв, второй, третий!.. Наверное, у анархистов было ночное дежурство. Разгорелся настоящий бой. Осажденные отбивались залпами, бросали гранаты. Почти не ослабевая ни на минуту, бой продолжался два с половиной часа. Несколько раз В. Н. Манцев громко

кричал, обращаясь к осажденным: «Сдавайтесь! Сопротивление напрасно, вы окружены!..»

Вдруг прогрехотал страшной силы взрыв. Дача была буквально поднята на воздух. Над уютным, насмерть перепуганным, ничего не понимающим дачным поселком взметнулось зарево пожара. Один за другим ухали взрывы, разбрасывая далеко по сторонам пылающие обломки... Только четыре часа спустя чекисты смогли, наконец, приблизиться к обуглившимся развалинам. Они отыскали в них остатки типографского станка, две невзорвавшиеся «адские машины» — жестяные банки с пироксилином, оболочки для бомб, револьверы.

Под рухнувшим потолком валялись трупы шести анархистов. Никто из чекистов не пострадал. Сосны оказались надежным укрытием от анархистских пуль.

На этом месте остался просторный, заросший травой двор; пустырь-пепелище потом так и не застроили.

(Чекисты: Сборник. — М., 1970)

ПОСЛЕ ВЫСТРЕЛА

В августе 1925 года на даче в Чебанке, близ Одессы, выстрелом в упор был убит Котовский.

Кто стрелял в него? Чем было вызвано убийство?

О Котовском написаны десятки книг; главы, посвященные ему, есть в большинстве произведений, исследующих историю гражданской войны. Имя легендарного полководца вошло в энциклопедии и справочники. Поищем ответы на наши вопросы в книгах. И обнаружим: ответов... нет. Нет ответов! Выстрел, остановивший сердце сорокачетырехлетнего командира кавалерийского корпуса, не стал чрезвычайным происшествием для страны, не сделано никаких попыток разобраться в том, чем было вызвано злодейство. «Предательски убит в совхозе Чебанка», — так о гибели Котовского сообщила в 1937 году Большая Советская Энциклопедия. Конечно, то был год, когда не только об одном Котовском не писали всей правды. Но заглянем в более поздние энциклопедические издания. Формулировка тридцать седьмого года — без изменений! — перенесена в БСЭ 1953 и 1965 годов. В Большой Советской Энциклопедии, изданной в 1973 году, в Советской Военной Энциклопедии, вышедшей в 1977 году, вообще ничего не сказано о том, где и как погиб Котовский. Статьи о полководце, помещенные здесь, заканчиваются неопределенно: «Похоронен в Бирзуле». В 1982 году в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга Геннадия Ананьева «Котовский». Но вот что пишет автор о смерти Котовского: «Жизнь оборвала пуля, выпущенная безжа-

лостной рукой из маузера». Чьей рукой? И почему безымянный убийца поднял руку на Котовского? Об этом ни слова...

Однажды в редакцию газеты «Вечерний Кишинев» пришел пожилой человек и, поговорив о своем деле, вдруг сказал: — Котовский погиб на моих глазах, и я могу рассказать, как это было. Нет, не для того, чтобы вы об этом написали, — правда об этой смерти уже давно никому не нужна, расскажу просто так, только для вас.

И вот что он рассказал:

— Я был с Котовским в Чебанке. В тот вечер сидели за столом, выпивали. Котовский пришел с незнакомой нам молодой женщиной... Ну пили водку, разговаривали, время перевалило за полночь, и тут Котовскому показалось, что военный, сидевший напротив него, как-то «не так» смотрит на его новую пассию. Он расстегнул кобуру, достал револьвер и сказал военному: «Я тебя сейчас застрелю». Адъютант Григория Ивановича, зная, что командир слов на ветер не бросает, стал отнимать у него оружие, и во время этой возни раздался выстрел — Котовский сам нечаянно нажал курок, и пуля попала ему прямо в сердце...

Зачем тот человек все это рассказывал? В его словах не было и малой толики правды, и он хорошо знал об этом.

Летом 1925 года семья Котовских отдыхала в совхозе Чебанка, занимая маленький домик недалеко от моря. Григорий Иванович проводил здесь свой первый в жизни отпуск. За неделю до конца отпуска семья стала собираться в Умань, где стоял штаб кавалерийского корпуса. Торопили два обстоятель-

ства: во-первых, Котовский получил сообщение, что новый наркомвоенмор М. В. Фрунзе решил назначить его своим заместителем, значит, надо было не мешкая сдавать корпус и ехать в Москву. Во-вторых, подходило время рожать жене, Ольге Петровне (дочь Елена родилась в день похорон Котовского, 11 августа 1925 года).

Вечером накануне отъезда Григорий Иванович зашел в правление местного совхоза. Здесь он бывал часто, подружился со специалистами, а поскольку и сам в юности окончил сельскохозяйственное училище, им было о чем поговорить. Возвращался домой поздним вечером. Темнело. До веранды дома оставалось несколько шагов, когда из кустов вдруг мелькнула тень и тотчас же раздались три выстрела.

Сын Г. И. Котовского рассказывал мне, что, услышав выстрелы, мать его выбежала из дома и в нескольких метрах от крыльца увидела отца. Котовский лежал вниз лицом, широко раскинув руки и ноги. Пульса не было. Пуля убийцы попала в аорту, и смерть наступила мгновенно... Врачи потом скажут: попади пуля не в аорту, могучий организм Котовского выдержал бы...

На выстрелы прибежали соседи, помогли внести тело на веранду. Все терялись в догадках: кто посмел стрелять в Котовского?! Кинулись искать убийцу, но тот, естественно, поспешил спрятаться.

И вдруг той же ночью преступник... объявился сам.

— Вскоре после того, как отца внесли на веранду, — рассказывал Г. Г. Котовский, — а мама оста-

лась у тела одна, сюда вбежал Зайдер и, упав перед ней на колени, стал биться в истерике: «Это я убил командира!» Маме показалось, что он порывался войти в комнату, где спал я, и она, преградив Зайдеру путь, крикнула: «Вон, мерзавец!» Зайдер быстро скрылся...

Убийца был схвачен на рассвете. Впрочем, он и не делал попыток скрыться, а на суде и на следствии полностью признал свою вину. Кто же такой этот Зайдер Мейер, или, как все звали его, Майорчик Зайдер?

Он не был ни адъютантом полководца, ни вообще военным. Его профессиональные интересы были, как говорится, совсем по другому ведомству. До революции Зайдер содержал в Одессе публичный дом. Заведение это устояло в дни Временного правительства, не до него было и одесским большевикам сразу после Октября. К 1918 году хозяин «дома» был уже состоятельным человеком: своей жене, бывшей одесской проститутке, купил дорогое бриллиантовое кольцо, накопил достаточно денег, чтобы приобрести особняк с видом на море. Но с покупкой особняка он не торопился — в Одессе в тот год еще частенько стреляли.

В оккупированном городе было много военных: деникинцы, петлюровцы, польские legionеры, греческие, французские, английские, румынские солдаты и офицеры. И каждое войско имело свою контрразведку. Особый интерес у контрразведчиков вызывал неуловимый Котовский. Они знали, что знаменитый бессарабец работает по заданию подпольного большевистского ревкома, что участвовал он в освобождении арестованных подпольщиков, ус-

траивал диверсии на железной дороге, переправлял партизанам на Днестр отнятое у оккупантов оружие. Много шума наделал в городе дерзкий налет Котовского на деникинскую контрразведку...

Однажды в полдень дверь в «дом» Зайдера открыл могучего телосложения артиллерийский капитан. Не дав хозяину прийти в себя, вошедший сказал:

— Я Котовский. Мне нужен ключ от вашего чердака. — И, получив ключ, добавил: — Вы не видели сегодня ни одного капитана. Не так ли?

Зайдер, торопливо подтвердив это, проводил гостя до лестницы, которая вела наверх. Спрятав «капитана», он наверняка долго мучился вопросом, идти ему в контрразведку или не идти... Ночью Котовский, переодевшись в гражданскую одежду, «одолженную» у Зайдера, и надев парик, который он, отправляясь на операцию, прихватил с собой, спустился с чердака и, прощаясь, сказал:

— Я ваш должник...

Так в беспокойный год свела судьба Котовского и Зайдера: о своем одесском приключении Григорий Иванович рассказал при случае жене.

В 1920 году Советская власть закрыла публичный дом Зайдера. Два года он перебивался кое-как, а потом, узнав, где стоит кавалерийский корпус его «должника» Котовского, отправился в Умань просить того о помощи, и Котовский помог ему — в 1922 году Зайдер стал начальником охраны Перегоновского сахарного завода, находившегося близ Умани. Завод был особым подразделением кавалерийского корпуса: новая власть поручила военным возродить производство, бывшие торговцы бежали

за границу. Человек практичный, не лишенный организаторских способностей и коммерческого ума, Майорчик Зайдер помогал Котовскому налаживать быт кавалерийского корпуса: котовцы, например, заготавливали кожи, везли их в Иваново, где обменивали на ткани, из которых потом в собственных мастерских шили обмундирование.

В тот злополучный август Зайдер приехал в Чебанку на машине, вызванной из Умании Котовским. Свой приезд Зайдер мотивировал тем, что хочет помочь семье командира собраться в обратную дорогу. Не исключено, что Котовский заранее знал о его приезде и не препятствовал этому, ибо ничто не предвещало беды...

Как видим, отношения между Котовским и Зайдером до случившегося в Чебанке были нормальные. Более того, Зайдер был благодарен Котовскому за то, что получил работу, а это для бывшего содержания публичного дома, прямо скажем, было огромным везением, ведь в те годы на биржах труда стояли в очередях тысячи безработных; к 1925 году их стало полтора миллиона.

За добро обычно платят добром: что же толкнуло Зайдера на преступление?

Процесс над убийцей начался в августе 1926 года. Версия «преступник стрелял из ревности» на суде не возникала. Сам Зайдер заявил, что убил Котовского потому, что тот не повысил его по службе, хотя об этом он не раз просил командира.

В том же здании одновременно с Зайдером судили уголовника, ограбившего зубного техника, и суд приговорил его к расстрелу. Человека же, убившего самого Котовского, — к десяти годам...

Но и на этом наши недоуменные вопросы не кончаются.

Зайдер отбывал срок в харьковском допре, и вскоре он — по существу, безграмотный человек — уже заведовал тюремным клубом, получил право уходить из тюрьмы в город. В 1928 году, всего через два года после приговора, его вообще выпускают на свободу, и Зайдер устраивается работать сцепщиком на железную дорогу.

Осенью 1930 года 3-я Бессарабская кавалерийская дивизия, расквартированная в Бердичеве, праздновала юбилей — десятилетие боевого пути. На праздник и маневры по случаю юбилея были приглашены котовцы — ветераны дивизии. В их числе и Ольга Петровна Котовская, которая, будучи врачом, в кавалерийской бригаде мужа прошла по дорогам гражданской войны не одну сотню огненных верст. Однажды вечером к ней в комнату пришли трое котовцев, с которыми она была хорошо знакома, и сказали о том, что Зайдер приговорен ими к смертной казни. Ольга Петровна категорически возразила: ни в коем случае нельзя убивать Майорчика, ведь он единственный свидетель убийства Котовского, тайна которого не разгадана... Не будучи уверенной в том, что доводы ее убедили гостей, Ольга Петровна на следующее утро рассказала об этом визите командиру дивизии Мишуку. С требованием помешать убийству Зайдера обратилась она и в политотдел дивизии...

Опасения Ольги Петровны оказались не напрасными. Вскоре вдове Котовского сообщили: свой приговор кавалеристы привели в исполнение. Труп Зайдера был обнаружен недалеко от харьковского

городского вокзала, на полотне железной дороги. Исполнители приговора, убив сцепщика, кинули его на рельсы, чтобы имитировать несчастный случай, но поезд опоздал, и труп не был обезображен.

Из рассказа сына Котовского я узнал, что убийство совершили трое кавалеристов. Фамилии двух — Стригунова и Вальдмана — он помнит, третью забыл. Никто из участников казни Зайдера не пострадал — их просто не разыскивали.

Да, но почему не разыскивали? В Бессарабской дивизии ведь знали о готовившемся покушении. Информация отсюда, по всей видимости, была передана куда следует. Кто же тогда перекрыл ей путь к районному отделению милиции, расследовавшему ЧП на Харьковской железной дороге?

Мы не найдем ответов на все наши вопросы, если, подобно одесскому суду, будем искать мотивы убийства Котовского только в самом убийце. Зато все легко объяснится при возникающем предположении, что Зайдер был не только не единственным, а и не самым главным преступником: стреляя в Котовского, он выполнял чью-то чужую злую волю. Но вот чью?

Кто мог свободно манипулировать следователями и судьями, занимавшимися «делом» Зайдера? Кто мог так засекретить материалы судебного процесса над убийцей Котовского, что до сих пор они не увидели света? Кем было наложено вето на публикацию сведений, которые хоть как-то приоткрыли бы тайну трагедии в Чебанке? Ответ напрашивается сам собой: сделать это могли только люди, обладавшие огромной и, по существу, неограниченной политической властью...

За несколько дней до преступления у жены начальника охраны сахарного завода появилось дорогое кольцо. Нет, не то, что было подарено ей мужем в дни, когда тот владел в Одессе публичным домом: старое украшение в Умани хорошо знали, жена Зайдера не раз надевала его. Колье было другое. На какие деньги в 1925 году смог купить Зайдер эти бриллианты? Не исключено, что они и были авансом за убийство Котовского.

(Козаков. В. После выстрела // Знамя. 1989. Май)

ПАРТИЙНОЕ ПОРУЧЕНИЕ: ЗАРЕЗАТЬ НАРКОМА

Преступление, о котором рассказывают документы, было задумано летом 1928 года. Почему было выбрано это время и почему жертвой стал Г. К. Орджоникидзе?

Товарищ Серго оказался в числе немногих старых большевиков, которые сохранили к 1928 году положение в партии и в государстве. Орджоникидзе пытался противостоять Сталину, не соглашаясь со многими его планами и намерениями. Вероятно, последним событием, которое окончательно испортило их отношения, стало «шахтинское дело».

На кисловодском курорте С. Орджоникидзе принимал лечебные ванны, пил минеральную воду. В один недобрый день у него кольнуло в спине с правой стороны. Он сказал об этом врачу. После осмотра в Лечебно-санаторное управление Кремля (позднее переименованное в Четвертое Главное управление Минздрава СССР) ушла шифрованная телеграмма. На ее основе было составлено письмо. Оно адресовалось Емельяну Ярославскому, члену Президиума и секретарю Центральной контрольной комиссии ВКП(б). Он отвечал за охрану здоровья руководителей партии и правительства.

«Москва. 5 июля 1928 года. Секретно. Уважаемый тов. Ярославский!

Сообщаю, что консультация у тов. Серго обнаружила увеличение правой почки и семенного пузырька. Вопрос об инструментальном исследовании отложен до прибытия Федорова...

Для прогноза очень важно выяснить, где локализуется туберкулезный процесс, что будет выяснено рядом дополнительных исследований.

Сообщено Т. Т. Рудзатаку, Смирнову, А. П. Горбунову, Таннеру — ЦК ВКП(б).

Зам. начсанупра Кремля Металликов».

Штемпель: «Секретный отдел ЦК ВКП(б) — НКРи СССР».

Резолюция: «Срочно: Яковлеву, Лебедеву, Шкирятову (доставить сегодня).

6.7.28, Ярославский».

Запомним: первый консилиум обнаружил увеличение правой почки и правого семенного пузырька и предварительно установил, что оба органа поражены туберкулезом.

Буквально через день в Москву поступила еще одна телеграмма: «Общее состояние хорошее, диагноз подтвердился... Больной оставлен Кисловодске до начала августа целью общего укрепления здоровья. Федоров, Фронштейн, Бурмин, Болотнер».

В Москве не поняли, о каком диагнозе идет речь.

Кисловодск уточнил: «Туберкулез правого семенного пузырька и почечная пиурия. Окончательное решение требует повторного исследования на туберкулез путем посева и прививки — это будет проведено здесь».

Уточняющая телеграмма способна была вызвать только недоумение. Если окончательное решение требовало повторного исследования, то как удалось сразу установить, что один из семенных пузырьков (их несколько) уже поражен туберкулезом? Любопытно, что в последующих телеграммах пузырек больше ни разу не упоминался...

А пиурия — это был не диагноз, не название болезни, а только симптом. Пиурия — гной в моче — возникает при различных заболеваниях: при камнях в почках, воспалениях, а также и при туберкулезе. Предположить, что четыре медика этого не знали, довольно трудно...

«Строго секретно. Тов. Ярославскому

Препровождаю копию телеграммы о состоянии здоровья тов. Серго.

Металликов

19.7.28

...Три недели острых приступов нет. Тупые небольшие боли продолжаются. Температура нормальная. Моча без перемен...

Бурмин».

И эта телеграмма была похожа на кроссворд. Какие острые приступы имел в виду доктор Бурмин? Неясной была и фраза, что «моча без перемен».

Прошел август. Начался третий месяц пребывания Орджоникидзе на курорте. Никакого лечения он не получал. При этом о переезде в Москву не было и речи. Складывалось впечатление, что врачи умышленно задерживали Серго в Кисловодске. Для чего?.. По чьему распоряжению?.. Вероятно, Орджоникидзе еще и потерпел бы эту странную ссылку, но случилось одно тревожное событие, о чем он тут же сообщил Ярославскому.

«Строго секретно. 8 сентября 1928

Дорогой товарищ Емельян!

Пока что я тут торчу без толку. Разов пять лазали мне в почки и как будто выяснили, что больна левая почка, но чем она больна, туберкулезом или простым пиелитом, пока это с достоверностью неиз-

вестно, по крайней мере, мне не говорят. Исследование мочи, взятой отдельно из каждой почки, пока коховской палочки не дало, а прививка свинке дает результаты через две недели...»

Орджоникидзе не успел закончить письмо — его пригласили к себе врачи. Возвратясь от них, он сделал взволнованную приписку:

«...Тебе, наверное, уже известно, что здесь все перепуталось: у меня все время болела правая почка, а они утверждают, что правая здоровая, а левая больная. Вот дай им вырезать левую, а правая будет продолжать болеть... Твой Серго».

Ситуация становилась угрожающей и загадочной. Ведь если бы Орджоникидзе по ошибке лишился здоровой почки, он был бы обречен. А врачи не только не проявляли необходимой осторожности, а требовали от больного немедленного согласия на операцию, которую собирались произвести в Кисловодске.

Как должен был поступить Ярославский, получив такой сигнал!? Прежде всего ему надлежало вызвать к себе Металликова, потребовать от него объяснений. Если бы Металликов не сообщил ничего вразумительного, Ярославский был обязан соединиться с председателем ОГПУ Менжинским и потребовать: 1. Арестовать Металликова и кисловодских врачей. 2. Немедленно доставить Орджоникидзе в Москву под усиленной охраной (пока не поздно!). Ведь действия медиков были похожи на то самое вредительство, о котором столько раз предупреждал товарищ Сталин.

Что же предпринял Ярославский? Он не стал вызывать Металликова, не позвонил Менжинскому и

даже не дал телеграмму Орджоникидзе. Ярославский просто переслал письмо своему столоначальнику.

«11 сентября 1928 года. Секретно

ЦК ВКП(б) — т. Молотову

По распоряжению т. Ярославского направляется для Вашего сведения письмо тов. Орджоникидзе, присланное тов. Ярославскому.

Приложение — на 1 листе.

Зав. секретным отделом ЦКК — НКРИ Зорин».

Ярославский, действительно, был в курсе начавшейся диагностической игры, призванной сбить Орджоникидзе с толку и заставить его дать согласие на операцию. Он был огорчен, что Орджоникидзе обо всем догадался, и хотел, чтобы Сталину о случившемся доложил Молотов.

Вероятней всего, после «шахтинского дела» Сталин не желал видеть Орджоникидзе, держал его с помощью врачей на Кавказе и хотел, чтобы Серго остался там навсегда, но без скандала. Кто-то из врачей-подручных предложил удалить Орджоникидзе здоровую почку. Тогда пациент умрет как бы сам, потому что больная почка не выдержит нагрузки. Сталину план понравился. Он обещал бесшумное убийство. Тем более что операцию предполагалось делать на Кавказе. В случае неудачи и ненужной огласки можно было бы свалить вину на провинциальных хирургов.

Орджоникидзе оказался в полном одиночестве. Из старых друзей он теперь доверял только Кирову, но тот находился в Ленинграде. Пользуясь okazji, Серго послал с женой Кирова письмо, но и оно напоминало крик немого: Орджоникидзе не рискнул

сообщить, что его собираются убить, что врачи уже точат скальпель.

«Здравствуй, дорогой мой Киров, — писал он. — Как прошла твоя охота? Ты, брат, все-таки по-человечески отдохни, а то тоже что-нибудь выскочит, а потом будет поздно.

Я себя чувствую ничего, хотя почки болят все время, скоро вернусь в Москву, и там решим, как быть дальше. Дела с почками очень важные, но тут ничего не поделаешь — Маруся расскажет подробно. Мне чертовски хочется поболтать с тобой по очень многим вопросам, но в письме всего не скажешь...»

Трудно поверить, что это один руководитель государства пишет другому. Послание больше напоминает записку из тюрьмы. Орджоникидзе лихорадочно искал, что может его спасти. И нашел. Он сам написал в Ленинград, в туберкулезный институт, и попросил сообщить о результатах прививок на свинках. Имея заключение ученых, Серго надеялся отбить натиск кисловодских медиков и спасти почку. Ответ ему был отправлен немедленно.

«Ленинградский туберкулезный научный институт

Заведующий лабораторией

1 сентября 1928 года

Уважаемый товарищ Орджоникидзе!

Имею Вам сообщить следующее.

1. Гистологическое исследование (более подробное) убитой в Кисловодске свинки ничего нового не дало — никаких указаний на вирус нет.

2. Из 12 имевшихся у меня свинок две я (...) от-

правил в Тифлис (...) Остальные находятся у меня, все они прибавляют в весе (...)

С приветом уважающий Вас

С. Щедровский»

Щедровский, сам того не ведая, разоблачил преступный сговор: туберкулеза у Серго не было. Ленинградский ученый спасал Серго от смерти. Мало того, Орджоникидзе теперь мог заявить, что врачи занимаются подлинным вредительством. Однако беда состояла в том, что ответа Щедровского Серго не получил: кисловодские врачи заключение ленинградских врачей скрыли и продолжали настаивать на немедленной операции.

Письмо в Ленинград нарком отправил тайком. Известно одно: оно было перехвачено, отослано в Москву, в Лечсанупр, и приобщено к связке бумаг «о состоянии здоровья тов. Орджоникидзе».

Товарищ Серго остался безоружен, но одержал первую победу: не позволил кисловодским врачам уложить себя на операционный стол.

Дело начало приобретать скандальный характер. Долгое отсутствие Орджоникидзе было замечено в стране и за рубежом. Наркому разрешили вернуться в Москву. Он приступил к работе.

Однако Сталин не думал отступать от задуманного. Он продолжал настаивать (через Ярославского) на немедленном удалении левой почки. Тут к Орджоникидзе снова пришла помощь: за него заступились московские врачи. На очередное требование произвести операцию они ответили вежливым, но дружным отказом.

«Заключение о состоянии здоровья т. Орджоникидзе. 8 января 1929 года.

Последние лабораторные исследования, строго и научно поставленные с экспериментальными наблюдениями над морскими свинками, не дают права с уверенностью говорить об отсутствии туберкулезного процесса в правой почке.

С другой стороны, клиническое течение болезни у т. Орджоникидзе и целый ряд соображений, связанных с изучением различных анализов, дают право говорить о благоприятном течении основного туберкулезного процесса, о достаточной способности организма бороться с этой хронической инфекцией.

Оба эти положения заставляют отказаться для данного момента от оперативного вмешательства.

В начале марта должны быть повторены исследования для определения функции правой почки.

Профессора Федоров, Розанов, Фронштейн, Бурмин, д-р Левин, проф. Лежнев, д-р Металликов».

Любопытно, что документ подписал и начальник Лечсанупра Михаил Металликов. Письмо отразило борьбу двух групп врачей: как мы помним, первый консилиум с участием московских медиков отметил увеличение правой почки, о том, что будто бы больная левая, «по рекомендации ЦК», заявляли кислородские врачи, но московская профессура кислородской «диагноз» не приняла.

Кремлевские врачи сражались не только за наркома, но и за себя. Их не устраивала роль, которую им собирался отвести Сталин.

Ни Молотов, ни Ярославский не спешили докладывать, что врачи не желают удалять здоровую почку. Быть может, оба надеялись, что вождь за множеством дел забудет об этом своем приказании.

Но Сталин не забыл, поинтересовался. Пришлось показать ему заключение врачей. Сталин разразился угрозами и проклятиями. Девять врачей подверглись устрашающей психологической обработке. Только после этого смог появиться на свет еще один документ.

«Тов. Семушкину, РКИ-ЦКК

14.11.1929 г. в 11 часов 30 минут утра произведена, согласно постановлению ряда консилиумов, операция т. Орджоникидзе по поводу туберкулезного заболевания левой почки. Операция заключалась в удалении левой почки. Удаление почки протекло благополучно. Найденные в ней туберкулезные изменения подтвердили диагноз и необходимость произведенной операции.

Федоров, Фронштейн, Розанов, Вейсборд, Бурмин, Левин, Очкин, Максимович, Металликов».

Непосвященному человеку могло показаться, что врачи совершили выдающийся подвиг. На самом деле они обманом и силой вырезали у еще могучего сорокатрехлетнего мужчины здоровый орган, чтобы он начал медленно умирать. В этом отказался участвовать только профессор Лежнев: под «производственным рапортом» нет его подписи.

Что медики всерьез опасались за свою судьбу, свидетельствовала и перемена адресата. О состоявшейся операции они доложили не Ярославскому, которого теперь, скорей всего, ненавидели и боялись, а Семушкину — личному секретарю Орджоникидзе, чтобы он сообщил кому положено.

След изничтожающей нравственной обработки заметен и в том, что профессора даже приличия ради не попытались сослаться на какие-нибудь изме-

нения обстоятельства — ухудшение состояния, дурные анализы и тому подобное.

(Камов. Б. Партийное поручение: зарезать наркома // Совершенно секретно. 1992. № 11)

ПАЦИЕНТ В ЖЕЛЕЗНОЙ МАСКЕ

Операция была произведена блестяще — Орджоникидзе становилось все хуже. Чтобы спасти его — требовалось разрешение Сталина. Тогда еще оставались в живых и на свободе отважные люди. Одним из них был Илья Венедиктович Цивцивадзе. Он учился, как и Сталин, в духовной семинарии, был исключен за революционную деятельность, организовал подпольные типографии в Батуми и Тифлисе, вместе с Камо создал боевые дружины в Закавказье. В 20-е годы Цивцивадзе заведовал московским коммунхозом...

После консультации с понимающими людьми Цивцивадзе направил вождю простодушно-бесстрашное письмо.

«19 ноября 1930 года.

Дорогой товарищ Сталин! Я считаю необходимым сообщить тебе о следующем.

Не так давно тов. Серго, по его желанию, осматривал доктор Казаков, о методах лечения которого... я тебе писал несколько месяцев тому назад.

Насколько я его понял, состояние здоровья Серго ему представляется достаточно серьезным. Он считает, что помимо почечных явлений у него имеется чрезвычайно сильное расстройство обмена веществ. Но особенное внимание он обращает на плохую работу печени, которая внезапно может изменить состояние и без того больной почки.

Лечащие врачи... по его, Казакова, мнению, «усыпляют только его (Орджоникидзе) бдительность».

Свое мнение о болезни тов. Серго... ему (Казакову) пришлось более подробно изложить... на консилиуме врачей (Розанов, Федоров, Фрамгольц)... Однако весь консилиум свелся к тому, что доктор Левин уговаривал Казакова не настаивать на лечении тов. Серго его методами, т. к. мол, он... чувствует себя хорошо и никаких жалоб не заявляет.

В заключение Казаков сказал так: «Эти профессора больше заботятся о себе и своей безопасности, чем о состоянии больного».

С комприветом. Жму руку.

И. Цивцивадзе».

Письмо раскрыло нам дальнейшую драму Серго: он слабел, почка не справлялась с нагрузкой. Орджоникидзе не верил больше ни одному слову кремлевских медиков. Он искал и нашел И. Н. Казакова, в честности которого не сомневался, но Казаков мог лечить члена Политбюро только с разрешения Лечсанупра, а Лечсанупр такого согласия дать не мог. Цивцивадзе прямо заявил вождю, что медики отказываются помочь Серго, заботясь «о своей безопасности».

Несложно было догадаться, кого они боялись.

Обращение Цивцивадзе к Сталину ничего не изменило.

Тогда была предпринята еще более отчаянная попытка. Возникла тайная группа. Она задалась целью спасти Орджоникидзе. И опять — в обход кремлевских медиков. Это были сотрудники Наркомата тяжелого машиностроения.

С полным основанием следует сказать, что объединились смертники. Во-первых, они создали подпольный коллектив. Во-вторых, поставили перед

собой цель переиграть чекистов из Лечсанупра (а на самом деле Хозяина). В-третьих, они установили контакт с границей.

Сотрудник иностранного отдела Наркомтяжмаша М. Владимиров, находясь в Берлине, отправился к самому известному в Европе терапевту профессору С. Ноордену, который жил в Вене. Цель визита состояла в том, чтобы описать состояние здоровья Орджоникидзе и получить рекомендации по заочному лечению.

Естественно, правду говорить было нельзя. Придумали легенду: мол, нуждается в помощи «директор департамента одного из министерств». Директору дали фамилию Семушкин.

«Когда я кратко описал нагрузку и масштаб работы такого директора, — писал Владимиров, — то на это он (Ноорден) искренно воскликнул: «Если это верно, то господин С. при помощи сильнодействующего средства покончит жизнь самоубийством».

Ноорден отказался лечить «Семушкина» заочно. Узнав, что больной лишен возможности выехать в Вену, он заявил, что готов сам отправиться в Москву.

Возникла устрашающая ситуация: чтобы спасти Орджоникидзе от Сталина, нужно было сообщить о состоявшихся переговорах Сталину. Он должен был дать согласие на лечение. И деньги. Речь уже шла не только о здоровье Серго, но и о жизни всего руководства Наркомтяжмаша.

Между тем самочувствие Орджоникидзе ухудшалось. На работе он потерял сознание.

«Был консилиум... у т. Серго, — писал в дневнике А. Д. Семушкин. — Раньше думали, что шалит

почка, а теперь — сердце. Они нашли, что у него сейчас блуждающая жаба».

А. Д. Семушкин был профессиональным чекистом. Он боготворил Орджоникидзе, который доверял ему, как самому себе. Парадокс состоял в том, что Семушкину доверял и Сталин. Он часто давал ему личные поручения.

Когда понадобилось опередить утечку информации о том, что в Вене состоялись переговоры, касавшиеся Орджоникидзе, то эту деликатную миссию доверили Семушкину. Считалось, что сведениям, полученным от Семушкина, Сталин безусловно поверит. Но Семушкин по своему служебному рангу не имел права обращаться напрямую к вождю. О состоявшихся переговорах с Ноорденом он рассказал Анастасу Микояну. Выбор оказался удачным. После беседы с Микояном Сталин позвонил пригласить профессора. Случилось это уже 15 июля 1936 года.

Когда Ноорден сообщил, что выезжает в Москву, возникла новая проблема: Орджоникидзе не мог сойти за русского. Самым простым было объявить профессору: «Извините, не хотели создавать шумиху вокруг известного лица, поэтому скрыли его за фамилией Семушкин». Но все решения в стране принимал только один Человек. Сталин испугался, что за границу просочатся сведения о злодейской операции, сделанной наркомун.

Сталин потребовал «засекретить» Серго, яркая внешность которого была известна по газетным фотографиям во всем мире. Так что, когда Ноорден прибыл в Москву, его повезли к больному, которого звали не Орджоникидзе и даже не Семушкин, а... Орбелиани.

Ноорден подтвердил славу выдающегося терапевта. Лечение, проведенное по его методике, резко улучшило здоровье Орджоникидзе. Прежде всего компенсировалась правая, больная почка. Она уже справлялась с нагрузкой. Это означало, что давняя операция ни с какой стороны не была нужна. Ноорден готов был продолжить лечение и только просил ему сообщить время следующего приезда. Скорей всего, Ноордену был назначен февраль.

Вероятно, в это же время Сталин поручил Берии подобрать людей для выполнения особого задания.

А пока что Политбюро вынесло решение:

«Обязать т. Орджоникидзе с утра 9 января (1937 года) выехать к себе на дачу под Москвой на отдых сроком на 12 дней...

Секретарь ЦК

И. Сталин»

Давая согласие на приезд иноземного врача и вынося решение Политбюро, Сталин усыплял бдительность Орджоникидзе и создавал себе алиби. На самом деле он четко знал, что новой встречи товарища Серго с Ноорденом не будет. В подобных прогнозах он никогда не ошибался.

18 февраля 1937 года Орджоникидзе внезапно умер.

Существует три версии смерти Серго.

Одна была официальной: «...в Москве у себя в квартире в Кремле от паралича сердца скоропостижно скончался...»

По второй версии, которая стала известна после XX съезда партии, Орджоникидзе застрелился сам, когда Берия арестовал его брата Папулию, а Сталин не захотел за Папулию заступиться. Последнюю,

самую достоверную, сообщила Зинаида Гавриловна Орджоникидзе. Незадолго до своей смерти она собрала у себя старых большевиков и, по словам А. Антонова-Овсеенко, сообщила следующее.

18 февраля 1937 года Орджоникидзе не пошел после обеда на службу. Жене он сказал, что немного поспит, а вечером будет работать.

Через двадцать минут после того, как он ушел к себе в кабинет, раздался звонок в дверь. На лестнице стоял молодой человек «кавказского вида».

«Мне к товарищу Серго», — заявил он. Зинаида Гавриловна попросила его прийти через час. Через пятнадцать минут раздался новый звонок. На площадке теперь уже стояло шесть человек.

«Нам к товарищу Серго, срочное дело!» — заявили они. Не спрашивая разрешения хозяйки, эти шестеро вошли в кабинет и закрыли за собой дверь. «А дальше... Шум был, кричали, — вспоминала Зинаида Гавриловна. — Успел ли он проснуться, не знаю... Убили его... и ушли».

Когда открыли дверь в кабинет, Орджоникидзе лежал в окровавленной рубашке мертвый. Зинаида Гавриловна позвонила Сталину.

— Вот что такое сердца! — ответил вождь. — Сколько раз я ему говорил, что сердце надо беречь...

Сталин уже все знал. Ведь от кабинета вождя до кремлевской квартиры Орджоникидзе было менее ста метров.

(Камов. Б. // Совершенно секретно. 1992. № 11)

ОФИЦИАЛЬНОЙ ПРИЧИНОЙ СМЕРТИ ОБЪЯВИЛИ ПАРАЛИЧ СЕРДЦА

22 декабря 1927 года Владимир Михайлович Бехтерев произнес слово «паранойя». Вскоре он умер. Вообще-то факт смерти не удивителен для семидесятилетнего человека. Однако смерть Бехтерева взволновала всех.

В семейном предании эта дата осталась прочно. То был сочельник, наряжали елку. Внучка Бехтерева — Наталья: «Перед сообщением о смерти деда была некая мистика. Мы наряжали елку, и отец стал зажигать свечи. Свечи он зажигал прямо над Дедом Морозом. Когда зажег три свечи, неожиданно сказал: «Смотрите, у этого деда лицо прямо как у моего отца. И три свечи у изголовья». Вскоре раздался звонок...

Неожиданную смерть Бехтерева, однако, сразу стали связывать с консультацией, которую он перед тем дал Сталину. Прямых свидетельств, что одно событие сопряжено с другим, вроде бы нет. Между тем, в умах многих людей они накрепко соединились друг с другом и держатся уже не одно поколение.

Официальной причиной смерти объявили паралич сердца. Прощание с Бехтеревым было пышным, по первому разряду. И в Москве, и в Ленинграде, куда доставили прах. Мертвый Бехтерев ни для кого уже не был опасен. Напротив, можно было воздать ему на полную катушку.

Почти все, кто знал Бехтерева, были убеждены:

его отравили. Ученики и коллеги передавали эту версию своим ученикам и коллегам, те — своим. Эти бесчисленные цепочки до сих пор тянутся и ветвятся. Продвигаясь от звена к звену обратным ходом, можно дойти до первоисточника.

В декабре 1927 года Бехтерев отправился в Москву для участия в съезде психиатров и невропатологов, а также в съезде педологов... Перед самым отъездом из Ленинграда он получил телеграмму из Лечсанупра Кремля с просьбой по прибытии в Москву срочно туда позвонить. Бехтерев позвонил, а затем отправился в Кремль.

На заседание Бехтерев приехал с большим опозданием, кто-то из делегатов спросил его, отчего он задержался. На это Бехтерев — в присутствии нескольких людей — раздраженно ответил:

— Смотрел одного сухорукого параноика.

После заседания Бехтерев вместе с делегатами отправился в Большой театр, там к нему подошли какие-то мужчины, которые не были делегатами и никому не были известны. Они повели ученого в буфет, там он стал есть какие-то бутерброды. Потом спутники куда-то испарились, и более их никто не видел. Бехтерев скончался скоростижно...

Его прах (кроме мозга) был кремирован без вскрытия... Урна была отправлена в Ленинград.

Вскрывал мозг Бехтерева академик А. И. Абрикосов, крупнейший патологоанатом того времени. Позже А. И. Абрикосов вскрывал В. Р. Менжинского, Г. К. Орджоникидзе и многих других, причина смерти которых фальсифицировалась властями. А. И. Абрикосов всегда чувствовал над собою дамоклов меч НКВД...

Лидия Шатуновская пишет: «Многие задумываются, совершал ли он (Сталин) чудовищные преступления в здравом уме или страной правил на протяжении многих лет психически ненормальный человек.

В конце двадцатых годов Сталин впал в состояние тяжелой депрессии. Пригласили Бехтерева, который провел с ним несколько часов, а затем на вопросы окружающих сказал: «Диагноз ясный. Типичный случай тяжелой паранойи».

Еще одна версия: к отравлению Бехтерева причастна его вторая жена, Берта Яковлевна. Домашние были убеждены, что это именно ее рук дело. Мотивы отравления, правда, предполагались меркантильные.

Бехтерев-сын всем рассказывал о своих подозрениях: отца отравили. Хотя подозревал он в злодеянии вовсе не отца народов, а всего лишь собственную мачеху, этого вполне могло оказаться достаточным, чтобы кто-то ощутил необходимость убрать и его. В конце концов Петр Владимирович, главный инженер одного из ленинградских оборонных КБ, был арестован. Десять лет без права переписки. Существовал тогда такой иезуитский эвфемизм, маскировавший слово «расстрел».

Спроводили в лагерь и его жену. Трое детишек начали скорбный путь по распределителям и детдомам.

Бехтерев женился на Берте Яковлевне незадолго до кончины, года за два. Это был странный брак. Она была намного моложе его, не принадлежала к его кругу.

По свидетельству Шатуновской, после смерти

Бехтерева Берта Яковлевна бывала у них в гостях. И все удивлялась: отчего это умер Владимир Михайлович, ведь он был совершенно здоров? «Слушая ее, — пишет Шатуновская, — все переглядывались между собой». По завещанию Берта Яковлевна не получила ничего. В середине тридцатых она исчезла. Некоторые утверждают, что была она родственницей Ягоды.

Истинными мотивами отравления Бехтерева, конечно, не могли быть денежные.

В этот приезд в Москву Бехтерев остановился, как обычно, на квартире известного гинеколога Благоволина в Дурновском переулке рядом с Собачьей площадкой.

Утром 23 декабря он был совершенно здоров и делился с окружающими научными планами. Днем участвовал в работе съезда, выступил с докладом о коллективной психотерапии при алкоголизме, сразу после заседания осмотрел лаборатории Института психопрофилактики, а вечером поехал в Малый театр на спектакль «Любовь Яровая».

Сразу же по возвращении домой у него началась рвота. Утром был вызван профессор Бурмин, определивший желудочное заболевание. В течение дня самочувствие несколько улучшилось, но в 19 часов пришлось вновь обращаться за врачебной помощью в связи с резким утяжелением его состояния. На этот раз вместе с Бурминым приехал профессор Шервинский. Кроме них, у постели больного оказались еще два врача — Константиновский и Клименков (обе фамилии привела «Вечерняя Москва», в остальных репортажах Клименков фигурировал под псевдонимом «и др.»). Состоявшийся консилиум

подтвердил диагноз острого желудочно-кишечного заболевания и установил ослабление сердечной деятельности. Вслед за этим профессора уехали, а оба врача остались и отметили у больного сначала помрачение, а затем потерю сознания, расстройство дыхания и коллапс. Больному проводили искусственное дыхание и впрыскивали камфару. В 23 часа 45 минут была констатирована смерть, наступившая, по заключению врачей, от паралича сердца.

Всю ночь у тела Бехтерева дежурили его вдова, член ВЦИК Рейн, названный близким другом покойного, и все те же два врача. Утром 25 декабря состоялось совещание московской профессуры с участием Россолимо, Минора, Абрикосова, Крамера, Шервинского, Бурмина, Гиляровского и Кроля. Не исключено, что на нем присутствовали оба врача, не отходившие от Бехтерева до и после его смерти, но уже под именем «представителей Наркомздрава».

Совещание постановило исполнить волю покойного о передаче его мозга в Ленинградский институт по изучению мозга. Днем Абрикосов вскрыл череп умершего, извлек его мозг, весивший значительно больше, чем предполагалось, отправил его на временное хранение в Патологоанатомический институт 1-го МГУ, а в тело ввел формалин.

После этого у гроба Бехтерева постоянно несли почетный караул его друзья, ученики, студенты. Утром 26 декабря в Москву прибыли вызванные телеграммой дети покойного.

Торжественный церемониал похорон 27 декабря был расписан по часам. Через 3 часа после кремации урна с его прахом и мозг были доставлены на Октябрьский вокзал и отправлены в Ленинград.

Похороны снимали на киноплёнку; в газетах напечатали выдержки из траурных выступлений Калинин, Семашко, Луначарского, Вышинского.

Стоит выслушать М. С. Благоволину — дочь видного московского врача, на квартире которого жил в те дни Бехтерев:

«Профессор Бехтерев с женой бывали в Москве почти каждый месяц и всегда останавливались в нашем доме. Для него освобождали столовую, и, пока он там жил, ни мы, дети, ни наши родители в эту комнату не входили; поэтому узнать о болезни профессора наша семья могла только от его жены.

Скорее всего, именно она позвонила в поликлинику ЦЕКУБУ с просьбой прислать врача на дом. Если бы врача вызывал мой отец, он обратился бы, как обычно, к своему давнему другу доктору Л. Г. Левину, лечившему нашу семью. Из поликлиники же прислали Д. А. Бурмина, которого в нашей семье считали хорошим клиницистом».

Состояние Бехтерева быстро ухудшается. Не исключено, что на самом деле он умирает в 22 часа 40 минут, когда пульс у него больше не прощупывается. Но смерть констатируют в 23 часа 45 минут, и в прессу не успевает просочиться соответствующая информация. Зато через три дня газеты доведут до сведения читателя принадлежащее тем же двум врачам заключение о причине смерти Бехтерева: «паралич сердца».

(Морозов О. Последний диагноз // Неделя. 1988. 28 сентября)

ТЕЛО РЕЙССА НАШЛИ В КЮВЕТЕ

Экскурс в прошлое: в сентябре 1937 года Игнатий Рейсс-Порецкий, он же Людвиг, агент советских разведывательных органов на Западе, убит под Лозанной. За несколько недель до того он отправил в ЦК ВКП(б) письмо, в котором заявил о своем намерении порвать с полицейским аппаратом сталинизма. Убийство было настолько неряшливо организовано, что французская и швейцарская полиция быстро вышли на след убийц — как установило расследование, они принадлежали к агентурной сети НКВД.

В прессе и рапортах полиции имя Сергея Эфрона, русского эмигранта, обосновавшегося во Франции, мужа Марины Цветаевой, всплывает неоднократно. Но не как убийцы, нет (тело Рейсса была найдено в кювете, изрешеченное восемнадцатью пулями), а, похоже, фигуры более значительной — закулисного руководителя заговора, исполнявшего «задание» на расстоянии. Усиленно разыскиваемый парижской полицией, Эфрон бежит, не оставив следа, бросив жену и детей.

Рейсс — дитя первой мировой войны и Октябрьской революции. Родившись в пограничном районе Галиции, на рубеже Австро-Венгерской и Российской империй, он был из людей, которых в те годы вынесло приливом на арену Истории, а после отлива оставило на песке. Рейсс не был прирожденным агентом или шпионом. Юный польский коммунист верил в «правое дело» в мировом, европейском масштабе, мечтал о социалистической Польше. Но он знал, что коммунист не должен разделять задачи на

«великие» и «ничтожные». Поэтому, находясь в Москве, он согласился выполнить «особую миссию» в Вене. Рейсс не считал, что связывает себя с такого рода деятельностью навсегда; главное для него по-прежнему партия и польское коммунистическое движение, просто из «соображений безопасности» ему на время надо порвать с партией, «чтобы защитить и себя, и партию».

Однако очень скоро становится ясно, что возврат невозможен: Рейсс, как и большинство его товарищей; оказавшихся «меж двух систем», вынужден стать агентом советской военной разведки. Когда кого-нибудь из них арестовывают, Компартия Польши отрывается от него. Агент должен твердить, что действовал из чисто-корыстных интересов. «Корысть и шпионаж были чужды этим молодым коммунистам, — пишет Елизавета Порецкая, жена Рейсса, — но они оправдывали свои действия, ссылаясь на опасность, грозившую СССР; добываемые ими сведения были очень важны для Советского Союза».

Итак, Рейсс, коммунист, революционер, превращается в шпиона, в то время как европейская революция становится химерой, а Советское государство все более представляется последним ее «осколком», «нуждающимся в защите», воплощением очистительного пламени... Заметим: агент, разведчик, но не шпик! Рейсс — на службе в Красной Армии, но не у НКВД. Одному из соратников, перешедшему на службу НКВД, своему другу Феде (то же происхождение, та же судьба), он заметил: «Тебе лучше отпустить усы, без усов не станешь хорошим жандармом!»

Рейсс талантлив и методичен. Он внедряет, по свидетельству Елизаветы Порецкой, «агента в высшие политические круги Британского государства», становится одним из главных резидентов советской разведки на Западе. При этом он не превращается в циничного аппаратчика вроде Орлова, всю пользу получающего своими привилегиями, соглашающегося на любую работу, даже самую грязную, до тех пор, пока машина не разделается с ним самим. Напротив, в Рейссе живет чувство «корней» и «конечной цели», несмотря на все зигзаги советской политики с середины двадцатых по середину тридцатых годов.

Революционер по самой своей природе, он постоянно живет в состоянии конфликта, который неустанно обостряется и ведет к раздвоенности, к дилемм — это конфликт между убеждениями и взаимоотношениями с государством. Нелепые авантюры, возникающие в большом мозгу хозяина Кремля, приводят в отчаяние такого профессионала, как Рейсс: то попытка наводнить мировой рынок фальшивыми долларами, то проект «вербовки» сына кайзера и т. п. Но есть вещи и пострашнее: поражение без войны в Германии, первые чистки, планомерное проникновение НКВД в IV Управление Красной Армии, постепенное отстранение от дел всех «иностранцев» — поляков, латышей, сербов, евреев, занимавших важные должности в органах и сыгравших решающую роль в «героическую» эпоху, когда агент ОМС или чекист был прежде всего революционером, выполнявшим особую миссию.

Эти люди, наскоро замещенные русскими, «сделанными из другого теста и не знающими идеологи-

ческих угрызений совести», революционеры «со стажем», для которых СССР был родиной приемной, а настоящей — революция, несмотря ни на что, не превратились в циников; они станут главной мишенью великой чистки 1937 — 1938 годов. А пока они уже сами перестали понимать, чьи они агенты: Коминтерна, Красной Армии или НКВД и его иностранного отдела ИНО, проникшего во все сопредельные службы. Тем сильнее тянутся они ко всему, как им кажется, что идет на пользу «правому делу», к великой битве: борьбе с фашизмом, а вскоре — к Испании.

Да, в Москве расстреливают, уничтожают целыми группами моих братьев и единомышленников, говорил Рейсс, но остается Испания, благодаря которой коммунистическое движение, может быть, воспрянет. Поэтому он продолжал молчать и отдавал все силы обеспечению бесперебойных поставок оружия Испанской республике. К тому же была еще боязнь пустоты, о которой говорит Троцкий в статье, посвященной смерти Рейсса: «Рейсс действительно работал за границей лицом к лицу с миром капитала. Это обстоятельство психологически облегчало ему сотрудничество с термидорианской олигархией... (но) порвать с Москвой означало не только оказаться подвешенным в пустоте, но и попасть в лапы иностранной полиции по доносу из ГПУ. Что же было делать?»

Однако после расправы с Тухачевским и командованием Красной Армии, после объявления охоты на «троцкистов» в Барселоне Рейсс решает и пишет свое письмо («Я больше не могу. Я возвращаю себе свободу»), чувствуя, что «его» мир больше не

существует и что отныне ему легче посмотреть смерти в глаза, чем завязнуть в бесчестном компромиссе со сталинизмом. Ясно, что такой разрыв был равнозначен самоубийству: вручив письмо служащей советского посольства — то есть тех же органов, — он ждет, пока оно дойдет до Москвы, вместо того чтобы сразу его опубликовать для собственной же защиты! «Удивительно рыцарский поступок, — комментирует Троцкий, — предоставивший ГПУ достаточный срок для подготовки убийства...»

Таков был человек, убийством которого руководил Сергей Эфрон. Мы могли бы на этом остановиться и выставить Эфрона на веки вечные злодеем. Впрочем, в большей или меньшей степени так поступают все, кто пишет о деле Рейсса с позиции «обвинения», «гражданского иска» или «семьи»: Елизавета Порецкая, Виктор Серж, Жерар Розенталь (бывший адвокат Троцкого), историки-троцкисты... Вполне естественное и даже почтенное занятие — писать историю сталинизма с точки зрения его жертв, но для понимания событий столь же необходимо попытаться расшифровать загадку исполнителей, пусть даже и не влезая в их шкуру.

С точки зрения «жертв», Эфрон заклеен как убийца: у него ни прошлого, ни будущего, он лишен какой бы то ни было глубины, как и сама его роль — эдакая тень с винтовкой из американского гангстерского боевика. В своей опирающейся на документы книге об убийстве мужа Елизавета Порецкая совершенно справедливо отводит С. Эфрону одну из первых ролей в подготовке заговора, однако избегает давать ему «характеристику» и ничего не пишет о его биографии. Он предстает просто орудием

ем преступления. В брошюре, написанной в апреле 1938 года и послужившей неисчерпаемым источником для всех, кто позже писал об убийстве Рейсса, Альфред Ромер, Виктор Серж и Морис Вуллен менее сдержанны: Эфрон в ней аттестуется как белый эмигрант, который, «прикрываясь философской и литературной работой, выполнял в Париже задания ГПУ (самое благовидное из коих заключалось в вербовке, на тех или иных условиях, добровольцев в Испанию)». Он, как утверждают авторы, участвовал во всех этапах слежки за Львом Седовым и был организатором убийства Рейсса.

В своей книге «Адвокат Троцкого» Жерар Розенталь добавляет несколько деталей: именно Эфрон вербует Ренату Штейнер, которой поручает обнаружить Рейсса и идти за ним по следу; это он в начале лета 1936 года организует «шпионскую сеть», включавшую двенадцать человек, французов и русских, задачей которых станет ликвидация Рейсса; он же готовит ловушку Льву Седову в Мюлузе, которой тот избегает чудом, благодаря гриппу. Он же следит за установкой поста НКВД для обеспечения слежки за Седовым на улице Лакретель, 28. Опять же, по словам Розенталя, «покончив» с делом Рейсса, «Сергей Эфрон сбежал в Испанию, где его ждали превратности гражданской войны».

В третьем номере «Тетрадей Льва Троцкого» историк-троцкист Жан-Поль Жубер уточняет, что Эфрон активно работал в «Союзе возвращения на Родину», в котором вместе с другим участником дела Рейсса Петром Шварценбергом играл роль «вербовщика», работая на советские органы. После убийства Рейсса и допроса во французской поли-

ции, пишет автор, Эфрон, как и Шварценберг, уехал в Испанию. Впоследствии, заключает Жубер, «о них ничего больше не было известно». В своей книге «Убийцы на свободе», вышедшей в 1951 году, Хьюго Девар, несколько более осведомленный, сообщает лишь, что Эфрон прикрывал свои черные дела маской журналиста.

С точки зрения «пострадавшей стороны», у убийцы нет ни лица, ни истории; ему выносят приговор по факту преступления. Перефразируя Брехта — у преступления есть только имя и адрес. Чтобы четче обрисовать облик виновного, надо обратиться к другим пластам памяти, к иному взгляду: а именно — к поклонникам поэзии Цветаевой, к биографам поэтессы. Здесь мы узнаем о нем значительно больше, особенно если будем интересоваться не столько самой поэтессой, сколько ее окружением. Шанс у нас есть — ведь с 1912 по 1940 год судьбы Эфрона и его жены были так тесно переплетены.

Жизнь поэтессы не заслоняет жизни Сергея Эфрона (далеко нет!), но зато неустанно освещает ее. Две судьбы равно влияют одна на другую, определяют, «взаимоотравляют» одна другую.

(Бросс А. Групповой портрет с дамой // Иностранная литература. 1989. № 12)

ПУЛЯ ПРОБИЛА МАТРАЦ И РАНИЛА ВНУКА

На Льва Троцкого покушения организовывались постоянно. Одно из таких покушений он описал в своем дневнике.

Лев Троцкий так писал об этом:

«Нападение произошло на рассвете, около 4-х часов. Я спал крепко, так как после напряженной работы принял снотворное. Проснувшись от грохота выстрелов, с тяжелой головой, я вообразил сперва, что за оградой происходит народный праздник с ракетами. Но взрывы раздавались слишком близко, тут же, в комнате, возле меня и надо мною. Запах пороха становился все резче и ощутительнее. Ясно: случилось то, чего мы всегда ждали: на нас напали. Где полиция? Где стража? Связаны, захвачены или перебиты? Моя жена уже успела вскочить с постели. Выстрелы продолжались непрерывно. Позже жена сказала мне, что она подтолкнула меня на пол, в пространство между кроватью и стеной: это было совершенно правильно. Сама она еще несколько секунд простояла надо мной у стены, как бы защищая меня своим телом, но я шепотом и движениями убедил ее спуститься на пол. Выстрелы шли со всех сторон, но откуда именно, трудно было отдать себе отчет. В известный момент жена, как она сказала мне позже, ясно различала огоньки взрывов: следовательно, стреляли тут же, в комнате, но мы никого не видели. Впечатление было такое, что выстрелов было в общем около двухсот, из них около сотни тут же, возле нас. Осколки оконных рам и стен падали

в разных направлениях. Несколько позже я почувствовал, что правая нога была легко контужена в двух местах.

Когда выстрелы затихли, раздался голос внука, который спал в соседней комнате: дедушка! Этот детский голос во тьме под выстрелами остался как самое трагическое воспоминание этой ночи. Мальчик после первого выстрела, пересекшего по диагонали его постель, как свидетельствуют следы в двери и в стене, бросился под кровать. Один из нападавших, очевидно, в состоянии паники, выстрелил в кровать: пуля пробила матрац, ранила внука в ладонь ноги и прошла сквозь пол. Бросив тут же два зажигательных снаряда, нападавшие покинули комнату внука. С криком: «дедушка!» — он выскочил, вслед за ними, во двор, оставляя кровавый след, и под выстрелами перебежал в помещение одного из членов охраны, Гарольда Робинса.

Моя жена бросилась на крик внука в его комнату, которая оказалась уже пуста. В комнате горели пол, двери и небольшой шкаф. «Они захватили Севу», — сказал я жене. Это была наиболее жуткая минута. Выстрелы еще продолжались, но уже дальше от нашей спальни, где-то во дворе или непосредственно за оградой: видимо, террористы прикрывали отступление. Жена поспешила потушить разгоревшийся пожар, набросив на огонь ковер. В течение недели ей пришлось потом лечиться от ожогов.

Появились два члена охраны, Отто Шюслер и Чарльз Коронель, которые в минуту нападения были отрезаны от нас пулеметным огнем. Они подтвердили, что нападавшие, видимо, уже скрылись, так как во дворе никого не видно. Исчез также сам

ночной дежурный, Роберт Шельдон. Исчезли оба автомобиля. Почему молчали полицейские внешней охраны? Они оказались связаны нападавшими, которые при этом кричали: «Да здравствует Альмазан!» Таков был рассказ связанных.

Мы с женой были в первый день совершенно уверены, что нападавшие стреляли только через окна и двери и что в спальню никто не входил. Однако изучение траекторий выстрелов с несомненностью свидетельствует, что те восемь выстрелов, которые оставили следы в стене у изголовья кроватей, продырявили в четырех местах оба матраца и оставили следы в полу под кроватями, могли быть выпущены только внутри самой спальни. Об этом же свидетельствовали и найденные на полу гильзы, а также два следа в одеяле, с обожженной каймой.

Когда террорист вошел в спальню? В первый ли момент операции, когда мы еще не успели проснуться? Или, наоборот, в последний момент, когда мы лежали на полу? Я склоняюсь ко второму допущению. Всадив через двери и окна несколько десятков пуль в направлении кровати и не слыша ни криков, ни стонов, нападавшие имели все основания думать, что они с успехом выполнили свою работу. Один из них мог в последний момент вскочить в комнату для проверки. Возможно, что одеяла и подушки сохранили еще форму человеческих тел. В четыре часа утра в комнате царил полумрак. Мы с женой оставались на полу неподвижны и безмолвны. Перед тем как покинуть нашу спальню, террорист, пришедший для проверки, мог дать «для очистки совести» несколько выстрелов по нашим кроватям, считая, что дело закончено уже и без того.

Было бы слишком утомительно разбирать здесь различные легенды, созданные недоразумением или злой волей и легшие прямо или косвенно в основу теории «самопокушения». В прессе говорили о том, будто мы с женой находились в ночь покушения вне нашей спальни. «Эль Популяр» писал о моих «противоречиях»: по одной версии, я будто бы забрался в угол спальни, по другой — опустился на пол и пр. Во всем этом нет ни слова правды. Все комнаты нашего дома заняты ночью определенными лицами, кроме библиотеки, столовой и моего кабинета. Но как раз через эти три комнаты проходили и нападавшие, и там они нас не нашли. Мы спали там же, где всегда: в нашей спальне. Я, как уже сказано, спустился на пол в углу комнаты: немножко позже ко мне присоединилась моя жена.

Каким образом мы уцелели? Очевидно, благодаря счастливому случаю. Кровати были взяты под перекрестный огонь. Возможно, что нападавшие боялись перестрелять друг друга и инстинктивно стреляли либо выше, либо ниже, чем нужно было. Но это только психологическая догадка. Возможно также, что мы с женой помогли счастливому случаю тем, что не потеряли головы, не метались по комнате, не кричали, не звали на помощь, когда это было бы безнадежно, не стреляли, когда это было бы безрассудно, а молча лежали на полу, притворяясь мертвыми».

(Троцкий Л. Дневники и письма. — М., 1994)

ЗЕНИТНАЯ БАТАРЕЯ ОБСТРЕЛЯЛА САМОЛЕТ РИББЕНТРОПА

22 августа 1939 года Риббентроп, вооруженный письменными полномочиями Гитлера заключить договор о ненападении и другие соглашения, вылетел в Москву.

О том, что немецкая сторона решила достигнуть соглашения во что бы то ни стало, свидетельствует история, рассказанная К. Симонову маршалом А. М. Василевским:

«Когда в тридцать девятом году Риббентроп летел в Москву на своем самолете, то по дороге, в районе Великих Лук, он был обстрелян нашей зенитной батареей. Командир зенитной батареи приказал открыть стрельбу по этому самолету — была открыта стрельба; на самолете, как впоследствии выяснилось уже после посадки в Москве, были пробоины от попадания осколков.

Я знаю всю эту историю, потому что был направлен с комиссией для расследования этого дела на месте. Но самое интересное, что, хотя мы ждали заявления от немцев, их протеста, ни заявления, ни протеста с их стороны не было. Ни Риббентроп, ни сопровождавшие его лица, ни сотрудники германского посольства в Москве никому не сообщили ни одного слова об этом факте».

Иоахим фон Риббентроп стал единственным гитлеровским политиком, фотографии которого обошли все советские газеты. На суде в Нюрнберге его посадили рядом с Герингом и Гессом.

Риббентроп родился в 1893 году. В молодости

жил в Швейцарии, учил английский язык в Лондоне. Первая мировая война застала его в США. Риббентроп поспешил на родину и поступил на военную службу. В 1919 году в качестве адъютанта генерала Секта был в Версале на подписании мирного договора.

После войны занялся коммерцией. Риббентроп стал владельцем экспортно-импортной виноторговой фирмы. Он вступил в брак с дочерью владельца фирмы по торговле шампанским. Благодаря своим политическим связям приобрел знакомства в разных странах.

С Гитлером Риббентроп познакомился до 1933 года, а в 1933 году между ними происходит более тесное сближение. Риббентроп предоставлял для деловых встреч Гитлера свой особняк. Сразу после прихода Гитлера к власти появилось так называемое «Бюро Риббентропа».

Иоахим фон Риббентроп был очень тщеславен. Его приверженность к пышным церемониям достигла своего апогея, когда он занял министерский кабинет. При возвращении министра из заграничных поездок весь штат министерства выстраивался на аэродроме или вокзале. Если Риббентроп возвращался с супругой, то и встречать их должны были не только сотрудники, но и их жены.

Однажды Риббентроп запретил публикацию коммюнике о переговорах между Гитлером и Муссолини из-за того, что в заключительном параграфе этого документа фамилия министра иностранных дел стояла после Кейтеля.

(Ривкин С. Тайны второй мировой войны. — Мн., 1995)

ОРУДИЕМ УБИЙСТВА ТРОЦКОГО БЫЛ «ПИОЛЕТ»

На первом же московском «открытом» судебном процессе в августе 1936 года Троцкий был заочно приговорен к смертной казни. В это время он жил еще в Норвегии, и формально ему было запрещено заниматься политической деятельностью. Однако, узнав первые подробности о московском процессе, Троцкий сразу же нарушил запрет: делал заявления для печати, направлял телеграммы в Лигу Наций, посылал обращения к различным митингам. Правительство Норвегии немедленно предложило Троцкому покинуть страну. Однако ни одна страна Запада не хотела пускать его. Только в конце декабря Мексика дала согласие предоставить Троцкому политическое убежище. В глубокой тайне, под охраной, не на пассажирском судне, а на танкере, нанятом норвежским правительством, Троцкий с женой отплыл в Мексику. Он прибыл туда 9 января, а через две недели в Москве начался процесс «параллельного центра», на котором среди обвиняемых преобладали бывшие троцкисты.

Едва в Москве завершился последний большой «открытый» процесс, Сталин поставил перед НКВД задачу — уничтожить Троцкого. Для убийства Троцкого, а также для расправы с некоторыми дипломатами и разведчиками, оставшимися в 1936—1938 годах за границей, в системе НКВД был создан специальный отдел. В начале 1938 года в одной из французских больниц после успешно проведенной операции аппендицита при странных обсто-

ательствах умер сын Троцкого Лев Седов. Был арестован и вскоре погиб его второй сын, Сергей, который был далек от политики и отказывался выехать с отцом за границу. В это же время по всем лагерям прошли массовые расстрелы троцкистов — и бывших, и тех, кто сохранял верность Троцкому и содержался в заключении еще с конца 20-х годов.

Зимой 1938/39 года Троцкий занимался организацией нового, I Интернационала. Его сторонникам удалось собрать учредительный конгресс, однако фактически это было весьма узкое собрание троцкистов — всего около 20 человек представляли несколько стран. Троцкий не мог присутствовать на этом собрании, которое состоялось тайно неподалеку от Парижа и продолжалось только один день — с утра до вечера без перерыва.

Судьба самого Троцкого была трагична. Охота за ним продолжалась, в ней приняли участие и некоторые видные мексиканские коммунисты. Дом Троцкого в Койоакане, превращенный в настоящую крепость, постоянно охранялся. Однажды его обстреляла из пулеметов, а потом атаковала группа, возглавляемая мексиканским художником Сикейросом. Нападавшие сумели разоружить охрану и на 20 минут захватить дом. Троцкий и его жена спрятались в темной комнате. Нападение удалось отбить, дом стали охранять более тщательно, вокруг возвели новые укрепления. В это время в ближайшее окружение Троцкого был уже внедрен молодой испанский коммунист Рамон Меркадер, выдававший себя за американского коммерсанта.

Сильвия Агеллофф-Маслов — малопривлекательная молодая женщиной русского происхождения. У

Сильвии была сестра Рут Агелофф, некоторое время работавшая секретаршей Троцкого в Мексике. В Париже Сильвия познакомилась с красавцем Жаком Морнар — сыном дипломата, будущим журналистом. Они стали любовниками. Сильвия готовила учредительную конференцию Четвертого Интернационала. Жак тратил на Сильвию большие деньги и постоянно твердил о готовности жениться. Сильвию удивляло то обстоятельство, что Жак не считал нужным представить невесту своей матери.

По окончании конференции Сильвия возвратилась в США, получив от Жака слово в ближайшие месяцы приехать к ней. В Нью-Йорк он прибыл вовсе не как Жак Морнар, а с паспортом на имя канадского гражданина Фрэнка Джексона. Любовь Сильвии позволила принять за чистую монету объяснение Жака, что он поступил так, чтобы избежать призыва на военную службу в Бельгии.

О том, что был дальше, рассказал Юрий Папоров в книге «Убийство Троцкого».

Жак уехал в октябре 1939 года, оставив Сильвии на жизнь три тысячи долларов, по тем временам приличный полугодовой заработок служащего, и тут же принялся клясться в письмах, что любит и не может без нее жить.

В январе она приехала в Мехико. Любовники поселились вместе, а уже через неделю Сильвия стала помогать в работе Троцкому.

Фрэнк Джексон — он убедил Сильвию в необходимости только так теперь его называть — ежедневно отвозил ее к дому на улице Вена и порой подолгу поджидал у ворот, сам никогда не пытаясь войти в дом Троцкого.

Охранники, как наружные, так и внутренние, уже хорошо знали его и с охотой принимали то американские сигареты, то конфеты. Внутренние охранники, говорившие по-французски, не лишали себя удовольствия поболтать с приятным малым, женихом Сильвии.

В последние дни марта 1940 года, за день до отъезда Сильвии в Нью-Йорк, Лев Давидович предложил ей пригласить своего друга в дом. Он считал неприличным, что она всякий раз оставляла жениха за воротами. Однако, покидая Мехико, Сильвия взяла слово с Джексона, что он без нее не станет посещать Троцкого.

— Ты ведь живешь в Мексике под чужим именем. В случае, если полиция или противники Льва Давидовича узнают, это может нанести ему вред.

В действительности же Сильвия не могла забыть случай, который произошел совсем недавно и очень ее насторожил.

Она спросила адрес учреждения, где работал Жак—Фрэнк, и он ответил: «Здание Эрмита, комната 820». Когда же Сильвия направила туда свою сестру, то оказалось, что в здании Эрмита нет комнаты под номером 820 и вообще там ни о каком Джексо-не никто не слышал...

Джексон дал слово Сильвии не бывать без нее в доме Троцкого, но свое слово не сдержал.

Увидев жениха Сильвии рядом с мужем, Наталья Ивановна подумала: «Опять он! Зачем он так зачастил? — и подошла.

— Меня мучает жажда. Вы не дадите мне стакан воды? — поздоровавшись с Натальей Ивановной, попросил гость.

— Может быть, чашку чая?

— Нет, нет! Я только что поел, и еда стоит вот здесь. — Он провел рукой по горлу. — Лучше воды.

Наталья Ивановна обратила внимание на перекинутый через руку плащ и неснятую шляпу.

— Вы плохо выглядите. Сегодня весь день солнце. Зачем вам плащ и шляпа? — спросила Наталья Ивановна.

Они прошли в кабинет. Троцкий сел в кресло к столу. Джексон (один из псевдонимов убийцы Троцкого) встал по левую руку, ближе к окну. Когда Троцкий прочел первую страницу и собирался было ее перевернуть, Джексон сделал шаг назад, выхватил из-под плаща «пиолет» — альпинистский ледоруб, и со всей силой, на которую был способен, нанес плоским концом удар по голове.

Троцкий вскочил, как развернутая пружина, издал душераздирающий вопль и бросился на Джексона, пытаясь схватить его руку, помешать нанести еще удар. Оттолкнув его от себя, Троцкий выскочил из кабинета, но почувствовал, что ноги ему не подчиняются, оперся о косяк двери между столовой и террасой. Тут его, с лицом, залитым кровью, застала Наталья Ивановна.

— Джексон! Наташа, я люблю тебя... — и упал на руки жены.

Мозг оказался сильно поврежденным, и Лев Давидович Троцкий скончался 21 августа 1940 года в девятнадцать часов двадцать минут.

Джексон настойчиво утверждал, что у него не было заранее разработанного плана и что пистолет и кинжал были приготовлены для самоубийства, а «пиолет» оказался у него, потому что он любитель-

альпинист и привез эту дорогую ему вещь из Франции. По поводу мотива его последней месячной поездки в Нью-Йорк Джексон заявил, что ездил туда только с единственной целью быть рядом с Сильвией, без которой он жить не может.

Полковник отправился в помещение, где под наблюдением агента полиции и медсестры находилась не перестававшая плакать Сильвия Агелофф, то и дело теряющая сознание. Когда же ее приводили в чувство, молодая женщина принималась ругаться на всех языках, которые знала, и требовать, чтобы Джексона—Морнара немедленно лишили жизни.

— Что вы думает об убийстве Троцкого? — спросил полковник Сильвию.

— Что я могу думать? Сейчас я твердо знаю, что была инструментом в руках Джексона. Я познакомила его с Троцким. Я виновница его смерти! Сталин — заинтересованное лицо в гибели Троцкого. Я оказалась инструментом в его руках.

По окончании допроса Санчес Саласар убедился, что Сильвия Агелофф—Маслов непричастна к преступлению. Однако стоило в этом убедиться, и полковник устроил очную ставку.

Сильвия продолжала плакать, когда агенты ввели в комнату Джексона. Ни он, ни она не знали о готовящейся встрече.

— Зачем привели меня сюда? Что вы делаете, полковник? — быстро заговорил Джексон. — Уберите меня отсюда!

— Если вы действительно любите Сильвию, как говорите, подойдите к ней, приласкайте, успокойте!

— Убийца! Убейте его, как он убил Троцкого! Убейте! Убейте! — бесновалась Сильвия.

— Полковник, полковник, что вы делаете? — взмолился Джексон.

— Ты все время врал! Скажи хоть сейчас правду! Ты агент ГПУ! Они тебя заставили! По приказу Сталина заставили убить Троцкого! Начиная с Парижа, ты обманывал меня. Думал только о том, как покончить с Троцким. Тебе нужно было использовать меня. Каналья!

Полковнику было жалко страдавшую женщину, но он исполнял свой служебный долг.

— Джексон говорит, что он получил пять тысяч долларов от своей матери из Брюсселя и три тысячи передал вам.

— Три тысячи! Да! Но деньги эти принадлежат ГПУ! Это аванс за убийство Троцкого. Да, да, убийца, тебе заплатили они...

— Вы слышали, что говорит ваша невеста? Отвечайте ей!

— Не стану! Не стану! Умоляю, полковник, прикажите меня увести.

— Джексон принадлежал Четвертому Интернационалу?

— Никогда! Он ни с кем, кроме меня, не был знаком. Он притворялся симпатизирующим, чтобы приблизиться к Троцкому. Убийца!

После этого Санчес Саласар прекратил очную ставку и распорядился выпустить на свободу Сильвию Агелофф.

(Папоров Ю. Убийство Троцкого. // Огонек. 1990. № 37)

Убийца был после длительного судебного процесса приговорен к 20 годам тюремного заключения. Руководивший операцией полковник НКВД и мать

убийцы, также принимавшая участие в подготовке этого террористического акта, сумели скрыться.

Рамону Меркадеру было присвоено звание Героя Советского Союза, его мать награждена орденом Ленина, ее принимал лично Берия. Руководитель операции получил генеральский чин.

КОНЕЦ ГЕЙДРИХА

Гиммлер и Гейдрих выражали недовольство отношением абвера к военнопленным. Абвер был склонен обращаться с пленными из войск командос так же, как с обычными военнопленными, несмотря на то что существовал специальный приказ фюрера расстреливать их на месте. Канарис был не согласен и с проводимой расовой политикой, возражал против непрерывных казней и убийств, считая, что эта война велась на тех же основах, что и предыдущие, и что в конце концов и победители, и побежденные сядут за один стол и заключат мир. Но рейхсфюрер хотел внушить каждому немцу, что побежденным не будет пути к спасению.

В августе 1941 года адмирала Канариса посетил Шелленберг. Вместе с ним был Вальтер Хуппенкотен, молодой юрист, специализирующийся на политических вопросах. Впоследствии он быстро пошел в гору и вскоре стал начальником отдела службы безопасности СС.

Так Канарис встретился с человеком, ставшим через несколько лет его палачом. Хуппенкотен был помешан на чистоте. Взглянув на адмирала, он заметил, что тот выглядит несколько неряшливым. После этой встречи Хуппенкотен записал в своем дневнике: «Непрусский тип офицера!»

Гейдрих, Канарис и Хуппенкотен отправились завтракать в один из известных ресторанов в пригороде Берлина. Там к ним присоединились группенфюрер СС Мюллер (из гестапо) и полковник фон Бентивеньи, начальник 3-го отдела абвера (контр-

разведка), а также помощники Канариса вице-адмирал Бюркнер и полковник Лахузен.

Вскоре к компании присоединился полковник Пикенброк, начальник 1-го отдела абвера. Хозяин ресторана герр Хальк, чье внимание и кулинарное искусство я хорошо помню, с поклоном встретил почетных гостей. Когда-то Канарис помог Хальку открыть в Мадриде ресторан, в котором, вероятно, официанты очень внимательно прислушивались к разговорам посещавших его дипломатов.

За завтраком велась довольно оживленная беседа. Хуппенкотен обратил внимание на дружественные отношения между Канарисом и Гейдрихом. Однако он помнил предупреждение, сделанное Гейдрихом перед этой встречей: «Канарис — это старый лис, и ему нельзя доверять». В свою очередь адмирал после своей первой встречи с Гейдрихом записал в дневнике: «Вряд ли я смогу работать в тесном контакте с Гейдрихом, этим грубым фанатиком». Но здесь, во время завтрака, их антипатия друг к другу была незаметна.

Затем Хуппенкотен встречался с Канарисом в доме у Гейдриха и у самого Канариса. Казалось, что они находятся в прекрасных отношениях. Хуппенкотен бывал также в столовой абвера при штабе верховного командования и виделся еще раз с Канарисом в ресторане Халька.

Гестапо было недовольно тем, что в руках Канариса находились разведка, контрразведка и обеспечение безопасности в армии. Хуппенкотен позднее писал: «Практически стало ясно, что это положение необходимо изменить, и особенно следовало пересмотреть вопрос о контрразведке».

Гиммлер и Гейдрих не могли больше допускать, чтобы вермахт ведал через абвер вопросами обеспечения безопасности на территории Северной Франции и Бельгии. В конце 1941 года Гейдрих писал генералу Иодлю о необходимости пересмотреть отношения между разведкой вермахта и секретной полицией гестапо. Это письмо переслали Канарису, после чего состоялось специальное совещание, в котором приняли участие Канарис, Гейдрих, Мюллер, полковник фон Бентивеньи и Хуппенкотен. На этом совещании Гейдрих и Канарис обещали друг другу быть в будущем откровенными по всем вопросам.

Однако Хуппенкотен позднее в своих показаниях писал:

«Гейдрих заявил, что он пошел на соглашение с Канарисом, учитывая военное время. Он считал, что после войны всю работу, которая велась военной разведкой, следует передать гестапо».

Наступила зима 1941 года. Немецкие армии мерзли на фронте под Москвой. Гейдрих снова настаивал, чтобы обеспечение безопасности во Франции и Бельгии было передано в руки гестапо. В связи с этим Канарис заявил о готовности передать в ведение гестапо большую часть своей военной полиции. Он, казалось, был готов уступить любым требованиям Гейдриха. Но когда спустя несколько недель Хуппенкотен получил от Бентивеньи проект соглашения, он был возмущен тем, как резко отличался этот проект от того, что говорилось на словах. Канарис объяснил, что по не зависящим от него причинам возникли большие трудности в передаче военной полиции в ведение гестапо. Гейдрих в ответ на это с раздражением написал Канарису, что он не

видит никакого смысла снова вести переговоры по вопросам, которые были полностью согласованы. Он сожалеет, что во время этих переговоров отсутствовала стенографистка, так как точная их запись помогла бы избежать каких-либо споров.

«Он больше не намерен вести переговоры с Канарисом, а предложит рейхсфюреру решить эти вопросы непосредственно с Кейтелем», — писал Хупенкотен.

Канарис вместе с Бендивеньи немедленно отправился к Гейдриху. Однако тот не принял их. Канарис решил дожидаться Гейдриха, но безрезультатно просидел в приемной несколько часов, а затем уехал, приказав Бендивеньи не уходить до тех пор, пока он не увидит Гейдриха. Через некоторое время к Бендивеньи вышел Мюллер и убедил его уехать. Тогда Канарис отправился к Кейтелю, который позвонил Гейдриху, и тот согласился снова вступить в переговоры. Во время этой встречи были сформулированы условия соглашения, которое затем и было подписано. Гестапо была предоставлена возможность действовать во Франции. Оно повело борьбу против организации, занимающейся спасением сбитых над Францией английских летчиков и английской агентуры. С невиданной жестокостью гестаповцы подавляли движение Сопротивления. Гейдрих мог торжествовать.

Однако еще до того, как это соглашение было подписано, Хупенкотен начал собирать более подробные сведения о Канарисе, связанные с его происхождением. Он как бы в шутку утверждал, что Канарис — потомок греческого национального героя адмирала Константина Канариса. А как известно,

греки стали врагами немцев, в то время как итальянцы — их союзниками. Однажды адмирал вручил Хушенкотену копию своего фамильного дерева, из которой было видно, что его предки являются выходцами из Италии. Вручая эту копию, он сказал: «Это пополнит ваше досье».

Гейдрих, получив новый пост — генерального комиссара безопасности оккупированных стран, с триумфом разъезжал по Европе. По его приказу проводились массовые расстрелы: старших офицеров, профессоров, коммунистов, евреев, участников движения Сопротивления. Методы управления, которых придерживался генерал фон Фалькенхаузен в Бельгии, казались Гейдриху слишком мягкими. Он хотел, чтобы кровь лилась рекой.

Еще более беспощадным был его хозяин. В 1940 году абверу было приказано ликвидировать в Северной Африке генерала Вейгана, после того как Гитлер писал Муссолини: «Я недоволен выбором Вейгана для наведения порядка в Северной Африке». Он боялся, что Вейган перейдет на сторону союзников. А в начале 1942 года из концлагеря в Кенигштейне (Саксония) бежал французский генерал Жиро, которому удалось добраться до неоккупированной части территории Франции. Гитлер приказал также убить и его.

Пикенброк заявил в то время: «Следует совершенно ясно сказать Кейтелю, а он пусть доложит фюреру, что мы, абвер, являемся военной организацией, а не организацией убийц подобно СС и СД». Адмирал Канарис, получив приказ убить Жиро, при случае сообщил об этом Кейтелю. Фельдмаршал, сам неодобрительно относившийся к кровавым рас-

правам над генералами, согласился, что абвер должен передать это дело в руки СД.

Гейдрих стал также протектором Богемии и Моравии. Затяжка войны с Россией делала Чехословакию опасной для Германии в будущем, а методы правления, проводимые там бароном фон Нейратом, казались слишком мягкими. Гейдрих, сменивший Нейрата, в сентябре 1941 года объявил в Чехословакии чрезвычайное положение и ввел смертную казнь за малейшее проявление недовольства. За два месяца было казнено 1100 чехов. Гейдрих продолжал осуществлять контроль за деятельностью гестапо и в других оккупированных странах. 7 мая 1942 года он перебросил из Польши во Францию генерала СС Оберга, приказав ему покончить с растущим движением Сопротивления. Затем Гейдрих отправился в Гаагу, чтобы проследить за проведением массовых расстрелов. В конце мая он вернулся в Прагу и объявил, что молодые чехи будут призываться на военную службу.

Гиммлер и Гейдрих создали в Праге специальную конференцию и сообщили на ней о новой системе организации разведки, согласно которой вопросами безопасности в армии теперь будет заниматься СД, а 3-му отделу абвера отводится только вспомогательная роль. Но конец Гейдриха был уже близок.

Однажды ночью английский бомбардировщик, пролетая над Богемией, сбросил трех парашютистов из чехословацкой бригады, вооруженных автоматами и гранатами. Группа приема укрыла их, а затем указала крутой поворот дороги, по которой часто проезжал на автомобиле Гейдрих. Естественно, на этом повороте машина снижала скорость.

Как только показалась машина Гейдриха, один из чехов бросил в нее гранату, а другой открыл огонь из автомата. Шофер и охранник-эсэсовец были убиты, а Гейдрих смертельно ранен. Оба чеха, совершивших нападение, укрылись в маленькой церквушке в Лидице.

Хушпенкотен встретился с Канарисом на похоронах Гейдриха. «Канарис от имени всей своей службы и от себя лично выразил нам соболезнование, — вспоминал позднее Хушпенкотен. — Он заверил меня, что в лице Рейхарда Гейдриха он потерял человека и своего истинного друга».

На похоронах Гиммлер говорил о Гейдрихе как о человеке чистейшей души и приколот к его груди медаль. А между тем эсэсовцы расстреляли 150 заложников и объявили, что каждый мужчина призывного возраста, не имеющий удостоверения личности, будет немедленно расстрелян. Нашелся предатель, сообщивший немцам, что лица, совершившие покушение на Гейдриха, укрылись в Лидице. Немцы окружили церковь, и патриоты погибли в этом неравном бою. Гестаповцы уничтожили в Лидице все живое и стерли ее с лица земли.

Вскоре Гитлер снова вспомнил о Жиро. Дело с его убийством явно затянулось. Абверу было приказано доложить о предпринятых по этому делу мерах.

«Как идет операция “Густав”?» — обратился к Лахузену Кейтель, употребив условное наименование плана убийства Жиро. Канарис в то время был во Франции. Лахузен немедленно поспешил туда, где встретился со своим начальником в отеле «Лютеция», и сообщил ему о запросе Кейтеля. Канарис

сразу ничего не ответил, а затем, подняв бокал с шампанским, произнес: «Скажите мне, когда Жиро удалось бежать, вспомните дату, когда мне было приказано его убить, и дату, когда убили Гейдриха... Мы можем сказать, что это дело мы передали в Праге лично Гейдриху».

(Колвин И. Двойная игра. — М., 1960)

МАСТИЧНАЯ ВЗРЫВЧАТКА ДЛЯ ГИТЛЕРА

Абвер проявил особый интерес к новой английской взрывчатке в виде мастики и к бесшумным кислотным взрывателям. Похожую на замазку взрывчатку легко можно было прилепить к телефонному столбу или к якорной цепи судна, просунуть в дверь сквозь замочную скважину, подложить под рельсы. Кислотные взрыватели действовали с помощью проволочки, которая удерживала ударник. Время взрыва зависело от толщины проволочки. Канарис получил подробный отчет от 2-го отдела абвера об испытании этих взрывчатых материалов в Германии.

Немецкая 6-я армия таяла под Сталинградом, отрезанная от своих и постоянно подвергавшаяся атакам со стороны русских армий. 18 января была снята блокада Ленинграда. Каждый, не ослепленный военной истерией, мог ясно видеть, что Германия проигрывала войну. И как похоронный звон гитлеризму донеслись из Касабланки слова Рузвельта: «Безоговорочная капитуляция». А через месяц штаб Канариса получил письмо от генерала фон Трескова из центральной группы войск в Смоленске. Генерал писал, что «настало время действовать». Во второй половине февраля адмирал в сопровождении группы офицеров вылетел в Смоленск и созвал там совещание армейских офицеров разведки. Один из офицеров Канариса привез с собой мастичную взрывчатку и взрыватели к ней. Ганс фон Донани в своей личной резиденции в Смоленске совещался с

генералом фон Тресковом в присутствии его адъютанта лейтенанта Шлабрендорфа. Они решили предпринять попытку уничтожить Гитлера, когда он прибудет в центральную группу армий. Предполагалось заложить взрывчатку в его самолет, и тогда гибель Гитлера будет рассматриваться как несчастный случай. Адмирал знал обо всем, но считал, что подготовкой к покушению должны заниматься другие.

Месяцем позже, 13 марта 1943 года, взрывчатку удалось поместить в самолет Гитлера, покидавшего Смоленск после инспектирования центральной группы армий. Лейтенант Шлабрендорф замаскировал бомбу в свертке с бутылками коньяка и вручил его полковнику Брандту для передачи одному из офицеров штаба верховного командования в качестве подарка. Вскоре кислотный взрыватель в самолете начал действовать. Но из-за сильного холода не сработал детонатор, и бомба не взорвалась. Бесстрашный лейтенант фон Шлабрендорф вылетел в Растенбург и изъясил пакет прежде, чем его распечатали. Таким образом, взрывчатку, которую англичане сбрасывали в Европе для подрыва военного потенциала Германии, использовали с целью уничтожения человека, против которого английская секретная служба боролась по всей Европе.

В своих воспоминаниях Абсхаген пишет, что Канарису «было известно об этом плане покушения на Гитлера, но он не хотел принимать в нем активное участие». Некоторые представители так называемой «гостиной оппозиции» Гитлеру пытались обвинить Канариса в неактивности и жалова-

лись, будто «сам Канарис никогда не делал много». Но я считаю, что Канарис мог с успехом совершать большие дела, используя для этого других людей.

(Колвин И. Двойная игра. — М., 1960)

УБИТЬ ЧЕРЧИЛЛЯ!

Убить Черчилля! Гитлер отдал этот приказ, когда проходила конференция в Касабланке. Возможно, это был его ответ на требование безоговорочной капитуляции. Сейчас трудно сказать что-либо определенное по этому поводу, поскольку все архивы 2-го отдела абвера, ведавшего диверсиями и актами террора, конфискованы союзниками и увезены в Вашингтон, где они вряд ли когда-нибудь станут доступны историкам. Кажется, существовало два подобных приказа: первый — убить Черчилля во время его пребывания за границей; второй — сбить самолет, на котором он будет находиться. О планах убийства Черчилля можно было кое-что узнать в Лиссабоне.

Лиссабон лежит на траверзе воздушных коммуникаций союзников. Из столицы Португалии можно было наблюдать за полетами самолетов и движением судов. С первых же дней войны стало ясно, какие большие возможности открываются в этом городе для разведки. Первыми это поняли адмирал Канарис и немецкий посол в Португалии барон Освальд фон Гойнинген-Гюн, твердо убежденный, что страна, в которой он был аккредитован, — старый союзник Англии, хотя и считалась нейтральной. Португалия — своеобразное государство, где одинаково косо смотрели и на национал-социализм, и на либеральную демократию. Премьер-министр д-р Салазар был убежден, что его страна не будет втянута в отчаянную борьбу между Германией и союзниками.

Несомненно, такая пассивность в столь многообещающем районе не могла поощряться. Это затишье в Португалии, по-видимому, действовало Гитлеру на нервы. Кейтель на одном из совещаний в начале 1942 года приказал начальнику абвера осуществить план, разработанный штабом военно-воздушных сил, — совершить диверсию на самолете авиационной фирмы «Атлантик клиппер эрлайнс». На этом же совещании присутствовал и генерал Лахузен, которому Канарис здесь же, на совещании, в довольно нервном тоне поручил выполнить этот приказ. И вскоре мина с часовым механизмом была заложена в одну из американских летающих лодок.

«Однако имелся другой строгий приказ адмирала Канариса о полном запрещении каких-либо террористических актов. Этот приказ был записан в моем служебном дневнике. В 5-м отделе английской военной разведки (MI-5) имеется фотокопия моего дневника, оригинал которого находится теперь в Вашингтоне», — рассказал мне Лахузен.

Но какой смысл был в таком секретном приказе о запрещении террористических актов, если безапелляционные распоряжения об их проведении отдавались непосредственно сверху? Канарис как раз был в Португалии, когда ему доложили, что на английском самолете уже заложена мина. Адмирал приказал немедленно изъять ее. Это успели сделать, так как вылет самолета был отложен из-за плохой погоды.

Вскоре немцам стало известно о предполагаемой встрече Черчилля с президентом Рузвельтом в январе 1943 года. Капитан Вихман в Гамбурге узнал об этом примерно за неделю до встречи. Слухи о

приезде глав правительств союзников распространились также и в Испании, после того как некоторым коммерсантам отказали в заказанных ими заранее комнатах в одном из отелей Касабланки. Однако в Берлине были убеждены, что эта встреча состоится в Вашингтоне и что «Касабланка» — закодированное название Белого дома. Но все же штаб немецких военно-воздушных сил был встревожен.

От адъютанта Канариса, полковника Енке, я узнал, что экипажу специального разведывательного самолета, оборудованного приборами для проведения воздушного фотографирования с большой высоты и постоянно находившегося на одном из аэродромов в Португалии, было приказано вести непрерывное наблюдение. С большой высоты удалось обнаружить английский бомбардировщик, летевший в южном направлении в сопровождении эскорта истребителей, которые отвернули от него в районе Лиссабона. Дальше бомбардировщик продолжал полет один. Был ли это тот самый бомбардировщик, на котором Черчилль вместе с лордом Порталом и другими лицами летел на конференцию в Касабланку и который описан Черчиллем в его воспоминаниях?.. Енке считает, что это был именно тот самый бомбардировщик и что англичане также обнаружили летящий немецкий разведывательный самолет. Но Канарис так и не выслал истребителей для преследования английского самолета.

«Мне ничего не известно о воздушной разведке с целью обнаружения самолета Черчилля, — заявил мне Лахузен. — Что касается моего отдела, то я помню, как после прибытия Черчилля в Касабланку Кейтель отдал приказ, исходивший, по-видимому,

от самого фюрера, организовать убийство Черчилля с помощью националистически настроенных арабов. Гитлер, вероятно, имел в виду наших марокканских агентов. Однако подобная деятельность запрещалась приказом адмирала, не говоря уже о том, что организовать эту операцию за такой короткий срок оказалось технически невозможно. Как мне известно, все приказы об убийстве Черчилля были отданы после прибытия его в Касабланку».

Немецкие военно-воздушные силы были, безусловно, наготове, когда закончилась конференция в Касабланке. Бискайская эскадрилья постоянно вела наблюдения.

Один из старших служащих «Люфтганзы» Отто Ион в беседе со мной вспомнил об отмене в те дни очередного полета одного воздушного лайнера по маршруту Лиссабон — Мадрид под предлогом неисправности моторов. Вместо этого самолет отправился в «испытательный» полет над морем. Однако, какое конкретное приказание получил пилот этого самолета, Ион не знал.

Через пять месяцев Черчилль снова вылетел из Англии. На этот раз он действительно отправился в Белый дом на вторую Вашингтонскую конференцию. Возвращаясь оттуда, Черчилль 30 мая 1943 года встретился в Алжире с Иденом. О его прибытии в Алжир немецкие агенты немедленно сообщили в Берлин, и немецкие военно-воздушные силы снова подготовились к перехвату самолета английского премьер-министра. Именно они, как полагает Черчилль, 1 июня 1943 года сбили английский пассажирский самолет компании «Бритин оверсис эрвэйс». Погиб весь экипаж и 13 пассажиров, а в ком-

мюнхене немецких вооруженных сил сообщалось, что был сбит «транспортный» самолет. Вместе с другими пассажирами, среди которых были женщины и дети, погиб и Альфред Ченфолс, эксперт по финансовым вопросам, внешне похожий на Черчилля. Черчилль полагает, что Ченфолса могли по ошибке принять за него. Это, вероятно, и послужило поводом для совершения преступления, хотя обычно воздушные лайнеры этой компании не подвергались нападению немецких самолетов.

(Колвин И. Двойная игра. — М., 1960)

ФЮРЕР ОКАЗАЛСЯ В МЕРТВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

К середине июля 1944 года немецкий фронт в Нормандии оказался на грани полного развала. Русские армии через Румынию и Польшу стремительно приближались к рейху. Наконец-то «молодое офицерство» немецкой армии решило действовать. Полковник фон Штауфенберг, вернувшийся из Африки, где он потерял руку и глаз, конечно, не был идеальным человеком, для того чтобы уничтожить Гитлера. Фюрер к этому времени стал очень осторожен и находился или в Растенбурге в Восточной Пруссии, или в Берхтесгадене. Проникнуть в нему было очень трудно. Все лица из его ближайшего окружения были тщательно проверены, и большинство из них все еще находилось по его влиянием.

Заговорщики разработали план захвата власти в Германии. В запечатанных конвертах он был отправлен из штаба армии резерва, которой тогда командовал генерал Фромм, во все военные округа с приказом вскрыть конверт после получения кодового слова «Валькирия». Начальником штаба у генерала Фромма был полковник Клаус Шенк фон Штауфенберг. Заговорщики, которых еще недавно было очень мало, теперь замечали, что к ним примыкают все новые и новые люди. Каждый хотел вовлечь в заговор своего друга. Уже начались споры за министерские посты. Заговорщики попытались расширить свою организацию, включив в нее представителей рабочего класса, но нацисты имели своих шпионов и среди рабочих. 5 июля был арестован Юли-

ус Лебер, один из самых популярных представителей социал-демократов среди заговорщиков. А к 16 июля гестапо знало уже достаточно, чтобы выдать ордер на арест Карла Герделера, политического лидера всего заговора.

Штауфенбергу и его друзьям нужно было торопиться с осуществлением плана, который, не успев начаться, мог окончиться провалом.

Канарис сидел у себя дома в Шлахтенси и покорно ожидал дальнейших событий. Ему было всего 57 лет, но напряжение и нервное переутомление последних девяти лет сделали его совсем стариком. Однако его ум благодаря долгой работе в разведке оставался таким же острым, как и прежде.

Канарис отослал свою жену и дочерей в Баварию, где они находились в безопасности от массированных воздушных налетов, а сам остался в Берлине со своим поваром-поляком и слугой Мохамедом, которого он привез из Алжира. Единственным развлечением были попугай и любимые таксы; изредка к Канарису заходил кто-либо из соседей.

Штауфенберг носил с собой бомбу такого же типа, какая была взята одним из офицеров Канариса в Смоленск в 1943 году, — английскую мастичную взрывчатку с кислотным взрывателем. Бомбу Штауфенберг держал в портфеле. Портфель он намеревался оставить в комнате для совещаний, когда там будут находиться Гитлер, Гиммлер и другие высокопоставленные нацисты. Но не так-то легко было придумать благовидный предлог, чтобы попасть туда, а еще труднее выбрать момент, когда в комнате одновременно находились бы Гитлер и Гиммлер. Однажды Штауфенберг уже собрался осуществить

свой план, но Гитлер не появился в комнате. 15 июля Штауфенбергу удалось попасть на одно из совещаний в Берхтесгадене, когда на нем присутствовали и Гитлер, и Гиммлер, он уже хотел раздавить капсюль взрывателя, чтобы привести его в действие, но в это время Гитлер вышел из комнаты. Дважды Штауфенбергу пришлось докладывать заговорщикам о неудаче, и сообщение об этом немедленно передавалось в отделение английской разведки в Лиссабоне. Наконец 20 июля Штауфенбергу поручили лично доложить Гитлеру в Растенбурге о возможности восполнения потерь на русском фронте за счет войск армии резерва. Он вылетел из Берлина в Растенбург со своим адъютантом лейтенантом Вернером фон Хэфтенем.

Ему удалось благополучно миновать три линии охраны и попасть в цитадель, где он доложил о своем прибытии фельдмаршалу Кейтелю за несколько минут до совещания, которое должно было начаться в 12.30. Оказалось, что совещание состоится в небольшом деревянном домике, окна которого были открыты настежь. Если бы не такой жаркий день, совещание проводилось бы в железобетонном бункере. Появившийся Гитлер не узнал Штауфенберга, и Кейтель представил его. Здесь присутствовали адъютанты Гитлера генерал Шмундт и полковник Брант, секретари и некоторые офицеры, прибывшие для доклада. Штауфенберг, держа свой портфель на коленях, незаметно раздавил пальцами капсюль с кислотой во взрывателе, который должен был сработать через десять минут. Затем он поставил портфель на пол у стола всего в нескольких шагах от Гитлера. Полковник Брандт, почувствовав, что

портфель касается его ног, отодвинул его немножко в сторону.

В это время генерал Фельгибель, осуществлявший связь между заговорщиками и штабом верховного командования, вызвал Штауфенберга из комнаты под предлогом, что его просят к телефону. Кейтель видел, как он выходил из комнаты. Прошло несколько минут, и Штауфенберг, благополучно миновав посты охраны, вышел в парк. И тут он услышал грохот взрыва: над местом, где стоял дом, поднялся клуб дыма. Во всех направлениях летели обломки. Он видел, как забегали люди, появились носилки, на которых выносили пострадавших. Штауфенберг был уверен, что бомба сделала свое дело. Ему удалось убедить офицера охраны пропустить его, хотя действовал приказ никого не впускать и не выпускать, и он поспешил на аэродром, откуда немедленно вылетел в Берлин.

Заговорщики в Берлине ждали сообщений. Один из офицеров около трех часов дня известил штаб армии резерва, что в штабе фюрера произошел взрыв и что при этом несколько офицеров были серьезно ранены.

Генерал Бек, еще в 1938 году ушедший с поста начальника Генерального штаба, взял на себя руководство генералами, которые решились участвовать в заговоре. Бек пытался лично установить связь с командующими групп армий на Востоке и на Западе и приказал отвести крупные силы с левого фланга немецких армий на балтийском побережье. Ромель, его основная надежда на Западе, за три дня до этих событий был тяжёло ранен во время налета английских истребителей. Фельдмаршал фон Клю-

ге, главнокомандующий войсками Западного фронта, мог бы обратиться к Эйзенхауэру с предложением немедленно начать переговоры. Однако он был очень осторожен и после телефонных переговоров с Бекком, Фроммом и другими генералами, находившимися в Берлине, решил ничего пока не предпринимать. Заговорщики к этому времени уже передали кодовое слово «Валькирия»; силам берлинского гарнизона было приказано охранять от эсэсовцев район Бендельштрассе, где находился штаб армии резерва. Всем войскам, расположенным поблизости от Берлина, приказали двигаться в столицу. Около четырех часов дня генерал Ольбрихт сообщил Фромму, будто Гитлер убит.

— Кто это сказал вам? — спросил Фромм.

— Сведения поступили от генерала Фельгибеля, — ответил Ольбрихт.

Осторожный Фромм решил связаться по телефону со Ставкой Гитлера. Его немедленно соединили с фельдмаршалом Кейтелем.

— Что случилось в Ставке? В Берлине ходят разные слухи.

— Напрасно болтают. Здесь все в порядке, — ответил Кейтель.

— А мне только что доложили, что фюрер якобы убит.

— Это чепуха. Была предпринята попытка убить его, но она провалилась. Кстати, где ваш начальник штаба Штауфенберг?

— Он еще не вернулся, — ответил Фромм.

Фромм не был уверен, что конверты с приказом распечатаны повсюду и что войска начали действовать. Поэтому он решил ничего не предпринимать.

В 16.30 в Берлин прибыл Штауфенберг и доложил Фромму, что Гитлер убит. Он сам видел, как из разрушенного дома выносили его труп. Фромм в ответ передал ему свой разговор с Кейтелем. Штауфенберг резко возразил: «Кейтель, как обычно, лжет!» Однако он тут же сообщил, что Кейтель был вместе с Гитлером и остался жив.

Переворот необходимо было совершить во что бы то ни стало. Отступить поздно. Заговорщикам пришлось арестовать нерешительного Фромма и некоторых других офицеров штаба.

Штауфенберг, как только прибыл в Берлин (повидимому, еще с аэродрома), позвонил Канарису и сообщил, что Гитлер убит.

— О Боже, он мертв? — воскликнул адмирал. — Кто это сделал? Русские? — Он был уверен, что телефонные разговоры с ним подслушиваются и записываются. Примерно через час после разговора, около 16.30, ему позвонил другой участник заговора и сообщил, что была предпринята попытка совершить покушение на Гитлера, но она кончилась неудачно. После этого звонка Канарис немедленно отправился к месту своей службы. Он прибыл туда как раз вовремя и успел поставить свою подпись под телеграммой фюреру с поздравлениями по случаю счастливого спасения от смерти.

В это время генералы с Бендельштрассе отдали приказ дежурному полку занять помещение берлинской радиостанции, надеясь предупредить распространение сообщения, что Гитлер остался жив. Но командир этого полка майор Ремер заподозрил что-то неладное. Один из офицеров его штаба предложил обратиться к Геббельсу и выяснить, действи-

тельно ли убит Гитлер. Геббельс сразу же соединил Ремера по телефону с Гитлером, который лично отдал приказ силой подавить заговор. И когда два офицера из штаба заговорщиков явились, чтобы арестовать Геббельса, они оказались арестованными сами.

К шести часам вечера все заговорщики уже знали, что Гитлер остался жив. Они сами видели копию приказа Ставки Гитлера, отменявшего приказ «Валькирия». Войска Ремера оцепили район Бендельштрассе, и все заговорщики оказались в ловушке.

Около десяти часов вечера Фромм был освобожден из-под ареста. Взяв список заговорщиков, он приказал немедленно казнить Штауфенберга, Ольбрихта, полковника фон Квирнгейма и лейтенанта фон Хэфтена. Их расстреляли тут же во дворе при свете автомобильных фар, пока еще не вмешался Гиммлер и не потребовал, чтобы все заподозренные лица были переданы гестапо. Генерал Бек пытался покончить с собой, но только ранил себя, и его прикончили уже умирающего от раны.

В полночь Гитлер выступил по радио. Он заявил: «Жалкая кучка предателей от военной клики пыталась убить меня и других представителей верховного командования». В этот же день он назначил одного из наиболее верных ему людей, генерала Гудериана, начальником Генерального штаба.

Что же произошло в Растенбурге? В момент взрыва бомбы Гитлер стоял, наклонившись над столом с картой. Взрыв оказался настолько сильным, что буквально разнес на куски стены домика. Если бы совещание проходило в бетонном бункере, кото-

рый не так легко разрушить силой взрыва, исход был бы другой. Центр комнаты, где произошел взрыв, оказался в мертвом пространстве. Там как раз и стоял стол, над которым склонился Гитлер. При взрыве стол рухнул, и Гитлер упал на пол. Он был слегка оглушен, его одежда и волосы были опалены взрывом, но он остался цел и отделался только несколькими ушибами. Первым пришел в себя Кейтель; он сразу же спросил: «А где фюрер?» При взрыве убило полковника Брандта, стенографиста и одного из секретарей, некоторые из присутствующих на совещании были ранены.

Гитлер быстро пришел в себя и вскоре выехал на железнодорожную станцию для встречи Муссолини и маршала Грациани, прибывших к нему за помощью и советом.

В их честь состоялся небольшой прием, на котором присутствовали Геринг и Риббентроп. Именно во время этого приема Геринг грозил министру иностранных дел своим маршальским жезлом, а фюрер, оправившись от нервного потрясения, неистовствовал перед испуганными итальянцами, крича, что немецкий народ не достоин его, Гитлера, и что страшная месть ждет всех его врагов. Затем он впал в мрачное молчание.

Мятеж против Гитлера длился не более одиннадцати часов. Некоторые из заговорщиков были расстреляны или арестованы, другие совершили самоубийство или скрылись, а остальные на следующий же день как ни в чем не бывало приступили к работе. Гудериан и Кейтель передали всех заподозренных офицеров в руки гестапо.

Канарис не сделал никакой попытки скрыться.

Он продолжал свою работу в хозяйственном управлении, как будто не имел никакого отношения к заговору против Гитлера.

Генерал фон Тресков, один из основных авторов плана захвата власти в Германии, избрал себе другой путь. Он вышел за передний край передовых частей центральной группы армий, попрощался со своим адъютантом, а затем выдернул предохранительную чеку гранаты, которую держал в руке около своей шеи. Взрывом ему оторвало голову.

Гимmlера не было в Берлине, когда начался мятеж. Прибыв туда 20 июля, он сразу начал действовать. Гимmlер решил арестовать всех противников национал-социалистского режима, независимо от их высокого положения и от известности их имен в Германии. Аресты начались на рассвете 21 июля и длились несколько дней, в течение которых были схвачены сотни людей, очень популярных в Германии.

Одним из первых среди них был Эвальд фон Клейст-Шменцин. Из тайного списка заговорщиков, который прилагался к плану «Валькирия», эсэсовцы узнали, что он был кандидатом на пост политического комиссара Померании.

Гестапо произвело обыск в его письменном столе и нашло там письмо с заграничным штемпелем. Гестаповцы очень удивились, обнаружив, что письмо подписано Уинстоном Черчиллем. Это было официальное послание Черчилля, написанное им по требованию лорда Галифакса в августе 1938 года, с целью усилить борьбу против Гитлера среди немецких генералов.

Прошло еще два дня. Эсэсовский автомобиль ос-

тановился у виллы Канариса. Из него выскочил Шелленберг, заместитель Гиммлера. А через несколько минут из виллы вышел Канарис и, сев в машину, уехал вместе с человеком, ставшим его приемником.

Доктор Абсхаген утверждает, что адмирала Канариса, генерала Остера, доктора Штранка, генерала Сака и капитана Гере казнили одного за другим. Ходят упорные слухи, будто адмирала Канариса вешали дважды.

Все данные показывают, что с Канарисом до последнего дня обращались без излишней жестокости: все же ненавидевшие его эсэсовцы считали его самым важным лицом среди остальных жертв.

«10 апреля один пьяный охранник-эсэсовец заявил, что накануне они повесили несколько человек из немецкой разведки, — рассказывает Шлабрендорф в своей книге «Они чуть не убили Гитлера». — Охранники, принимавшие участие в казни, получили после нее дополнительные порции спирта и колбасы. Все казненные были повешены не по приговору суда, а по личному приказанию Гиммлера. Когда я спросил охранника имена казненных, то он назвал мне Канариса, Остера и Бонхеффера. Он также сказал, что Канариса вешали дважды».

«Мы хотим, чтобы ты попробовал, что такое смерть», — будто бы говорили эсэсовцы, вынимая из петли еще живого Канариса. Хотели ли они получить, наконец, от него последнее признание или просто стремились продлить свою месть человеку, которого они считали виновным за проигранную войну?

(Колвин И. Двойная игра. — М., 1960)

«ЗНАЕМ МЫ И ТАКИЕ УБИЙСТВА: СНАЧАЛА ПУЛЯ, ПОТОМ ПОД КОЛЕСА»

С Юдифью Арончик, заслуженной артисткой БССР, о последних днях Михоэлса в Минске беседовал писатель Владимир Мехов.

Говорит Юдифь Арончик.

Здание на улице Володарского, в котором Государственный еврейский театр Белоруссии пережил в довоенные годы яркий взлет, в огне войны было полуразрушено. К нашему возвращению из Новосибирска относительно восстановлена была только закулисная, служебная половина здания. В бывших гримуборных, костюмерных, бутафорских мы и обитали со своими семьями. Здесь же репетировали, здесь же разместили администрацию. А со спектаклями кочевали по фабричным клубам, и раз в неделю, по понедельникам, когда у купаловцев был выходной, играли на их сцене.

Мы на сцене настроение зала великолепно чувствовали. И были в этом настроении едины с публикой. Были благодарны ей за проявленную любовь к Мастеру. Ведь Михоэлс олицетворял авторитет того, что составляло смысл и нашей жизни. Поэтому проявление признательности ему воспринималось нами и как проявление признательности всему еврейскому искусству, демонстрация поддержки, солидарности в складывавшейся уже и ощущавшейся нами напряженной ситуации вокруг.

То был в истории нашего театра последний праздничный день. Мы, конечно, этого не знали — что

последний. Но что праздничный — было на лицах у всех моих товарищей. Большой актерской компанией повели Соломона Михайловича после спектакля ужинать в ресторан. А из ресторана, под полночь, «заевшись», отправились ко мне домой пить кофе — благо до нашего обиталища в отстроенной части театрального здания идти было недалеко.

Что всегда врезалось в память и осмысливается теперь иначе, чем в момент, когда увиделось, так это странная группа из четырех-пяти мужчин, пробежавшая, протопавшая тяжелыми сапогами компания. Между нами и спутниками образовался небольшой интервал. В этот интервал и рванули громыхавшие сапогами субъекты. Мы даже отпрянули, Михоэлс схватил меня за руку. Очень уж неприятные ассоциации вызвала экипировка пробежавших: все в сапогах, в одинаковых шляпах и одинакового силуэта плащах. Человек импульсивный, очень впечатлительный, Соломон Михайлович не сразу успокоился, не сразу пришел в прежнее состояние.

— Остроумием, благожелательным интересом к каждому, с кем знакомился, мудростью он покорило тогда в Минске многих. Помнится, в редакцию, где я работал, заглянул в те дни Борис Кудрявцев — тогда минчанин, купаловец, а позднее актер Московского театра на Малой Бронной...

— Этот театр, между прочим, размещается в стенах, которые помнят Михоэлса. В помещении бывшего Московского еврейского театра. Михоэлсовского театра!

— Так вот, Борис Константинович Кудрявцев, человек достаточно ироничный, не склонный к вос-

торгам, помню, изменил обычному своему скепсису и с блестящими глазами рассказывал, каким обаятельным умницей показал себя Михозэлс, общаясь после просмотра «Константина Заслонова» с участниками спектакля.

— Он состоялся 10 января, просмотр «Константина Заслонова». Я на нем быть не смогла, но другие актеры нашего театра были. И один из них мне на завтра рассказал, что видел, как в антракте Голубов тепло встретился в фойе, даже обнялись они, с каким-то человеком, одетым в форму железнодорожника высокого ранга. Видел еще, как после короткого радушного разговора между ними железнодорожник написал что-то Голубову на программе спектакля. Наши мужчины любопытствовали, спросили у Голубова, кто это встреченный, и он ответил, что это приятель студенческих лет, с которым они давно, лет пятнадцать уже, не делились.

Два дня спустя, когда страшное, чему предстояло случиться, случилось, я в гостиничном номере Михозэлса и Голубова среди оставшихся от них вещей увидела ту программку. Авторучкой на ней было написано: «Белорусская улица, дом на горке».

— Считаете, что это адрес, по которому Михозэлс и Голубов вышли из гостиницы «Беларусь» — теперь она называется «Свислочь» — в роковой вечер 12 января?

— Они приглашены были по тому адресу в гости на вечер 11-го. То есть на следующий после встречи Голубова в театре с приятелем. Должен был отмечаться день рождения то ли самого голубовского

товарища, то ли кого-то из его семьи. Он и взял с Голубова слово, что тот придет, притом непременно с Михоэлсом. Я не знала о данном им обещании, знала только, что вечером Михоэлс и он должны были знакомиться в оперном театре со спектаклем «Алеся». И я предложила Голубову после «Алеси» прийти ужинать к нам. Вместе с Михоэлсом. Мой муж, актер нашего театра М. М. Моин, позвонил уже об этом в гостиницу Соломону Михайловичу, и тот ответил, что с удовольствием еще раз посидел бы за бутылкой вина в нашем доме. Голубов же на мое предложение возразил: «Нет, нет, не получится. Нас будут ожидать. Я твердо заверил, что придем...»

Вечером я все-таки пошла в оперный с намерением увести Михоэлса после спектакля к себе. Соломон Михайлович, увидев меня, обрадовался, сказал, что я молодчина, а Голубов нахмурился, стал убеждать его, что им надо будет, освободившись, идти туда, куда обещано.

Вышло по-моему. На спектакль приехал ко второму акту секретарь ЦК партии Белоруссии, ведавший вопросами идеологии, М. Т. Иовчук, и сообщено было, что сразу по окончании спектакля состоится его обсуждение расширенным художественным советом. Михоэлс с улыбкой повернулся ко мне (мы сидели все в директорской ложе): «Видишь, Юдифочка, теперь пойду только к тебе!..»

Обсуждение затянулось почти до двух ночи. Но я с двумя друзьями терпеливо ждала. Потом Иовчук и Люторович в своих машинах подвезли всех к зданию нашего театра. Голубов снова сказал, что Михоэлсу и ему следует идти не ко мне, а в гостиницу.

Мол, их наверняка поджидают. Я предложила ему сходить в гостиницу самому, ходьбы-то до нее считанные минуты, удостовериться, что в третьем часу ночи никто там в ожидании его не сидит, и возвратиться к нам. Не скрывая неудовольствия, Голубов быстрым шагом направился в сторону гостиницы и назад уже не пришел.

Через полтора суток, стоя оглушенная жутким известием среди собравшихся знакомых и незнакомых в люксовском гостиничном номере, куда должны были вернуться и не вернулись Михозэлс и Голубов, я слышала, как живший в номере вместе с ними Барашко рассказывал, что вечером и за полночь, в часы затянувшегося просмотра и обсуждения «Алеси», в номер многократно звонили по телефону. Понимая, что это не ему, Барашко даже перестал снимать трубку. Когда же звонившим ответил, наконец, Голубов, то раздраженно бросил: «Куда я пойду, если у меня забрали Михозэлса!..» На другом конце провода, очевидно, сильно огорчились, потому что Голубов смягчился: «Что ж, перенесем день рождения назавтра...»

А Соломон Михайлович просидел у нас до половины восьмого утра. Говорили, говорили, говорили. От усталости ли, от горького ли какого-то предчувствия — впрочем, скорее это теперь так вырисовывается — при прощании он вдруг подавленно вымолвил:

«Я, наверное, скоро умру...» Я стала растерянно укорять его за эти слова. Хотя в самой что-то дрогнуло. Попрощались мы только до вечера: было договорено, что к половине девятого приду с Соколом к нему в гостиницу обменяться соображениями по

нашему «Тевье-молочнику». Кто мог подумать, что это прощание было навсегда!

— Обстоятельства гибели Михоэлса — до сих пор тайна. А вокруг тайны рождаются, конечно, легенды. Мне доводилось слышать, будто в последний их вечер Михоэлсу и Голубову назначена была высокая аудиенция, обоих предупредили, чтобы не отлучались из гостиницы, и вызвали под полночь телефонным звонком якобы на ту аудиенцию. На страницах «Вечерней Москвы» в статье Д. Гая я прочитал, что рука убийцы настигла Михоэлса в районе, отведенном в пору войны оккупантами под гетто. При безусловной эффектности нарисованного это, увы, неправда. Гостиница, о которой речь, Белорусская улица, тогдашний пустырь, где совершилось преступление, находятся в другой части города, далеко от территории бывшего гетто. Доподлинно, понимаю, и вам известно немного. Но что-то все-таки известно. Поделитесь тем, что знаете. Итак, намеченная встреча по поводу «Тевье-молочника» не состоялась...

— Не состоялась. Хотя минута в минуту к назначенному времени мы с Соколом в гостиницу пришли. Дежурная по этажу сказала, что интересующим нас жильцам срочно понадобилось куда-то выйти, и они просили передать, чтобы мы их обождали. Мы просидели в ожидании до одиннадцати часов, не дождались и ушли: знали, что на десять вечера Михоэлсу и Голубову была назначена встреча у Иовчука. Но из дому до часа ночи звонили в номер. Никто не отвечал.

13-го утром Михоэлс должен был уезжать. Я намеревалась присоединиться к провожающим, зайти

для этого в гостиницу. Актер нашего театра Миша Ривин, собравшийся туда раньше, постучал ко мне, спросил, готова ли. Ответила, что догоню, пусть идет сам. Когда пришла в гостиницу, дверь номера, в который торопилась, увидела приоткрытой, услышала оттуда голоса. Подумала, что все это провожающие. Постучалась, расхоже-театрально объявила о себе: «Те же и я!» Мина Ривин шагнул ко мне, его лицо меня насторожило. Сказал: «Случилось большое несчастье». И видя, что степени несчастья я все-таки не постигаю, произнес: «Михоэлс и Голубов убиты!»

Дальнейшие час-полтора проступают из памяти туманными мазками. Вот отвечает на чьи-то вопросы Барашко. Вот кто-то рассказывает, что оба трупа, раздавленные грузовиком, найдены под утро на неосвещенном куске дороги возле поворота с Ульяновской на Белорусскую улицу: по-видимому, Михоэлса и Голубова, зная, куда они идут, там подстерегали. Вот слышу приглушенно-убежденное: «Убийство! Несомненно, убийство!» Вот прибегает директор нашего театра, человек, приученный атмосферой тех лет собственное мнение по возможности, придерживать невыявленным: «Какое убийство!? Только что звонили от Иовчука — автомобильный наезд!..» Вот тогдашний прокурор республики Ветров, ни к кому конкретно не адресуясь, вполголоса замечает: «Знаем мы и такие убийства: сначала пуля, потом под колеса!..»

— Вы читали, конечно, — это не раз приводилось в публикациях нашей печати, — что Светлана Аллилуева в своих мемуарах свидетельствует: приняв

по телефону доклад о случившемся в Минске с Михоэлсом, ее державный папа ответил в трубку: «Автомобильная катастрофа...» Надо думать, это диктовалась версия для официального сообщения.

(Родник. 1990. № 3)

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ООН

17 сентября 1961 года в Африке рухнул самолет генерального секретаря ООН. И до сих пор мы не знаем ответа на главный вопрос: была ли это авария или убийство?

28 ноября 1960 года Лумумба ускользнул из убежища, ставшего его тюрьмой, но вскоре был схвачен молодчиками Мобуту и выдан Чомбе. После пыток и издевательств Лумумба и его товарищи были зверски убиты.

Планы Хаммаршельда рушились на глазах. Не помогало и присутствие тысяч «голубых касок». Из-за открытого или тайного саботажа великих держав системы оказания Конго административной, материальной и технической помощи поток критики грозил захлестнуть небоскреб на Ист-Ривер. Генеральный секретарь был близок к отчаянию, не мог понять, в чем причина неудач, и все надеялся, что его личные усилия выправят положение в Конго. Накануне открытия осенней сессии Генеральной Ассамблеи 1961 года он вылетел в Африку.

Официальной целью поездки были переговоры с новым премьер-министром Адулой. Однако как раз в день прилета войска ООН начали в Катанге операцию «Мортар». Они действовали в соответствии с резолюцией ООН, которая прямо предписывала принять меры для восстановления власти на всей территории Конго и не допустить «независимость Катанги».

Однако утечка информации о задачах «Мортара»

позволила мятежникам предпринять упреждающие шаги. Чомбе нашел прибежище в Северной Родезии. Вместо триумфа генсек столкнулся с одними осуждениями: сторонники Лумумбы критиковали его за нерешительность, союзники Чомбе — за самоуправство, остальные — за гибель «голубых касок».

Специально прибывший в Леопольдвиль (Киншаса) заместитель министра иностранных дел Великобритании лорд Лэнсдаун потребовал от имени западных держав, чтобы генеральный секретарь немедленно лично встретился с Чомбе. «Я считаю, что мне следует попытаться встретиться с Вами для достижения согласия относительно решения существующих проблем», — скрипя зубами написал лидер ООН катангскому мяснику. Чомбе согласился на переговоры в северородезийском городке Ндола, если ООН прекратит переброску «голубых касок» в Катангу.

Дабы соблюсти приличия, Хаммаршельд просил, чтобы Лэнсдаун, тоже направляющийся в Ндолу, покинул город до прибытия самого генсека. Лэнсдаун согласился, но без лишней вежливости заметил, что сначала должен откусать ланч с сотрудниками английского консульства. Вылет лидера ООН, запланированный на 10.00, попал, таким образом, в зависимость от продолжительности ланча, который как-то сам собой перешел в «поздний обед», если не в «ранний ужин». Лишь в 17.04 стартовал самолет Лэнсдауна, а в 17.51 — Хаммаршельда.

Через пять с половиной часов лорд приземлился в Ндоле (рядом с границей Северной Родезии и Катангой), убедился, что Чомбе готов к переговорам, и

должен был направиться в Солсбери (Хараре). Однако он не улетел, а остался на аэродроме в пестрой компании, ожидавшей Хаммаршельда. Через 1 час 30 минут ДС-6 шведской авиакомпании «Трансэйр» достиг Ндола, преодолев в полтора раза более длинный путь, чем самолет Лэнсдауна: в целях безопасности пилоты сделали петлю, обогнув с востока Катангу. ДС-6 радировал авиадиспетчеру о намерении совершить посадку, пролетел над вышкой управления полетами, ушел на разворот, чтобы сделать «коробочку» для выхода на взлетно-посадочную полосу, и... исчез.

Вскоре самолет лорда поспешно вылетел, а встречающие разошлись по домам. Отправился спать и персонал аэродрома. Чомбе уехал первым — за 15 минут до расчетного времени появился ДС-6. Судьба Хаммаршельда как будто никого не волновала.

Между тем «Альбертина» (шведские самолеты имеют имена) в 00.10 рухнула на склоне небольшого холма в 9 милях к западу от Ндолы. Несмотря на наступившую ночь и ясное небо, никто на аэродроме или на борту самолета лорда Лэнсдауна не заметил пылающей в джунглях полосы длиной 200 и шириной 50 метров. Рядом с местом падения проходит дорога на Ндолу — 20 минут езды на автомашине...

Самолет нашли только на следующий день.

Свидетелям долго не верили — начальники считали, что ДС-6 просто «куда-то улетел»...

Прибывшие наконец на место полицейские обнаружили массу полурасплавленных обломков, 14 обгоревших трупов (часть из них с пулевыми ранениями), не тронутое огнем тело мертвого Хаммар-

шельда и полуживого сержанта охраны Харри Джулиана. В госпитале с ним успела кратко побеседовать полиция:

— Последнее сообщение от вас поступило, когда самолет был над аэродромом Ндолы.

— Он взорвался.

— Над аэродромом?

— Да... Скорость была большая... Затем падение... Все было ярко освещено... Я открыл аварийный люк и выскочил. — А другие? Что с ними?

— Они оказались в ловушке!

Джулиану кололи успокаивающие лекарства, и он не мог даже открыть глаза. Скоро сержант скончался, не приходя более в сознание. Американские представители с соотечественником не встречались...

Расследование аварии вели лица, которые прямо или косвенно несли ответственность за происшедшее. Поскольку радиолокаторы «почему-то» не работали, а радиообмен с «Альбертиной» не записывался на магнитофон или хотя бы в журнале, то события в Ндоле и вокруг нее описаны местной комиссией со слов начальника аэродрома и диспетчера. Оба утверждали, что «посторонних самолетов» в зоне полетов не было, что ДС-6 не сообщил при вылете из Леопольдвилья о намерении прибыть в Ндолу и соблюдал в полете радиомолчание. Поэтому-де он не мог быть объектом авиаатаки со стороны катангских мятежников. Комиссия пришла к выводу, что следов саботажа нет и «Альбертина», вероятно, врезалась в землю в результате ошибки пилотов или технической неисправности.

Однако прямых или косвенных следов и доказа-

тельств ошибки или неисправности самолета комиссия не нашла.

Даг Хаммаршельд «...очевидно, умер сразу же после аварии», после того, как силой удара о землю его выбросило из фюзеляжа. Его спутникам, как считали родезийцы, повезло меньше: они пострадали не только от падения «Альбертины», но отравились дымом начавшегося пожара и получили огнестрельные ранения при подрыве перегревшихся боеприпасов в их же личном оружии.

Специальная группа ООН (в ее составе — представители Швеции, Югославии, Сьерра-Леоне, Непала и Аргентины) не оспорила выводов родезийской комиссии, а вынесла «открытый вердикт»: катастрофа могла стать следствием ошибки, неисправности, саботажа или атаки, но улики на сей счет отсутствуют. Группа появилась в Ндоле почти через полгода после аварии и опиралась в работе на родезийские данные. Серьезных попыток провести свое расследование, непредвзято допросив свидетелей и организовав техническую экспертизу, она не предприняла. Единственным самостоятельным шагом явилось приглашение швейцарского криминалиста Фрай-Сульцера, но и он, расплавив алюминиевые обломки и не обнаружив «посторонних металлических предметов», исключил возможность саботажа или атаки.

Материалы шведского МИД рассекречены, и в глаза бросается масса крупных огрехов (или умышленных упущений), совершенных комиссией. Намеки на некомпетентность пилотов не выдерживают критики — оба налетали свыше 7000 часов каждый и, что особенно важно, треть этого налета приходи-

лась на пилотаж в ночных условиях. В отличном состоянии находились механизмы ДС-6, в том числе его высотомеры и системы управления. Не подтверждаются и другие выводы родезийских властей.

Шведские эксперты Нильс Рингертс и Арне Фрюкхольм еще в феврале 1962 года составили секретный меморандум правительству Швеции о том, что генсек не погиб в момент аварии и, получи он своевременную медицинскую помощь, мог выжить. Вскрытие трупов показало, что, вероятно, пожар возник не после удара о землю, а еще в полете. Об этом же свидетельствуют и два опустошенных огнетушителя, которые, вероятно, использовались экипажем для борьбы с огнем на борту. Разлет кресел не месте катастрофы свидетельствует не об ударе самолета о землю, а о взрыве еще в воздухе.

Представитель «Трансэйр» в Конго Бу Вирвинг подготовил «реконструкцию событий, приведших к катастрофе». Из нее ясно, что разговоры о «радиомолчании» «Альбертины» — просто миф, поскольку ДС-6 сообщал диспетчеру Ндола о своем местонахождении и намерении совершить посадку, еще находясь над озером Танганьика. Белые легионеры в Катанге прослушивали авиасообщения самолетов ООН и вполне могли направить с аэродромов Жадотвиль и Кипуши имевшиеся у них истребители наперехват. Вообще секретов из предстоящих переговоров в Ндола не делали, ведь о них знал Чомбе.

Небезупречным видится сегодня и поведение доктора Фрай-Сульцера: из 32 тонн «живого веса»

ДС-6 ему в руки попало лишь 0,5 тонны, то есть полтора процента. Несколько граммов стали, оставшихся от взрывателя (если в самолет подложили бомбу, сработавшую при уменьшении высоты при заходе на посадку), и даже килограммы обломков ракет типа «воздух—воздух» (если «Альбертину» атаковал самолет мятежников) вполне могли остаться вне поля зрения швейцарца. Тем более что остатки ДС-6 собирались родезийцами не слишком тщательно, а возможно, преднамеренно уничтожались, когда это считалось нужным. Во всяком случае, есть свидетельства, что часть грузовиков с обломками просто исчезла на пути к аэродрому.

Если методы 60-х годов не дали четкого ответа о наличии частиц взрывчатки, то сегодня эксперты смогли бы их проанализировать в тысяч раз более тщательно. Увы, все остатки «Альбертины» пропали бесследно, а земля на месте аварии была перепахана и просеяна родезийской полицией.

За прошедшие годы появилось немало интервью, в которых белые наемники заявляли, что это они убили Хаммаршельда и его спутников. Но доказательств не приводится. Однако старые показания десятков свидетелей подтверждают, что в небе над Ндолой «Альбертина» была не одна. В архивах МИД десятки свидетельских показаний на сей счет.

Девидсон Шиманго (негр-угольщик): «Я увидел два аэроплана... сильную белую вспышку, и раздался очень громкий звук от взрыва».

Ивона Жубер (белая домохозяйка): «Я сидела в кресле, читала книгу... я услышала реактивный самолет, а затем транспортный самолет с обычными

двигателями. Вскоре я задремала... Меня разбудил взрыв, затем я увидела зарево».

С черными свидетелями все обстояло просто: их высмеивали («у него нет часов, откуда ему знать, который был час»), запугивали («надо обыскать его дом, вдруг он что-то украл с места аварии»), компрометировали («он же слушает радио Москвы»). Показания белых записывал лично военно-воздушный атташе, который извращал смысл ответов. Любая попытка свидетеля дать иные показания комиссии ООН означал бы, что он обманул правосудие британской короны и подлежит уголовному наказанию. Комиссия ООН не обеспечила иммунитета свидетелям, из которых в результате колониальные власти смогли, образно выражаясь, «вить веревки».

Версии об ошибке пилотов или о технической неисправности выглядели сегодня еще менее правдоподобно, чем раньше. А версия об атаке ДС-6 другим самолетом ныне представляется вполне реальной.

Надежный источник из информационной сети генсека сообщал в 1961 году, что Чомбе готовит покушение на лидера ООН. Катангские мятежники располагали предварительной информацией о времени прилета Хаммаршельда в Ндолу. За 15 минут до него Чомбе покинул аэродром. На авиабазах Катанги имелись боевые самолеты, которые могли барражировать в небе над Ндолой, легко обнаружить в ночном небе сигнальные огни огромного ДС-6 и атаковать его ракетами.

Следы нападения было нетрудно устранить тем, кто устроил встречу в Ндоле, не приняв мер для

обеспечения безопасности генсека, не развернул поиски пропавшего самолета и вел расследование, запугивая свидетелей и «теряя» обломки «Альбертины». Они отстаивали «свою Африку»...

(Полюхов А. Последний полет Хаммаршельда. // Новое время. 1991. № 18)

ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКИ

Мы все хорошо помним, как это произошло.

Очень заезженные кадры: синий президентский «Линкольн» с открытым верхом, мотоциклисты в шлемах, сухой речитатив выстрелов, крик Жаклин: «Нет, нет, Джек!», мелькание ее локтей и розовой шапочки, тренированный прыжок охранника на багажник... Все это как будто в другом веке, а помнишь, словно видел вчера.

«В ту пятницу я с утра работал в своей нью-йоркской студии. — Рассказывает личный фотограф Кеннеди. — Для рекламы снимал какой-то «Фольксваген» с немецкими овчарками. Это дурацкое занятие меня измотало. Что может быть ужаснее — снимать псов в студии? Они хотят есть, они хотят на улицу, они виляют своими хвостами и портят кадр. В общем, тоска. Усталый и злой, я вышел пройтись.

Не было людей, не было машин. В лавке, где я покупал газеты, не было продавца. Вдруг слышу за спиной обрывок разговора — стреляли в президента. Мчусь домой, чтобы включить телевизор, узнать новости. Но уже в подъезде по лицу плачущего привратника понимаю — президент мертв. В тот же вечер я выехал в Вашингтон. Все воскресенье и понедельник, два дня напролет, я снимал его похороны. Но никогда ничего из той съемки не публиковал. Я решил для себя — никаких процессий, мрачных лиц, Арлингтонского кладбища. Пусть на моих фотографиях президент будет живым».

Мой собеседник — неулыбчивый господин невысокого роста с грустными, внимательными глазами. Он посасывает погасшую трубку и медленно, с каким-то усталым безразличием отвечает на мои вопросы. Вначале мы говорим о нем самом. Его зовут Жак Лоу. Ему пятьдесят девять лет. Живет в Нью-Йорке. Считается асом фотожурналистики и одним из лучших портретистов Америки. Прославился в начале 60-х как первый официальный фотограф президента Кеннеди. Бесчисленное количество публикаций в лучших иллюстрированных журналах мира, 12 фотоальбомов, персональные выставки на всех континентах. Последняя по счету — у нас в Москве, в Фотоцентре на Гоголевском бульваре.

«С семьей Кеннеди меня познакомил Пьер Сэлленджер, будущий помощник президента по связям с прессой, а тогда репортер «Сан-Франциско кроникл». Мы вместе делали репортаж о событиях в Венгрии 56-го года. Вначале я фотографировал Роберта с детьми. Знаете, такие домашние, семейные снимки. Совсем неофициальные. Их любят печатать в женских журналах. Они понравились Послу (в их доме Джозефа Кеннеди все называли Послом), и тот предложил мне принять участие в предвыборной президентской кампании его старшего сына, Джека. Стать его личным фотографом. Я согласился».

С фотографий Жака Лоу, помеченных концом 50-х — началом 60-х годов, на нас смотрит сенатор Кеннеди, счастливый отец, гордый муж, серьезный политик, улыбчивый кандидат в президенты, наконец, президент. Воплощение обаятельной твердости. Само лицо Кеннеди, которое камера Лоу влюбленно моделирует, каким-то поразительным обра-

зом примиряет мужественность и застенчивость, непреклонную волю и самоиронию — примиряет особым, редкостным шармом избранности, душевного аристократизма. Таких лиц не знал Голливуд, не знал Капитолий. Если попытаться найти феномену Кеннеди психологический прототип в сфере американской литературы, то это, наверное, Великий Гэтсби. При этом, как и в герое Фицджеральда, печать гордой и обаятельной избранности — лишь первое приближение к его подлинному характеру — там, внутри, нет безмятежного сияния баловня судьбы, прославленная «charming machine» отключена, бездействует, там могут быть потемки сомнений, страданий, печаль — там начинается то глубокое, неповторимое, индивидуальное, что приковывало к нему внимание всего мира. Этот человек, наверное, был бы невообразим в роли благовоспитанного семьянина, прилежного налогоплательщика и владельца недвижимости — его лицо указывало на особый характер, словно специально созданный для великой борьбы и трагических испытаний.

И Жак Лоу первым угадал это.

Вот один из самых знаменитых его кадров — Кеннеди у воды. В черном пальто с поднятым воротником. Отъединенный от всех. Погруженный в себя. Он как будто не слышит бурного разлива, не замечает кипящей волны, бьющейся у его ног. Он не здесь. Камера длит это мгновение покоя, словно боится пошевелиться, словно хочет его уберечь, словно все уже о нем знает... «О Господи, море твое велико, а челн мой так мал» — надпись с металлической пластинки, лежавшей на письменном столе в Овальном кабинете.

А эту фотографию Кеннеди любил больше других и всегда демонстрировал гостям Белого дома: начало его предвыборной кампании. Они вместе с Жаклин в Портленде, штат Орегон. Утро. Туман. Взлетная площадка провинциального аэродрома, больше похожая на сельский луг. Только два человека пришли на встречу с кандидатом в президенты. Так и замерли все они на том лугу. Не то соболезнования принимают, не то поздравления. Разве теперь поймешь? Потом завтрак в придорожной закуской. И опять никому нет дела, кто там сидит, уткнувшись в газету, пока стыннут тосты и кофе.

Несмотря на настойчивые просьбы Кеннеди войти в штат сотрудников Белого дома, Жак отказался. Он ценил превыше всего свою независимость и не собирался становиться придворным фотографом. Расстались друзьями. Он еще много потом снимал и Джона, и Жаклин, и обоих их детей. Я спросил Жака об этом браке, окруженном дурной молвой, разноречивыми слухами, сплетнями. Отвечать он отказался. «Может быть, когда-нибудь я напишу об этом. Сейчас не стоит».

На фотографиях, где они вместе с Джеки (таких, кстати, на выставке в Фотоцентре немного), каждый сам по себе. Отдельно. Лоу доводит ее прославленную темноволосую красоту до лакированной ослепительности «Вога» и «Харпер базар». Но видно, что он к ней равнодушен, а временами даже недобр.

Что-то затаенно-хищное проскальзывает в облике молодой женщины — в чувственном изгибе рта, в широко расставленных невозмутимых глазах, во властном очертании подбородка. В ней все время чувствуется напряжение, которого и помину нет в

муже. Какая-то внутренняя скованность, несвобода, тревога, искусно маскируемая безупречными манерами, безупречными туалетами. Так выглядят женщины, которых мало любят. И никакая игра в идеальную пару, ни все его элегантные знаки внимания вроде той милой шутки, с которой он начал свою пресс-конференцию в Париже, представившись журналистам как человек, сопровождающий Джеки Кеннеди в ее поездке в Европу, ни весь этот грандиозный театр, который они возводили из своего честолюбия, одиночества и жажды славы, — ничто не может обмануть пронизательную камеру Жака Лоу.

Они гениально смотрелись вместе, гениально позировали перед объективами, и это все, что о них можно сейчас сказать.

Но тогда они оба с их детьми были центром любви Америки.

Их любили с восторгом, нежностью и надрывом. Может быть, потому что в их независимом, победительном облике угадывалась неясная грусть, обрывающая линию жизни. Друзья вспоминали, как часто Кеннеди думал и говорил о смерти. Любимый вопрос: «Скажи, какая, по-твоему, смерть лучше?» И сам спешил с ответом: «На войне. Самое наилучшее — на войне». Смерть преследовала его. Гибель старшего брата — летчика ВВС. Смерть любимой сестры в авиакатастрофе. Его собственное ранение, дававшее о себе знать постоянно нестерпимой болью и чередой мучительных операций. Его умершие дети — их первенец с Джеки, девочка, родившаяся мертвой, их младший сын Патрик, проживший 48 часов. Он переживет его всего на три месяца. «Как бы ты предпочел умереть?» — спросил его кто-то из

близких незадолго до смерти. «О, от пули. Ты так и не узнаешь, что тебя сразило. Пуля — наилучший способ».

(Николаевич С. Великий Гэтсби большой политики. // Огонек. 1991. № 44)

В КЕННЕДИ ЦЕЛИЛИСЬ ИЗ МИНСКА?

Предполагаемый убийца Джона Фицджеральда Кеннеди в 1959—1962 годах жил в Минске.

В свое время «советский период» Ли Харви Освальда был предметом множества догадок и объяснений американской прессы.

Освальд вел дневник, который был изучен и приобщен к делу, когда комиссия Уоррена вела расследование обстоятельств убийства президента. Сомнений в его подлинности не возникало. Тогда же отработывалась версия, что Освальд — агент КГБ. Эксперту, пожелавшему проехать по «освальдским местам» в Советском Союзе, было отказано в визе. Кроме показаний Марины, которая познакомилась с Освальдом лишь год спустя после его появления в СССР, ключом к «советскому периоду» были письма родным в Америку, рукопись под названием «Коллектив» и дневник. Поэтому, хоть и с опозданием, был предпринят естественный шаг — графологическая экспертиза. Доступ к дневнику в Национальном архиве в Вашингтоне получила доктор Теа Левинсон, психолог венской школы. Первый же ее вывод ошеломил: фальшивка! По свидетельству Левинсон, в первой части дневника нарастает усталость почерка, затем — краткий отдых, и вторая часть написана уже с новой энергией. При последующем анализе она напрочь исключила возможность того, что Освальд на самом деле вел записи на протяжении 3 лет. В таком случае в почерке прояви-

лись бы различные настроения, напряжение, физическое состояние.

Последняя дневниковая запись датирована апрелем 1962 года, но графолог не сомневалась: Освальд делал записи в состоянии напряжения, под давлением и за короткое время.

Частые перерывы, разорванность точек напряжения свидетельствовали, что Освальд изменял ответы на вопросы, получив какую-то уточняющую информацию.

Кто-то диктовал ответы?

Когда графолога Левинсон спросили, был ли Освальд единственным организатором и исполнителем убийства или он действовал в группе, она ответила так:

«По-моему, Освальд нуждался в поддержке и управлении со стороны, чтобы осуществить сложный план, такой, как побег в СССР и возврат в США или убийство. Освальдом было легко манипулировать, его преданность переключалась на того, кто его поддерживал. Возможно, что слово «поддержка» — ключевое: он действовал в этой динамике, он принадлежал тому, кто поддерживал его».

Деятельность секретных служб современности по традиции остается терра инкогнито. Мы привыкли рассматривать их исключительно в режиме противостояния. Но в тайном мире, где высший критерий — целесообразность, разве можно было полностью исключить вольный или невольный союз двух могущественных организаций? К сожалению, приходится высказывать только предположения...

16 окт. Приехал из Хельсинки поездом, был встречен представителем Интуриста. Едем маши-

ной в гостиницу «Берлин». Зарегистрировался как «студент» на 5 дней.

Встретил своего интуристовского гида Ильгу. Объясняю ей, что хочу получить русское гражданство, она удивляется, но соглашается помочь. Консультируется со своим шефом в управлении Интуриста; потом помогает мне отредактировать письмо в Верховный Совет с просьбой о гражданстве, пока ее шеф звонит в ОВИР и ставит в известность о моем приезде.

17 окт. Ольга встречает меня, уверяет, что мы должны пойти на экскурсию; я нервничаю из-за ее уверенности в том, что я скоро получу ответ. Расспрашивает обо мне, почему я делаю это, я объясняю, что я коммунист и т. д. Она сочувствует мне, старается относиться по-дружески. Я что-то новое для нее.

Воскр. 10 окт. Мой день рождения, мне 20 лет. Утром идем на выставку, днем — в мавзолей Ленина — Сталина. Ольга дарит мне «Идиота» Достоевского.

19 окт. Туризм. Нервничаю. У меня виза только на 5 дней, а ответа на мое письмо еще нет.

20 окт. Ольга сообщает, что ОВИР передал в Интурист, что они хотят меня видеть. Я очень взволнован.

21 окт. (утро). Встречаюсь с официальным представителем. Низкого роста, лысеющий, в темном костюме, прекрасный английский, спрашивает, чего я хочу. Говорю: «Советское гражданство». Спрашивает, почему. Я говорю что-то о «великом Советском Союзе». Он говорит мне: «СССР великая держава только в области литературы», хочет, чтобы я уехал

домой. Я ошеломлен, повторяю снова то же самое. Он отвечает, что проверит и ответит мне, продлит визу. Вечер, 18.00. Получаю сообщение из полиции. Я должен покинуть страну до 20.00, т. к. заканчивается срок моей визы. Меня вышвырнули. Мечты! Возвращаюсь к себе в номер. Осталось 100 долларов. Два года я ждал, чтобы меня приняли. Мои самые заветные мечты разбиты мелким чиновником; а я планировал так много! В 7 вечера я решаю покончить с этим. Погружаю руку в холодную воду, чтобы не чувствовать боли. Потом рассекаю левое запястье. Потом в горячую воду. Я думаю, когда придет Ольга в 8 часов и найдет меня мертвым, это будет большим ударом. Где-то играет скрипка, пока я гляжу, как ускользает моя жизнь. Думаю про себя: «Как легко умереть, приятная смерть под звуки скрипки». Около 8 Ольга находит меня без сознания (вода в ванне ярко-красного цвета), она кричит (я помню это) и бежит за помощью. Приезжает «скорая помощь», меня увозят в больницу, где мне накладывают 5 швов на кисть. Бедная Ольга стоит рядом со мной и переводит, я еще плохо говорю по-русски. Поздно вечером я говорю ей: «Идите домой» (у меня плохое настроение), но она остается, она «мой друг», у нее сильная воля, и только в этот момент я замечаю, что она красивая.

22 окт. Больница. Я в маленькой палате. Со мной 12 больных, 2 санитарки и медсестра. Палата темная, завтрак плохой. После длительного 2-часового наблюдения за другими больными я замечаю, что я в палате для сумасшедших, это меня очень беспокоит. Днем меня навещает Ольга. Она входит с двумя докторами. Ей приходится задавать мне медицин-

ские вопросы. «Вы знали, что вы сделали?» Отвечаю: «Да». «Теряли сознание?». «Нет». И т. д. Потом я жалуюсь на плохую еду. Врачи смеются, это, видимо, хороший завтрак. Потом они уходят. Я остаюсь один с Ольгой (среди душевнобольных). Она пытается ободрить меня, говорит, что поможет перевести меня в другую палату (не для сумасшедших), где хорошее питание.

23 окт. Переведен в обычную палату (проветренная, с хорошей едой), но медсестры следят за мной (они знают обо всем). Днем меня навещает Катерина, сотрудница интуристовской гостиницы, вежливо интересуется моим здоровьем. Она очень красивая, прекрасно владеет английским, очень веселая и добрая, я чувствую, что рад, что остался жив. Позже приходит Ольга.

24 окт. Больничные процедуры. Днем приходит Ольга.

25 окт. Больничные процедуры. Днем приходит Ольга.

26 окт. В больнице пожилой американец, видимо, стал подозревать меня в чем-то, т. к. я сказал ему, что в посольстве я не зарегистрировался, как все туристы, и вообще я уклончив в отношении своего пребывания в Москве. Днем приходит Ольга.

27 окт. Сняли швы.

28 окт. (утро). Уезжаю из больницы на интуристовской машине с Ольгой, едем в гостиницу «Берлин», из нее переезжаю в «Метрополь». Вещи сложены, все деньги (до последней копейки) возвращены, часы и кольцо тоже. Вера, начальник бюро Интуриста, и Катерина пригласили меня зайти и посидеть с ними. Мне одиноко в новой гостинице. Они

мне сочувствуют. Ольга сообщает, что меня хотят видеть в ОВИРе и поговорить о моем будущем. Потом мы едем с Ольгой в ОВИР. Меня там ждут четверо незнакомых мне сотрудников, спрашивают, как моя рука. Говорю: «Все хорошо». Спрашивают: «Хотите поехать на родину?» Говорю: «Нет, я хочу получить советское гражданство и хочу жить в Советском Союзе». Они говорят, что позаботимся об этом. Потом они спрашивают меня о том человеке, с которым я говорил сначала (наверное, он не передал мое письмо с просьбой о гражданстве совсем, а хотел упростить все и избавиться от меня, не продлив мне визу на время). Я описываю, как он выглядел (они делают пометки). Какие бумаги вы ему показывали? Кто вы и чем занимаетесь? Я показываю им свой документ об увольнении в запас из флота. Они говорят: «Ждите нашего ответа». «Как долго ждать?» «Не скоро». Приходит Ольга. Я чувствую себя обиженным и обижаю ее.

29 окт. Номер 214 в «Метрополе». Я жду. Волнуюсь. Ел только раз, стою рядом с телефоном полностью одетый.

31 окт. Я принял решение. Получаю паспорт в 12.00. Встречаюсь с Ольгой, говорим несколько минут. Она советует мне оставаться в своей комнате, хорошо поесть. Я не говорю ей о своем решении, знаю, что не одобрит. После того, как она уходит, я жду несколько минут, потом заказываю такси. «Американское посольство», — называю адрес. В 12.30 прибываю к американскому посольству. Вхожу и говорю секретарше: «Я хочу видетсья с консулом». Она указывает на большую тетрадь и говорит: «Если вы турист, пожалуйста, зарегистрируйтесь».

Я достаю свой американский паспорт и кладу его на стол. «Я пришел отказаться от американского гражданства», — я говорю это как само собой разумеющееся. Секретарша встает и идет в кабинет Ричарда Снайдера, главного американского консула в Москве. Он приглашает меня войти. Он заканчивает печатать письмо, спрашивает, чем может помочь. Я говорю, что решил принять советское гражданство и хотел бы отказаться от американского. Его помощник (сейчас главный консул) Мак Викерс смотрит на меня. Снайдер записывает мои данные, задает вопросы, предупреждает не предпринимать ничего, пока советские не приняли меня, называет меня глупцом и говорит, что документы требуют длительной подготовки (другими словами, он не дает мне возможности в этот раз отказаться от американского гражданства). Я заявляю: «Мой выбор сделан, и с сегодняшнего дня я не считаю себя гражданином США».

В посольстве я провожу 40 минут, прежде чем Снайдер говорит: «Ну если не хотите сейчас пропагандировать свои марксистские убеждения, можете идти». Я хочу отказаться от американского гражданства. Я ухожу из посольства окрыленный.

Возвращаюсь в гостиницу. Чувствую, что усилия не пропали даром. Уверен, что после этой демонстрации преданности русские примут меня. 2 часа дня. Стук в дверь. Репортер Гольдштейн. Хочет взять у меня интервью. Я удивлен. «Как вы узнали?» «Нам позвонили из посольства», — отвечает он. Я прогоняю его и начинаю понимать, что это попытка оказать давление на меня, напечатав в газетах о моих связях в Штатах. Хотя они и могут ска-

зять, что это для информирования общественности. Через полчаса приходит еще одна журналистка, мисс Мосби. Я отвечаю на несколько вопросов и отказываюсь от интервью. Я удивлен их интересом ко мне. Вечером мне звонят из «Тайм», звонят из Штатов. Я отказываюсь говорить, даже не выясняя, кто это. В 10.00 ложусь спать.

1 нояб. Опять журналисты, 3 телефонных звонка от брата и матери. Теперь я чувствую себя слегка возбужденным и не таким одиноким.

2—15 нояб. Дни полного одиночества. Отказываюсь от встреч с журналистами, телефонных звонков. Сажу в своей комнате. Страдаю от дизентерии.

15 нояб. Решаю дать интервью. У меня есть визитная карточка мисс Мосби, звоню ей. Она сразу же приезжает. Я рассказываю ей все. Разрешаю фотографировать. Мой рассказ появляется в искаженном виде, без моего разрешения. Но я чувствую себя чуть лучше из-за внимания ко мне.

16 нояб. Ко мне в комнату приходит русский представитель и спрашивает, как я. Сообщает, что я могу оставаться в СССР до тех пор, пока решат, что со мной делать. Это утешительное известие. Для меня.

17 нояб.—30 дек. Купил себе 2 самоучителя русского языка. Заставляю себя заниматься по 8 часов в день. Сажу в своей комнате, читаю, учу слова. Питаюсь здесь же. Ольга организовала это. Очень холодно, и я редко выхожу. За эти полтора месяца никого не вижу, ни с кем не разговариваю. Иногда заходит Ольга. По моей просьбе звонит в министерство. Они забыли обо мне? За декабрь не оплачена гостиница. Ольга им сказала, что скоро мне при-

шлют много денег из Штатов. Осталось 28 долларов. В этом месяце меня вызывали в ОВИР, встречался с 3 новыми сотрудниками. Задавали те же вопросы, что и месяц назад. Похоже, что они совсем не знают ничего обо мне.

31 дек. Новый год. Встречаю его с Катериной в гостинице «Берлин», она на дежурстве. Сижу с ней за полночь, она дарит мне маленького Буратино. Мне очень приятно. Только недавно я узнал, что она замужем, что у нее маленький сын, который родился калекой. Вот почему она так нежна и привлекательна.

1—4 янв. Ничего необычного.

4 янв. Вызвали в ОВИР, дали советские документы. Не гражданство, как я хотел, а вид на жительство. На документе было написано: «Для тех, у кого нет гражданства», даже не для иностранцев. Все равно я счастлив. Мне сказали, что посылают меня в город Минск. Я спросил: «Это в Сибири?» Они рассмеялись. Мне также сказали, что дадут немного денег и Красный Крест оплатит гостиницу и мои расходы. Я благодарю и ухожу. Днем встречаю Ольгу. Она спрашивает: «Ты счастлив?». «Да».

5 янв. Еду в Красный Крест в Москву за деньгами с переводчиком (новым). Получаю 5000 рублей. Огромная сумма!!! Позже в Минске я буду зарабатывать 700 рублей в месяц на заводе.

7 янв. Еду из Москвы в Минск поездом. Мой счет в гостинице составил 2200 рублей, а билет в Минск 150 рублей. У меня осталось много денег. Я пишу брату и матери письма, в которых сообщаю: «Я не буду писать вам. Я начинаю новую жизнь и не хочу ничего из старой».

7 янв. Приезжаю в Минск, встречают 2 женщины из Красного Креста, идем в гостиницу «Минск». Получаю комнату, знакомлюсь с Тамарой и Валентиной, сотрудницами Интуриста, которые говорят по-английски. Валентине за 40, красивая, замужем, есть маленький ребенок. Тамаре около 23, блондинка, привлекательна, незамужем, прекрасный английский, мы сразу друг другу понравились.

8 янв. Встречаюсь с мэром города товарищем Шаратовым, который приветствует меня и обещает найти вскоре для меня квартиру, предупреждает о «некультурных людях», которые иногда оскорбляют иностранцев. Мой переводчик — Алексей. **10 янв.** День в моем распоряжении. Брожу по городу, очень красиво.

12 янв. Иду на радиозавод, где буду работать. Там знакомлюсь с Андреем Б., ему за 40, с приятными манерами, похоже, хочет мне что-то сказать. Показываю ему свои временные документы и говорю, что скоро получу русское гражданство.

13—16 янв. Работаю контролером, получаю 700 рублей в месяц. Работа легкая. Быстро учу русский. Все очень добры ко мне. Встречаюсь со многими русскими рабочими моего возраста, все очень разные, все хотят знать обо мне все, даже предлагают провести собрание, чтобы я на нем выступил и рассказал о себе. Вежливо отказываюсь. Вечерами хожу с Тамарой в театр, кино или оперу почти каждый день. Очень доволен своей жизнью. Получаю «помощь» от Красного Креста каждый месяц 5 числа. Это 700 рублей. Всего у меня выходит 1400. Почти как у директора завода. Андрей все время наблюдает за мной. Мне не нравится: портрет Ленина

на почетном месте и зарядка с 11.00 до 11.10 каждое утро. (Обязательно.) Для всех. (Призраки Г. Уэлса!)

16 марта. Получаю небольшую 1-комнатную квартиру, кухня, ванная. Рядом с заводом (8 минут ходьбы). Прекрасный вид с двух балконов на реку. Почти бесплатно (60 руб. в месяц). Это мечта для русских.

17 марта — 30 апр. Работаю. Потерял связь с Тamarой после переезда в свою квартиру. Знакомство с Владимиром Г. Молодой человек моего возраста, дружелюбный, очень умный, прекрасный радиоинженер, его отец — генерал Г., дважды герой во время войны.

1 мая. Мой первый праздник. Все заводы и т. д. не работают. После зрелищного военного парада — демонстрация трудящихся с флагами, транспарантами и портретами Хрущева. Я придерживаюсь американской традиции — не отмечать праздник, а спать утром. Вечером иду в гости к дочерям Андрея. 40 гостей, многие из них аргентинского происхождения. Танцуем, поем, веселимся до 2-х часов ночи. Наташа, старшая дочь, 26 лет, ранее замужем, сейчас в разводе, талантливая певица. Галина 20 лет, очень веселая, не такая привлекательная. Ее друг Борис — венгр, молчаливый и нудный, совсем не такой, как Галина. Андрей советует мне вернуться в США. Это первое противоположное мнение. Я уважаю Андрея, он видел мир. Он рассказывает много о Советском Союзе, чего я не знаю. Я начинаю себя чувствовать неуверенно, это так!

Июнь—июль. Красивые летние месяцы, сосновый лес. Я провожу выходные в окрестностях Минска с Б., у которого «Москвич», Борис всегда ездит

с Галиной. У Натальи, кажется, нет постоянного друга, но много поклонников. У нее красивая испанская фигура, длинные черные волосы, как у Галины. Я никогда не обращаю внимания на нее, она слишком стара для меня. И ей, кажется, не нравится отсутствие внимания с моей стороны. Я привык к маленькому кафе, где я ужинаю по вечерам. Еда там обычно плохая и однообразная, как и в каждом кафе в городе. Еда дешевая, но я не обращаю внимания на качество после 3 лет службы во флоте.

Август—сент. По мере улучшения моего русского я все больше понимаю, в каком обществе я живу. Массовая физкультура, обязательные собрания после работы, обычно — политинформации. Обязательные посещения лекций и выезд всем цехом (кроме меня) на уборку картошки по воскресеньям в колхоз. «Патриотический долг» участвовать в уборке урожая. Мнение рабочих (негласное) — что обуза. Не похоже, чтобы они были очень оптимистично настроены по поводу «общественных нагрузок». Естественное чувство. Я все больше ощущаю присутствие во всем Лебизина, партийного секретаря цеха, толстого, в возрасте после 40, общительного и жизнерадостного. Это не какой-нибудь чепуховый парработник.

Окт. Наступает осень, боязнь новой русской зимы смягчается золотом белорусской осени. Сливы, персики, абрикосы и вишни в большом количестве в эти последние осенние дни. Я здоровый, загорелый. Съел за лето много фруктов (что невозможно в другие поры года).

18 окт. Мой 21-й день рождения. Приглашаю Тamarу, Владимира, Анну ко мне в гости. Анна —

очень привлекательная русская еврейка, за которой я ухаживаю в последнее время. Она тоже работает на радиозаводе. Тамара и Анна ревнуют друг друга, мне это приятно. Обе у меня впервые. Анна и Владимир курят (я не курю), смеемся.

Нояб. Приближается зима. Меня переполняет одиночество, несмотря на мой роман с Сарой, девушкой из Риги, студенткой консерватории в Минске. После нескольких недель мы расстаемся.

15 нояб. В ноябре знакомлюсь с 4 девушками, которые живут в 212-й комнате общежития иняза. Лариса очень интересная, Нина, Алиса и Светлана — тоже. Я обычно хожу в общежитие со своим другом, который очень хорошо говорит по-английски. Иван, 22 года, студент 4 курса мединститута. Очень умный парень. В общежитии мы вшестером сидим и разговариваем часами по-английски.

1 дек. У меня легкий роман с Ларисой.

1 янв. Новый год встречаю в доме Анны. Мне кажется, что я ее люблю. Она отвергла мои «бесстыдные» притязания, мы ужинаем вместе с ее семьей в очень приятной обстановке. Потом я иду домой пьяный и счастливый. Иду вдоль реки, решаю сделать Анне предложение.

2 янв. После приятной, рука в руке, прогулки в местный кинотеатр мы приходим домой. Прямо у входа я делаю предложение. Она колеблется, затем отказывается. Моя любовь к ней настоящая, а она меня не любит. Кроме отсутствия взаимности, есть еще иные причины: я американец и могу когда-нибудь быть арестован из-за этого. Пример: польская интервенция в 20-х годах, когда все лица польского происхождения были арестованы в Советском Сою-

зе. «Ты понимаешь, обстановка в этой стране полностью против тебя, ты даже не знаешь этого». Я удивлен, она пользуется моментом и пытается уйти (я слишком долго раздумывал). Начинаю понимать, что она никогда не относилась ко мне серьезно, а только пользовалась тем, что я американец, чтобы подразнить других девушек, которые думают, что я чем-то отличаюсь от русских парней. Я отвержен!

3 янв. Я несчастен. Я люблю Анну, но что поделаешь? Состояние страха всегда было в Советском Союзе.

4 янв. Через год после получения разрешения на жительство я приглашен в ОВИР и у меня, наконец, спрашивают, хочу ли я получить русское гражданство. Говорю: «Нет, просто хочу продлить разрешение на жительство». Соглашаются. Оно продлено до 4 января 1962 года.

4—31 янв. Начинаю переосмысливать свое желание остаться. Работа скучная, деньги негде потратить. Нет ночных клубов, кегельбанов, мест отдыха, кроме профсоюзных вечеров с танцами, которыми я уже сыт по горло.

1 фев. Посылаю свое первое заявление в американское посольство в Москве о пересмотре моего прошения. Я указал: «Я хотел бы вернуться в Америку!»

28 февр. Получаю ответ из посольства. Ричард Снайдер сообщает, что я могу в любое время приехать для разговора.

1—16 марта. Живу с чувством ожидания отъезда в Штаты.

Рассказал об этом Андрею, он поддерживает ме-

ня, но предупреждает, чтобы я ничего не рассказывал русским о своем желании уехать. Теперь я понимаю, почему он так сказал.

17 марта. Иду с Иваном на танцы. Скучно, но за час до конца знакомлюсь с девушкой с французской прической, в белых туфлях. Танцую с ней. Провожая ее домой с 5 другими ее приятелями, ее зовут Марина. Мы понравились друг другу с первого взгляда. Она дает мне своей телефон в такси, я уйду домой.

18—31 марта. Гуляем. Рассказываю о себе. Немного. Она о себе говорит много. Ее зовут Марина Прускова.

1—30 апреля. Постоянно встречаемся. Я думаю, что уже пора наступать нашей близости. Она не соглашается. 15 апреля делаю ей официальное предложение, она принимает.

30 апреля. Через 7 дней ожидания после подачи документов в ЗАГС из-за моего необычного паспорта нам разрешают зарегистрироваться. Две подруги Марины присутствуют как свидетельницы. Мы поженились. В доме ее тети для нас устроен праздничный обед на 20 человек гостей и соседей. Все желают нам счастья (несмотря на мое происхождение и акцент). Мой акцент до сих пор вызывает беспокойство у русских, т. к. иностранцы очень редки в Советском Союзе, даже туристы. Весь вечер ели и пили, дядя Марины затеял драку. Потом мы пошли домой. Это 15 минут ходьбы. В полночь мы уже были дома.

1 мая 1961 года. Я в раздумье о своем будущем. Несмотря на то, что я женился на Марине, чтобы отомстить Анне, я обнаружил, что люблю Марину.

Очень трудно было переключиться с Анны на Марину, т. к. вижу Анну почти каждый день на заводе. Но с течением времени все больше привыкаю к жене. Я все еще не сказал о своем желании вернуться в США. Она сумасшедше меня любит. Катания на лодке по озеру, прогулки в парке вечером, гости у тети Вали — вот наши занятия в мае.

Июнь. Продолжение мая. Мы становимся ближе и ближе, уже почти не думаю об Анне. В последние дни этого месяца рассказываю о своем желании уехать. Жена удивлена. Но тут же соглашается со мной.

Июль. Решил взять 2-недельный отпуск и съездить в Москву (без разрешения милиции) в американское посольство, узнать, как получить американский паспорт и оформить документы на жену.

8 июля. Лечу самолетом ИЛ-20 из Минска 2 часа 20 минут.

После тяжелого, со слезами, расставания с женой. В Москве еду автобусом в центр города из аэропорта. В 2 часа дня я уже у посольства. Суббота. Что, если они не работают сегодня? Вхожу. Действительно, пусто. Но мне удастся поговорить со Снайдером по телефону (т. к. сотрудники посольства живут в том же здании). Он спускается ко мне, мы разговариваем, он пожимает мне руку, приглашает прийти в понедельник.

Собеседование. 9 июля получаю паспорт, вызываю Марину в Москву.

14 июля. Я и Марина возвращаемся в Минск.

15 июля. Марина идет на работу. Она в ужасе от того, что все знают, что она ездила в американское посольство. Им позвонили из Москвы! Проводят со-

брание и воспитывают Марину. Это первая из многих проработок.

15 июля — 20 авг. Узнали, какие документы нужны для получения визы, их почти 20. Свидетельства о рождении, фото и т. д. 20 августа мы отдаем документы. Сказали, что узнаем ответ не ранее чем через три с половиной месяца. В это время Марине пришлось выдержать четыре собрания на работе, которые организовало начальство по звонку сверху. Из райкома комсомола ее тоже вызывали, «беседовали» полтора часа. Цель (выраженная) убедить ее не ехать в США, результат негативный: она еще более укрепилась в решении ехать. Марина беременна. Мы надеемся, что визы скоро будут.

Авг. 21 — сент. 1. Постоянно хожу в ОВИР, МИД, МВД в Минске, от которых зависит решение о визе. Я получил обещание быстрого возврата в США.

Сент.—окт. Никакого ответа из министерства (обещали позвонить). Марина уезжает на Урал. Она едет в отпуск к тете на 7 недель. Мне одиноко. Мы с Иваном ходим на танцы. Я давно уже не занимался этим. Свой день рождения отмечаю один, смотрю свою любимую оперу «Пиковая дама» по телевизору. Мне 22 года.

12 нояб. Приезжает Марина, веселая, с полными сумками подарков от тети.

Нояб—дек. Нас волнует задержка с отъездом. Марина уже согласна отказаться от поездки. Это, наверное, от постоянного напряжения и ее беременности. Мы ссоримся. Дела не слишком хороши. Приближается суровая русская зима.

25 дек. Рождество. Марину вызвали в ОВИР, ей

дали наши визы. Она заполнила последние бланки. Приходит домой с этой новостью. Прекрасно (по-моему?!). Новый год встречаем у Б. среди гостей.

4 янв. Меня вызывают в паспортный стол. Сегодня истекает срок моего разрешения на жительство. Но поскольку у меня теперь есть американский паспорт, мне дают новый документ. Паспорт для иностранцев. Поскольку нам дали разрешение на выезд и знают, что уедем до 5 июля 1962 года.

15 янв. — 15 февр. Дни холодной русской зимы. Но мы чувствуем себя прекрасно. Марина собирается рожать 1 марта.

15 февр. Рассвет. Марина будит меня. Ей пора. В 9 часов приезжаем в больницу. Оставляю ее с медсестрой, сам уйду на работу. В 10.00 Марина родила девочку. Прихожу к ней в 5, после работы. Мне сообщают новость. Мы оба хотели мальчика. Марина и ребенок чувствуют себя хорошо.

23 февр. Марина выписывается из больницы. Я впервые вижу Джуну.

28 февр. Иду регистрировать ребенка (положено по закону). Хочу назвать ее Джун Марина Освальд. Но эти бюрократы говорят, что отчество ребенка должно быть таким, как мое имя. Обещают узнать, можно ли оставить так, как я хочу, т. к. я американец.

28 февр. Мне ответили, что никто не знает точно, что делать. Но все соглашаются, что назвать ребенка следует по-русски. Джун Ли.

Март. Последние контакты с посольством. Приходят письма от матери и брата. Я еще не сказал Ивану, моему самому старому здесь приятелю, что уезжаю в США. Он хороший парень, но боюсь,

слишком хороший комсомолец, поэтому подожду до последней минуты.

Март. (Может быть, 24). Марина официально увольняется с работы.

Март. (Примерно 26). Получил письмо из иммиграционной службы Сан-Антонио, Техас, что Марине подтвердили ее визу. Это ее последний документ. Теперь остается только ждать, пока копию получит посольство и даст нам официальное разрешение. **Март. (Приблизительно 27).** Получил письмо от мистера Филлеса (работодатель моей матери) с обещанием поддержать жену в случае необходимости.

(Лукашук А. Секретный «русский» дневник Освальда — кто автор? // Родник. 1990. № 10)

ГАВАНА УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО В КЕННЕДИ СТРЕЛЯЛИ КУБИНЦЫ

Кубинское телевидение показало трехсерийный документальный фильм «Винтовка ZR», обвиняющий ЦРУ и мафию в убийстве Джона Кеннеди. Кубинская служба госбезопасности утверждает, что преступление было совершено не Ли Харви Освальдом, а пятью снайперами, двое из которых — осевшие в США кубинские контрреволюционеры.

Фильм посвящен истории покушений на Фиделя Кастро, организованных ЦРУ США. Однако цепочка событий, выстроенная автором сценария — бразильской журналисткой Клаудией Фуриати, привела к далласской истории. По логике сценаристки, организаторы и исполнители в обоих случаях были одними и теми же лицами.

Фильм сделан на основе книги «ZR, винтовка, убившая Кеннеди», которую Клаудия Фуриати написала за 13 месяцев, проведенных в Гаване. Бразильской журналистке показали некоторые секретные документы кубинской службы безопасности и позволили взять интервью у неразговорчивых офицеров разведки Кастро. Генерал дивизии Фабиан Эскаланте Фонт, возглавлявший службу государственной безопасности Кубы в 1976-1982 годах, делает с телеэкрана сенсационное заявление: в операции по убийству президента Кеннеди участвовали 5 человек, в него стреляли с нескольких точек, и при этом было сделано четыре или пять выстрелов. В соответствии с проведенным нами расследованием,

сказал генерал, стрельбу по президенту вели трое наемных убийц, связанных с чикагской мафией, и двое кубинцев-контрреволюционеров. Имена кубинцев — Эладио дель Валье Гутьеррес и Эрминио Диас Гарсиа.

Первый из них, сообщается в фильме, был агентом кубинской военной разведки во времена диктатора Батисты. В мае 1966 года он и еще один неизвестный кубинский контрреволюционер Тони Куэстра тайно проникли на Кубу для организации очередного покушения на жизнь Фиделя Кастро. Дель Валье Гутьеррес погиб при перестрелке в гаванском районе Мирамар, когда агенты госбезопасности попытались его задержать. Тони Куэстра получил тяжелое ранение, от которого ослеп, и после этого многие годы провел в заключении на Кубе. Эрминио Диас Гарсиа был одним из ближайших помощников доминиканского диктатора Трухильо. После гибели Кеннеди его убили в Нью-Орлеане при невыясненных обстоятельствах.

Представляя свою книгу в Рио-де-Жанейро, 39-летняя Клаудия Фуриати заявила, что ее рукопись прочел сам Фидель Кастро, который сказал, что «все, возможно, именно так и произошло».

Многие из кубинских эмигрантов по сей день не могут простить президенту Кеннеди, что он не отдал приказ Американским Вооруженным Силам поддержать высадку из бригады 2506 в заливе Кочинос, осуществленную в апреле 1961 года. «Для кубинцев, после Фиделя Кастро, зловеще звучит только одно имя: Джон Ф. Кеннеди, — пишет газета «Майами геральд».

— Тайный пакт между Хрущевым и Кеннеди привел к тому, что Куба фактически стала протекторатом Москвы».

(Серета С. // Известия. 1993. 8 декабря)

ЛЮБОВЬ К ФИДЕЛЮ КАСТРО ПОМЕШАЛА МАРИТЕ ЛОРЕНЦ УБИТЬ ЕГО

Кем только не довелось быть за свои 54 года Марите Лоренц, которая вполне подходит под определение «роковой женщины»?! Возлюбленная вождя кубинской революции. Любовница венесуэльского генералиссимуса Маркоса Переса Хименеса, уличенного в краже из государственной казны более 13 миллионов долларов. Тайный осведомитель ЦРУ. Сотрудница группы боевиков под кодовым наименованием «Операция 40», которая готовилась к высадке в заливе Кочинос для свержения режима Кастро. Наконец, попутчица, скорее всего невольная, убийцы президента Кеннеди Ли Харви Освальда, когда тот отправлялся в Даллас.

В ее рассказах, которые публикует американский журнал «Вэнити фэйр» («Ярмарка тщеславия»), причудливо переплетаются факты и фикция, голый вымысел и безыскусная правда, что не делает ее будущие мемуары менее правдоподобными, не говоря уже о притягательности пикантных сюжетов из жизни пассии кубинского лидера.

...Не сумев закончить девяти классов школы, Марита упростила отца, капитана, водившего океанские лайнеры, курсировавшие вокруг обеих Америк, взять ее в плавание. 28 февраля 1959 года пароход «Берлин» стал на якорь в порту Гаваны. «Я была на капитанском мостике, — вспоминает Марита, — когда в отдалении показалась шлюпка, направлявшаяся к нам. В ней было примерно 27 мужчин, все

с одинаковыми бородами. Один стоял на носу, в руке у него была винтовка. Я сказала самой себе: «О черт, что такое? Нас, кажется, собираются взять на abordаж».

Самый рослый из бородачей прокричал ей, что хочет подняться на борт. Марита спросила, кто он такой. Тот рассмеялся, показывая крепкие белые зубы. «Я — Куба, — сказал он по-испански и добавил, — Команданте Фидель Кастро».

Роман развивался, как пишут в романах, бурно. После возвращения в Нью-Йорк телефон Мариты перегревался от звонков. На том конце провода был Фидель.

Вскоре он прислал за ней один из своих личных самолетов. Марита поселилась в отеле «Хабана либре» («Свободная Навага»), который прежде был «Хилтоном». Она прожила там семь месяцев.

«В то время он еще не был коммунистом, — вспоминает она.

— Он даже никогда не упоминал слово «коммунистический». Это было намного позже, а тогда он носил на шею золотую цепочку с изображением Мадонны с ребенком».

В апреле 1959 года Фидель Кастро прилетел в США, чтобы встретиться с президентом Эйзенхауэром и урегулировать отношения между двумя странами.

Предполагалось, вспоминает сопровождавшая его Марита, что встреча будет неофициальной. Это она уговаривала его надеть гражданский костюм, убеждая, что американцам едва ли понравится полевая униформа. Поездка завершилась полным крахом.

Эйзенхауэр отказался встретиться с Фиделем,

послал вместо себя своего вице-президента Ричарда Никсона, который, по словам Мариты, «был весьма груб».

Марита Лоренц оказалась в «интересном положении». Фидель был в восторге. В одном из отчетов Государственного департамента США ее именовали не иначе, как «первая леди Кубы». Но затем завеса таинственности опускается, заставляя биографов гадать: а был ли мальчик? Наиболее распространена версия, что ребенка отняли, воспитали и позаботились о его будущем, лишив материнской заботы. Саму Мариту вскоре выслали из Гаваны обратно в США.

Большинство журналистов, пытавшихся разобраться в особенностях психологического склада Мариты Лоренц, приходит к выводу, что два драматических события оказали на нее наибольшее влияние, оставив неизгладимые травмы в подсознании. Еще в возрасте семи лет в освобожденной Германии (там она была с матерью) ее изнасиловал американский солдат, признанный затем невменяемым. На суде девочке пришлось выступать в качестве свидетеля обвинения. Полагают, это сформировало психологический комплекс ненависти и мести, потом он проецировался на всех мужчин, которых она знала. Вторым эпизодом стала разлука с сыном, рожденным от Фиделя Кастро.

В это же время она встречает человека по имени Фрэнк Стэрджис, сыгравшего впоследствии роль главного злодея в ее жизненной мелодраме. Фрэнк, который прежде работал у известного гангстера Мэйера Лански, прибил к партизанам под командованием Кастро, сражался вместе с ними в горах

Сьерра-Маэстра, а в качестве вознаграждения получил право быть управляющим кубинскими казино, совмещая это с должностью начальника разведки кубинских ВВС. Но при этом он всегда служил своим истинным хозяевам в ЦРУ.

Фрэнк и его приятели, а также мама Мариты активно стали внушать брошенной заблудшей дочери, что Кастро и коммунизм олицетворяют абсолютное зло. Письмо матери, полное отчаяния и гнева, было отправлено лично Фиделю Кастро, копии — президенту США и Папе римскому. Появилась и журнальная статья, озаглавленная «Как Фидель Кастро изнасиловал мою несовершеннолетнюю дочь». А венцом этой пропагандистской обработки стало зачисление Мариты Лоренц в штат сотрудников Центрального разведывательного управления.

Одним из первых заданий было внедриться в нью-йоркское отделение организации «Движение 26 июля» и докладывать о всех ее членах. Марита стала «агентом по контракту», по ее собственному выражению. Она тесно сотрудничала с кубинской эмиграцией, которая контролировалась и финансировалась ЦРУ. В качестве члена сверхсекретного подразделения «Операция 40» она получила свое первое серьезное поручение — совершить покушение на Фиделя Кастро.

4 декабря 1959 года Марита нанесла блицвизит в Гавану, мотивировав это желанием «урегулировать свои личные дела». На самом деле нужно было проверить, примет ли ее Фидель. Несколько недель спустя она вернулась на Кубу, будучи экипирована соответствующим образом. У нее было две ампулы

с токсином ботулизма, который нужно было незаметно подложить Фиделю в стакан.

«Но в этот момент, когда я увидела (сквозь иллюминатор) очертания Гаваны, я поняла — не смогу этого сделать», — вспоминает Марита. Она вновь поселилась в бывшем «Хилтоне», заняв номер 2408. Стала ждать. Затем она вынула капсулы из баночки с кремом — бросила их в биде и спустила воду.

Фидель не заставил себя долго ждать. Марита помнит все детали той встречи: «Он был очень усталым и хотел спать... Он жевал сигару, затем прилег на постель и спросил: «Ты приехала сюда, чтобы убить меня?» Вот так просто спросил. Я стояла на краю кровати и сказала: «Я хотела увидеть тебя». И он ответил: «Это хорошо. Это хорошо».

После этого он поинтересовался, не работаю ли я на ЦРУ. Я ответила: «Не совсем. Я работаю на саму себя». Он согнулся, вытащил свой пистолет 45-го калибра и протянул его мне. Сказал: «Ты не можешь убить меня. Никто не может убить меня».

Нет, Марита Лоренц не могла нажать на курок, как раньше не могла воспользоваться ядом.

Операция провалилась.

А после случилось еще одна неприятность, которой предшествовали долгие и напряженные занятия среди боевиков из «Операции 40», обучавшихся применению ядов и особых препаратов, вызывающих раковые заболевания. Неприятность эта называлась высадкой командос в заливе Кочинос, что закончилась провалом. Все, кого лично знала Марита, возлагали большую часть вины на президента США Джона Кеннеди, который не обеспечил, по их

убеждению, военно-воздушной поддержки этой операции. «Они ненавидели его так же сильно, как и Фиделя», — говорит Марита Лоренц.

На этом жизненном перекрестке судьба сводит ее с двумя главными персонажами еще одной исторической трагедии. В их компании появился тихий тщедушный человек, молчун, не способный, казалось бы, даже носить оружие. Марита тогда поинтересовалась у Фрэнка, зачем он понадобился. «Не волнуйся, — ответил Фрэнк. — Он свое дело знает». Этого человека звали Ли Харви Освальд.

Однажды группа боевиков из «Операции 40» совершила ночной марш-бросок на трех автомашинах в Даллас. Все было очень странно. Не было похоже, что они собираются, как прежде, осуществить налет на оружейный склад. Инструкции Фрэнка были жесткими: «Никаких телефонных звонков. Никаких девиц. Никакой выпивки. Никаких контактов с внешним миром». Через некоторое время к ним наведалься любопытный тип, невысокого роста крепыш, начинающий лысеть, с раздвоенным подбородком. Это был гангстер невысокого полета по имени Джек Руби.

Много лет спустя Джери Патрик Хемминг, агент ЦРУ со стажем, расскажет, что к нему и его команде дважды обращались с предложением убрать президента США.

Множество правдоподобных догадок и плохо поддающихся проверке фактов было предложено специальной комиссии палаты представителей конгресса США. Часть из них принадлежит и Марите Лоренц, выступавшей в качестве свидетеля на слушании этой комиссии 31 мая 1978 года. Она утвержда-

ет, что ее старые дружки, Стэрджис и другие, хотели заткнуть ей рот. В нее стреляли, дом ее изрешетили автоматными пулями, пытались отравить, оставили медленно умирать в джунглях Амазонки, где она провела, это подтверждено фактами, девять месяцев среди одного аборигенного племени...

А еще она шпионила за сотрудниками советского консульства в Нью-Йорке, проникла в ряды кубинских беженцев, спасавшихся с Кубы на плотках и других подручных средствах, разоблачала, скрываясь под чужим именем, подпольную сеть торговцев краденых автомобилей в Майами. Об этих и других похождениях современной Маты Хари она рассказывает в выходящей в ноябре книге под безыскусным названием — просто «Марита».

(Михеев В. Известия. 1993. 30 октября)

ПОДРЫВНОЕ УСТРОЙСТВО, СПРЯТАННОЕ В КНИГЕ

Предлагаемый материал взят из книги «Черный оркестр», опубликованной в 1978 году в Париже.

В конце 60-х годов два агента «Ажингер пресс» — Жан-Мари Лоран и Робер Леруа — были представлены дипломатам из китайского посольства в Берне как члены швейцарской народной партии (ранее именовавшейся коммунистической партией Швейцарии). Завоевав доверие этих дипломатов своими настроениями, Лоран и Леруа получили возможность без труда проникать во многие африканские освободительные движения.

До того как Жан-Мари Лоран был арестован в Конго (Браззавиль), ему удалось проникнуть в районы Анголы, контролируемые МПЛА. В Гвинее-Бисау он познакомился с лидерами ПАИГК (Африканской партии борьбы за независимость Гвинеи и Островов Зеленого Мыса), в частности с Луисом Кабралом, вместе с которым он посетил партизанскую базу в Сан-Домингу. Однако наиболее важные операции были проведены Робером Леруа против ФРЕЛИМО в Мозамбике.

В одном из докладов итальянской секретной службы в 1973 году упоминалось об операции, финансирувавшейся министерством обороны и министерством иностранных дел Португалии. Операция имела кодовое наименование «Зона Лесте», а ее задачи предусматривали проникновение в Танзанию и во ФРЕЛИМО.

В документе, написанном собственноручно Робером Леруа с использованием сокращений и кодовых слов, мы находим подробности выполнявшихся им заданий в период с 5 июня 1968 года по 5 октября 1969 года. При поездках по Мозамбику и соседним странам (Танзания, Малави и Замбия), где в то время укрывались партизаны ФРЕЛИМО, он пользовался личиной прокитайски настроенного журналиста. Леруа утверждает, что брал интервью у лидеров ФРЕЛИМО Эдуардо Мондлане, Марселину душ Сантуша и Матеуша Гванжаре. Интервью с Марселину душ Сантушем было опубликовано в газете народной партии Швейцарии «Этинсель». Леруа также утверждает, что он обнаружил тайные перевалочные пункты партизан ФРЕЛИМО на границах с Танзанией, Малави и Замбией. Кроме того, он заявлял, что «отравлял» лидеров ФРЕЛИМО: Мондлане, душ Сантуша, Чиссано, Колону, Ребелу, Самару Машела, Лазару Нкавандамо, Матеуша Гванжаре и других.

Один из сотрудников итальянской разведки разъяснял: «Отравление», практиковавшееся Леруа, состояло в выдаче ложной информации лидерам ФРЕЛИМО и в создании раздоров между ними путем игры на их личном соперничестве и их личных разногласиях».

Можно ли считать простым совпадением, что в феврале 1969 года, находясь в Танзании, Мондлане и душ Сантуш получили по бомбе в посылке? В записях Леруа, относящихся, вероятнее всего, к концу 1969 года, в рубрике «Действия» мы находим: «Мондлане уб. (УНАР) Симанго». Таким образом, Леруа считает виновным в убийстве Мондлане Си-

манго и УНАР — Национальный африканский союз Ромбезии.

Через несколько месяцев после убийства Мондлане Симанго, изгнанный из ФРЕЛИМО, признал, что ему было известно о готовящемся на Мондлане покушении. Другой лидер ФРЕЛИМО, Лазару Нкавандамо, арестованный в тот период, признал, что принимал участие в заговоре. Что касается УНАР, то это была организация, созданная раскольниками из ФРЕЛИМО и возглавляемая Амушем Сумане, бывшим членом Центрального Комитета ФРЕЛИМО.

Эта раскольническая деятельность поощрялась в середине 60-х годов богатым бизнесменом Жоржи Жардимом, который вершил делами в Мозамбике сначала при Салазаре, а потом при Каэтану; его даже прозвали «королем Мозамбика». Целью этой раскольнической деятельности было создание буферного государства между реками Рувума на границе с Танзанией и Замбези, с тем чтобы блокировать продвижение ФРЕЛИМО. Позже это государство — Ромбезия — должно было войти в Большое Малави согласно проекту, выдвинутому другом и сообщником Жардима, д-ром Банда.

Предварительное расследование обстоятельств убийства Мондлане, проведенное ФРЕЛИМО, дает возможность заключить, что Жардим участвовал также в подготовке этого заговора. Связывая убийство Мондлане с УНАР, настоящим хозяином которой был Жардим, Леруа, по всей видимости, подтверждает такой вывод, тем более что хорошо известно о связях между Жардимом и «Ажинтер пресс». Однако остается уточнить некоторые вопросы. По

мнению полиции Дар-эс-Салама, бомба, убившая Мондлане, была изготовлена в Мозамбике агентами ПИДЕ — ДГС. Это было очень сложное подрывное устройство, спрятанное в книге. А нам известно о пристрастии «Ажинтер пресс» к подобного рода сложным орудиям убийства.

(ЦРУ в Африке: Сборник. — М., 1983)

ИЗ ПУЛЕМЕТА ПО ВЕРТОЛЕТУ

Тихо и мирно было в этом квартале 8 марта 1970 года, когда президент Макариос вышел из резиденции и сел в поджидавший его вертолет рядом с пилотом.

Едва вертолет оторвался от земли, как по нему был открыт пулеметный огонь с крыши гимназии. Одновременно у ворот резиденции, где находилась охрана, разорвалась бомба.

— Я слышал, как пули защелкали по вертолету, но не сразу понял, что нас обстреливают, — рассказывал на другой день после покушения президент Макариос. — Потом я услышал взрыв и подумал: когда же они успели подложить бомбу?

Кто же стрелял по вертолету президента Макариоса 8 марта 1970 года?

Террористам поначалу удалось скрыться, но вскоре они были схвачены и предстали перед судом.

Осенью 1970 года в Никозии состоялся суд над четверьмя киприотами-греками, совершившими покушение. Среди них были два бывших сотрудника службы контрразведки Кипра — А. Соломондос и А. Генакритис.

Каждого из покушавшихся суд приговорил к 14 годам тюремного заключения.

Соучастником заговора с целью убийства президента Макариоса суд определил также бывшего министра внутренних дел Кипра — Георгаджиса. Он исчез из Никозии вскоре после покушения, и лишь месяц спустя, в апреле 1970 года, за пределами Никозии был найден его обезображенный труп.

«На Кипре считают, что он был ликвидирован, потому что слишком много знал об участии определенных секретных служб в заговоре против архиепископа», — говорится в документальном сборнике «Греция под военным контролем», изданном в Лондоне в 1972 году.

Ликвидировав нежелательного свидетеля, те, кто отдал приказ сбить вертолет с архиепископом Макариосом на борту, надеялись оборвать важную нить, ведущую к закулисным руководителям заговора. Но тщетно. Уже летом 1973 года правительство Кипра располагало неопровержимыми данными о том, что именно подпольная ультраправая террористическая организация, которую возглавил греческий генерал Гривас, тайно заброшенный афинской хунтой на Кипр, замышляла убить президента Макариоса.

(Меньшиков В. Оборотни стреляют из-за угла. — М., 1986)

«...МЕНЯ ХОТЕЛИ УБИТЬ»

15 июля 1974 года заговорщики вновь попытались убить президента Макариоса, покончить с независимостью и территориальной целостностью Республики Кипр.

Путчисты из национальной гвардии под командованием присланных из Афин греческих офицеров, специально отобранных афинской хунтой, подняли мятеж против законно избранного президента республики архиепископа Макариоса. Президентский дворец в Никозии подвергся интенсивному обстрелу из орудий.

По свидетельству очевидцев, сразу после начала мятежа главарь «генеральской хунты» в Афинах шеф военной полиции Иоаннидис связался по телефону с верхушкой путчистов и истеричным голосом потребовал «как можно быстрее выдать ему голову» архиепископа.

Однако слух об убийстве президента Макариоса, подхваченный американским агентством Ассошиэтед Пресс, был опровергнут турецкой радиостанцией на Кипре. Архиепископ Макариос, сказал диктор, остался жив и укрылся в расположении войск ООН, находящихся на острове.

2 сентября 1974 года западногерманский журнал «Шпигель» опубликовал интервью с президентом Кипра Макариосом.

— Кипрская трагедия, — сказал президент, — это результат путча афинской хунты... путча, который, мягко выражаясь, был актом преступного безумия.

— Это безумие вы могли предвидеть, — возразил корреспондент «Шпигеля». — Даже американцы, как говорят, предостерегали вас.

— О путче на Кипре часто говорили, — ответил Макариос. — Я только не мог серьезно поверить в это. Я полагал, что активизируются лишь попытки убить меня. Но неправда, что американцы предостерегали меня.

Корреспондент «Шпигеля» спросил президента, знали ли американцы о заговоре.

— Я не хочу исключать вероятности того, что ЦРУ заранее знало о заговоре, но у меня нет доказательств. Я чувствовал, что что-то замышляется. Видите ли, хунта планировала экспорт диктатуры на Кипр, а я был неподходящим покупателем для такого экспортного товара. На пути хунты я был препятствием, которое следовало устранить.

— Кто организовал акцию против вас?

— Бригадный генерал Иоаннидис вместе с другими офицерами, часть из которых находилась в Афинах, но большинство — на Кипре. Тех, которые специально направлялись на Кипр для участия в путче, он лично провожал на аэродром.

— Были ли у Иоаннидиса контакты по этому вопросу с ЦРУ?

— Иоаннидис наверняка поддерживал контакты с ЦРУ.

— Вас должны были убить?

— Убить меня было целью всего предприятия. Мне думается, они были очень опечалены тем, что не достигли своей цели.

Журнал «Шпигель» документально подтвердил обвинения, выдвинутые президентом Республики

Кипр в адрес внешних врагов его страны. В течение нескольких недель заговорщики разрабатывали план мятежа. За два дня до мятежа хунта утвердила главный пункт плана — президент Кипра должен быть убит.

(Меньшиков В. Оборотни стреляют из-за угла. — М., 1986)

МЕНЕ, ТЕКЕЛ, ФАРЕС...

Эти слова на неизвестном языке, появившиеся на стене роскошных покоев вавилонского царя Балтасара и написанные огненными буквами, встревожили пировавших у царя гостей, но никто из них не мог прочитать и истолковать надпись. И лишь один мудрец расшифровал ее. «Царь, — сказал он, — слова сии означают: «взвешено, подсчитано, отмерено» и предвещают конец твоему царству и смерть тебе самому». Так оно, впрочем, и случилось. С тех пор эти страшные слова стали символом грозящих несчастий, предостережением насчет ожидающих кого-либо бедствий.

Столь же грозным предзнаменованием на будущее стала таинственная смерть Иоанна Павла I, предшественника нынешнего главы римско-католической церкви. Он пробыл на папском престоле осенью 1978 года всего лишь 33 дня.

Его смерть как бы проявила скрывавшиеся до тех пор мрачные силы, действующие за кулисами Ватикана. Имеющий уши да услышит, имеющий глаза да увидит, — как бы говорили события, связанные с кончиной папы Иоанна Павла I. Но сделали из этого предупреждения должные выводы кардинал Кароль Войтыла, избранный папой Иоанном Павлом II, должна была показать сама жизнь...

«Скоропостижно скончавшийся Иоанн Павел I был на самом деле убит», — так считает автор вышедшей в Англии книги журналист и писатель Дэвид Яллоп, известный тем, что он любит и умеет распутовывать самые таинственные детективные ис-

тории. Яллоп начал расследование странных обстоятельств смерти Иоанна Павла I после того, как к нему обратился с просьбой об этом «хорошо информированный человек из римской курии». В своей книге «Именем Божиим» Яллоп приходит к выводу, что бывший патриарх Венеции Альбино Лючани, ставший папой Иоанном Павлом I, погиб в результате заговора.

Появление Лючани на папском престоле было неожиданностью для многих, в том числе и в римской курии, но еще большей неожиданностью стало его стремление осуществить ряд реформ в церковном мире и намерение произвести смену руководящих деятелей курии. Консервативная верхушка Ватикана, пишет Яллоп, быстро поняла, что этим папой она манипулировать не сможет. Среди мер, которые собирался осуществить Иоанн Павел I, были столь неприятные для консерваторов, как ревизия финансов Ватикана и смещение главы ватиканского банка Пола Марцинкуса и тогдашнего статс-секретаря (руководителя дипломатической службы папы) Жана Вийо. Он сообщил о своих намерениях тому же Жану Вийо вечером 28 сентября 1978 года перед тем, как отправиться спать. После того как он закрыл за собой дверь спальни, никто больше не видел его живым.

Английский журналист основывает свою версию на следующих фактах.

Во-первых, отказ провести вскрытие, хотя достоверно известно, что у Иоанна Павла I не было серьезных сердечных заболеваний, тем не менее официальная причина смерти — сердечный приступ и инфаркт. Остались неразъясненными также исчезно-

вание из спальни всех личных вещей папы, в том числе лекарств и завещания, и путаница в показаниях относительно точного времени, когда наступила смерть папы.

Во-вторых, наличие множества людей в окружении папы, у которых были основания опасаться, что Иоанн Павел I покончит с их махинациями. Среди них — архиепископ Пол Марцинкус, глава Института религиозных дел (играющего роль ватиканского банка), известный своими не только темными финансовыми делишками: по меткому выражению одного из журналистов, Марцинкус то ли «представитель ЦРУ при Ватикане», то ли «представитель Ватикана при ЦРУ». Недаром позднее Марцинкуса называли «кардиналом Джеймсом Бондом», по имени известного героя западных детективных фильмов. Связанный с Марцинкусом «Банко Амброзиано», запутавшийся в делах, который одновременно сотрудничал с магистром тайной масонской ложи П-2 Личо Джелли (впоследствии Кальви был найден повешенным под одним из лондонских мостов, он бежал в Англию, спасаясь от судебного преследования в Италии); Микеле Синдона, банкир и бывший финансовый советник Ватикана, приговоренный за «злостное банкротство» к 25-летнему заключению американским судом, а ныне выданный итальянским властям; престарелый кардинал Жан Вийо, симпатизировавший консерваторам в Ватикане (ныне покойный). Немаловажную роль сыграл тогда во всем этом деле и «земляк» Марцинкуса — он родом из Сикаго — его покровитель, всемогущий чикагский кардинал Коуди (скончавшийся в преклонном возрасте).

Папа Иоанн Павел I имел острую стычку с Марцинкусом еще в свою бытность патриархом Венеции, когда энергично возражал против продажи католического банка Венеции банковскому концерну «Амброзиано»; когда же предпринятая по его приказу (после избрания папой) ревизия финансов Ватикана выявила случаи коррупции, он решил с корнем выкорчевать ее. Он не предусмотрел, что осуществление его планов вызвало бы настоящую цепную реакцию. Смещение Марцинкуса могло пагубно сказаться на положении Кальви — ближайшего его общника по финансовым махинациям.

Иоанн Павел I получил в свое распоряжение секретный доклад, в котором разоблачались махинации итальянской и американской мафии, использовавшей свои связи с Марцинкусом, чтобы легализовать тайные доходы, поступавшие от контрабанды наркотиками, проституции, «игрового бизнеса» и вымогательства.

Тем не менее это покушение на жизнь римского первосвященника было не единственным. И против Иоанна Павла II — преемника папы Лючани — был совершен террористический акт, привлечший внимание всего мира.

(Ковалев Э. Выстрелы в Ватикане. — М., 1985)

ВЫСТРЕЛЫ НА ПЛОЩАДИ СВЯТОГО ПЕТРА

В тот день — 13 мая 1981 года — на громадной круглой площади Св. Петра в Риме, перед одноименным собором — святыней всего католического мира — всюду разгулялся обжигающий ветер сирокко, принесший в итальянскую столицу раскаленное дыхание африканской пустыни. Рыжевато-бурая пыль неслась по римским улицам и площадям. Итальянцы не любят сирокко: они считают, что этот злой ветер «сводит с ума» и часто приносит трагедии.

Не обошлось без несчастия и на сей раз. 13 мая — в день явления Богородицы трем пастушкам в поле у португальской деревни Фатима — площадь бал запружена паломниками и туристами; их было не менее 50 тысяч; они пришли сюда, чтобы увидеть папу Иоанна Павла II, главу католической церкви, который должен был выйти к верующим по случаю религиозного праздника.

В 5 часов пополудни ослепительно белый открытый джип через ворота в соборной колоннаде выкатил к ожидавшим паломникам, медленно объехал площадь раз, пошел на следующий круг, двигаясь по узкому коридору, обозначенному легкими деревянными загородками, затем остановился. Иоанн Павел II в таком же белом торжественном облачении, развевающимся на ветру, обратился к толпе.

Со всех сторон к нему тянулись руки богомольцев, все взоры были устремлены на Папу, который, отвечая на приветствия, благословлял детей, жен-

щин, мужчин. Вдруг сухо и буднично, совсем негромко защелкали пистолетные выстрелы — один, затем второй, третий... Лицо Иоанна Павла II искажилось от боли. Он медленно склонился набок. Окружившие его люди оцепенели от неожиданности, но уже через мгновение раздались крики, загудели автомобильные сирены.

Все пришло в движение. Монахиня, находившаяся в толпе, и итальянский карабинер в штатском бросились к стрелявшему, не давая ему возможности скрыться. Им оказался молодой человек, с типично восточными чертами и, как потом писали газеты, «с надменным выражением лица». Преступника арестовали люди из папской охраны. Тяжело раненного Иоанна Павла II немедленно увозят в больницу. Все кончилось, и все только начинается...

Спустя несколько часов Мехмет Али Агджа, 23 лет, — так звали террориста, — заявил в полиции: «Я действовал один и совершил свою акцию в знак протеста против американского и советского империализма». Он пытается назваться «чилийцем» или даже «палестинцем» левых, радикальных убеждений, но эта его уловка сразу провалилась. Он не знал ни испанского, ни арабского. Через несколько часов обнаружилось, что он проживал в римском пансионате «Иза», где было найдено загодя заготовленное им «заявление», начинавшееся словами «Я, Али Агджа, убил Папу...» Так было установлено его подлинное имя, национальность. Оказалось, что Агджа длительное время разыскивается «Интерполом» как профессиональный наемный убийца-террорист, совершивший кровавые преступления у себя на родине, в Турции. Характеризуя его, париж-

ская газета «Франс суар» тогда писала: «Али Агджа — это убийца-«звезда». Он боевик самой кровавой, крайне правой турецкой организации — партии националистического движения (ПНД) и ее молодежной секции, известной под названием «Серые волки». ПНД примыкает к неонацистскому «Черному интернационализму». «Турецкие неонацисты, — разъясняла дальше газета, — поддерживают связи с крайне правыми по всему миру, используя для этого, главным образом, турецких эмигрантов. «Серые волки» действуют заодно с западногерманскими неонацистами, с экстремистами из итальянского черного «Ордине нуово» («Нового порядка»), а во Франции — с активистами запрещенной Федерации национальных и европейских действий (ФАНЕ) и прежде всего с шефами издания «Наша Европа» («Нотр Юроп»)».

(Ковалев Э. Выстрелы в Ватикане. — М., 1985)

ДВАДЦАТЬ ТРИ ДНЯ ПРЕЗИДЕНТА ЖМАЙЕЛЯ

Молодой вождь могущественного христианского клана был храбрым воином, но наивным политиком.

Утром 14 сентября 1982 года только что избранный президент Ливана Башир Жмайель выступал в монастыре возле Бейрута, где его сестра была монахиней.

Монастырь, прохладное каменное здание, был связан для Башира со светлыми воспоминаниями. Сюда, к сестре, он часто привозил свою дочку, пока ее не убили, чтобы наказать отца.

Когда Башир произносил свою речь в монастыре, 26-летний Хабиб Таму Шартуни в последний раз проверил гигантскую бомбу, которую накануне ночью он подложил в комнату на втором этаже штаб-квартиры возглавляемой Жмайелем партии фалангистов.

Детонатор был японского производства. Он позволял взорвать бомбу с расстояния в несколько километров.

Шартуни входил в штаб-квартиру фалангистов, как к себе домой. Это и был его дом. Он жил в этом здании со своей семьей в небольшой квартире на последнем этаже. Его дядя был охранником отца Башира Жмайеля, сестра — подружкой одного из помощников Башира.

Из монастыря Башир поехал в резиденцию фалангистов: как президент страны, он собирался отказаться от партийного поста и хотел всех поблагодарить за помощь.

Когда Башир поднялся в конференц-зал, Хабиб Шартуни покинул партийный дом и поехал в сторону Восточного Бейрута.

Примерно в четыре часа Башир начал свою речь. Ровно в 4.10 Хабиб Шартуни, сидя в машине, нажал кнопку дистанционного управления взрывателем. Взрыв услышал весь Бейрут. Трехэтажное здание поднялось в воздух и рассыпалось.

Тело Башира Жмайеля откопали одним из первых, но лицо было изуродовано до неузнаваемости. Труп вместе с другими отвезли в морг. Его опознали на следующий день по кольцу и письму сестры, найденному в кармане.

Шартуни поймали. В последний момент он вспомнил, что в здании осталась его сестра. Он сказал ей, чтобы она немедленно ушла. Она с криком выбежала из партийного дома, и в этот момент произошел взрыв. Ее задержали и спросили, почему она решила, что с домом что-то должно произойти. Сестра убийцы честно ответила, что ее предупредил брат...

Шартуни после ареста сказал, что считал Башира предателем из-за его дружбы с Израилем. Следствие пришло к выводу, что и Шартуни, и человек, передавший ему взрывчатку (он сумел скрыться), были агентами сирийцев.

Башира Жмайеля в арабском мире называли «крестоносцем наших дней» — возможно, потому, что он принадлежал к христианам-маронитам. Это потомки членов католической секты, изгнанных из Сирии в пятом веке и нашедших убежище в Ливане. В этой стране марониты процветают. За ними в Конституции закреплено место президента (пре-

мьер-министром, напротив, должен быть мусульманин). Они занимают важнейшие посты в армии и в финансовом мире.

Башир Жмайель был младшим сыном лидера одного из трех крупнейших кланов христианского Ливана.

Клан Жмайелей правил своей частью страны на старофеодальный образец, процоря верных вассалов, наказывая непослушных и взимая дань со всех подданных. Мальчика воспитывали в средневековых традициях, и это повлияло на его образ мыслей и действий. Но он и от природы был наделен качествами вождя, способного убеждать и вести за собой людей.

В ливанских семьях наследником становится старший сын, но старший сын Пьера Жмайеля — Амин во всем уступал Баширу. Уступил и власть над кланом. Старшему из братьев не хватало магической силы, которой природа щедро наделила младшего. Амин станет главой клана и президентом, когда убьют Башира.

— Когда мне было двадцать три года, — расскажет со временем Башир Жмайель американской журналистке Барбаре Ньюмен, — меня пригласил в Каир мой друг — сын Гамалея Абделя Насера. Я беседовал с египетским президентом. Насер олицетворял линию, с которой я борюсь: панарабизм, тирания мусульманского большинства. Но я уважал его как великого патриота. Насер пожал мне руку, долго смотрел мне в глаза, потом сказал: «Тебе судьбой предназначено привести Ливан к свободе».

— Ты поверил ему? — спросила журналистка.

— Я поверил, потому что это правда.

В детстве Башир восхищался отцом, который принял участие в изгнании французов из страны. Ему тоже хотелось очистить Ливан от иноземцев — палестинцев и сирийцев.

Он, как и многие ливанцы, считал, что в пучину гражданской войны страну ввергли палестинцы.

До 1970 года Ливан процветал. В 1970 король Хусейн изгнал палестинцев из Иордании. Они осели в южной части Ливана, неподалеку от границы с Израилем. Руководители ООП обосновались в мусульманском Западном Бейруте.

Ливан с его слабой государственной машиной и расколотой религиозными разногласиями армией не в состоянии был помешать палестинцам создать государство в государстве.

Три маронитских клана были заняты внутренним соперничеством и не сразу поняли, что произошло.

Группа боевиков ООП, устроившая пышные похороны своего погибшего товарища, случайно попала в христианский квартал и потребовала, чтобы все торговцы закрыли свои лавки в знак траура. В возникшем споре один из христиан был убит. Это был телохранитель Пьера Жмайеля.

Христиане сочли это попыткой покушения на Пьера Жмайеля, находившегося в тот момент неподалеку на богослужении. Через несколько месяцев фалангисты атаковали палестинцев в Бейруте, еще через несколько месяцев палестинцы напали на фалангистов. Война началась.

Палестинцы легко выбили слабую ливанскую армию из южной части Ливана. Тогда в Ливан вошли

сирийские войска — под предлогом защиты христиан. Но когда чаша весов склонилась на сторону христиан, сирийцы внезапно повернули оружие против них.

У молодого Жмайеля было много поводов ненавидеть палестинцев, расположившихся в Ливане как дома.

— Это произошло в 1969 году, — вспоминал он потом. — Я был первым ливанцем, которого похитили люди из Организации освобождения Палестины. Они остановили мою машину, вытащили меня и доставили в свой лагерь. Сначала избили. Когда кто-то из палестинского начальства узнал, кто я, меня отвезли назад в город. Возле нашего дома я увидел толпу: люди собрались, чтобы отомстить за меня. Они стали ощупывать меня, проверяя, не отрезали ли мне палец или ухо. Я позвонил отцу, он был тогда министром. Мне ответили, что он на срочном совещании у президента. Я позвонил во дворец. Меня не хотели соединять: «Неужели вы не знаете, что пропал его сын?»

— Я испытал величайшее унижение, — говорил Жмайель. — Унижен был весь наш народ тем, что иностранцы хозяйничали в Ливане. Я заперся дома и неделю ни с кем не разговаривал. Я понял, что со мной произошло. Я потерял суверенитет над своим телом. Это было что-то вроде изнасилования.

Отец Башира — Пьер Жмайель основал партию Катаиб (Ливанские фаланги). У фалангистов была плохая репутация, прежде всего потому, что Пьер Жмайель после визита в Берлин в 1936 году начал подражать многим гитлеровским ритуалам: фалангистская униформа, военные приветствия, милита-

ризованное обучение молодежи. Но дальше внешней стороны дело не пошло.

Три клана маронитов поддерживают между собой странные отношения дружбы-вражды. Они давно поделили страну на сферы влияния и убивают друг друга не из-за религиозных или политических разногласий, а из-за плодородных участков земли и права взимать дорожные пошлины.

Например, северной частью Ливана с незапамятных времен владеет клан Франжье, представляющий этот клан и в парламенте. Без этой семьи в районе не совершается ни одна сделка.

В 1957 году Сулейман Франжье застрелил в церкви 12 единоверцев-христиан, мешавших предвыборной кампании его брата Хамида. Сулейману пришлось тогда бежать в Сирию, но уже через год благодаря амнистии он смог вернуться и с 1970 по 1976 год был президентом Ливана.

С каждого центнера цемента, произведенного на цементном заводе в Шекке, клану Франжье полагается мзда примерно в один американский доллар.

В 1975 году три удельных ливанских князя забыли о своих разногласиях и объединились против общего врага — палестинцев и мусульман. Франжье объединился с Пьером Жмайелем (Ливанские фаланги) и Камилем Шамуном (Национально-либеральная партия).

Франжье не возражал, когда «его» крестьяне вступали в формирования фалангистов — у Жмайеля было больше денег и оружия.

Но, когда фалангисты Жмайеля захотели еще и сами получать налог с каждого мешка цемента, про-

изведенного на заводе в Шекке, клан Франжье почувствовал себя обманутым.

В 1978 году трое его боевиков убили в Шекке управляющего банком, потому что он был функционером партии фалангистов.

Башир послал своих боевиков на виллу Франжье, которые застрелили Тони Франжье, бывшего министра почт и коммуникаций, его жену, дочь, 39 охранников, горничную, шофера и собаку...

Жмайели сделали это еще и потому, что Франжье — единственный из христианских лидеров — поддерживал хорошие отношения с Сирией.

Молодой Франжье даже породнился с братом Хафеза Асада — Рифатом, начальником службы безопасности Сирии. Смерть Тони должна была стать предостережением всем ливанским христианам, которые верили в сотрудничество с сирийцами.

Пьер Жмайель прочил младшего сына по юридической части. Башир закончил юридический факультет Бейрутского университета, опекаемого иезуитами. В 1972 году провел несколько месяцев в Хьюстоне, изучая международное право, и практиковался в известной юридической фирме в Вашингтоне. Но внезапно Башир собрал вещи и вернулся домой.

Он быстро сблизился с молодыми христианами, возражавшими против присутствия в стране сирийских войск. Эти парни составили его гвардию.

В 1975 году, когда разгорелась война христиан с мусульманами, Башир Жмайель окончательно забыл о юриспруденции.

Он сформировал 15-тысячную милицию, которой палестинцы и мусульмане ничего не могли противо-

поставить. Из боев в Бейруте он вышел самым сильным человеком в Ливане.

Башир поклялся объединить христиан — и объединил.

Сын Камиля Шамуна — Дэни не желал подчиняться Жмайелю. Тогда войска Башира внезапно напали на отряды Дэни Шамуна. Они убили восемьдесят человек, остальные сочли за лучшее присоединиться к Жмайелю.

— По-другому нельзя было, — объяснял Башир журналистам. — Они превратили здесь все в зоопарк, терроризировали людей. Даже когда им нужен был бутерброд, они ехали в магазин на танке. Семьи раскололись, братья убивали друг друга.

— Но ваши люди уничтожили столько народу. Разве это можно оправдать?

— Что вы хотите от людей, которые, увидев трупы своих братьев и отцов, превращаются в зверей?

Башир ощущал себя не просто воином, но и отцом нации. Он старался вести себя, как подобает государственному деятелю, пытался наладить жизнь своих подданных.

Он создал свой телеканал и два радиоканала, один из которых передавал только его любимую классическую музыку. Старался даже контролировать цены. Каждый день его радиостанция передавала цены, установленные примерно на сто наименований товаров. Торговцы, которые нарушали правила, могли угодить за решетку.

Башир следил даже за тем, чтобы поезда ходили по расписанию, и сам регулировал трудовые споры. Он не знал усталости, работал двадцать четыре ча-

са в сутки и требовал той же отдачи от всех остальных.

Его жизнь не была ни легкой, ни радостной.

Дочке Башира было восемнадцать месяцев, когда взорвали машину, на которой ее везли к бабушке. В христианском лагере пришли к выводу, что это месть палестинцев.

(Млечин Л. // Новое время. 1992. № 42)

ДЕСАНТНИК, ТАНКИСТ, МИНИСТР

Ариэля Шарона, грубоватого, располневшего человека среднего роста, с горящими глазами, многие молодые офицеры считали образцом для подражания.

Он командовал взводом в первую арабо-израильскую войну, был ранен. Ему поручили сформировать части специального назначения, во главе которых Шарон совершил несколько дерзких операций в арабских тылах. Он разработал стратегию неотвратимого возмездия за террористические акции арабов.

В войне 1956 года командовал десантной бригадой, потом учился в командно-штабном колледже в Англии. Набрав лишний вес, Шарон перешел в бронетанковые войска. Во время шестидневной войны танкисты генерала Шарона легко прорвали линию египетской обороны сразу на нескольких направлениях.

Он дважды снимал погоны, чтобы пройти университетский курс — изучал историю Востока и юриспруденцию, и вновь возвращался в армию. Когда возможности для служебного роста были исчерпаны, занялся политикой.

Шарон и предложил радикальное средство для избавления Израиля от атак палестинцев с территории Ливана: военную операцию. Важнейшим аргументом в пользу операции стала готовность Башира Жмайеля поддержать израильтян.

Повод для вторжения в Ливан нашелся. Палестинские террористы из группы Абу Нидаля тяжело

ранили в Лондоне израильского посла. Премьер-министр Бегин отдал приказ об осуществлении операции «Мир для Галилеи».

Израильские войска свою задачу выполнили: вся военная инфраструктура палестинцев в Ливане была уничтожена. Израильтяне захватили большое количество боевой техники и оружия. Остатки палестинских формирований эвакуировались из Бейрута в Тунис.

23 августа 1982 года Башир Жмайель был избран президентом Ливана.

Новый президент готовился установить дипломатические отношения с Израилем. Американские и французские войска высадились в Ливане: казалось, гражданская война заканчивается и страна переходит под контроль западного мира.

Генерал Шарон торжествовал. Но это был недолгий триумф. Башира Жмайеля убили. Его напуганный брат Амин, поспешно избранный президентом, заявил, что не собирается мириться с Израилем.

Через два дня после смерти Жмайеля ливанские христиане уничтожили всех обитателей палестинских лагерей Сабра и Шатила. Гражданская война в Ливане между мусульманами и христианами разгорелась с новой силой.

Казармы американцев и французов в Бейруте были взорваны, и им пришлось спешно покинуть Ливан.

Восстановить единое государство не удалось. Ливан продолжил свой путь к полному развалу.

Израиль не обрел возжеленной безопасности, место палестинцев заняли воинственные шиитские формирования, обосновавшиеся в долине Бекаа.

Ариэль Шарон и Башир Жмайель ошиблись: военными средствами нельзя решить политические проблемы.

(Млечин Л. // Новое время. 1992. № 42)

«ЧТО ДАЕШЬ ЛЮДЯМ, ТЕМ ОНИ ТЕБЕ И ОТВЕЧАЮТ»

— Больше всего я горжусь тем, — рассказывала Индира Ганди на пресс-конференции в Коломбо, — что назвала бы индийской философией жизни. Мой отец сделал политическим принципом то, что является основой древней традиции, — споры должны разрешаться не конфронтацией, а переговорами и обсуждением. Корреспондент французского радио задал мне такой вопрос: «Если бы вам предложили выбрать одно качество, необходимое для политического лидера, что бы вы назвали?» Думаю, самое необходимое — любить людей. В конце концов каждый из нас знает: что ты даешь людям, тем они тебе и отвечают.

Ученица Тагора, последовательница великого Махатмы Ганди (тоже застреленного в упор), с восемнадцати лет познавшая подполье, она олицетворяла собой Индию. И полтора десятилетия вела ее вперед.

На встречи с ней в Коломбо, а позже в Дели и Москве, я приносил, помимо магнитофона, фотоаппарат и снимал, снимал без конца. Перебираю фотографии: грациозная, гордая посадка головы, изящная одежда...

31 октября 1984 года Ганди отменила обычный «даршан» — она, как и ее отец Неру, рано утром выходила на лужайку и беседовала с посетителями. Но сейчас ее ждала съемочная группа телевидения. Индира торопилась и не надела пуленепробиваемый жилет.

В нарядном оранжевом сари она приблизилась к калитке. Сотрудник охраны Беант Сингх, как всегда, отсалютовал. И тут же выстрелил. Она упала, и в нее стал стрелять другой охранник. Он выпустил двадцать пуль. Сингх выстрелил еще трижды.

Ее тело перевезли в Тинмурти, где она шестнадцать лет жила со своим отцом. Туда тянулись нескончаемые потоки людей, прибыли высокие делегации из 102 стран. В скорбном молчании они шли мимо Индиры, которая лежала в белой траурной одежде, усыпанная ее любимыми алыми розами.

Раджив Ганди зажег погребальный костер. А потом своей рукой, как требует обычай от старшего сына, развеял пепел матери.

Индира предчувствовала, что ее ждет. Незадолго до гибели она сказала на митинге:

— Самое худшее, что они могут сделать, — убить меня. Но даже если Индира погибнет, на ее крови вырастут тысячи Индир, готовых служить народу. Вечером, накануне покушения, она заметила:

— Если я завтра погибну, каждая капля моей крови наполнит Индию новой жизнью.

На следующее утро она действительно погибла.

Пишу эти строки и снова слышу ее голос:

— В молодости у меня было несколько подруг. Одной из них я часто писала, а она читала мои письма другим. Я ездила тогда по Европе и описывала свои впечатления. Однажды в ответном письме они довольно сердито написали: «Что это все тебе ка-

жется красивым?» «А что же мне делать, — в свою очередь, спросила я, — если я вижу, что красота есть во всем?»

(Озеров М. Пулей, ядом, словом... — М., 1987)

ВЗРЫВ В ТЕГЕРАНЕ

Воскресенье, 28 июня 1981 года.

Шел седьмой час вечера по тегеранскому времени, когда взрыв чудовищной силы поднял на воздух главную штаб-квартиру Исламской республиканской партии, объединяющей в основном иранское шиитское духовенство и гражданских политических деятелей, его поддерживающих. Под горящими обломками оказались погребенными лидер партии аятолла М. Бехешти, четыре министра правительства, шесть заместителей министров и более двадцати депутатов меджлиса. Всего убитых — семьдесят два, раненых не подсчитывали.

В тот вечер, когда грянул взрыв, в здании проходило регулярное совещание руководства Исламской республиканской партии. На него съехались видные деятели партии, контролирующей меджлис и доминирующей в правительстве. Главным выступающим на нем был аятолла М. Бехешти. Заряд, подложенный под сцену, на которой находилось девяносто деятелей партии, взорвался как раз тогда, когда он произносил речь. В результате взрыва рухнул потолок зала, в котором проходило совещание. Последствия случившегося легко представить.

По бейрутскому телевидению был передан репортаж из Тегерана. Бульдозеры не без труда разгребали развалины штаб-квартиры Исламской партии, а спасательные команды с кирками и лопатами вытаскивали раздавленные трупы из-под обломков. Три госпиталя, расположенные вокруг взорванного здания, переполнены ранеными, машины «скорой помо-

щи» с трудом справлялись с доставкой пострадавших от взрыва. Некоторые из них умерли, так и не дождавшись своей очереди к операционному столу...

Среди погибших в результате взрыва: аятолла Мохаммед Хосейн Бехешти. Ему было 52 года. Он занимал важный в Иране пост председателя Верховного суда и котирировался как «второй человек» в стране (разумеется, после аятоллы Хомейни). Бехешти долгие годы провел в Западной Европе. В частности, он являлся имамом шиитской общины в Гамбурге (ФРГ) во времена шаха. Примкнул к аятолле Хомейни осенью 1978 года, когда, по его представлениям, победа иранской революции стала неизбежной. Вернувшись в Иран вместе с Хомейни Бехешти, довольно быстро выдвинулся в первый ряд духовных руководителей страны. Основанная Исламская республиканская партия в результате первых после победы революции парламентских выборов получила полный контроль в меджлисе. После ухода в отставку М. Базаргана, возглавлявшего послереволюционное правительство, члены партии заняли ключевые посты в нынешнем кабинете М. А. Раджаи. Бехешти и сыграл главную роль в низложении президента Банисадра. Борьба за исполнительную власть в Иране после признания первого президента Ирана «некомпетентным» принесла ему полную победу. Бехешти называли одним из политических преемников аятоллы Хомейни.

Будучи в Тегеране, я встретился с аятоллой Бехешти и задал ему несколько вопросов. Отвечая на них, он заявлял, в частности, что является сторонником перехода всей власти в Иране в руки духовенства. Причем коллеги Бехешти, судя по его сло-

вам, не намеревались делить власть с кем-либо. Аятолла заметил:

— Мы будем контролировать власть на всех ступенях, снизу доверху! Наши представители будут в министерствах, редакциях газет, общественных организациях. Для подготовки кадров, способных править страной. Мы намерены использовать университеты, в которых проведем «культурную революцию». Все те, кто не разделяет наших взглядов, должны будут уйти...

Кто разнес на куски здание главной штаб-квартиры Исламской республиканской партии в Тегеране? Кто подложил 30 килограммов взрывчатки под сцену? Видимо, те, кто сделал это, точно знали порядок работы совещания и рассчитали так, чтобы взрывное устройство сработало во время выступления М. Бехешти.

Премьер-министр Ирана М. А. Раджаи избежал участи аятоллы М. Бехешти, хотя находился а с ним в здании взорванной штаб-квартиры ИРП.

В результате в назначенном аятоллой Хомейни президентском совете, коллегиальном органе, заменившем Банисадра до избрания нового президента Ирана, осталось два члена из трех. На место Бехешти в совете аятолла Хомейни поспешил назначить аятоллу Ардебили, занявшего также пост председателя Верховного суда Ирана Имам Хомейни. Премьер-министр М. А. Раджаи и временный президентский совет обратились к населению с призывом соблюдать спокойствие. Начался недельный траур по погибшим. Над всеми мечетями в Иране вывешены черные флаги.

(Беляев И. // Литературная газета. 1981. 1 июля)

ТУРЕЦКИЕ ЛЕВАКИ ПРИСТУПИЛИ К ОТСТРЕЛУ КРУПНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Убийство в Турции трех крупных бизнесменов, принадлежавших ко второму по богатству клану Сабанджи, потрясло страну.

Один из убитых — Оздемир Сабанджи, младший брат Сақыпа Сабанджи, создателя и главы финансово-промышленной империи. Она выросла как на дрожжах в годы реформ, начатых покойным президентом Турции Тургутом Озалом.

Конгломерат «Сабанджи холдинг» включает в себя более 50 фирм, занимающихся туризмом, производством текстиля, продовольствия, автомобилей, табачных изделий и банковским делом. На Сабанджи трудятся 27 тысяч человек по всей Турции, оборот этой империи составил в минувшем году 6,8 миллиарда долларов.

Среди убитых — Халук Горгун, глава контролируемого Сабанджи автосборочного предприятия «Тюркиш Тета», и его секретарь. Покушение произошло на 25-м этаже тридцатичетырехэтажного здания, принадлежащего корпорации Сабанджи.

Ответственность за этот теракт взяла на себя левацкая группировка «Фронт революционного народного спасения». Именно активисты этой группировки были зачинщиками бунтов, прокатившихся недавно по ряду турецких тюрем.

Это страшное убийство еще больше накалило и без того беспокойную обстановку в стране.

Именно исламистам, получившим 158 из 550 мест в парламенте Турции, было поручено сформировать правительство. Этот шаг можно считать формальным актом соблюдения процедуры, так как другие партии, представленные в парламенте, наотрез отказались от сотрудничества с исламистами.

Не помогли и заверения лидера исламистов Неджметтина Эрбакана об отсутствии у его партии каких-то жестких идеологических предубеждений и о готовности сотрудничать с любыми политическими силами. Памятны предвыборные заявления Эрбакана о намерении изменить светский характер Конституции Турции. В частности, ввести исламские законы в быту, полностью переориентировать внешнюю политику страны — от сотрудничества со странами Запада перейти к ориентации на исламский мир.

Наблюдатели полагают, что после провала попыток исламистов сформировать кабинет сделать это поручено лидеру Партии верного пути (135 мест в парламенте) — нынешнему премьер-министру Тансу Чиллер или главе Партии отечества Месуту Йылмазу (132 места). Наиболее реальный вариант — коалиция этих светских центристских партий перед угрозой со стороны фундаменталистов. Приход последних к власти означал бы начало мощных потрясений в Турции, где светский характер государства имеет глубокие корни в обществе и особенно в армии.

Кстати, у армии и Эрбакана давние счеты. Во время последнего военного переворота 80-го года нынешний лидер исламистов подвергался преследо-

ваниям, так как фундаментализм рассматривался военными как прямая угроза стабильности общества.

(Гусейнов Э. // Известия. 1996. 13 января)

РУКИ ЧЕ ГЕВАРЫ: КОНТРАБАНДНЫЙ ГРУЗ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

«Прежде чем попасть в Гавану, руки Че Гевары, помещенные в пятилитровую стеклянную банку с раствором формалина, проделали чуть ли не кругосветное путешествие, побывав в Чили, Перу, Эквадоре, Колумбии, Венесуэле, Испании, Франции, Чехословакии, Венгрии и сделав краткую остановку в Москве, — рассказывает боливийский журналист Густаво Санчес, который закончил книгу под названием «Руки Че: легенда и быль».

По версии автора книги, руки Че Гевары были ампутированы через три дня после его гибели, 11 октября 1967 года. Эту операцию проделал боливийский военный врач Моисес Абрахам Баптиста в присутствии начальника секретной службы Боливии, полковника Роберто Кинтанилья. Как свидетельствует врач, ныне живущий в мексиканском городе Пуэбла и практикующий в клинике местного университета, приказ об ампутации поступил от тогдашнего президента страны Рене Баррьентоса. Ссылаясь на просьбу ЦРУ, президент Боливии дал указание ампутировать не только руки, но и голову Че, а тело — сжечь.

С октября 1967 по май 1969 года заспиртованные руки Че Гевары и его посмертная гипсовая маска находились в сейфе у тогдашнего министра внутренних дел Боливии Антонио Аргедаса. Но после того, как на него было совершено покушение, а президент страны вскоре погиб при загадочных обстоя-

тельствах в авиакатастрофе, министр, спасая свою жизнь, решил переправить драгоценную реликвию на Кубу и просить там политического убежища.

Однако Антонио Аргедас не успел осуществить задуманное. Когда он выходил из машины возле своего дома, в него снова стреляли. Тяжелораненый министр оказался в госпитале. Не надеясь выжить, он поручил секретную миссию — нелегально переправить руки Че в Гавану своему другу, журналисту Виктору Санниеру.

Ранним июльским утром 1969 года Виктор извлек урну из-под пола в доме министра, положил ее в туристический рюкзак и направился искать себе помощников.

«Я не имел ни малейшего представления о том, как провести этот необычный груз через таможенню, через полицейский контроль, через несколько границ», — рассказывает журналист, обратившись за помощью к боливийским коммунистам.

Прошло еще пять месяцев, прежде чем был выработан план действий. Была изготовлена специальная, не пропускающая рентгеновских лучей бумага, в которую завернули урну с руками и помертвевшую маску Че. И в том же рюкзаке, предъявленном в аэропорту как ручная кладь, реликвия начала свое долгое странствие по свету.

Боливийские коммунисты, пишет книга, не знали, как отнесется к их затее Фидель Кастро, и поэтому прежде решили заручиться поддержкой Москвы. 31 декабря 1969 года рейсом «Аэрофлота» руки Че были доставлены из Будапешта в Москву.

По свидетельству автора, сначала реликвия попала на Старую площадь, к Игорю Рыбалкину, со-

труднику Международного отдела ЦК КПСС, а тот, очевидно, после консультаций с руководством КПСС передал урну в посольство Кубы в Москве.

Получив добро от Фиделя Кастро, Виктор Санниер рейсом «Аэрофлота» вылетает из Москвы в Гавану. Шел январь 1970 года...

Фидель Кастро предложил выставить стеклянную урну с заспиртованными руками Че и его погребальную маску в музее, размещенном под статуей Хосе Марти, на площади Революции. Пообещав открыть этот «мини-мавзолей» Че Гевары в годовщину его гибели. Однако мемориал так и не был открыт.

Как свидетельствует автор книги «Руки Че», Фидель Кастро отказался от этой затеи после того, как большинство членов кубинского Политбюро сочло, что выставлять ампутированные руки на всеобщее обозрение неэтично.

По слухам, руки Че Гевары хранятся под памятником Хосе Марти на площади Революции в Гаване.
(Василькова И. // Известия. 1996. 13 января)

«ВИНА» ПИСАТЕЛЯ

Мусульманские экстремисты в Каире выследили и хладнокровно изрешетили автоматными очередями публициста Фарака Фоду. «Вина» Фоды заключалась в том, что он в своих статьях осмелился критиковать и высмеивать приверженцев исламского фундаментализма на Арабском Востоке.

Нападение на 47-летнего писателя было совершено в тот момент, когда он с сыном и коллегой садились в автомобиль. Убийц было двое. Первый управлял мотоциклом, тот, что сидел сзади, — стрелял. Полиция сразу начала погоню и настигла одного мотоциклиста. Им оказался 25-летний А. Ахмед — по профессии торговец рыбой. Второму нападавшему удалось вскочить в проходивший поезд и скрыться.

Ахмед признался на допросе, что входил в подпольную группировку «Джихад» («Священная война»). По его словам, покушение было запланировано еще пять месяцев назад. «Джихад» решила начать убивать и других общественных деятелей, выступающих за отделение религии от государства. Писатель Фода — отнюдь не первая жертва фундаменталистов в Египте. В 1990 году они застрелили спикера парламента Р. Махгуба, а в 1981 году совершили «преступление века», убив президента А. Саadata. На совести предводителей «Джихада» и других подобных организаций — также погибшие представители христианской общины Египта, чиновники, полицейские. Эти группировки, отколовшиеся от более умеренного общества «Братья-мусульмане»,

требуют немедленного принятия законов, основанных на шариате.

Фарак Фода регулярно публиковал колонку в полуофициальном журнале «Октябрь», где призывал власти выкорчевать терроризм с корнем. Подобно автору романа «Сатанинские стихи» Салману Рушди, египетский литератор давал в своих произведениях волю фантазии и сарказму. В последней статье он утверждал, что фундаменталистские лидеры в Тунисе занимаются сексом с красивыми женщинами на молитвенных ковриках. На этот счет у властей Туниса якобы имеются видеоманускриптные записи.

Представитель «Братьев-мусульман», действительно в Египте в полуполюгальных условиях, в весьма двусмысленной форме выразил сожаление по поводу случившегося. Одновременно он обвинил правительство в том, что оно «поддерживает людей, которые своим пером наносят исламу удары в спину».

Зато правозащитные организации и творческая интеллигенция единодушно осуждают убийство. «Это опасный прецедент, — сказал обозреватель Центра стратегических исследований Х. Мустафа. — Он означает, что насилие обращено теперь не только против политиков. Они приговаривают к смерти всех, кто думает иначе».

(Скосырев В. // Известия)

ПАБЛО ЭСКОБАР БЫЛ УБИТ В ДЕНЬ СВОЕГО РОЖДЕНИЯ

Пабло совершил роковую ошибку. В день, когда ему исполнилось 44 года, он решил позвонить родным в столицу, чтобы принять поздравления. Автоматическое устройство идентификации голоса, подключенное к телефонной сети, локализовало звонок. По адресу, выданному компьютером, мгновенно выехали около 500 полицейских, усиленных отрядом снайперов. Захваченные врасплох в одном из торговых центров пригорода Медельина Лас-Америкас, Эскобар и два его «лейтенанта» начали отстреливаться и пытались уйти по крыше здания.

Выстрел снайпера положил конец одной из самых головокружительных преступных карьер в истории. Пабло Эскобар родился в поселке Энвигадо, недалеко от Медельина, в семье небогатого фермера и школьной учительницы. Преступную деятельность он начал еще подростком, воруя и перепродавая надгробные камни с местного кладбища. Затем будущий кокаиновый король занялся угонами автомобилей и начал пробовать себя в контрабанде. С начала 70-х годов его «специализацией» становится кокаин. За двадцать лет он создал империю, контролировавшую около 80 процентов мирового кокаинового рынка. К этому моменту его руки уже были обгажены кровью десятков несговорчивых конкурентов.

В 1982 года «Доктор» выходит на политическую арену, став депутатом парламента от своего родно-

го округа. У него появляется новое прозвище — «Робин Гуд», так как он покупает голоса медельинских бедняков, строя для них целые кварталы дешевых жилищ. В 1984 году министр юстиции Родриго Лара Бонилья выдвинул против Эскобара обвинения в торговле наркотиками. В апреле того же года по приказу «Доктора» министра убивают, а сам Эскобар переходит на нелегальное положение, начиная террористическую войну против колумбийского государства. Наемники «Доктора» убивают судей, полицейских и журналистов, выступавших против картеля, а в августе 1989 года от их рук погибает сенатор Луис Галан, кандидат в президенты от правящей партии. В Колумбии начинается настоящая «нарковойна».

Пытаясь запугать своих преследователей, Эскобар приказывает взорвать авиалайнер со 107 пассажирами на борту.

В сентябре 1990 года новый президент страны Сесар Гавириа предлагает наркобаронам добровольно сдать в обмен на обещание не высылать их для суда в США. В июле 1991 года «Доктор» добровольно передал себя в руки правосудия, однако после года, проведенного в сверхкомфортабельной тюрьме, подкупает охрану и бежит. С тех пор за ним начинается охота, завершившаяся на крыше торгового центра в Лас-Америкас.

17-летний сын Пабло Эскобара, узнав о смерти отца, пообещал отомстить его убийцам, однако вскоре взял свое обещание назад. Судьба родных дона Пабло незавидна: они оказались под полицейской охраной в одном из отелей Боготы, однако все их попытки выехать из страны оказались

безрезультатны — два дня назад их депортировали из Франкфурта при попытке укрыться в Германии.

(Известия. 1993. 4 декабря)

САМОЛЕТЫ ВЗРЫВАЛИ ПО ПРИКАЗУ ИЗ ТРИПОЛИ

Обуглившаяся рубашка, кусок зеленого пластика размером с ноготь, различные на нем буквы «МЕВО» стали теми нитями, которые привели международных экспертов к разгадке тайны катастрофы американского авиалайнера в декабре 1988 года. В тот трагический день в результате взрыва бомбы погибли все 259 человек, находящихся на борту, и 11 жителей шотландской деревни Локерби, на которую упали обломки самолета.

В ноябре 1991 года США и Великобритания официально заявили, что террористический акт совершили два агента ливийской разведки — Абдель Бассет и Ламин Халифа Фима. Судебные органы обеих стран потребовали их немедленной выдачи и признания Ливией ответственности за преступный акт. Однако всему этому предшествовало трехлетнее напряженное расследование спецслужб нескольких стран.

Прочесав огромную территорию и собрав сотни тысяч мелких обломков, специалисты пришли к выводу, что небольшая пластиковая бомба была спрятана в завернутом в рубашку радиоприемнике. На этом следствие и застопорилось. Только случайно в конце 1989 года шотландский эксперт обнаружил в куче обгоревшего тряпья подозрительный кусок пластика. В США определили, что это часть взрывного механизма, идентичного тем, что использовали поддерживаемые Ливией террористы. А едва различимые буквы оказались названием швейцарской

компания, производящей взрывные механизмы. Информация о том, что 20 таких взрывателей компания передала представителю Ливии несколько лет назад, только укрепила следствие во мнении, что виновных надо искать именно там.

Дальнейшее расследование привело на Мальту. По лоскутам рубашки удалось найти местный магазин, в котором она была куплена. И тут следствие ждала удача — работники лавки опознали одного из ливийских агентов. Был обнаружен и дневник его напарника, работавшего в 1988 году в ливийской авиакомпании на Мальте.

По версии следствия, ливийцы, используя свой доступ к различным службам аэропорта, загрузили смертоносный груз на самолет до Франкфурта, и в конечном итоге бомба оказалась на рейсе «Пан-Ам» из Лондона в Нью-Йорк.

Западные эксперты отмечают, что взрыв авиалайнера над Локерби, возможно, был актом возмездия Каддафи за бомбардировку американцами Триполи шесть лет назад. Хотя многие детали следствия, скорее всего, так и останутся тайной, но три года кропотливой работы дали результаты. Официальные лица с уверенностью указывают на исполнителей этого террористического акта.

В свою очередь, Франция обвинила еще четверых ливийцев, один из которых является родственником Муамара Каддафи, в причастности к аналогичному взрыву авиалайнера над Нигерией в 1989 году. В той катастрофе погиб 141 человек.

Сам же Каддафи категорически отрицал причастность Ливии к этим инцидентам, равно как и попытки создания ядерного оружия. Как сообщил

представитель немецкого правительства Дитер Фогель, Каддафи опять «схватили за руку» в декабре 1991 года. За несколько минут до взлета в аэропорту Франкфурта был задержан направлявшийся в Ливию самолет. При досмотре на борту были обнаружены ядерные компоненты, которые могут быть использованы как в гражданской, так и в военной технологии. Фогель не стал вдаваться в подробности. Но другое официальное лицо, пожелавшее остаться неизвестным, сообщило журналистам АП, что самолет был набит лазерным оборудованием для ядерных ракет.

(Ган М. // Известия. 1992. 27 января)

СЛЕДСТВИЕ ПО ДЕЛУ ПРИОСТАНОВЛЕНО

Это случилось 11 декабря 1981 года. В дом на Кутузовском, 4, приехал молодой человек — навестить свою тетю. Звонил, стучал, барабанил в дверь — в ответ ни звука. А ведь о встрече условились заранее... Тете семьдесят четыре... Мало ли что... Да еще торчащая в двери записка от ее приятельницы, которая тоже не дозвонилась и не достучалась. И молодой человек помчался домой за запасными ключами... Когда открыли дверь и вошли в гостиную, увидели сидящую в кресле тетю... с простреленной головой. Этой тетей была известная и всеми любимая киноактриса Зоя Федорова.

Много лет назад, а именно в 1927 году, двадцатилетняя счетчица Госстраха Зоенька Федорова обожала три вещи: фильдеперсовые чулочки, крохотные шляпки и... фокстрот. Танцевать она могла, как никто: красиво, зажигательно и, в самом прямом смысле слова, до упаду. Не думайте, что она не любила чарльстон или шимми — любила, но не так. И ничего странного в этом нет! Чарльстон танцуют, в лучшем случае, взявшись за руки, а то и вовсе на расстоянии, о шимми и говорить нечего. А вот фокстрот... О, фокстрот! Это такой эротически-соблазнительный, такой быстрый и непредсказуемый танец, тут можно так импровизировать, что все подруги лопнут от зависти, а кто-нибудь из парней восхищенно всплеснет руками и совершенно искренне скажет: «Ну прямо артистка. Прямо Мери

Пикфорд!» Фокстрот-то и довел Зою Федорову до беды: ее арестовали.

Арестовали Зою в три часа ночи. При обыске ничего компрометирующего не нашли: какие-то шпильки, зеркала, пудреницы... Ничего не дала и анкета арестованной, заполненная в тюрьме. Семья самая что ни на есть простая: отец — токарь по металлу, мать — фасовщица, шестнадцатилетний брат вообще безработный. Связи, знакомства, контакты — тоже ни одной зацепки. А обвинение между тем предъявлено более чем серьезное: подозрение в шпионаже. И вот первый допрос. Можно представить состояние двадцатилетней девушки, когда конвоир вызвал ее из камеры и по длинным коридорам повел в кабинет следователя. Страха Зоя натерпелась немало, но вела себя собранно. Вот ее показания по существу дела:

— В 1926—1927 годах я посещала вечера у человека по фамилии Кебрен, где танцевала фокстрот. У него я познакомилась с военнотружущим Прове Кириллом Федоровичем. Он играл там на рояле. Кирилл был у меня дома один раз, минут десять, не больше. О чем говорили, не помню, но, во всяком случае, не о деле. Никаких сведений он у меня не просил, и я ему их никогда не давала. О своих знакомых иностранцах он тоже никогда ничего не говорил. У Кебрен при мне иностранцев не было, и у меня знакомых иностранцев нет.

При чем тут фокстрот, пианист, иностранцы, которых она не знала? Казалось бы, после таких пустопорожних показаний перед девушкой надо извиниться и отпустить домой, но не тут-то было: по данным ОГПУ, Прове работал на английскую разведку.

И все же, поразмыслив, следователь А. Е. Вунштейн решает использовать Зою в качестве живца и принимает довольно хитрое постановление: «Рассмотрев дело № 47268 по обвинению Федоровой З. А. в шпионаже и принимая во внимание, что инкриминируемое ей обвинение не доказано и последняя пребыванием на свободе не помешает дальнейшему ходу следствия, постановил: меру пресечения в отношении арестованной Федоровой З. А. изменить, освободив ее из-под стражи под подписку о невыезде из г. Москвы».

Здесь же — четвертушка серой бумаги, на которой рукой Зои написано: «Я, нижеподписавшаяся гр. Федорова, даю настоящую подписку начальнику Внутренней тюрьмы ОГПУ в том, что по освобождении из вышеуказанной тюрьмы обязуюсь не выезжать из города Москвы».

Прошло девятнадцать лет... Никому не ведомая счетчица Госстраха Зоя Федорова теперь одна из самых популярных актрис советского кино. Она снялась в фильмах «Музыкальная история», «Шахтеры», «Фронтовые подруги», «Великий гражданин», «Свадьба», была награждена орденом Трудового Красного Знамени, стала дважды лауреатом Сталинской премии. Все шло прекрасно... Но после 1940 года отношение к ней резко изменилось: сниматься не приглашали, а если и приглашали, то предлагали такие крохотные роли, браться за которые Зоя Алексеевна считала ниже своего достоинства. И объясняла это тем, что ее бывший муж, кинооператор Рапопорт, используя свои связи, делал все возможное и невозможное, чтобы погубить ее как актрису.

Она вынуждена была пробавляться концертами, выступая в самых разных уголках Союза, а во время войны — поездками на фронт. После войны стало еще хуже. Федорова в отчаянии пишет Сталину, Берии, напоминает о себе и просит помочь. Сталин не ответил, а Берия ответил, но так по-бериевски, что лучше бы промолчал.

Как известно, этот человек никогда ничего не забывал и никому ничего не прощал. А обидеться на Зою Федорову ему было за что: он помог ей, вытащил из тюрьмы отца, арестованного в 1938 по обвинению в шпионаже в пользу Германии, а она этого не оценила. Позже Зоя Алексеевна скажет, что до января 1941 неоднократно встречалась с Берией, благодарила его за помощь, но ему этого было мало, и он откровенно ее домогался, а в 1940 дважды пытался изнасиловать.

Новый министр государственной безопасности Абакумов, конечно же, знал о своеобразных отношениях своего шефа с артисткой и наверняка советовался с ним, прежде чем подписать этот страшный документ, сломавший жизнь Зое Федоровой, — постановление на арест от 27 декабря 1946 года.

«Я, пом. нач. отделения капитан Раскатов, рассмотрев материалы в отношении преступной деятельности Федоровой Зои Алексеевны, нашел:

Имеющимися в МГБ СССР материалами Федорова З. А. изобличается как агент иностранной разведки. Кроме того, установлено, что Федорова является участницей группы англо-американской ориентации, стоящей на позициях активной борьбы с Советской властью. Постановил: Федорову Зою Алексеевну подвергнуть аресту и обыску».

То, что скажет Зоя Алексеевна (или что ее заставят сказать), настолько ужасно, что я поражаюсь, как она могла подписать этот протокол! А ведь ее подпись на каждой страничке. Неужели не понимала, что подписывает себе смертный приговор?!

— Мне тяжело и стыдно, но я должна сказать, что в ходе ряда враждебных бесед я высказывала террористические намерения против Сталина, так как считала его основным виновником невыносимых условий жизни в Советском Союзе. В связи с этим против Сталина и других руководителей ВКП(б) и Советского правительства я высказывала гнусные клеветнические измышления — и в этом признаю себя виновной.

Ловушка захлопнулась! Федорова была обречена. Полковник Лихачев ликовал: раскрытие покушения на вождя — большая заслуга, которая, несомненно, будет замечена руководством. А если учесть, что во время обыска на квартире Федоровой обнаружили «браунинг» — то вот оно и орудие убийства, и не имеют значения слова подследственной, что пистолет якобы подарил знакомый летчик в память о поездке на фронт: пистолет надо было сдать, а раз не сдала — статья об ответственности за незаконное хранение оружия. У следствия нет сомнений, что «браунинг» можно было использовать при покушении на Сталина. Так что все сходится.

Так родилось обвинительное заключение по делу, которое к этому времени стало групповым — по нему проходили семь человек во главе с Зоей Федоровой. 15 августа 1947 года оно было утверждено генерал-лейтенантом Огольцовым и вскоре внесено на рассмотрение Особого совещания МГБ СССР.

Главные пункты обвинения Зои Алексеевны выглядят довольно зловеще: «Являлась инициатором создания антисоветской группы, вела враждебную агитацию, допускала злобные выпады против руководителей ВКП(б) и советского правительства, призывала своих сообщников к борьбе за свержение советской власти, высказывала личную готовность совершить террористический акт против главы Советского государства. Поддерживала преступную связь с находившимися в Москве иностранными разведчиками, которым передавала извращенную информацию о положении в Советском Союзе. Замышляла совершить побег из СССР в Америку. Кроме того, незаконно хранила у себя оружие».

Девять лет в ГУЛАГе — это не шуточки: потеряны здоровье, форма, забыл зритель, а жить на что-то надо. Не в Госстрах же снова обращаться! И Зоя Алексеевна взялась за себя, как это могла только она, — и снялась более чем в тридцати фильмах. Роли были и главные, и эпизодические, но самое важное — они были! Потрясающая работоспособность дала результаты — в 1965 году ей присвоили звание заслуженной артистки РСФСР.

Последняя ее работа — фильм «Живите в радости» (1977 год). Потом она сказала: «Все, ухожу на пенсию. Пора и отдохнуть». Но отдыха не получилось. Дом у нее хлебосольный, друзей и знакомых тьма. Конечно же, Зоя Алексеевна скучала по дочери, хотела съездить к ней в Америку, кто-то ее одобрял, а кто-то отговаривал — в 1981 такие поездки были не столь частыми и не столь простыми, как сейчас. Короче говоря, Зоя Алексеевна жила обыч-

ной жизнью не совсем обычной советской пенсионерки.

Так было до трагического вечера 11 декабря 1981 года.

— Кому помешала Зоя Алексеевна? И почему это преступление до сих не раскрыто? — спросил Б. Сопельняк у начальника следственного управления прокуратуры города Москвы В. П. Конины.

— Племянник обнаружил убитую вечером, но убийство произошло днем. На месте преступления нашли пулю и гильзу от пистолета «зауер». Следы борьбы отсутствовали. Замки на дверях целые. Из квартиры, судя по всему, ничего не похищено. Но и следов преступника или преступников тоже не обнаружено. Работали профессионалы, причем хорошо знакомые Зое Алексеевне. Скорее всего, она сама открыла дверь, потом спокойно села в кресло, к ней подошли сзади и выстрелили в затылок. Но так как преступление не раскрыто, говорить о большем, в интересах следствия, я не имею права. А тогда... Я хорошо помню, что тогда были подняты на ноги милиция и прокуратура Москвы. Отработаны многочисленные связи, знакомства и контакты Зои Алексеевны. На причастность к убийству мы проверили свыше четырех тысяч человек, в том числе более ста ранее судимых. К рассмотрению принимались самые разные версии — от убийства на бытовой почве до убийства по политическим мотивам. Но ни одна не дала положительного результата. Следствие по делу было приостановлено.

(Сопельняк Б. Загнанных лошадей пристреливают. // Совершенно секретно. 1995. № 6)

СМЕРТЬ СЛЕДСТВЕННОГО СУДЬИ

Среда, 21 октября 1981 года, 12 часов 3 минуты. Следственный судья Пьер Мишель, безжалостный преследователь торговцев наркотиками, человек, которого открыто ненавидит уголовный мир Марселя, собирается домой. По средам он обедает дома с женой и двумя маленькими дочками. В этот день Мишель немного задержался у здания Дворца правосудия, беседа с коллегами. Затем он сел на свой мотоцикл марки «Хонда-125» и отправился к себе на виллу на аллее Бюи, что позади знаменитого «Лучезарного дома» Корбюзье. Он едет обычным маршрутом: улица Паради, бульвар Перье, Прадо и, наконец, бульвар Мишле. Он не обращает внимания, что уже некоторое время за ним неотрывно следует мощный мотоцикл с двумя седоками... Внезапно мотоцикл преследователей делает рывок, и человек на заднем сиденье в упор стреляет следователю между лопаток. Мишель падает. Чужой мотоцикл притормаживает. Убийца наклоняется и приканчивает лежащего человека двумя пулями — в шею, в то место, где кончается шлем, и в сердце.

Это почерк профессионала.

Среди свидетелей молодой врач, сидящий за рулем автомобиля «Рено-5». Ему бросается в глаза громадный пистолет, направленный на лежащего на земле человека. Оба убийцы в шлемах, полностью скрывающих лица. Врач трогается вслед за их мотоциклом, не спуская глаз с его номера. На перекрестке вспыхивает красный сигнал светофора. Убийца поворачивается и грозит врачу пистолетом. Врач

тормозит... Мотоцикл с ревом набирает скорость и исчезает, лавируя среди машин. Врач останавливает едущую из тюрьмы Бометт машину с жандармами: «Быстрее, два мотоциклиста стреляли в человека! Номер их мотоцикла 7484 JU 13». Жандармы объявляют тревогу по радио: «Убийство на бульваре Мишле, остановите мотоцикл!». Один из жандармов достает документы и восклицает. «Боже мой, это же Пьер Мишель!» Главный очевидец незаметно ретируется. Однако через день является в кабинет следственного судьи, чтобы дать показания. «Я подумал, — заявил он, — и решил выступить свидетелем...»

Отсутствие Мишеля начинает беспокоить его пока еще ничего не знающую жену. Она звонит своей подруге — судебному чиновнику, чтобы спросить, уехал ли ее муж из Дворца правосудия. Телефонный разговор внезапно прерывается телефонисткой: «Только что убит следственный судья...»

Квартал быстро оцеплен. Многочисленные полицейские заняты поиском гильз: парабеллум калибра 9 мм довольно редкое оружие. Весь штаб полиции корпуса городской безопасности, судебной полиции, префект полиции бросаются на место преступления, туда же спешат почти все судебные чиновники Марсея и даже Экса. Дежурный следственный судья Патрик Герен одним из первых обращается к нему за советом. Так, волею судьбы Герен встает во главе следствия по этому беспрецедентному преступлению. Судебный мир шокирован, потрясен. При первом же известии об убийстве следственного судьи все поняли — убит именно Пьер Мишель!

Пьер Мишель действительно занимал особое ме-

сто среди следственных судей Марселя. «Он был неуправляем», — заявил один из чиновников, не скрывая слез перед его телом. Да, следственный судья несколько лет наводил страх на уголовников и распространителей наркотиков всех мастей, которых без устали преследовал и безжалостно сажал в тюрьмы. Вирус ударного следствия Мишель подхватил в Марселе. Блестящий студент, доктор права в 30 лет, ассистент на кафедре права в Университете Экс-ан-Прованса, он мог бы стать уважаемым профессором, но предпочел научной карьере практику. В 1974 году его назначают следственным судьей в Марсель — центр французской преступности. Мишель попадает в Марсель в разгар борьбы с контрабандной доставкой наркотиков через Марсель в США и увлеченно следит за неординарными действиями двух боевых сыщиков: Морена, позже переведенного в Париж для борьбы с заправками преступного мира, и Эме-Блана, специалиста по хитрым операциям. Эти двое полицейских стали примером для молодого следователя, со всей страстью молодости окунувшегося в борьбу и не опасавшегося оказаться в центре событий. Так, во время стажировки в Париже в Центральном бюро по борьбе с бандитизмом, которым тогда руководил комиссар Эме-Блан, он настоял на том, чтобы принять участие в опасной операции по аресту грабителей.

Кроме настойчивости в достижении цели, марсельских уголовников раздражают колочий юмор и жесткая ироничность парня. Пьер Мишель не скрывал, что вступил в беспощадную борьбу с уголовным миром, которая иногда походила на его личную войну. Некоторые коллеги, считавшие, что судебный

чиновник должен «вести следствие по обвинению или снятию обвинения, а не подменять полицию», критиковали его. А Мишелю нравилась позиция заинтересованного лица. Его не смущало, какими средствами он добивается цели, — главным было успешное завершение дела. Он нередко нарушал гарантированные законом свободы и отправлял под любым предлогом близких преступнику людей в тюрьму Бометт, чтобы добиться его признания. Так, он посадил беременную жену одного торговца героином в тюрьму, где она и родила. Бывало, его «клиенты» возмущались. Один из них однажды воскликнул: «Вы не имеете права!» Мишель тут же спокойно продиктовал секретарю: «Запишите, мадемуазель, я не имею права...» И чем выше поднимался тон разговора, тем разительней становилась ледяная ирония следственного судьи, что, наверное, и стоило ему жизни. Этот мужественный, даже бесстрашный, судебный чиновник презирал преступный мир. Он считал марсельских уголовников «мелкой шушерой» и, несмотря на неоднократные угрозы в свой адрес, не предпринимал никаких мер предосторожности. Но в Марселе слово редко расходится с делом: уголовный мир жесток и способен на любую подлость. «Он не понял, что внешняя беспечность Юга лишь занавес, прячущий насилие», — сказал один из его друзей.

Частная жизнь Мишеля была безупречна. Женат на учительнице, две дочки — 6 и 8 лет. Любитель спорта, мотоцикла, виндсерфинга, меломан, этот «следователь-сыщик», как с ненавистью говорили о нем в уголовном мире, становился все свирепей, видя, какое горе несут наркотики. Его коллега расска-

зывал: «Он часто ругался и ссорился с прокуратурой, стремясь выпустить на свободу несчастных наркоманов... Вот крупная дичь — это совсем другое дело. Тем пощады не было. Не успевал преступник покинуть тюрьму, как он искал возможность засадить его обратно при малейшем проступке. Не цацкался он и с адвокатами уголовников. Однажды он нарочито громко крикнул своему секретарю, намекая на члена коллегии адвокатов, ждущего у дверей его кабинета: «Впустите этого подонка...» Этот борец, скрытный и немного таинственный, считал долгом чести довести любое дело до конца. Так, он собирался посадить на скамью подсудимых героя Колвези полковника Эрюлена, отвечавшего за поставку «девочек» в Кальви, бордель Иностранного легиона. Поскольку начальство отказалось поддерживать его, Мишель вступил в профсоюз магистратуры. После его гибели профсоюз выступил в качестве гражданского истца. Мишель без колебаний — к этому мы еще вернемся — несколько раз отправлялся в Италию на охоту на мафиози, замешанных в делах с наркотиками. Его твердость и компетентность постепенно привели к тому, что ему стали поручать сложнейшие дела по бандитизму в Марселе. Даже полиция иногда ожидала его возвращения из отпуска или дежурства, чтобы арестовать крупного уголовного.

Компетентность его и погубила. После сообщения о его смерти кто-то из марсельских адвокатов, постоянно настраивающий уголовников против Мишеля, излил ядовитой филиппикой перед журналистом из газеты «Либерасьон»:

«Железная рука, большой босс, шериф, источав-

ший презрение и унижавший всех и вся. Он любил пользоваться своим красноречием для уличения уголовников... Он ставил перед собой утопическую цель — покончить с наркотиками. Он увлекся собственной игрой. Он часто переступал границы дозволенного и подавлял холодной яростью, не повышая голоса. Те, кто находился перед ним, расплачивались за других...»

В 1981 году Пьер Мишель должен был быть назначен следственным судьей в Париж, что, по-видимому, сохранило бы ему жизнь. Но его попросили остаться в Марселе для завершения некоторых дел. И Мишель с радостью согласился. Чувствовать себя незаменимым — ощущение пьянящее. Судьба и судебная система завязались в единый узел, чтобы ускорить его смерть.

Полицейские подводят итоги следствия. Теперь они знают, что причиной смерти Мишеля были дела, связанные с торговлей наркотиками. Мир наркобизнеса — самый организованный и самый иерархический в уголовном мире. Он требует наибольших капиталовложений и приносит гигантские доходы. Этот поставленный на промышленные рельсы бизнес постоянно контролируется, косвенно или прямо, итало-американской мафией. Объявив войну этой «денежной горе», Мишель угодил в самое пекло военных действий и выступил против самых опасных из крестных отцов мафии. И даже бросил им вызов в их неприступном логове, в Сицилии.

Полицейские перехватывают и телефонный разговор, который вызывает большое беспокойство. Прокурору Трюшу, следственному судье Гранже и комиссару Санги грозит смерть. Речь идет о взрыве

машины перед марсельским Дворцом правосудия.

Тут же объявляется боевая тревога. Дворец правосудия превращен в крепость. Собираются судебные чиновники, и им, не объясняя причин тревоги, перечисляют новые меры безопасности: запрещена стоянка машин на улице Фортия, отделяющей старое здание Дворца от нового, а также на улице Отран, где расположены кабинеты следственных судей. Оборудован специальный вход с аппаратурой для обнаружения металлических предметов у дверей суда. Все посетители обследуются металлоискателем, а в лифтах вместо лифтеров стоят вооруженные жандармы. Контроль при входе в здание следственных судей проводился еще строже: все должны подвергнуться обыску, в том числе и следственные судьи, что вызывает перепалку. «Каждый может быть куплен», — неловко бросает жандарм одному из следственных судей. «В том числе и жандарм», — незамедлительно возражает молодой судебный чиновник. Прокурор Трюш находится под непосредственной охраной комиссара Нгуен Ванлока. Комиссар оперативной группы национальной полиции ни на шаг не отходит от своего подопечного, а два инспектора группы ночуют у него дома, к великому огорчению мадам Трюш. У следственного судьи Гранже тоже имеются два «ангела-хранителя» — два жандарма, живущих у него, а жена с детьми отправлена к родителям. Комиссар Санги предпочитает устранить причину угрозы, и весь наличный состав полицейских брошен на поимку Зампы. Центральное бюро по борьбе с бандитизмом в Париже и судебная полиция в Марселе давно ищут его, множество из его укрытий уже известно, и оп-

ределено его окружение. Полицейские устанавливают слежку за всеми, кто недавно встречался с ним, а также за его двоюродным братом Жаном Тосси и его лейтенантами — они тоже в бегах — Жераром Вижье и Жан-Мари Лючезе по кличке «Ноно».

Как всегда, Зампу и Лючезе погубили женщины. Ведя слежку за двумя из их подружек, Мари-Франсуазой и Орией, полицейские отметили, что те сняли отдаленное бунгало в кемпинге в Сен-Митр-ле-Рампаре неподалеку от лагуны Берр. Вряд ли они собираются заниматься там трансцендентальной медитацией и загорать, поскольку осень холодная. Мирный кемпинг наполняется охотниками, которые рыскают по его территории с охотничьими ружьями и ягдташами. Их столько, что владельцу эти люди показались подозрительными, и он известил полицию. Там его успокоили: «Не беспокойтесь, речь идет о новых мерах по борьбе с воровством». В воскресенье 27 ноября Зампа без опаски появляется в сопровождении Лючезе в одежде для бега на автомашине «Гольф» с номером департамента Альпы. Все думали, что великий Зампа в Неаполе, в Палермо, а то в Южной Америке, а он скрывался в Сен-Митр-ле-Рампаре.

После двух предупреждений полицейские бросили в домик две гранаты со слезоточивым газом, и оба уголовника сдались без сопротивления. Зампа, правда, удивился: «Неужели легавые работают и по воскресеньям?» Тани отвезли в «епископство», где его допросили по поводу «пустяка». В ноябре 1982 года во время обычной проверки полицейские задержали двух вооруженных уголовников в баре Клермон-Ферана «Антонуар», где они пытались на-

вязать владельцу игральные автоматы. Одному из них удалось скрыться, но его фальшивые документы остались у полицейских. По фотографии беглеца опознали — это был Зампа. Полицейские мечтают выслушать его по всем делам, с которыми связывается его имя: ограбление в Ницце, бар «Телефон», убийство Мишеля, но им приходится передать его в руки юстиции. С солидным эскортом — три автомашины, два полицейских фургона, — который ведет сам комиссар Нгуен Ванлок, Зампа появляется во Дворце правосудия, как кинозвезда, почти позируя, с загадочной улыбкой на устах, перед фотографами. В присутствии своих двух адвокатов, Желабера и Пелетье, он даже позволяет себе шутить со следственным судьей Гранже: «Смотри-ка, я думал, вы носите бороду. А, слышал, слышал, вы сказали, что сбреете бороду, когда возьмете Зампу». Судебный чиновник предъявляет ему обвинение в злоупотреблении общественным имуществом и подделке документов и отправляет в тюрьму Бометт. Охота на Зампу временно завершена, но смогут ли надолго отправить босса за решетку за финансовые проступки? После работы финансовой бригады и налогового управления уголовник рискует остаться без средств. Впервые французские полицейские использовали налоговый метод для нанесения нокаута крестному отцу — метод, который позволил в Америке покончить с «неприкосновенными «уголовного мира, в том числе и со знаменитым «королем Чикаго» Аль Капоне.

(Дерожи Ж., Понто Ж.-М. Расследование тайных дел. — М., 1989)

БОМБА, УПАВШАЯ С НЕБА БЛИЗ СИНАГОГИ

8 марта в 2.10 ночи ужасный взрыв сотрясает улицу Драгон, поднимающуюся к бульвару Богоматери. На уровне дома № 81 этой улицы с односторонним движением пылает комби «Пежо-504». Горящий бензин выбрасывается на 20 метров, поджигая соседние автомобили. На дороге лежат два человека: один изуродован, другой обожжен. Какой-то свидетель тут же после взрыва видел, как по перпендикулярной улице на большой скорости удалялась машина. Полицейский патруль, проезжавший вблизи синагоги по другой перпендикулярной улице метрах в трехстах, спешит к месту происшествия, и его начальник тут же соображает что к чему. Тем более что 26 февраля было обнаружено взрывное устройство (его успели обезвредить) в «Шато де Флер», где еврейская община собиралась праздновать пурим. Еще одно взрывное устройство было подложено в лавочке торговца-еврея на Канебьер.

Пока начинается поспешное полицейское расследование и опознаются обе жертвы, Деффер бросается на место происшествия. «Самая правдоподобная гипотеза, — комментирует он по горячим следам в беседе с префектом полиции Бернаром Пато, — неудачное покушение на синагогу», что позволяет газете «Суар» выйти с сенсационными заголовками. На следующее утро, 9 марта, под заголовком «Тень антисемитизма» Деффер публикует в «Провансаль» передовую, напоминая о давних антисемитских тра-

дициях правых — от дела Дрейфуса до Виши: «Налицо попытки дестабилизировать правительство, намекая на то, что министр внутренних дел не в состоянии обеспечить безопасность Франции. Так знайте — я против антисемитизма». И чтобы подтвердить этот поспешный вывод, «Суар» во второй половине дня сообщает, что «следы, похоже, ведут в круги ОНР Воклюза».

Обе жертвы с улицы Драгон — Жан Шисен и Даниэль Скоти — являются рецидивистами. Первый числится в бегах и живет по поддельным документам на имя бармена из Карпантра Жан-Клода Граафа, а второй только что вышел из тюрьмы Пуасси. Они находились в поле зрения полицейских, которые, расследуя продажу взрывчатых веществ корсиканским террористам, вели наблюдения за марсельским баром на улице Прадо «Килт». В последние дни там часто бывала эта парочка в компании с еще одним рецидивистом Марком Монжем, чей отец, активист СГД, был убит в октябре 1977 года в пригороде Лиона. Судебная полиция быстро установила, что они делали в последние часы. Незадолго до взрыва троица покинула бар «Килт», где она провела вечер. Шисен и Скоти сели в украденный месяц назад автомобиль-комби, а Монж ехал за ними на автомобиле, одолженном ему бывшей женой. Двое первых остановились посреди улицы Драгон, один поставил автомобиль на ручной тормоз, а второй вышел, чтобы открыть багажник, где лежала взрывчатка. Монж ожидал их, сидя за рулем.

Неудачное движение — и... взрыв. Монж бросается в паническое бегство, бросив пылающие трупы дружков. Позже было установлено, что он тут же

позвонил управляющей баром «Килт» Мишель Панталаси, сообщил, что его друзья «по-глупому погибли», и попросил сказать полиции, что из бара они отправились на расклейку. «Килт» — любимое место встреч расклейщиков плакатов оппозиции, поскольку находится в двух шагах от конторы Жан-Клода Годена, а хозяйка бара недавно вступила в Союз за французскую демократию (СФД). Избирательные плакаты действительно были найдены в машине, брошенной в Карпантра.

Зная об этом префект Пато заявляет 9 марта о существовании «относительно тесных связей» неудачников с улицы Драгон с «правыми политиками Воклюза и Марсея»: «Мы идем по следу политиков-расистов. Задержанные лица вращались в правых кругах, скорее в СФД, чем в ОПР».

Становится ясным, что эта бомба, «упавшая с неба» между двумя турами голосования близ синагоги, может помочь Дефферу раздуть страхи, тем более что недавно он совершил путешествие в Израиль для породнения Марсея с Хайфой.

Национальная пресса подхватила сенсацию, открыв ежедневную рубрику «Неудавшееся покушение на синагогу». Писали для хроники в основном местные корреспонденты. «Провансаль» объявляет 11 марта: «Политический след подтверждается». «Меридиональ» пытается контратаковать: «След, шитый красными нитками». Но данные следствия, о которых «проговаривается» окружение префекта, долбят в одну точку. «Суар» от 11 марта публикует фотографию Марка Монжа: «Этот человек в бегах — груз для правых». Накануне второго тура, 12 марта, «Провансаль» печатает на видном месте сви-

детельство, которое «подтверждает политический след». Но не бывает показаний обвиняемой, держательницы бара «Килт» Мишель Панталаси, сделанных в присутствии следственного судьи Бернадет Оже, которой поручено следствие по этому делу. Обвиняемая знала о намерениях троицы с улицы Драгон: она видела ее несколько дней подряд после возвращения с таинственных «разведок». Они говорили о «сведении счетов с кем-то». Позже (после выборов) выясняется, что бомба предназначалась не для синагоги, а для живущего на бульваре Богоматери «делового человека», владельца баров и ночных заведений в районе Старого порта. Этот «конкурент» пытался установить свои игральные автоматы на «чужой» территории в Воклюзе. Шисен и Монж были известны полиции как энтузиасты этого прибыльного промысла. Один такой автомат, установленный в баре, приносит столько же, сколько девица на панели, но не более.

Хотя они и помогали оппозиции, террористы с улицы Драгон были прежде всего связаны с бандой по установке игровых автоматов. Только 18 апреля префект Пато признает, что целью взрыва была, скорее всего, не синагога. Обвиненный во лжи, этот высокопоставленный чиновник, назначенный Деффером, крепко держится за свое: «Люди, которые готовили это неудавшееся покушение, регулярно встречались с правыми политиками. Они расклеивали плакаты со списками Годена. Я не сказал, что их завербовал Годен, но использовать уголовников в политике опасно...»

Тем, кто обвинял его в нарушении тайны следствия, префект отвечал: «Мои заявления по поводу

сведений административного характера, находившихся в моем распоряжении, были сделаны до открытия судебного следствия».

Что касается Гастона Деффера, то старая лиса преспокойно спряталась за спину префекта, поочередно выступая то в роли начальника прессы, то первого полицейского Франции, то кандидата в мэры, в деле, которое изменило расстановку политических сил между двумя турами. Ведь Деффер уже пытался превратить полицейскую загадку в государственное дело накануне кантональных выборов. Но тогдашняя его операция была в финале встречена гомерическими раскатами хохота, быть может, потому, что сценой был Париж, а не Марсель.

(Дерожи Ж., Понто Ж.-М. Расследование тайных дел. — М., 1989)

ПОЛЬЗОВАЛСЯ ЛИ ЖАК ШИРАК ЩЕДРОТАМИ УБИТОГО «ИМПЕРАТОРА ИГОРНЫХ ДЕЛ»?

15 января 1982 года тремя выстрелами в упор был убит «император игорных дел» Марсель Франсиси. Это произошло на автомобильной стоянке рядом с его домом. 13 марта, за несколько часов до первого тура референдума по вопросам избирательной реформы, это преступление вдруг отозвалось неожиданным эхом в стенах Дворца правосудия. В разгар ночи, в соответствии с чрезвычайной процедурой, трое судей судили как простого гражданина министра внутренних дел, виновного в публичной клевете на председателя ОНР Жака Ширака, бывшего в тот момент кандидатом в Генеральный совет Корреза. Деффер намекнул, что Ширак пользовался щедротами убитого. Эти слова он произнес во время собрания в Марселе:

«Азартные игры приносят немалые деньги. Прежде всего городу Парижу. Быть может, это принесло немалые деньги и другим, в том числе некоторым политическим партиям, защитникам, друзьям и сообщникам Франсиси — Шираку, Понсу, Паскуа».

Последовала жалоба Ширака и чрезвычайная процедура.

Застигнутый врасплох Деффер может представить всего лишь одно доказательство: письмо, написанное помощником Ширака Шарлем Паскуа 8 июля 1981 года, с просьбой помочь вновь открыть игорный дом, закрытый пять дней назад административ-

ным решением: «Буду вам признателен, если вы вернете месье Франсиси разрешение, которым он пользовался прежде». То, что Франсиси был вице-президентом ОНР в Генеральном совете Южной Корсики, не означало, что Ширак и его приближенные были замешаны в темных делах игорного бизнеса. Не ожидавший столь принципиального осуждения своих слов, Деффер спешит изменить направление удара: «Я никогда не хотел сказать, что Ширак, а тем более Паскуа и Понс лично получали деньги от Франсиси. Я только в вопросительной форме предположил, что один из их друзей мог внести деньги в фонд ОНР».

Слишком поздно, чтобы исправить промашку...

Победив на кантональных выборах, Ширак свою жалобу забрал.

(Дерожи Ж., Понто Ж.-М. Расследование тайных дел. — М., 1989)

КУРС НА УГОЛОВНО-БЫТОВОЙ ХАРАКТЕР ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Вряд ли у кого-то повернется язык назвать убийства Листьева, Холодова, Кивелиди чистоуголовными преступлениями да к тому же результатом случайного стечения обстоятельств. Между тем, когда речь заходит об о. Александре Мене, все меняется: следственные органы отстаивают эту версию с маниакальным упорством. Однако именно 9 сентября 1990 года на лесной тропинке, ведущей на станцию Семхоз, было совершено первое в новейшей истории России заказное политическое убийство.

Курс на уголовно-бытовой характер преступления был взят с самого начала. Иных мотивов те, кому надлежало расследовать дело, не усматривали. Об этом заявил тогдашний министр внутренних дел Баранников через несколько дней после убийства (фактически до начала следствия). Это же повторили позднее бывший директор ФСК Степашин и нынешний министр внутренних дел Куликов. «Мы убеждены в этом» (откуда такая уверенность?), — публично заявляли высокопоставленные лица. Убийство Александра Меня «никоим образом не связано с политикой, это обычное бытовое преступление» (бывший и. о. Генерального Прокурора России А. Ильюшенко, 2 декабря 1994 года).

Такая ориентация сразу же отсекала поиски иных путей и заводила (и успешно завела) следствие в тупик. Масса времени и сил ушла на разработку версий о причастности к убийству родственников о. Александра, его близких, его соседей

(прежде всего жителей Семхоза братьев Бобковых). Все эти обвинения рассыпались в прах и даже, как заявила авторитетная инстанция, «были сфальсифицированы». (Кем? Никто на это не ответил.) К ноябрю 1994 года почти 400 человек, в основном уголовники, «выразили желание» взять преступление на себя. Само следствие за годы своей работы назначило на роль убийцы в общей сложности около 20 кандидатов.

В декабре 1994 года Генпрокуратура объявила, что преступник найден и, более того, полностью признал свою вину. Очередным кандидатом оказался москвич Игорь Бушнев. Следствие уверяло, что убил он о. Александра по чистой случайности, приняв его за одного из хулиганов (!), которые накануне вечером (8 сентября 1990 года) избили Игоря в электричке и вытолкнули из поезда на платформе Заветы Ильича.

При порядках, царящих у нас в местах предварительного заключения, не составляет труда выбить из подсудимого любые признательные показания. При этом не обязательно применять физическое воздействие — достаточно шантажа, угроз, весьма эффективного морального давления. Как это делается, рассказал позднее сам Бушнев. В тюрьме ему доходчиво объяснили, где и как он убивал. Тем не менее во время следственного эксперимента в Семхозе правильно указать место преступления он не смог. Освобожденный до суда из Лефортово, Бушнев немедленно отказался от своего «чистосердечного» признания, заодно объяснив, что его письменный отказ от услуг знаменитых адвокатов — результат прямого давления следственной группы.

Кстати, на момент убийства у обвиняемого было твердое алиби.

28 мая 1996 года начался суд над Бушневым, в ходе которого прокурор, не видя доказательств его вины, отказался от обвинения. Бушнев был оправдан.

Таким образом, подтвердилось, что очередной «сознавшийся» — липовый убийца, и, стало быть, реальные преступники (а их, по признанию самого следствия, было двое) не найдены...

А разве найдены убийцы Кеннеди? Что, у американцев плохие юристы? Нет, юристы прекрасные, опытные, и в этом случае усилия были поистине экстраординарными. Создавались комиссии, следственные бригады, были закрытые и открытые слушания. И... ничего. Версий сколько угодно, а убийцы не найдены, не названы (если не считать Освальда).

Дело, очевидно, в том, что ищут не там и не те. Результат столь плачевен, потому что ищет, похоже, тот, кто спрятал.

Убийство о. Александра — второе убийство Кеннеди (не по духовному смыслу, а по методам исполнения). Это тоже работа профессионалов. Концы слишком глубоко схоронены. Слишком мощные силы заинтересованы в том, чтобы пустить следствие по ложному следу.

Несколько лет назад по телевидению показали квазидокументальный официальный фильм об этом преступлении. Что же мы услышали? Работник МВД заявил, что удар топором «нанес человек маленького роста, возможно, женщина» (?). И далее: «Удар был скользким и особой опасности не представлял» (?!).

Но я-то помню, что сказал мне следователь: удар был столь мощным и столь точным, что мог бы свалить и быка — от него нельзя было оправиться.

В том же фильме некая психологиня с горящими глазами убеждала нас в том, что о. Александр был одержим страхом, который в последние дни перед смертью развился до степеней невероятных. Иначе говоря, жертва сама спровоцировала преступление — на то есть наука виктимология.

Злонамеренность подобных утверждений очевидна для всех, кто знал Александра Меня. Свидетельствую: я не встречал в своей жизни человека более бесстрашного. Всегда полагавшийся на волю Божию, он боялся, думаю, лишь одного: оказаться недостойным любви Творца.

Справедливости ради следует сказать, что один из прежних руководителей следственной группы, Иван Лещенков, заявлял, что убийство о. Александра «было тщательно спланировано», и, более того, выдвигал иную, идеологическую версию: священник поплатился за то, что разлагал Русскую Православную Церковь изнутри, пытаясь подменить ее особой «еврейской церковью». Не хуже и другая придумка следователя: Александр Мень пал от руки сионистов, поскольку отговаривал евреев-христиан ехать в Израиль. Впрочем, обе «догадки» принадлежат отнюдь не Лещенкову: давно и упорно они муссируются в «патриотической» прессе.

Более перспективными выглядят версии, выдвинутые в сентябре 1991 года Управлением КГБ по Москве и Московской области:

«1. Убийство совершено на великодержавной националистической почве.

2. Убийство совершено в интересах просионистски настроенных элементов с целью создания общественного мнения о серьезных антисемитских проявлениях в СССР (еще один вариант «патриотической» версии. — В. И.).

3. Убийство совершено в интересах идейных противников А. Меня в общественно-религиозной деятельности.

4. Убийство совершено религиозными фанатиками с экстремистскими наклонностями или психической неустойчивостью» (Московский комсомолец. — 1991. 5 декабря).

Разумеется, КГБ проводил отработку этих версий «с учетом возможной причастности и спецслужб иностранных государств». Не проверялась лишь причастность самого КГБ. Никаких данных, подтверждающих упомянутые предположения, комитет, по его утверждению, не выявил, хотя на самом деле в них содержалось и рациональное зерно. Поступали сведения, что КГБ блокировал следствие изнутри.

Следователи, как явствует из их заявлений, испытывали мучительные сомнения по поводу истинности христианства о. Александра. Судя по всему, для них христианством является черносотенство в православной упаковке.

Итак — тупик. Интеллектуальный запасник российской юстиции, кажется, исчерпан. Между тем единственно проективным путем для следствия было исходить из личности убитого.

В СВОЕМ последнем интервью, которое он дал перед смертью испанской журналистке Пилар Бонет, о. Александр говорил о том, что консерватив-

ная, охранительная тенденция стала господствующей в Православии и она пользуется поддержкой нацистов, фашистов. Он назвал наиболее тревожным симптомом нашего времени зарождение русского фашизма. Вот его подлинные слова: «Произошло соединение русского фашизма с русским клерикализмом и ностальгией церковной. Это, конечно, позор для нас, для верующих, потому что общество ожидало найти в нас какую-то поддержку, а поддержка оказывается для фашистов».

Важно помнить, в какой момент было совершено убийство. Из просочившейся в прессу информации стало известно, что первоначально военно-фашистский переворот планировался не на август 91, а на сентябрь 90 года. Убийство о. Александра — прелюдия к нему, первый акт трагедии.

Таким образом, телевидение сыграло роковую роль в судьбе о. Александра — оно ускорило его смерть, хотя, думаю, ненамного. Через несколько дней после 9 сентября последние видеозаписи его выступлений и проповедей с охраняемого телевидения таинственным образом исчезли. (Уж не пробрался ли туда Игорь Бушнев?)

О. Александр не раз говорил, что в жизни ничего случайного нет. Тем более не случайной была его смерть, смерть праведника, святого, властителя дум, угрожавшего сорвать «державные» замыслы могущественных сил. Его убийство не было убийством в обычном смысле слова — это была казнь, и те, кто отдавал приказ о ней, отлично сознавали это.

Ранним утром 9 сентября по лесной тропинке, ведущей к станции Семхоз, шел священник. Он торопился: надо было вовремя поспеть к литургии. К не-

му подбежал человек и протянул записку. Священник вынул из кармана очки (он был дальнорезким) и начал читать. В это время из кустов выскочил другой человек и с силой ударил его сзади топором. Священник выронил портфель, в котором находились его нагрудный крест и облачение. Очки, забрызганные кровью, упали в кусты.

Убедившись, что дело сделано, убийцы подхватили портфель и убежали. Обливаясь кровью, священник пошел к станции, потом, теряя силы, повернул назад, к дому. Он успел доползти до калитки.

Так начался путь о. Александра Меня в бессмертие.

— Кто это вас? — спросила женщина, встретившаяся, ему по дороге.

— Никто. Я сам.

Он сам выбрал свой путь. Он не захотел назвать своих убийц.

(Илющенко В. Казнь Александра Меня. // Литературная газета. 1996. 4 ноября)

Научно-популярное издание

ЗАГОВОРЫ И ПОКУШЕНИЯ

Подготовка текста *Нина Владимировна Глобус*
Ответственный за выпуск *Л. М. Шейко*
Корректор *Н. В. Доркина*

OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа

Подписано в печать с готовых диапозитивов 11.11.96.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать высокая
с ФПФ. Усл. печ. л. 33,6. Усл. кр.-отт. 34,02. Тираж
20 000 экз. Заказ 968.

Фирма «Литература». Лицензия ЛВ № 1181. 220050, Минск,
ул. Ульяновская, 39—11.

При участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729. 220034,
Минск, ул. В, Хоружей, 21-102.

При участии МППО им. Я. Коласа. Лицензия ЛП № 82.
220005, Минск, ул. Красная, 23.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграф-
комбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Крас-
ная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных
издательством диапозитивов.

Энциклопедия тайн и сенсаций

ЗАГОВОРЫ И ПОКУШЕНИЯ

ЧАСТЬ I БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ – ЗАГОВОРЫ И ПЕРЕВОРОТЫ

Темные дела Птолемея
Клеопатра в изгнании
Мартовские иды
Ирод и Клеопатра
Борьба за иапский престол
Из "Угля" в намеру
Нав аллипи в историю

ЧАСТЬ II ПОКУШЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ УБИЙСТВА

Пабло Эскобар был убит в день своего рождения
Следствие по делу приостановлено
Смерть следственного судьи
Бомба, упавшая с неба близ синагоги
Курс на уголовно-бытовой характер преступления

и сотни других фактов о самых загадочных и
тайных заговорах, покушениях и переворотах...

© ЛИТЕРАТУРА, 1996

ISBN 985-437-101-8

90000

9 789854 371016